

63.3(2)/47

С 28

Сетюор

Утоход в мѣсяцѣ

"ДВѢНАЦАТЫЙ ГОДЪ"

6313/2/47

резюме

9/13
с/в

Сергеев

Борис

Леонид в 18/25

128753

Дьяков М.

Субурин

Сол.

128753

~~Д. Сергеев~~

О/Х

м/д

р.д.

63,3/2)47
0-28

Походъ въ Москву

въ 1812 году.

Мемуары участника, французскаго генерала
графа де-Сегюра.

Читальня
ИЦГБ.

√128753

498

Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія
Брониславы Рунтъ.

1950

ПЕРВОЕ РУССКОЕ ИЗДАНИЕ
Ф-ва „ОБРАЗОВАНИЕ“ въ Москвѣ.
1911.

4/1/10 (10)

V

№ 0 1947

Положение в Москве

1815 год

МОСКВА—1911.

Типография Русского Товарищества, Мыльников пер., соб. домъ.
Телефонъ 18-35.

Намъ не приходится говорить о книгѣ французскаго генераль графа Сегюра, такъ какъ авторъ ея давно извѣстенъ въ исторической литературѣ, да и почтенный французскій академикъ виконтъ де-Вогюэ, только въ прошломъ (1910) году посѣтившій Россію, достаточно картинно изобразилъ намъ въ предисловіи къ послѣднему французскому изданію мемуаровъ Сегюра всѣ достоинства его книги, ея интересъ и увлекательность. Интересъ для русскаго читателя особенно усиливается по мѣрѣ приближенія изложенія къ Москвѣ—этому координальному пункту грандіозной исторической эпопеи 19-го вѣка, столѣтній юбилей которой намъ суждено пережить въ ближайшее время. Здѣсь, въ Москвѣ разрѣшился кризисъ, казавшійся всѣмъ такъ ужаснымъ по своимъ могущимъ быть для Россіи послѣдствіямъ, и здѣсь приковывается все наше вниманіе.

Намъ дорого, намъ важно знать, что произошло и что спасло Россію, быть можетъ, отъ гибели. Намъ нуженъ ключъ къ этой исторической тайнѣ и этотъ ключъ отчасти мы находимъ въ книгѣ Сегюра.

Къ ней самой мы и отсылаемъ нашего читателя, предувѣдомляя, что часть, излагающую походъ до Бородинской битвы, мы опустили, такъ какъ фактическая сторона будетъ изложена нами въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Но, читатель долженъ все время помнить, что онъ имѣетъ дѣло съ авторомъ-иностранцемъ, которому иногда совершенно непонятны русская жизнь и ея укладъ. Сегюръ смотритъ на русскихъ съ точки зрѣнія французъ, но и этотъ взглядъ намъ интересенъ для полноты освѣщенія такого важнаго событія прошлаго Россіи, какъ 12-ый годъ.

Г. Бамижій.

¹⁾ Отечественной войнѣ нами будетъ посвящено не менѣе пяти книгъ, въ которыхъ, какъ сами событія и участники, такъ и эпоха будутъ освѣщены съ надлежащей полнотой.

ВСТУПЛЕНІЕ

Виконта Е.—М. де-Воюэ.

Утромъ 18 Брюмера VIII года (9 ноября 1799 г.) молодой человекъ 19 лѣтъ стоялъ прислонившись къ рѣшеткѣ Тюильрійскаго сада. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Понтъ-Турнанъ соединяетъ прежній королевскій садъ съ площадью Революціи, нынѣ Согласія. Юноша смотрѣлъ съ враждебнымъ любопытствомъ на движеніе войскъ, строившихся подъ деревьями, на расхаживаніе штабныхъ офицеровъ, которые спѣшили на улицу Шантеренъ или возвращались оттуда, предшествуя генералу Бонапарту или слѣдуя за нимъ.—Появился Баловень Судьбы, обратился съ рѣчью къ солдатамъ, стоявшимъ въ саду, направилъ свою лошадь къ Тюильрійскому дворцу, гдѣ онъ собирался отдать свои приказанія Совѣту Старѣйшинъ. Въ сердцѣ ребенка, смотрѣвшаго на будущее, проходившее мимо него, было лишь смятеніе и отчаніе—ужасная борьба чувствъ. Опустошенная и измученная душа этого существа отражала тревогу города, въ которомъ нарастала мятежь,—тревогу толпы, стекавшей на площадь.

Душа, истомленная своими личными волненіями, какъ эта толпа, подобно ей была готова признать владыку, который заплатилъ бы ей за это, давъ смыслъ ея существованію и сообщивъ направленіе ея безпорядочной дѣятельности.

Разоренный, не имѣющій занятій несчастный, весь горящій великими мечтаніями, воспламеняясь которыми его пылкая натура перебрасывалась поочередно отъ свѣтскихъ успѣховъ къ политикѣ во имя то литературы, то оружія,—этотъ молодой человекъ носилъ, словно бремя, служившее лишь къ его гибели, одно изъ блестящихъ именъ прежняго разрушеннаго общества. Внукъ маршала Фран-

ці, военного министра временъ Людовика XVI, того Сегюра, который отличился своими геройскими подвигами при Лауфельдѣ и Клостеркампфѣ, сынъ графа Луи-Филиппа де-Сегюра, посланника въ Россіи, дававшего тонъ остроумію и изяществу при Версальскомъ дворѣ, плѣнявшаго Екатерину Великую въ Петербургѣ, дѣлившаго ея милости и расположеніе съ блестящимъ принцемъ де-Линь, этотъ несчастный, прижавшійся къ рѣшеткѣ Тюильрійскаго сада съ трудомъ зарабатывалъ свой хлѣбъ, сочиняя водевили и стишки для газетъ.

Родившійся въ 1780 году, онъ, будучи двѣнадцатилѣтнемъ мальчикомъ видѣлъ всѣхъ своихъ разоренными и осужденными терроромъ: дѣдушку маршала брошеннаго въ темницу Ла-Форсъ, — старику лишь чудомъ удалось избѣгнуть гильотины, — отца, которому ежедневно грозила та же участь, — въ деревенскомъ домикѣ Шантенуа, куда графъ скрылся и гдѣ онъ воспитывалъ своихъ сыновей въ бѣдности и въ страхѣ за завтрашній день. Ребенокъ пробуждался къ жизни при грохотѣ разрушенія страны и того общественного порядка, при которомъ онъ былъ бы однимъ изъ счастливѣйшихъ избранниковъ. Революція угрожающе рычала въ его ухахъ подобно непостижимому чудовищу, надѣленная къ тому же такой силой разрушенія, что онъ, ненавидя ее, испытывалъ на себѣ ея вліяніе и чувствовалъ, что его внутренній міръ разрушается такъ же, какъ и внѣшній, что онъ лишается всѣхъ увѣренностей прошлаго, всѣхъ точекъ опоры, даваемыхъ совѣстью и разсудкомъ.

Въ великолѣпномъ предисловіи къ своимъ «Воспоминаніямъ» Филиппъ де-Сегюръ разбираетъ съ краснорѣчивой проницательностью этотъ нравственный кризисъ своей юности и онъ говоритъ намъ, что многіе изъ его современниковъ пережили то же самое.

«Всякая вѣра была потрясена, всякое направленіе утратило свою ясность и свою цѣль и чѣмъ вдумчивѣе и чѣмъ отважнѣе были юныя души, тѣмъ больше блуждали онѣ и утомлялись, не находя поддержки въ этомъ безконечномъ туманѣ, въ этой безграничной пустынѣ, гдѣ ничто не сдерживало ихъ заблужденій, гдѣ многіе въ концѣ концовъ падали и разочарованные снова уходили въ самихъ себя, видя сквозь прахъ обломковъ лишь одну опредѣленность—смерть. Вскорѣ передъ моими глазами предсталъ ея вырастающій призракъ, какъ единственная неоспоримая истина, вытекавшая изъ этой пустоты. Во всемъ и повсюду я видѣлъ лишь ее... И такъ душа моя погибала, унося все остальное: я изнемогалъ, я жалко и бессмысленно шелъ къ концу»....

Страшное совпаденіе! Вблизи домика Шантенуа, гдѣ отчаявшійся юноша разбирался въ своей неопредѣленной тоскѣ и не видѣлъ иного

спасенія, кромѣ самоубійства, другой потерпѣвшій крушеніе въ Революцію, виконтъ де-Шатобріанъ, собирался въ непродолжительномъ времени уединиться въ своемъ домѣ въ Савиньи, чтобы окончить свое сочиненіе *Révé*,—едва замаскированную автобіографію, въ которой изображалъ въ такихъ же выраженіяхъ «недугъ Вѣка».

Сравните «*Révé*» съ первой книгой «Воспоминаній» Сегюра: вамъ покажется, что передъ вами два портрета одного и того же лица. Самый искренній и самый возвышенный изъ нихъ двухъ, быть можетъ, не тотъ, кто является наиболѣе знаменитымъ.

Это отвращеніе къ жизни, которое выросло въ душѣ Филиппа въ послѣдніе дни Директоріи, было ничто иное, какъ неудовлетворенная жажда дѣятельности. Онъ тщетно пытался забытья то при помощи литературнаго успѣха, созданнаго его нѣкоторыми работами,¹ встрѣтившими одобреніе, то въ страстяхъ реакціонеровъ, нетерпимость которыхъ онъ утрировалъ; припадки отчаянія, еще болѣе гнетущіе, возвращались снова. Онъ переживалъ одно изъ подобныхъ состояній, въ то утро Брюмера, когда остановился около Тюильрійскаго сада.— Вдругъ открылась рѣшетка у Понтъ-Турнанъ и оттуда галопомъ выѣхалъ полкъ: то были драгуны Мюрата, собиравшіеся занять Сень-Клу. Потрясающее впечатлѣніе, произведенное на молодого человѣка этимъ видѣніемъ, было подобно тому, которое пережилъ Павелъ на пути въ Дамаскъ. Онъ почувствовалъ, что какая-то непреодолимая сила влечетъ и уноситъ его вслѣдъ за этими солдатами-революционерами, которыхъ онъ ненавидѣлъ нѣсколько часовъ тому назадъ. Черезъ нихъ проникалъ въ него магнетизмъ героя, къ которому стремилось его сердце, и, казалось, что голоса всѣхъ предковъ зывали къ Филиппу, говоря, что его искупленіе здѣсь, въ рядахъ этого полка: «При видѣ этой военной картины, кровь бойца, унаслѣдованная мною отъ предковъ, закипѣла во всѣхъ моихъ жилахъ. Мое призваніе опредѣлилось: съ этого момента я сталъ солдатомъ; я мечталъ лишь о битвахъ, пренебрегая всякой иной карьерой». Нѣсколько дней спустя, несмотря на сопротивленіе близкихъ и на негодованіе возмущенныхъ друзей, онъ вступилъ во вновь сформированный гусарскій полкъ Бонапарта. Нѣкоторое время онъ питалъ химерическую надежду «склонить къ роялизму» консульскую армію. И вскорѣ онъ сталъ преданъ тѣломъ и душой обаятельному генералу.

Первый Консулъ, довольный тѣмъ что ему удалось вырвать этого рекрута изъ враждебнаго лагеря, сразу произвелъ его въ лейтенанты. Въ нѣсколько лѣтъ онъ достигъ высшихъ чиновъ, благодаря мужеству, съ которымъ онъ жертвовалъ собой въ битвахъ. Опасно ране-

ный при Соммо-Сиерра командиръ де-Сегюръ былъ перенесенъ изъ Испаніи на ложѣ изъ тѣхъ самыхъ знаменъ, которыя онъ имѣлъ честь въ послѣдствіи преподнести законодательному собранію. Будучи адъютантомъ Императора, въ 30 лѣтъ генераломъ, находясь почти всегда возлѣ Наполеона, Сегюръ служилъ ему до послѣдняго дня и имѣлъ возможность близко его изучить. Имперія пала, онъ сложилъ свою шпагу и снова взялся за перо своей юности, но не для изображенія легкихъ вымысловъ, а чтобы повѣдать эпопею, которой онъ былъ свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицомъ. Его исторія войны съ Россіей, появившаяся въ 1824 году, приобрѣла тотъ выдающійся яркій успѣхъ, котораго заслуживало это щемящее напоминаніе о героизмѣ и страданіяхъ Великой Арміи; десять изданій послѣдовали одно за другимъ менѣе чѣмъ въ три года. Авторъ былъ избранъ членомъ Французской Академіи въ 1830 г.; тамъ онъ встрѣтился со своимъ отцомъ, многочисленныя историческія работы котораго были въ то время весьма распространены. Въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые оставалось прожить старому графу, обоимъ собратамъ по перу, отцу и сыну, казалось, что они возвращаются къ тѣмъ днямъ Директоріи, когда въ ихъ домикѣ въ Шатенуа ихъ объединяла общая работа, дававшая имъ средства къ существованію. Филиппу пришлось засѣдать въ Академіи сорокъ три года. Воинъ, котораго не разъ, какъ мертваго, покидали на поляхъ сраженія, достигъ глубокой старости; онъ умеръ въ 1873 году. Онъ посвятилъ свои долгіе досуги составленію семи томовъ «Воспоминаній», которые обнимали собой весь періодъ Имперіи. Эти «Воспоминанія» были напечатаны лишь по смерти генерала въ 1873 г.

Если бы всѣ труды, которые мы имѣемъ о Наполеонѣ и его времени, должны были бы завтра исчезнуть и если бы можно было сохранить изъ нихъ лишь одинъ, я, не колеблясь, скажу, что нужно было бы выбрать капитальное изслѣдованіе Сегюра, какъ самое поучительное и наиболѣе вѣрно изображающее чувства эпохи и великую личность, наполнившую собой эту эпоху. Тѣмъ не менѣе это произведеніе въ цѣломъ не имѣло сначала той счастливой участи, которая выпала на долю одной его части, изданной въ эпоху Реставраціи подъ заглавіемъ «Исторія Наполеона и Великой Арміи въ 1812 году». Я ссылаюсь на превосходный «Библиографическій указатель французской литературы съ 1800 по 1906 г., которымъ мы обязаны профессору Мичиганскаго университета Гуго Тъэму. Мы не можемъ въ достаточной мѣрѣ восхвалить почти непогрѣшимую освѣдомленность американскаго ученаго: его списокъ перечисляетъ всѣ малѣй-

шія произведенія нашей литературы; пропуски, на которые можно было указать, весьма рѣдки. Г. Гуго Тьэмъ даетъ длинный перечень произведеній графа Луи-Филиппа де-Сегюра, отца генерала, онъ отводитъ много мѣста книгамъ, написаннымъ другими членами этой семьи. (Извѣстно, что представителемъ является въ настоящее время этой семьи при Французской Академіи мой собратъ по перу маркизь Тьеръ де-Сегюръ, историкъ XVIII вѣка, стяжавшій себѣ европейскую извѣстность). Лишь одного писателя этого имени не хватаетъ въ «Библиографическомъ указателѣ»: генераль и его «Воспоминанія» тамъ забыты. Оплошность библиографа иностранца весьма простительна: обширная «Исторія французской литературы», изданная когда-то подъ редакціей покойнаго Пети де-Жюльвиля въ сотрудничествѣ съ учеными профессорами Сорбонны, упоминаетъ лишь одинъ разъ о генералѣ Филиппѣ де-Сегюрѣ, отводя ему пять строкъ по поводу Наполеона и Великой Арміи. Эта книга тоже игнорируетъ «Воспоминанія». Можно подыскать такой несправедливости различныя правдоподобныя объясненія. Это произведеніе появилось въ 1873 году при жизни Адольфа Тьера, руководившаго мнѣніями Франціи. Его громкое имя было закономъ всюду, гдѣ только вопросъ касался наполеоновской эпохи; онъ деспотически царствовалъ въ этой области нашей исторіи и не терпѣлъ никакого вмѣшательства, никакого новаго освѣщенія. Онъ придерживался того мнѣнія, и всѣ съ нимъ соглашались, что его книга заканчиваетъ собой всѣ изслѣдованія по этому вопросу.

Критикѣ было невыгодно досаждать лицу, столь могущественному въ литературной республикѣ. Съ другой стороны первая имперія была въ немилости три года спустя послѣ злополучнаго паденія второй. Двѣнадцать или пятнадцать лѣтъ должны были пройти для того, чтобы отвращеніе или по крайней мѣрѣ равнодушіе къ имени Наполеона уступили мѣсто возродившемуся увлеченію эпической Легендой, почтенію къ военнымъ воспоминаніямъ, отрытымъ въ большемъ количествѣ въ послѣдніе годы девятнадцатаго вѣка, въ то время какъ этотъ доживающій вѣкъ со страстнымъ любопытствомъ оборачивался къ своей колыбели. Наконецъ, нѣсколько отжившій стиль генерала, при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, заставилъ бы улыбнуться читателей Эмиля Золя. Они сочли бы его не искреннимъ и, я думаю, назвали бы его кривлякой. Они вынесли бы иное впечатлѣніе отъ устарѣлой прозы предка, уже нашедшаго себѣ мѣсто и признаніе по истеченіи трехъ четвертей вѣка, но появиться въ качествѣ новинки въ самый разгаръ реализма, натурализма! Представьте себѣ «Мучениковъ» или Путешествіе

изъ Парижа въ Іерусалимъ Шатобріана въ тотъ моментъ впервые появившимися среди французской публики!

Воспитанный на классическихъ авторахъ, Сегюръ явно стремится подражать манерѣ Фукидида и Тита Ливія. Онъ любитъ краснорѣчивые обороты, онъ приписываетъ порой вымышленные разговоры устамъ своихъ персонажей. Кромѣ того, какъ всѣ люди его поколѣнія, онъ является ревностнымъ читателемъ и безсознательнымъ послѣдователемъ Руссо. Вотъ почему въ его повѣствованіяхъ есть нѣкоторая напыщенность, привкусъ торжественности и размышленія à la Жанъ Жакъ. Онъ хочетъ быть историкомъ, историкомъ столь великаго человѣка, и не снисходитъ до фамиліарной простоты мемуаристовъ безъ претензій. Но подъ одеждой, вышедшей изъ моды, внимательный взоръ быстро различитъ жизненность, драматическое движеніе, глубокой реализмъ этихъ правдивыхъ свидѣтельствъ; умъ захватывается ими съ возрастающимъ интересомъ. Нынѣ несправедливость искуплена. Наша новая историческая школа постигла важность и оцѣнила прелесть этого безподобнаго документа, она вернула ему почести и заставила публику, все болѣе и болѣе освѣдомленную, уважать его. Я не хочу сравнивать два столь различныхъ произведенія, но тѣмъ не менѣе не могу не напомнить, что понадобилось около вѣка для того, чтобы исторія Людовика XIV была восстановлена, благодаря Мемуарамъ Сенъ-Симона. Онѣ читались сначала изъ-подъ полы немногими счастливыми: «Это чтеніе васъ позабавитъ, писала въ 1770 году г-жа де-Деффанъ, хотя слогъ тамъ ужасенъ и характеристики плохи; авторъ не былъ умнымъ человекомъ»...

Приведшій всѣхъ въ недоумѣніе этотъ шедевръ, написанный языкомъ столь своеобразнымъ въ своемъ великолѣпіи, завоевалъ себѣ извѣстность лишь будучи изданнымъ въ 1829 году. Покойный Альбертъ Сорель, одинъ изъ людей, обладавшихъ наиболѣе глубокимъ познаніемъ и живымъ пониманіемъ наполеоновской исторіи, говаривалъ часто, что повѣствованія Сегюра освѣщаютъ эту эпоху лучше всѣхъ архивныхъ документовъ. Я убѣжденъ, что мой собратъ по перу Альбертъ Вандаль подписался бы вполне подъ этимъ сужденіемъ. Ясныя повѣствованія Адольфа Тьера сообщаютъ намъ факты, прекрасно знакомятъ насъ съ основами Имперіи, освѣщаютъ во всемъ величіи и во всѣхъ подробностяхъ гражданское, военное и дипломатическое устройство при консулѣ и при императорѣ. Но о внутренней сущности гениальнаго создателя, о томъ, почему и какъ смогъ онъ воздвигнуть новое зданіе въ столь непродолжительное время въ обширномъ пустырьѣ развалинъ, на мятежѣ народа, покореннаго словно по волшебству—обо всемъ

этомъ Тьеръ даетъ намъ лишь догадки и разсужденія. Сегюръ обнаруживаетъ это передъ нами въ проникновенномъ, мимолетномъ видѣніи. Благодаря Сегюру, мы становимся современниками чуда и переживаемъ тѣ чувства, которыя дѣлали его возможнымъ. Ибо это великое чудо, еще и нынѣ съ трудомъ нами понимаемое и интересующее насъ больше, нежели рассказы о битвахъ,—является неожиданнымъ и полнымъ возрожденіемъ націи, только что яростно разрушившей всѣ вѣковые устои, восторженнымъ отреченіемъ отъ свободы, отданной въ руки маленькаго офицера корсиканца, провозглашеніемъ новаго Цезаря, наступившимъ едва пять лѣтъ спустя послѣ заключительныхъ революціонныхъ сатурналій, продолженныхъ анархіей Директоріи. Сегюръ даетъ намъ ключъ къ этой волнующей загадкѣ, открывая намъ свою личную тайну. Я долго распространялся—пусть мнѣ простятъ это,—о юности воина-писателя, о его внутреннихъ переживаніяхъ, о томъ рѣшающемъ моментѣ, когда его душа неожиданно переродилась, его жизнь пошла по направленію, противъ котораго онъ возсталъ бы наканунѣ. Я останавливался на этомъ потому, что онъ мнѣ казался въ тотъ моментъ чѣмъ-то въ родѣ символа, прекрасно характеризующаго націю, какъ и онъ, переродившуюся, покоренную и брошенную однимъ порывомъ, силами прошлаго къ ногамъ покорителя. По этому сердцу мы воспринимаемъ перемѣну, произошедшую во всѣхъ сердцахъ.

О самомъ императорѣ Сегюръ освѣдомляетъ насъ лучше и полнѣе, чѣмъ всѣ другіе свидѣтели. Будучи близкимъ къ нему, занимая мѣсто, которое давало ему возможность все видѣть, онъ наблюдаетъ его въ теченіе пятнадцати лѣтъ любящимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пронизательнымъ взглядомъ, онъ позволяетъ намъ ощущать, если можно такъ выразиться, то ускоренныя, то замедленныя пульсаціи генія до того самаго дня, когда этотъ вѣрный слуга съ горечью убѣждается въ прогрессирующемъ упадкѣ своего повелителя. Для тѣхъ, кто требуетъ отъ исторіи прежде всего психологической освѣдомленности, разоблаченія тайны толпы и души великихъ людей,—Воспоминанія генерала являются несравненнымъ источникомъ познанія. . . .

1812 годъ! Отступленіе изъ Россіи! Это кульминаціонный, трагическій моментъ эпопеи, когда воображеніе всѣхъ было поражено смертельнымъ ужасомъ, привлечено и возмущено героическимъ безуміемъ, исполнено восхищенія предъ необычайной военной доблестью, охвачено ужасомъ предъ зрѣлищемъ страданій и бѣдствій, при мысли о которыхъ приходится изумляться тому, что люди ихъ пережили. Сегюръ былъ однимъ изъ этихъ все пережившихъ. Онъ былъ слишкомъ

хорошо воспитанъ для того, чтобы занимать своихъ читателей разсказами о самомъ себѣ, но его товарищи по несчастью передавали, съ какимъ стоицизмомъ переносилъ великое испытаніе генералъ, который каждое утро брился среди снѣговъ бивуака и поддерживалъ другихъ примѣромъ своего душевнаго равновѣсія. Благодаря этому, онъ сохранилъ нетронутой свою обычную наблюдательность, онъ видѣлъ все и сумѣлъ передать тѣ тяжелыя сцены, которыя большинству его товарищей представлялись въ какомъ-то кошмарномъ туманѣ.

Съ первой же страницы его разсказъ захватываетъ своимъ драматическимъ подъемомъ, который не ослабѣваетъ ни на одно мгновение: это—потрясающее выступленіе Великой Арміи, двинувшейся, чтобы возобновить сказочные подвиги Александра Великаго, увлекавшей за собою представителей всѣхъ народовъ Европы, которыхъ она собиралась вести къ границамъ Азіи.

Вскорѣ наступаютъ первыя разочарованія: дикое сопротивление жителей и климата Россіи, безнадежное преслѣдованіе убѣгавшаго врага, противопоставившаго французскому натиску пустоту Смоленска, возникающія сомнѣнія и ропотъ благоразумныхъ начальниковъ, низкіе происки маршаловъ Бертъе, Нея, Даву и Мюрата. Наполеонъ какъ бы уступаетъ благоразумнымъ совѣтамъ, скрываетъ съ чисто итальянской хитростью, разгаданной Сегюромъ, свое рѣшеніе двигаться впередъ. Оно беретъ верхъ, онъ ослѣпленъ миражемъ, влекущимъ его къ предѣламъ пустой степи, гдѣ онъ обѣщаетъ уничтожить, наконецъ, своего противника. И это была Московія—непрерывная битва, въ которой побѣда не доставалась ни тѣмъ, ни другимъ, поле рѣзни, гдѣ каждая изъ двухъ армій располагалась по вечерамъ на горахъ труповъ. Можно сравнить разсказъ француза, который широко охватываетъ и группируетъ всѣ факты съ тонко исполненными и реалистическими картинами Толстого въ той главѣ «Войны и Мира», гдѣ онъ, при помощи совершенно иныхъ приемовъ искусства, описываетъ бѣдствія того дня. Я бесѣдовалъ однажды съ русскимъ священникомъ села Бородина, который говорилъ со мной о видахъ на будущій урожай, составляющихъ обычную заботу земледѣльца. Въ томъ году урожай не обѣщаль быть особенно хорошимъ. Священникъ небрежно замѣтилъ: «Во времена моего дѣтства рожь была гораздо обильнѣе, наша почва надолго получила хорошее удобреніе»...

Сегюръ отмѣчаетъ у императора то нѣкоторое ослабленіе вниманія въ самыя критическія минуты, то какую-то фаталистическую рѣшимость, то совершенно небывалую въ немъ неувѣренность передъ

отдачей нѣкоторыхъ спѣшныхъ приказаній. Это было уже затменіе того проніцательнаго взора, который рѣшалъ побѣды при Маренго и Аустерлицѣ. Это были послѣдствія болѣзни Наполеона, говоритъ намъ историкъ, который устанавливаетъ ея первые приступы. Затѣмъ, проглядываетъ лучъ удовлетворенія, вступленіе въ Москву, восхищеніе арміи завоеваннымъ ею восточнымъ городомъ, надежда на миръ, который русскій царь не замедлитъ подписать, и вскорѣ—море огня, затопившее побѣдителей, городъ грезъ, рухнувшій въ костеръ, зажженный Раstopчинимъ. Сегюръ съ восхищеніемъ говоритъ объ этомъ странномъ человѣкѣ; онъ безъ колебаній рѣшаетъ вопросъ, вызвавшій столько противорѣчій въ Россіи, онъ воздастъ честь генераль-губернатору за патріотическое преступленіе, въ которомъ Раstopчинъ, замкнутый въ своемъ загадочномъ молчаніи, самъ никогда не хотѣлъ сознаться.—Интересное сближеніе! Дочь поджигателя сдѣлалась нѣсколько лѣтъ спустя племянницей французскаго генерала, надругавшагося надъ святой Москвою; графинѣ де-Сегюръ суждено было вплести лишній цвѣтокъ въ вѣнокъ семьи, въ которую она вступила, прелестными книгами, плѣнявшими не одно поколѣніе дѣтей.

Затѣмъ, слѣдуетъ продолжительное отступленіе, бѣгство Великой Арміи, среди окровавленныхъ снѣговъ, шествіе голодныхъ призраковъ, съ каждымъ днемъ уменьшавшихся въ числѣ, ихъ возрастающая тоска и ихъ мрачное отчаяніе, ледяной кругъ дантовскаго ада, расширявшійся передъ ними до безконечности, потомъ переходъ черезъ Березину, предательскую рѣку, въ которой многіе, спасшіеся отъ казачихъ пуль, нашли себѣ ужасную могилу. Затѣмъ—Наполеонъ, покидающій тѣ остатки своей арміи, которые должны были погибнуть среди болотъ Польши... Описанія историка-очевидца вѣрно передаютъ самыя мрачныя краски въ изображаемыхъ имъ сценахъ; они даютъ продолжительное ощущеніе того унынія, которое Мессонье сумѣлъ передать на томъ знаменитомъ полотнѣ, гдѣ маршалы, опустивъ голову, слѣдуютъ за императоромъ по обледенѣлой грязи подъ враждебнымъ небомъ. Я хотѣлъ привести нѣсколько избранныхъ строкъ изъ тѣхъ страницъ этой книги, въ которыхъ особенно ярко проявляется мощь кисти,—но къ чему? Онѣ всѣ одинаковаго достоинства и я не сомнѣваюсь, что сочувствіе читателя оправдаетъ ту похвалу, которую я предпослалъ этой прекрасной книгѣ.

Онъ увидитъ императора тамъ такимъ, какимъ видалъ его проніцательный наблюдатель, заблуждавшійся въ своемъ снисхожденіи, внушающій намъ полную вѣру въ правдивость своихъ сужденій; увидитъ Наполеона, еще не искаженнаго легендой; часами человѣчнаго и чув-

каго; безчеловѣчнаго и сверхчеловѣчнаго, когда онъ предавался демону гордости, безумію своей мечты; генія, то достойнаго самого себя и затрудненій безумной, имъ самимъ созданной задачи, все еще сильнаго своимъ могучимъ вліяніемъ на жертвы, обреченныя имъ на гибель; генія, порою обманывающаго ожиданія своихъ прежнихъ слугъ, разбитаго бурей и несознававшагося въ этомъ, приближавшагося къ своему закату, подстерегаемаго болѣзнью, ускользящаго бѣгствомъ отъ своихъ подданныхъ и солдатъ, которые въ свою очередь ускользали изъ-подъ его вліянія, уменьшавшагося благодаря отступленію. Передъ этими характеристиками, которыя даютъ намъ впечатлѣніе жизни, жизни исключительной, но реальной и вполне постижимой, читатель признаетъ, безъ сомнѣнія, что художникъ не переоцѣнивалъ своего произведенія, когда въ заключительныхъ словахъ предисловія къ своимъ «Воспоминаніямъ» онъ писалъ: «Здѣсь увидятъ героя въ человѣкѣ и человѣка въ героѣ, увидятъ его могучее вліяніе на поколѣнія, послѣдніе остатки которыхъ готовятся угаснуть».

Виконтъ Е. М. де-Вогюэ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

Карг. Доу. — Находится въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ.

Война съ Россіей.

Воспоминанія

Адъютанта Императора Наполеона I.

Товарищи!

Я намѣреваюсь начертать исторію Великой Арміи и ея вождя въ 1812 году!

Я посвящаю эту картину тѣмъ изъ васъ, которыхъ сломили сѣверные вѣтры, и которые могутъ служить своей родинѣ лишь воспоминаніями о своихъ бѣдствіяхъ и своей славѣ! Остановленные на пути вашей доблестной карьеры, вы живете больше въ прошломъ, чѣмъ въ настоящемъ, но когда воспоминанія такъ величественны— дозволено жить лишь одними воспоминаніями. Поэтому я не побоюсь нарушить покой, купленный вами столь дорогою цѣною, напоминая о самомъ бѣдственномъ изъ вашихъ военныхъ подвиговъ. Кому изъ насъ не извѣстно, что изъ глубины мрака взоры разбитаго жизнью человѣка невольно обращаются къ блеску его прошлаго, даже въ томъ случаѣ, когда этотъ блескъ сіяетъ надъ подводной скалой, о которую разбилось его счастье, и освѣщаетъ обломки величайшаго изъ кораблекрушеній?

Меня самого, признаю, какое-то непреодолимое чувство безпрестанно влечетъ къ грозной эпохѣ нашихъ народныхъ и личныхъ несчастій. Моя память съ какимъ-то печальнымъ удовольствіемъ пересматриваетъ и воспроизводитъ мучительные слѣды, оставленные столькими ужасами. Неужели душа также гордится своими глубокими и многочисленными ранами? неужели ей нравится ихъ обнаруживать? составляютъ ли онѣ наслѣдіе, которымъ можно хвалиться? Или, вѣр-

нѣе, послѣ жажды познанія ея первую потребностью является желаніе дѣлиться своими ощущеніями? Не является ли самыми могучими двигателями нашей души потребность чувствовать и заставлять чувствовать другихъ?

Но каково бы ни было руководящее мною чувство, я уступаю желанію изобразить тѣ тревоги, пережитыя въ теченіе этой ужасной войны. Я хочу посвятить мои досуги разъясненію, приведенію въ послѣдовательный порядокъ моихъ разбросанныхъ и спутанныхъ воспоминаній. Товарищи, я взываю также и къ вамъ!—не дайте погибнуть столь великимъ воспоминаніямъ, купленнымъ столь дорогою цѣной и которыя являются для насъ единственнымъ достояніемъ, которое прошлое оставляетъ будущему. Вы шли одни противъ столькихъ враговъ, въ вашемъ паденіи было больше славы, чѣмъ въ ихъ возвышеніи. Учитесь безъ стыда признавать свое поражение. Высоко поднимите свое гордое чело, изборожденное всѣми громами Европы! Не опускайте взоровъ, выдавшихъ столько покоренныхъ столицъ, столько побѣжденныхъ королей! Несомнѣнно судьба должна была предоставить вамъ болѣе славный отдыхъ, но каковъ бы онъ ни былъ, отъ васъ зависитъ дать ему благородное направленіе. Передайте исторіи ваши воспоминанія. Уединеніе и тишина несчастья благоприятствуютъ такому труду и пусть, наконецъ, истина, предстоявшая передъ вами въ долгія ночи, освѣтитъ дѣяніе, которое не останется безплоднымъ!

Что касается меня, то я использую безпощадное и вмѣстѣ съ тѣмъ великое право, говорить о томъ, что я видѣлъ; я расскажу здѣсь все, можетъ быть, слишкомъ подробно до послѣднихъ мелочей. Но я думаю, что ничто не можетъ считаться мелочью въ этомъ великомъ геніи, въ этихъ гигантскихъ дѣяніяхъ, безъ которыхъ мы не познали бы, до чего можетъ дойти сила, слава и несчастіе чловѣка! . . . . .

La Moskowa.

Бородино.

Наконецъ, русская армія остановилась! Милорадовичъ во главѣ шестнадцати тысячъ рекрутъ и толпа крестьянъ, несшихъ крестъ и восклицавшихъ да будетъ воля Божья (Dieu le veut), спѣшили примкнуть къ рядамъ своимъ. Намъ сообщили, что непріятель передвигался по Бородинскому полю, покрывая почву окопами, и видимо собирался прочно тамъ укрѣпиться. Наполеонъ объявилъ своей арміи о битвѣ; онъ далъ ей два дня на отдыхъ, приведеніе въ порядокъ оружія и заготовку провіанта. Отряды, посланные за провіантомъ, получили предостереженіе: если они не вернутся на другой день, то будутъ лишены чести участвовать въ сраженіи.

Наполеону захотѣлось получить предварительныя свѣдѣнія о своемъ новомъ противникѣ. Ему изобразили Кутузова старикомъ, получившимъ когда-то странную рану, которая положила начало его извѣстности. Съ тѣхъ поръ онъ научился ловко пользоваться обстоятельствами. Даже пораженіе при Аустерлицѣ, которое онъ предвидѣлъ, способствовало его славѣ. Его недавніе походы противъ турокъ лишь увеличили ее еще больше. Его значеніе было неоспоримо, но его упрекали въ томъ, что онъ нерѣдко дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своихъ личныхъ интересовъ; онъ былъ слишкомъ расчетливъ. Онъ обладалъ геніемъ медлительнымъ, наклоннымъ къ мстительности и особенно къ хитрости, — чисто татарскій характеръ, сумѣвшій приготовить терпѣливой, покладистой и податливой политикой безпощадную войну!

Впрочемъ онъ былъ скорѣе ловкимъ царедворцемъ, чѣмъ опытнымъ генераломъ; но устрашающій своей славой и умѣніемъ ее уве-

личивать, онъ вызывалъ и въ другихъ желаніе состязаться съ нимъ. Онъ умѣлъ плѣнить какъ цѣлый народъ, такъ и каждого въ отдѣльности, начиная съ генерала и кончая простымъ солдатомъ.

Прибавляли, что его наружность, его языкъ, даже его костюмъ, наконецъ, всѣ его суевѣрныя привычки, какъ и самый его возрастъ напоминали Суворова, носили отпечатокъ коренного «москвиты»; въ немъ было что-то чисто національное, дѣлавшее его столь дорогимъ для русскихъ. Въ Москвѣ, радость по случаю его назначенія доходила до опьяненія: посреди улицъ всѣ бросались другъ другу въ объятія, считая себя спасенными!

Когда Наполеонъ выслушалъ всѣ эти сообщенія и отдалъ свои распоряженія, онъ сталъ ожидать событій съ тѣмъ душевнымъ спокойствіемъ, которое свойственно исключительнымъ людямъ. Онъ сталъ спокойно объѣзжать главныя позиціи. Мюратъ опередилъ его на нѣсколько лье. Съ момента прибытія Кутузова отряды казаковъ безпрестанно разѣзжали около нашихъ колоннъ. Мюратъ раздражался тѣмъ, что ему приходилось тратить свои силы на такого ничтожнаго врага. Увѣряютъ, что въ тотъ день, движимый какимъ-то первобытнымъ чувствомъ, достойнымъ [временъ рыцарства, онъ бросился впередъ и внезапно остановился въ нѣсколькихъ шагахъ противъ ихъ линіи и тамъ со шпагой въ рукѣ, онъ такимъ величественнымъ движеніемъ далъ имъ знакъ удалиться, что эти варвары повиновались и отступили въ удивленіи!

Разсказъ объ этомъ событіи, переданный намъ, тотчасъ же былъ встрѣченъ безъ недовѣрія. Воинственный видъ этого монарха, блескъ его рыцарскихъ одеждъ, его слава и необычайность подобнаго поступка—все заставляло вѣрить этой минутной вспышкѣ, несмотря на ея неправдоподобность, ибо таковъ былъ Мюратъ — театральнй король по изысканности своего головного убора и истинный король по своему величію и неутомимой дѣятельности; стремительный, какъ нападеніе, во всеоружіи сознанія своего превосходства, съ видомъ угрожающей отваги, онъ былъ опаснѣе самого наступленія. Мы тотчасъ же заняли нѣкоторые лѣса и деревни. По лѣвую сторону и въ центрѣ находились итальянская армія, дивизія Компана и Мюратъ, по правую — Понятовскій. Нападеніе было общимъ, потому что итальянская и польская арміи одновременно появились на двухъ флангахъ большой императорской колонны. Эти три корпуса отѣснили къ Бородину русскій арьергардъ и все сраженіе сосредоточилось на одномъ пунктѣ.

Когда все это выяснилось, мы замѣтили первый русскій редутъ; слишкомъ отдѣленный отъ своихъ лѣвыхъ позицій онъ ихъ защищалъ,

не пользуясь ихъ прикрытіемъ. Неровности почвы были причиной такого разъединенія.

Компанъ ловко воспользовался гористостью мѣстности; холмы послужили ему площадками для постановки орудій, которыми онъ обстрѣливалъ редутъ, и прикрытіемъ для пѣхоты, строившейся въ боевыя колонны. 61-ый полкъ двинулся первымъ, редутъ былъ захваченъ однимъ натискомъ въ рукопашную, но Багратіонъ прислалъ подкрѣпленіе и отбилъ его. 61-ый полкъ трижды отнималъ редутъ у русскихъ и трижды былъ ими вытѣсняемъ, но, наконецъ, онъ овладѣлъ имъ, истекая кровью и потерявъ половину солдатъ.

На другой день, когда Императоръ производилъ смотръ этому полку, онъ спросилъ о томъ, гдѣ третій батальонъ: «Онъ на редутѣ!» отвѣтилъ полковникъ. Но дѣло этимъ не кончилось, сосѣдній лѣсъ былъ наполненъ русскими стрѣлками, каждую минуту они дѣлали вылазки изъ своего убѣжища, возобновляя атаку противъ трехъ дивизій. Наконецъ атака Морана изъ Шевардина и Понятовскаго со стороны Ельницкаго лѣса оттѣснили Багратіона и кавалерія Мюрата очистила долину. Особенно сильный натискъ одного испанскаго полка опрокинулъ непріятеля и редутъ, бывший ихъ аванпостомъ, сдѣлался нашимъ.

Въ это время Императоръ отдавалъ приказанія, остальная часть арміи строилась въ линію и трескъ ружейной стрѣльбы, прерываемый рѣдкими ударами орудій, покрылъ все. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока каждая изъ воюющихъ сторонъ не утвердилась на своихъ границахъ и ночь не прекратила перестрѣлки.

Одинъ изъ полковъ Даву, пробираясь на свое мѣсто въ первой линіи, заблудившись въ темнотѣ, продвинулся слишкомъ далеко впередъ и очутился среди русскихъ кирасировъ, которые смяли его, привели въ смятеніе и, отнявъ три орудія, захватили въ плѣнъ и убили триста человѣкъ. Уцѣлѣвшіе поспѣшили кое-какъ сомкнуть свои ряды и, отчаянно защищаясь, этотъ ослабѣвшій отрядъ смогъ вернуться на свои позиціи.

Императоръ расположился лагеремъ позади итальянской арміи по лѣвую сторону большой дороги и старая гвардія выстроилась въ карре вокругъ его палатокъ. Какъ только прекратилась ружейная пальба, зажгли костры, на сторонѣ русскихъ они горѣли огромнымъ полукругомъ, у насъ свѣтились слабо и неровно, потому что войска стекались поздно въ торопливомъ безпорядкѣ на незнакомомъ мѣстѣ, гдѣ ничего не было приготовлено, гдѣ чувствовался недостатокъ въ топливѣ, особенно въ центрѣ лагеря и на лѣвомъ его флангѣ.

Императоръ спалъ мало. Генераль Колэнкуръ только что вернулся съ захваченнаго редута. Намъ не досталось ни одного плѣнника и удивленный Наполеонъ задавалъ вопросъ за вопросомъ.

—«Развѣ кавалерія не выступила во-время? Неужели эти русскіе рѣшили побѣдить или умереть?» Ему отвѣтили, что настроенные своими военачальниками и привыкшіе воевать съ турками, которые убивали своихъ плѣнниковъ, русскіе предпочитали умирать, чѣмъ сдаваться. Тогда Императоръ впалъ въ глубокое раздумье и, придя къ заключенію, что въ сраженіи артиллерійскій огонь будетъ болѣе дѣйствительнымъ, онъ поспѣшилъ съ приказаніями о скорѣйшемъ доставленіи отстававшихъ артиллерійскихъ парковъ.

Въ ту же ночь пошелъ холодный мелкій дождь и осень рѣзкимъ вѣтромъ заявила о своемъ приближеніи. То былъ новый врагъ, съ которымъ приходилось считаться, и къ тому же это время года соответствовало возрасту, наступавшему для Наполеона—вѣдь извѣстно вліяніе временъ года на соответствующій имъ возрастъ человѣка?

Сколько разныхъ тревогъ было пережито въ эту ночь! солдаты и офицеры готовили оружіе, чинили аммуницію, боролись съ холодомъ и голодомъ, потому что ихъ жизнь была непрерывной борьбой. Генералы и Наполеонъ безпокоились о томъ, какъ бы побѣда, одержанная ими, наконецъ, не обезкуражила русскихъ и не заставила бы ихъ скрыться, пользуясь темнотой.

Мюратъ грозилъ этимъ; не разъ казалось, что ихъ огни гаснуть и что слышится шумъ отступления. Но лишь съ разсвѣтомъ погасли огни вражескихъ бивуаковъ.

На этотъ разъ намъ не пришлось итти отыскивать непріятеля. 6-го сентября солнце освѣтило обѣ арміи, продолжавшія оставаться на мѣстахъ, занимаемыхъ ими наканунѣ. У насъ было общее ликованіе. Наконецъ - то эта война, вялая, неопредѣленная, ускользящая, о которую разбивались всѣ наши усилія, въ которую мы ринулись безъ оглядки, какъ бы остановилась: чувствовалось, что пробилъ часъ, когда все будетъ рѣшено!

Императоръ воспользовался первыми проблесками зари, чтобы проѣхать между двумя линіями и окинуть взоромъ весь фронтъ непріятельской арміи.

Сдѣлавъ рекогносцировку, онъ принимаетъ рѣшеніе, слышится его команда: «Евгеній будетъ предводительствовать! Правый флангъ начнетъ сраженіе; какъ только ему удастся подъ прикрытіемъ лѣса захватить противоположный редутъ, онъ, повернувъ налѣво, двинется на русскихъ, разбивая и оттѣсня правый флангъ ихъ арміи по направленію къ Колочи».

Намѣтивъ общій планъ, Наполеонъ приступилъ къ выясненію подробностей. Три батареи изъ шестидесяти орудій—каждая, въ теченіе ночи должны быть выставлены противъ русскихъ редутовъ—двѣ первая батареи противъ лѣваго фланга и третья—противъ центра. Съ наступленіемъ дня Понятовскій и остатки его арміи, въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ, должны направиться по старой Смоленской дорогѣ, огибающей тотъ лѣсъ, къ которому примыкаютъ съ одной стороны правое крыло французовъ, а съ другой лѣвое крыло русскихъ и, служа прикрытіемъ для своихъ, въ то же самое время тревожить непріятеля, остальные будутъ ждать его первыхъ выстрѣловъ. И тотчасъ же вся артиллерія откроетъ огонь по лѣвому флангу русскихъ, который проветъ ихъ ряды и укрѣпленія, а Даву и Ней пойдутъ на нихъ въ атаку, подкрѣпляемые Жюно съ его вестфальцами, Мюратомъ съ его кавалеріей и, наконецъ, самимъ Императоромъ съ двадцатью тысячами гвардіи. Первые усилія должны быть направлены противъ этихъ двухъ редутовъ; взятіе ихъ дастъ возможность проникнуть въ непріятельскую армію, которая тѣмъ самымъ будетъ приведена въ смятеніе и безпорядокъ, такъ какъ центръ ея и правый флангъ будутъ отрѣзаны и почти захвачены.

Между тѣмъ русскіе появлялись въ возрастающемъ количествѣ въ центрѣ и на правомъ флангѣ своей арміи, грозя занять московскую дорогу—единственное мѣсто военныхъ дѣйствій Великой Арміи. Наполеонъ же, двигаясь со своими главными силами по направленію лѣваго фланга непріятеля, тѣмъ самымъ оставитъ Калугу между собой и этой дорогой—единственнымъ возможнымъ для него путемъ отступленія, а потому онъ предполагаетъ для подкрѣпленія итальянской арміи, занимающей ее, послать туда же двѣ дивизіи Даву и кавалерію Груши. Что касается его лѣваго фланга, то онъ считаетъ, что для его прикрытія достаточно одной дивизіи итальянцевъ, баварской кавалеріи и кавалеріи Орноно, всего около десяти тысячъ человѣкъ. Таковы намѣренія Наполеона. Таковы были планы Наполеона.

День, предшествовавшій этой великой битвѣ, былъ исполненъ необычайнаго спокойствія. Какъ будто всѣ заранѣе условились объ этомъ между собою. Къ чему было причинять себѣ бесполезныя муки? Развѣ наступающій день не рѣшалъ всего? Къ тому же всѣмъ нужно было подготовиться: каждому отряду позаботиться о своемъ оружіи, о своихъ боевыхъ силахъ, о своей аммуниціи; арміи предстояло вернуть порядокъ, нарушавшійся постояннымъ передвиженіемъ. Генераламъ необходимо было осмотрѣть диспозиціи на случай атаки, защиты и отступленія, для того, чтобы согласовать дѣйствія отдѣльныхъ частей

подъ ружьемъ. Кутузовъ, окруженный церковной и военной пышностью, двигался посреди ея. Этотъ полководецъ приказалъ попамъ (*à ses pres*) и архимандритамъ надѣть богатыя и величественныя облаченія, заимствованныя у грековъ. Духовенство шло впереди, неся священныя изображенія и во главѣ всего святую икону, бывшую заступницей Смоленска, которая, по ихъ словамъ, чудеснымъ образомъ спаслась отъ святотатственнаго надругательства французовъ.

Когда русскій военачальникъ увидалъ, что его солдаты достаточно растроганы этимъ необычайнымъ зрѣлищемъ, онъ возвысилъ голосъ и сталъ говорить имъ о небѣ, единственномъ убѣжищѣ, которое остается рабамъ. Во имя религіи и равенства онъ призывалъ этихъ закрѣпощенныхъ защищать имущество ихъ господъ и, указывая имъ на эту священную икону, укрывающуюся среди ихъ рядовъ, онъ возбуждалъ ихъ храбрость и вызывалъ ихъ негодованіе.

Наполеонъ, по его словамъ, «всемирный деспотъ, тиранъ - возмутитель всего свѣта, червякъ, мятежникъ, опрокидывающій алтари, обогряющій ихъ кровью, который предоставляет истинную святыню Господню—эту святую икону, кощунству людей и суровости непогоды!»

Затѣмъ онъ указалъ этимъ русскимъ на ихъ печальные города, онъ напомнилъ имъ о ихъ женахъ и дѣтяхъ, прибавилъ нѣсколько словъ объ ихъ императорѣ и закончилъ обращеніемъ къ ихъ набожности и патріотизму, составлявшимъ прирожденныя свойства этого слишкомъ грубаго народа, которому знакомы были лишь одни ощущенія, что дѣлало его тѣмъ болѣе опаснымъ противникомъ. Русскіе солдаты повиновались, не разсуждая, рабство замкнуло ихъ въ тѣсный кругъ, и всѣ ихъ чувства были сведены къ небольшому количеству незначительныхъ потребностей, стремленій и мыслей; кромѣ того, не имѣя возможности сравнивать себя съ другими народами, они были самонадѣянны и довѣрчивы въ силу своего невѣжества, въ своемъ почитаніи иконъ они были идолопоклонниками настолько, насколько могутъ быть ими христіане, ибо изъ этой религіи духа, всецѣло нравственной и отвлеченной, они сдѣлали нѣчто вещественное, матеріальное, чтобы подчинить ее своему убогому и недалекому пониманію.

Затѣмъ эта торжественная картина, эта рѣчь, увѣщанія, обращенныя офицерами къ солдатамъ, благословенія священниковъ довели до высшаго напряженія ихъ отвагу. Всѣ до послѣдняго солдата вѣрили въ то, что они предназначены самимъ Богомъ на защиту небесъ и ихъ родной земли.

У французовъ не было ни военнаго, ни религіознаго парада, никакого смотра, они не прибѣгали ни къ какимъ попыткамъ возбужде-

нія. Даже рѣчь Императора была раздана довольно поздно и прочтена солдатамъ почти передъ самымъ сраженіемъ, такъ что нѣкоторые двинулись въ бой прежде, чѣмъ смогли ее выслушать.

Между тѣмъ русскіе, казалось бы уже достаточно воодушевленные, призывали на свою защиту мечъ Михаила архангела,—призывали всѣ силы небесныя, тогда какъ французы искали подкрѣпленіе въ самихъ себѣ, будучи увѣрены, что истинныя силы и воинство небесное скрываются въ человѣческомъ сердцѣ.

Случилось такъ, что въ тотъ же день Императоръ получилъ изъ Парижа портретъ римскаго короля, этого ребенка, рожденіе котораго Имперія встрѣтила съ тѣми порывами радости и надежды, какія волновали и самого Императора. Съ тѣхъ поръ, каждый день во дворцѣ видѣли Наполеона около этого ребенка, выражающаго ему свои самыя нѣжныя чувства. И вотъ, когда среди отдаленныхъ полей, среди грозныхъ приготовленій, онъ снова увидалъ этотъ кроткій обликъ, его воинственная душа была растрогана. Онъ собственноручно выставилъ эту картину передъ своей палаткой, потомъ позвалъ офицеровъ и солдатъ своей старой гвардіи, желая подѣлиться своимъ чувствомъ съ этими старыми гренадерами, показать свое интимное семейство своей военной семьѣ и озарить этимъ символомъ надежды приближающуюся опасность.

Подъ вечеръ прибылъ съ Аропильскаго поля битвы на мѣсто сраженія подъ Москвой адъютантъ Мармонта. Это былъ тотъ самый Фабье, который съ тѣхъ поръ сталъ играть роль въ нашихъ междуусобныхъ распряхъ. Императоръ милостиво принялъ адъютанта покореннаго генерала. Наканунѣ такой ненадежной битвы онъ былъ снисходителенъ къ пораженію; онъ выслушалъ все, что ему донесли по поводу разсѣянія его войскъ по Испаніи, о чрезмѣрномъ количествѣ начальствующихъ генераловъ и согласился со всѣмъ, но тутъ же высказалъ свои соображенія, которыя я считаю излишнимъ приводить.

Наступила ночь, а вмѣстѣ съ ней и опасеніе,—какъ бы русская армія не удалась, воспользовавшись темнотою. Это мучительное безпокойство прерывало сонъ Наполеона. Онъ безпрестанно подзывалъ своихъ приближенныхъ, спрашивалъ, который часъ, не слышно ли какого-нибудь шума, и посылалъ освѣдомиться, на мѣстѣ ли непріятель. Этотъ вопросъ вызывалъ въ немъ такія сомнѣнія, что онъ, раздавая свое обращеніе къ войску, приказалъ прочесть его лишь на слѣдующее утро и то если битва состоится.

Успокоившись на нѣсколько минутъ, онъ чувствуетъ, что его охватываетъ иная тревога: его волнуетъ жалкое состояніе его солдатъ

Смогутъ ли они, слабые, и изголодавшіеся вынести это продолжительное и ужасное столкновение? Въ предстоящей опасности его гвардія кажется ему единственной надежной поддержкой, которая стоитъ двухъ армій. Онъ призываетъ Бессьера, того изъ маршаловъ, которому онъ болѣе всего считаетъ возможнымъ довѣрить командование гвардіей. Онъ спрашиваетъ, не терпитъ ли въ чемъ-нибудь недостака это отборное войско, и снова призываетъ маршала, возобновляя свои настойчивые разспросы. Онъ приказываетъ раздать этимъ старымъ солдатамъ трехдневную порцію сухарей и риса, взятую изъ запасныхъ фургоновъ.

И наконецъ, опасаясь неисполненія своихъ порученій, онъ встаетъ и самъ справляется у гренадеровъ гвардіи, стоящихъ при входѣ въ его палатку, о томъ, получили ли они провіантъ.

Удовлетворившись ихъ отвѣтомъ, онъ возвращается и погружается въ легкую дремоту.

Но скоро опять слышатся его призывы. Его адъютантъ, входя, видитъ Императора, склонившаго на руки опущенную голову, и какъ бы угадываетъ въ его рѣчахъ размышленія о тщетности славы: «Что такое война? Ремесло варваровъ, гдѣ все искусство заключается въ томъ, чтобы одинъ въ чемъ-нибудь пересилилъ другого!» Затѣмъ онъ жалуется на непостоянство судьбы, которое онъ начинаетъ уже испытывать на самомъ себѣ, и потомъ, какъ бы снова вернувшись къ болѣе утѣшительнымъ мыслямъ, онъ вспоминаетъ все, что ему говорили о медлительности и нерадивости Кутузова, и удивляется тому, что этого полководца предпочли Бенигсену. А дальше его мысли снова возвращаются къ тому критическому положенію, въ которое онъ самъ себя поставилъ, и прибавляетъ: «Готовится великій день, наступитъ ужасная битва». Онъ спрашиваетъ Раппа, вѣритъ ли онъ въ побѣду. «Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ тотъ, но въ побѣду кровавую!» Наполеонъ продолжаетъ: «Я это знаю, но у меня восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, я войду въ Москву съ шестьюдесятью тысячами; отставшіе, какъ и сводные батальоны, насъ догонять и мы будемъ болѣе сильны, нежели теперь, передъ битвой».

Казалось, что въ эти расчеты не входила ни его гвардія, ни кавалерія. Тутъ, снова охваченный своимъ прежнимъ безпокойствомъ, онъ опять посылаетъ освѣдомиться о положеніи русскихъ.

Ему отвѣчаютъ, что ихъ огни свѣтятъ по-прежнему и что, судя по числу костровъ и по множеству человѣческихъ тѣней, которыя ихъ окружаютъ, тутъ не только арьергардъ, но и вся армія. Присутствіе непріятеля успокоило Императора, и онъ захотѣлъ немного отдохнуть.

Но походъ, который онъ совершилъ вмѣстѣ съ арміей, утомленіе ночи и предыдущихъ дней, многочисленныя заботы и напряженное ожиданіе—все это изнурило его.

Утренній холодъ охватилъ его, его мучили лихорадочное волненіе, сухой кашель и сильная жажда. Остальное время ночи онъ тщетно старался утолить эту жгучую жажду, отъ которой онъ изнемогалъ. Это новое страданье осложнилось его прежнимъ недугомъ, еще накануне къ нему вернулись припадки ужасной болѣзни, съ которыми онъ боролся съ давнихъ поръ, это было затруднительное мочеиспусканіе.

Наконецъ, въ пять часовъ утра отъ Нея прибылъ офицеръ, сообщившій, что маршалъ видитъ еще предъ собой русскихъ и просить разрѣшенія ихъ атаковать. Это извѣстіе, казалось, вернуло Императору силы, ослабѣвшія отъ ночной лихорадки. Онъ поднимается, зоветъ своихъ и выходитъ изъ палатки, восклицая: «Наконецъ, они попались! Впередъ! Идемъ открывать ворота Москвы!»

Было половина шестого утра, когда Наполеонъ прибылъ къ реду-ту, отбитому у русскихъ 5 сентября. Тутъ онъ сталъ ожидать первыхъ проблесковъ разсвѣта и первыхъ ружейныхъ выстрѣловъ со стороны Понятовскаго. Заблестѣла заря. Императоръ, указывая на нее офицерамъ, воскликнулъ: «Вотъ оно, солнце Аустерлица!»

Но оно было противъ насъ, оно всходило со стороны русскихъ, открывало насъ ихъ выстрѣламъ, ослѣпляя насъ самихъ. Тутъ обнаружилось, что накануне въ темнотѣ наши батареи были расположены на такомъ разстояніи отъ непріятеля, что пушечные выстрѣлы не могли достигнуть до него.

Нужно было продвинуть ихъ впередъ. Непріятель допустилъ насъ это сдѣлать: онъ, казалось, колебался первымъ нарушить эту ужасную тишину.

Все вниманіе Императора сосредоточилось на правомъ флангѣ, какъ вдругъ, около семи часовъ, битва разразилась на лѣвомъ.

Вскорѣ Наполеонъ узналъ, что 106-й полкъ принца Евгенія захватилъ деревню Бородино и мостъ, но, вмѣсто того, чтобы взорвать этотъ послѣдній, онъ, увлеченный своимъ успѣхомъ, перешелъ на другой берегъ, несмотря на крики генерала, чтобы овладѣть высотами горокъ, откуда русскіе обрушили на него огонь съ фронта и съ фланга.

Прибавляли, что генералъ, командовавшій этой бригадой, былъ убитъ и что весь 106-й полкъ былъ бы окончательно уничтоженъ, если бы 92-й не подоспѣлъ ему на помощь, не подобралъ и не увелъ бы уцѣлѣвшихъ.

Тогда Наполеонъ самъ приказалъ своему лѣвому крылу немедленно начать ожесточенную атаку. Можетъ быть онъ предполагалъ, что ему будутъ повиноваться лишь наполовину, и хотѣлъ лишь привлечь вниманіе непріятеля на эту сторону, но дѣло въ томъ, что онъ все настаивалъ на своихъ приказаніяхъ, подчеркивалъ ихъ значеніе и началъ битву въ порядкѣ, противоположномъ своимъ первоначальнымъ планамъ.

Въ это же время Императоръ, полагая, что Понятовскій уже захватываетъ старую московскую дорогу, подалъ сигналъ къ атакѣ. И вдругъ въ этой мирной долинѣ, среди безмолвныхъ холмовъ, поднялись клубы дыма и пламени и вслѣдъ за ними почти въ то же мгновеніе раздался взрывъ и свистъ ядеръ, пронизывавшихъ воздухъ по всѣмъ направленіямъ.

Посреди этого грохота Даву съ дивизіями Компана, Десе и тридцатью орудіями быстро двинулся къ первому непріятельскому редуту.

Русскіе открыли ружейный огонь; лишь со стороны французовъ гремѣли орудія. Пѣхота двинулась, не стрѣляя; она спѣшила навстрѣчу непріятельскому огню; чтобы его прекратить, но Компанъ, генераль этой колонны и его храбрѣйшіе солдаты падали раненые, остальные въ отчаяніи остановились подъ этимъ градомъ пуль, собираясь отвѣчать на него; тутъ подоспѣлъ Раппъ замѣнить Компана, ему удалось бѣгомъ повести солдатъ въ штыки противъ непріятельскаго редута.

И вотъ онъ уже первый достигъ его, какъ вдругъ и его постигаетъ та же участь: онъ получаетъ свою двадцать вторую рану. Его замѣщаетъ третій генераль, но и тотъ падаетъ. Самъ Даву раненъ. Раппа принесли къ Императору, который ему сказалъ: «Ну, что, Раппъ, по-прежнему? А что дѣлается тамъ наверху?» Адъютантъ отвѣчалъ, что слѣдовало бы послать гвардію на подкрѣпленіе. «Нѣтъ, сказалъ Наполеонъ, я отъ этого остерегусь, я не хочу, чтобы мнѣ ее разбили, я выиграю сраженіе и безъ нея».

Тогда Ней съ своими тремя дивизіями, въ которыхъ оставалось лишь десять тысячъ человѣкъ, устремился въ долину; онъ поспѣшилъ на помощь Даву. Огонь непріятеля раздѣлился. Ней бросился. 57-й полкъ Компана, при видѣ подошедшей поддержки, снова оживился въ послѣднемъ порывѣ и, удачно достигнувъ непріятельскихъ окоповъ, взобрался на нихъ, врѣзался въ ряды русскихъ и, опрокидывая ихъ своими штыками, перебилъ самыхъ упорныхъ. Остатки непріятеля обратились въ бѣгство и 57-й полкъ укрѣпился на захваченномъ пунктѣ. Въ то же время Ней съ такой яростью кинулся на два другихъ редута, что вырвалъ ихъ у непріятеля.

Былъ полдень. Когда лѣвая линия русскихъ была оттиснута и долина очищена, Императоръ приказалъ Мюрату направиться туда съ своей кавалеріей, чтобы завершить атаку. Этому принцу было достаточно одного мгновенія, чтобы показаться на высотахъ, гдѣ вновь появлялся непріятель, потому что вторая линия русскихъ и подкрѣпленіе, приведенное Багавутомъ отъ Тучкова, пришли на помощь первой. Они собирались, укрѣпляясь въ Семеновскомъ, чтобы отнять свои редуты. Среди французовъ царилъ безпорядокъ побѣды—изумленные они отступили.

Вестфальцы, посланные Наполеономъ на помощь Понятовскому, пересѣкли лѣсъ, отдѣлявшій этого принца отъ остальной арміи, и увидели среди дыма и пыли наши отступавшіе отряды. Судя по направленію, по которому двигались эти отряды, они приняли ихъ за враговъ и стали по нимъ стрѣлять. Это недоразумѣніе, въ которомъ они долго не могли разобраться, еще больше увеличило нашъ безпорядокъ.

Непріятельская кавалерія поспѣшила рѣшительно использовать свою удачу, она окружила Мюрата, который забылъ объ осторожности, желая объединить своихъ; уже непріятели протягивали руки, чтобы схватить его, когда этотъ принцъ ускользнулъ, бросившись на редуть, но онъ нашелъ тамъ лишь обезкураженныхъ солдатъ, которые покидали своихъ и метались въ отчаяніи вокругъ бруствера; для бѣгства имъ не доставало только лазейки.

Присутствіе короля и его крики ободрили было нѣкоторыхъ. Самъ онъ схватываетъ первое попавшееся оружіе и, сражаясь одной рукой, другой высоко размахиваетъ перьями своего султана, призывая всѣхъ своихъ и сообщая имъ прежнюю отвагу примѣромъ своего собственного мужества. Въ то же время Нея перестроилъ свои дивизіи. Ихъ огонь останавливаетъ непріятельскихъ кирасировъ и вноситъ смятеніе въ ихъ ряды: русскіе отступаютъ, Мюратъ избавленъ отъ опасности и высоты вновь завоеваны.

Король, едва избѣгнувъ одной опасности, устремляется въ другую. Онъ мчится на врага во главѣ кавалерійскихъ отрядовъ Брюера и Нансути и повторными настойчивыми натисками онъ опрокидываетъ ряды русскихъ, отталкиваетъ, оттѣсняетъ ихъ къ центру и, благодаря ему, до часу наступаетъ полное пораженіе лѣваго крыла непріятели.

Но высоты возлѣ разрушеннаго села Семеновскаго, куда примыкала лѣвая сторона центра русскихъ, были еще нетронуты; та подмога, которую Кутузовъ безпрестанно вытребовывалъ съ праваго фланга, здѣсь укрѣпилась. Ихъ сильный огонь обрушивался на Нею и Мюрата, побѣду онъ задерживалъ; слѣдовало овладѣть этой позиціей. Сначала Мобургъ съ своей кавалеріей разсѣялъ ихъ первые ряды, за нимъ слѣдо-

валь со своей пѣхотой Фріанъ, генераль Даву. А Дюфуръ и 15-й полкъ легкой кавалеріи первыми взобрались на этотъ откосъ. Они выселили русскихъ изъ этой деревни, развалины которой были плохо укрѣплены Фріанъ поддерживалъ этотъ натискъ, воспользовался своимъ успѣхомъ и упрочилъ его, хотя и получилъ рану.

Этотъ геройскій подвигъ открылъ намъ путь къ побѣдѣ, нужно было немедля имъ воспользоваться. Но Мюратъ и Ней были истощены и, пока они собирали свои отряды, они послали просить подмоги.

И въ тотъ моментъ было замѣчено, что Наполеона охватило небывалое дотолѣ колебаніе; онъ долго раздумывалъ. Наконецъ послѣ того, какъ онъ неоднократно отмѣнялъ приказанія, даваемые своей молодой гвардіи, онъ рѣшилъ, что на этихъ высотахъ будетъ достаточно присутствія отрядовъ Фріана и Мобурга, такъ какъ по его мнѣнію рѣшающій моментъ еще не наступилъ.

Но Кутузовъ, воспользовавшись этой заминкой, на которую онъ могъ рассчитывать, призываетъ на помощь своему лѣвому флангу, открытому со всѣхъ сторонъ, всѣ свои резервы до гвардіи включительно. Багратіонъ со всѣми подкрѣпленіями снова пополняетъ его ряды, его правый флангъ упирается въ батарею, атакующую принца Евгенія, а лѣвый въ тотъ лѣсъ, которымъ замыкается поле битвы возлѣ Псарева. Огонь русскихъ разрушаетъ наши ряды, ихъ дружная атака упорна и стремительна: пѣхота, артиллерія, кавалерія—всѣ соединились въ одномъ натискѣ. Ней и Мюратъ ожесточенно пытались противостоять этой бурѣ; для нихъ дѣло шло уже не о дальнѣйшей побѣдѣ, а о томъ, чтобы сохранить добытое передъ тѣмъ.

Солдаты Фріана, выстроенные передъ Семеновскимъ, отбили первый натискъ, но осыпанные градомъ пуль и картечи они заколебались; одинъ изъ ихъ начальниковъ падаетъ духомъ и приказываетъ отступить. Въ эту рѣшительную минуту къ нему подбѣгаетъ Мюратъ и, схвативъ его за шиворотъ, восклицаетъ: «Что вы дѣлаете?» Полковникъ, указывая ему на землю, на которой полегла половина отряда, отвѣчалъ: «Вы сами понимаете, что здѣсь невозможно дольше держаться!»—А! Я-то остаюсь здѣсь!—воскликнулъ король. Эти слова остановили офицера; онъ пристально посмотрѣлъ на монарха и хладнокровно сказалъ: «Вы правы! Солдаты, впередъ! Идемте умирать!»

Между тѣмъ Мюратъ послалъ Борелли къ Императору за подкрѣпленіемъ. Этотъ офицеръ указалъ на облака пыли, поднятыя движеніемъ кавалеріи на высотахъ, которыя оставались спокойными съ самаго момента ихъ захвата, и впервые нѣсколько ядеръ разорвалось у ногъ Наполеона.

Непріятель приближается, Борелли настаиваетъ и Императоръ обѣщаетъ дать свою молодую гвардію, но едва успѣваетъ она сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ Императоръ крикомъ повелѣваетъ ей остановиться. Тѣмъ не менѣе графъ де-Лобо заставлялъ ее понемногу подвигаться подъ предлогомъ выравниванія ея рядовъ. Наполеонъ это замѣтилъ и повторилъ свое приказаніе.

Къ счастью, запасная артиллерія двинулась въ эту минуту, чтобы занять позицію на захваченныхъ высотахъ. Лористонъ получилъ на этотъ маневръ согласіе Императора, которое являлось скорѣе уступкой, чѣмъ приказаніемъ. Но вскорѣ этотъ маневръ показался ему настолько необходимымъ, что онъ сталъ торопить его выполнение, выражая при этомъ рѣзкую настойчивость, которую онъ лишь однажды обнаружилъ за весь тотъ день.

Неизвѣстно, колебался ли онъ вслѣдствіе ненадежности исхода сраженій Понятовскаго и принца Евгенія на правомъ и на лѣвомъ флангахъ, но достовѣрно то, что онъ какъ-будто опасался, какъ бы крайній лѣвый флангъ русскихъ, ускользнувъ отъ поляковъ, не вернулся и не захватилъ бы поле битвы съ тыла Нея и Мюрата. По крайней мѣрѣ это была одна изъ причинъ, благодаря которой онъ удерживалъ свою гвардію для наблюденія за этимъ пунктомъ. Онъ отвѣчалъ тѣмъ, которые его убѣждали, что ему все это гораздо виднѣе, что его битва еще не началась, что день этотъ затянется надолго, что нужно умѣть выжидать, что надо принимать во вниманіе время, отъ котораго всегда все зависитъ, что еще ничто не опредѣлилось. Потомъ, спросивъ, который часъ, онъ прибавилъ, что моментъ его битвы еще не наступилъ, что она начнется въ два часа.

Но она такъ и не началась. Почти въ теченіе всего дня его можно было видѣть сидящимъ или медленно прогуливающимся то спереди и слѣва редута, завоеваннаго 5 числа, то по краю оврага, вдали отъ битвы, которая ему почти перестала быть видна съ того момента, какъ она передвинулась за высоты; въ тѣ минуты, когда его взглядъ могъ наблюдать сраженіе, онъ взиралъ на него чуждый всякаго безпокойства: ни свои, ни непріятель не вызывали въ немъ никакого нетерпѣнія.

Лишь немногими движеніями онъ выражалъ свою печальную покорность, когда поминутно докладывали о гибели его лучшихъ генераловъ. Онъ неоднократно поднимался, дѣлалъ нѣсколько шаговъ и снова садился.

Всѣ окружающіе съ изумленіемъ смотрѣли на него. Дотолѣ въ подобныя рѣшительныя минуты онъ проявлялъ дѣятельное спокойствіе;

Наполеонъ при Ваграмъ.

Картина Г. Верне. (Версальскій музей).

Ней двинулся впередъ, развертывая свой правый флангъ и заставляя его быстро предвигаться, чтобы дать время вновь выстроиться и лѣвому флангу. Даву и Мюратъ пришли ему на помощь и уцѣлѣвшіе солдаты Нея удержали побѣду надъ остатками отрядовъ Багратіона.

И вотъ битва, прекратившись въ долинѣ, сосредоточилась на высотахъ, оставшихся у непріятеля, и возлѣ большого редута, упорно защищаемаго отъ принца Евгенія центромъ и правымъ флангомъ подъ командой Баркляя.

Такимъ образомъ къ половинѣ дня весь правый флангъ французовъ, Ней, Даву и Мюратъ, сразивъ Багратіона и половину русскихъ рядовъ, предстали передъ остатками непріятельской арміи, настолько порѣдѣвшей, что сквозь нея можно было видѣть резервы, разсѣянные арьергарды вплоть до отступавшихъ.

Но, чувствуя себя слишкомъ слабыми, чтобы броситься въ это опустѣвшее пространство сквозь все еще грозную линію русскихъ, наши громкими криками призывали гвардію: «Молодую гвардію! Пусть она издали слѣдуетъ за нами! Пусть она лишь только покажется, замѣнивъ насъ на этихъ высотахъ. Насъ самихъ будетъ достаточно для нападенія!»

Къ Императору былъ посланъ Бельяръ, который доложилъ, что съ ихъ позицій можно безпрепятственно видѣть Можайскую дорогу, находящуюся позади русской арміи, что по ней движется безпорядочная толпа бѣглецовъ, раненыхъ и множество отступающихъ повозокъ, правда, отъ этой дороги отдѣляются русскихъ оврагъ и роца, но растерявшіеся непріятельскіе генералы и не подумали ей воспользоваться и что нуженъ лишь одинъ натискъ, чтобы проникнуть въ самый центръ этой сумятицы, и такимъ образомъ рѣшить судьбу вражеской арміи, а вмѣстѣ съ ней и самой войны.

Но Императоръ колеблется, сомнѣвается и приказываетъ своему генералу еще разъ отправиться посмотреть и обо всемъ донести ему.

Пораженный Бельяръ отправляется и поспѣшно возвращаясь, докладываетъ, что непріятель начинаетъ одумываться, что можно уже видѣть, какъ роца наполняется стрѣлками, что нельзя терять ни минуты, такъ какъ моментъ можетъ быть упущенъ, и тогда придется затѣвать вторую битву, чтобы дать исходъ первой.

Тутъ Бессьеръ вернулся съ высотъ, куда Наполеонъ посылалъ его посмотреть на положеніе русскихъ. Этотъ маршалъ утверждалъ, что русскіе вовсе не разбѣжались въ безпорядкѣ, что они отступили на вторую позицію, откуда, видимо, готовятъ новую атаку. Тогда Императоръ сказалъ Бельяру, что еще ничто не опредѣлилось и что, прежде чѣмъ пустить

въ дѣло резервы, онъ хочетъ хорошенько уяснить себѣ свой шахматный ходъ. Это самое выраженіе онъ повторялъ нѣсколько разъ, указывая съ одной стороны на старую московскую дорогу, которую не смогъ еще захватить Понятовскій, съ другой—на атаку непріятельской кавалеріи противъ арьергарда нашего лѣваго крыла и, наконецъ, на большой редутъ, о который разбивались всѣ усилія принца Евгенія.

Бельяръ въ недоумѣніи вернулся къ королю и доложилъ ему о невозможности получить подмогу отъ Императора. По его словамъ Наполеонъ находился все на томъ же мѣстѣ со страдальческимъ и убитымъ видомъ, съ разстроеннымъ лицомъ, съ унылымъ взглядомъ, отдавая приказанія вялымъ голосомъ по-среди ужаснаго грохота войны, который, казалось, былъ ему уже чуждъ. Когда эти слава передали Нею, то онъ, подъ вліяніемъ своего пылкаго и безудержнаго нрава выйдя изъ себя, гнѣвно воскликнулъ: «Что же мы пришли сюда для того, чтобы посмотреть на поле сраженія? Что дѣлаетъ Императоръ позади арміи? Чего онъ тамъ дождется, кромѣ пораженія? Ужъ если онъ больше не полководецъ и не воюетъ самъ, а желаетъ повсюду разыгрывать Императора, пусть онъ убирается въ Тюильрійскій дворецъ и предоставитъ намъ самимъ команду!»

Мюратъ оказался спокойнѣе. Онъ вспомнилъ, какъ онъ видѣлъ Императора, объѣзжавшаго наканунѣ непріятельскій фронтъ, сходявшаго съ лошади и стоявшаго съ страдальческимъ и убитымъ видомъ, положивъ голову на орудіе. Мюрату было извѣстно, какую тревожную ночь провелъ Наполеонъ, изнемогавшій отъ непрестаннаго остраго кашля, затруднявшаго его дыханіе. Король понялъ, что усталость и приближеніе равноденствія надорвали ослабѣвшій организмъ и, наконецъ, что въ этотъ рѣшительный моментъ свобода его духа была какъ бы скована его тѣломъ, изнемогавшимъ подъ тройной тяжестью утомленія, лихорадки и той болѣзни, которая изо всѣхъ недуговъ является самымъ губительнымъ для нравственныхъ и физическихъ силъ человѣка.

Между тѣмъ волненія не покидали его, ибо тотчасъ же послѣ Бельяра, Дарю, по настоянію Дюма и особенно Бертъе, тихо сообщилъ Императору, что со всѣхъ сторонъ поднялись крики о томъ, что наступилъ моментъ пустить въ бой гвардію. Но Наполеонъ возразилъ: «А если завтра будетъ битва, кто пойдетъ сражаться?» Министръ не настаивалъ болѣе, пораженный тѣмъ, что Императоръ впервые откладывалъ свою побѣду на слѣдующій день.

Въ это время Барклай во главѣ праваго фланга упорно боролся съ принцемъ Евгениемъ, который тотчасъ же послѣ взятія Бородина прошелъ черезъ Колоочь передъ большимъ непріятельскимъ редутомъ. Тутъ

русскіе особенно разсчитывали на крутизну своихъ высотъ, окруженныхъ глубокими и топкими оврагами, на наше изнеможеніе, на свои окопы, вооруженные орудіями большого калибра, и, наконецъ, на окаймлявшихъ эти холмы восемьдесятъ пушекъ, которыя безпрестанно изрыгали металлъ и огонь. Но ни эти грозныя средства защиты, ни военное искусство, ни удобное мѣстоположеніе, ничто не помогло имъ; охваченные первымъ натискомъ столь знаменитаго безумія французской отваги они вдругъ увидали посреди себя солдатъ Морана и въ смятеніи разбѣжались. Этимъ выдающимся усиліемъ мы обязаны тысячѣ восьмистамъ человѣкамъ 30 полка во главѣ съ генераломъ Бонами.

Въ этой схваткѣ былъ замѣченъ Фавье, адъютантъ Мармона, пріѣхавшій наканунѣ изъ самой Испаніи; онъ въ качествѣ пѣшаго волонтера присоединился къ первымъ рядамъ стрѣлковъ, какъ бы желая быть представителемъ испанскаго войска среди Великой Арміи и возбуждаемый тѣмъ соревнованіемъ по отвагѣ, которое создаетъ героевъ, захотѣлъ проявить себя и быть впереди въ минуту опасности.

Онъ упалъ раненый на этомъ славномъ редутѣ, потому что эта побѣда продолжалась недолго: въ атакѣ не было единодушія, потому ли, что первые изъ нападающихъ были слишкомъ стремительны или потому, что слѣдовашіе за ними проявили медлительность. Нужно было переходить оврагъ; его глубина предохранила отъ непріятельскаго огня и увѣряютъ, что многіе изъ нашихъ тамъ застряли. Такимъ образомъ Моранъ очутился одинъ передъ русскими рядами. Было всего десять часовъ. На правомъ флангѣ Морана Фріанъ еще не отбилъ Семеновской на лѣвомъ — дивизіи Жерара, Брусье и итальянская гвардія еще не выстроились въ ряды.

Къ тому же этой атаки нельзя было производить съ такой рѣшительностью: наши хотѣли лишь задержать и отвлечь Баркляя на эту сторону, такъ какъ битву слѣдовало вести на правомъ флангѣ, ограничиваясь на лѣвомъ небольшими стычками. Таковъ былъ прежде планъ императора и неизвѣстно почему онъ забылъ о немъ въ минуту исполненія, т. к. онъ самъ при первыхъ ударахъ орудій посылалъ къ принцу Евгенію офицера за офицеромъ, чтобы онъ поспѣшилъ съ атакой.

Русскіе, придя въ себя послѣ перваго пораженія, сбѣжались со всѣхъ сторонъ. Кутайсовъ и Ермоловъ повели ихъ сами съ рѣшимостью, достойной этого великаго момента. 30 полкъ отважился одинъ пойти въ штыки противъ цѣлой арміи, онъ былъ окруженъ, смятъ и отброшенъ съ редута, гдѣ онъ оставилъ треть своихъ солдатъ и своего безстрашнаго генерала, получившаго до двадцати ранъ.

Русскіе, ободренные этимъ, не довольствуясь больше защитой, пошли въ атаку. На этомъ пунктѣ сраженія сосредоточилось все, что можетъ дать военное искусство, сила и безумная отвага. Французы продержались въ теченіе четырехъ часовъ на склонѣ этого «вулкана» подъ дождемъ пуль и ядеръ, но для этого понадобилось все искусство принца Евгенія и то чувство, благодаря которому для всегдашнихъ побѣдителей самая мысль о признаніи себя побѣжденными кажется невыносимой. Въ каждой дивизіи по нѣсколько разъ мѣнялись генералы. Вице-король переходилъ отъ одной дивизіи къ другой, перемеживая мольбы съ упреками и главнымъ образомъ напоминая о прежнихъ побѣдахъ. Онъ послалъ предупредить Императора о своемъ критическомъ положеніи, но Наполеонъ отвѣтилъ, что онъ ничѣмъ не можетъ помочь, что побѣда зависитъ отъ вице-короля и что стоитъ сдѣлать еще одно лишнее усиліе и сраженіе будетъ рѣшено. Тогда принцъ собралъ всѣ свои силы для генеральнаго приступа, какъ вдругъ съ лѣвой стороны раздались ужасные крики, которые привлекли къ себѣ его вниманіе.

Уваровъ съ двумя кавалерійскими полками и нѣсколькими тысячами казаковъ напали на его резервъ; тамъ воцарился безпорядокъ, онъ устремился туда, подкрѣпляемый Дельзономъ и Орнано, и, быстро отогнавъ этотъ отрядъ скорѣе шумливый, чѣмъ грозный, вернулся, чтобы вести своихъ въ рѣшительную атаку.

Это произошло въ тотъ моментъ, когда Мюратъ, обреченный на бездѣйствіе въ захваченной имъ долинѣ, послалъ въ четвертый разъ къ своему шурина съ жалобой на потери, причиняемая его кавалеріи русскими, утвердившимися на редутахъ противъ принца Евгенія. Онъ просилъ у Наполеона лишь гвардію на подмогу; при ея поддержкѣ, увѣрялъ онъ, ему удастся овладѣть этими укрѣпленными высотами и вмѣстѣ съ ними онъ опрокинетъ и защищающее ихъ войско.

Императоръ, казалось, согласился, онъ послалъ за Бессьеромъ, начальникомъ конной гвардіи. Къ несчастью, этого маршала не могли найти, такъ какъ онъ, по распоряженію самого же Наполеона, былъ посланъ, чтобы вблизи наблюдать за битвой. Императоръ ждалъ его въ теченіе часа, не обнаруживая нетерпѣнія и не возобновляя своего приказанія. Когда маршалъ, наконецъ, явился, онъ принялъ его съ довольнымъ видомъ, спокойно выслушалъ его донесеніе и позволилъ ему продвинуть гвардію впередъ настолько, насколько тотъ сочтетъ это нужнымъ.

Но уже время было упущено. Нечего было думать о захватѣ всей русской арміи и, быть можетъ, цѣлой Россіи; оставалось лишь удерживать за собой поле битвы. Кутузову дали время опомниться, онъ укрѣ-

пился на оставшихся у него мало доступныхъ высотахъ и покрылъ всю долину своей кавалеріей.

Такимъ образомъ, русскимъ удалось въ третій разъ перестроить свой лѣвый флангъ передъ Неемъ и Мюратомъ, но этотъ послѣдній призываетъ на помощь кавалерію Монбрюна. Этотъ генераль былъ убитъ и замѣщенъ Колэнкуромъ, который, встрѣтивъ адъютантовъ несчастнаго Монбрюна, оплакивавшихъ своего начальника, закричалъ имъ: «Слѣдуйте за мной, не плачьте о немъ и идите отмстить за него!»

Король указалъ ему на вновь выстроившійся непріятельскій флангъ, его слѣдовало бы оттиснуть къ центру ихъ главной батареи; въ то время, какъ легкая кавалерія будетъ пробиваться впередъ, Колэнкуръ со своими кирасирами долженъ будетъ неожиданно повернуть налѣво, чтобы съ тыла захватить этотъ ужасный редутъ, который своимъ фронтомъ по-прежнему напираетъ на вице-короля.

Колэнкуръ отвѣтилъ: «Я не замедлю быть тамъ живымъ или мертвымъ». Онъ отправился тотчасъ же и опрокинулъ все, что ему противостояло на пути, затѣмъ, неожиданно повернувъ налѣво своихъ кирасиръ, онъ первый появился на окровавленномъ редутѣ, гдѣ палъ, сраженный пулей. Онъ нашелъ могилу тамъ же, гдѣ и побѣду.

Поспѣшили сообщить Императору объ этой побѣдѣ и объ этой потерѣ. Братъ несчастнаго генерала, оберъ-шталмейстеръ, услышалъ объ этомъ: сначала онъ былъ ошеломленъ, но вскорѣ справился со своимъ горемъ и если бы не слезы, тихо струившіяся по его лицу, можно было бы подумать, что онъ совершенно спокоенъ. Императоръ сказалъ ему: «Вы слышали? Можетъ быть вы хотите удалиться?» Эти слова онъ сопровождалъ горькимъ восклицаніемъ. Но какъ разъ въ этотъ моментъ мы наступали на непріятеля и оберъ-шталмейстеръ ничего не отвѣтилъ, а лишь слегка приподнялъ шляпу въ знакъ благодарности за предложеніе Императора и отказа имъ воспользоваться.

Въ то время, какъ производилось это рѣшительное наступленіе кавалеріи, вице-король со своей пѣхотой почти достигъ центра огнедышащаго редута. Вдругъ онъ увидалъ, что пальба прекратилась, дымъ разсѣялся и на вершинѣ редута задвигались и засверкали мѣдныя каски нашихъ кирасиръ. Наконецъ-то эти высоты, дотолѣ принадлежавшія русскимъ, перешли къ французамъ! Вице-король устремился туда, чтобы раздѣлить побѣду, довести ее до конца и укрѣпиться на этой позиціи. Но русскіе не отказались отъ нея, они упорствова-

ли, доходя до остервенѣнія. Было видно, какъ они, не теряя мужества, смыкали свои ряды передъ нами и, несмотря на то, что ихъ безпрестанно отбрасывали, они снова подъ предводительствомъ своихъ генераловъ вступали въ битву и шли умирать у подножія окоповъ, возведенныхъ ихъ руками.

Къ ихъ счастью, наступающая колонна направилась безъ артиллеріи къ Семеновскому и большому редуту; очевидно, овраги, замедлили ихъ движеніе. Бельяръ едва успѣлъ собрать тридцать орудій чтобы направить ихъ противъ русской пѣхоты. Она подошла почти подъ самую жерла пушекъ, которыя нанесли ей такой сильный ущербъ, что она разсѣялась и отступила, не успѣвъ развернуть своихъ рядовъ. Мюратъ и Бельяръ утверждали, что, будь у нихъ въ ту минуту десять тысячъ пѣхотинцевъ изъ резерва, они одержали бы рѣшительную побѣду, но было хорошо и то, что, имѣя въ своемъ распоряженіи только одну кавалерію, они смогли удержать за собою поле битвы.

Съ своей стороны Груши при помощи повторныхъ кровопролитныхъ наступленій на лѣвую сторону большого редута закрѣпилъ побѣду и очистилъ эту долину. Но онъ не смогъ преслѣдовать остатковъ русскихъ, потому что ему снова мѣшали овраги, а позади ихъ укрѣпленные редуты прикрывали отступление непріятели.

И тамъ они яростно защищались, закрывая такимъ образомъ дорогу къ Москвѣ, которая была для нихъ святыней, убѣжищемъ и, кромѣ того, главнымъ складомъ провіанта и оружія.

Съ этихъ новыхъ высотъ они разбивали свои прежнія укрѣпленія, которыя теперь перешли къ намъ. Вице-король былъ принужденъ укрыть свои порѣдѣвшіе и измученные ряды въ углубленіяхъ почвы, позади полуразрушенныхъ укрѣпленій. Солдатамъ приходилось стоять на колѣняхъ, согнувшись за разбитыми, исковерканными брустверами. Имъ пришлось пробыть нѣсколько часовъ въ этомъ ужасномъ положеніи подъ угрозой непріятели, котораго они въ свою очередь сдерживали.

Около половины четвертаго мы одержали послѣднюю побѣду.

Въ этотъ день ихъ было нѣсколько. Каждый корпусъ другъ за другомъ захватывалъ то, что было передъ нимъ, но, не получая поддержки изъ резерва, не могъ воспользоваться своимъ успѣхомъ для окончательной побѣды и останавливался въ изнеможеніи.

Но, наконецъ, всѣ главныя препятствія были устранены. Грохотъ орудій ослабѣвалъ и удалялся отъ Императора. Съѣзжались со всѣхъ сторонъ офицеры. Понятовскій и Себастьяни, послѣ упорной борьбы, тоже только что одержали побѣду. Непріатель остановился и укрѣ-

плялся на новой позиціи. Было поздно, наши боевые запасы истощены, битва окончилась.

Тогда Бельяръ въ третій разъ вернулся къ Императору. Страданія Наполеона, казалось, все возрастали. Онъ съ усиліемъ сѣлъ на лошадь и медленно направился на высоты Семеновскаго. Тамъ его глазамъ представилось поле битвы, которое еще не было окончательно завоевано, такъ какъ непріятельскія ядра и даже пули продолжали оспаривать его.

Посреди этого грохота войны и еще не остывшаго пыла Нея и Мюрата, Наполеонъ оставался прежнимъ, съ ослабѣвшимъ голосомъ и вялой походкой. Но видъ русскихъ, свистъ ихъ пуль и ядеръ воодушевили его; онъ приблизился къ ихъ позиціи и выразилъ желаніе отнять ее; тогда Мюрать, указывая ему на нашу почти совсѣмъ разбитую армію, заявилъ, что для этого потребуетъ гвардія, на что Бессьеръ, по своему обыкновенію не упускавшій случая отстаивать это отборное войско, въ видѣ возраженія указалъ на разстояніе, отдѣлявшее отъ насъ непріятельскія укрѣпленія, прибавивъ, что между Наполеономъ и Франціей простирается цѣлая Европа и потому необходимо сохранить хотя эту горсть солдатъ, на которую Императоръ могъ бы рассчитывать. И такъ какъ было уже около пяти часовъ, Бертъе въ свою очередь замѣтилъ, что слишкомъ поздно, и непріятель укрѣпился на своей послѣдней позиціи и что пришлось бы еще пожертвовать не одной тысячей человѣкъ, не добившись удовлетворительнаго исхода нападенія. Тогда Императоръ лишь посовѣтовалъ побѣдителямъ соблюдать осторожность. Потомъ онъ вернулся, по-прежнему шагомъ, къ своимъ палаткамъ, расположеннымъ позади, отнятой два дня тому назадъ батареи, передъ которой онъ оставался съ самага утра почти безучастнымъ свидѣтелемъ всѣхъ превратностей этого ужаснаго дня.

По дорогѣ онъ подозвалъ Мортъе и далъ ему приказъ о выступленіи молодой гвардіи, но съ тѣмъ, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не переходила оврага, отдѣляющаго ихъ отъ непріятеля. Онъ прибавилъ, что уполномочиваетъ его охранять поле сраженія и принять для этого всѣ нужныя мѣры, и этимъ только и ограничиться.

Вскорѣ онъ подозвалъ его снова, спрашивая хорошо ли онъ понялъ приказаніе, и, повторяя свое запрещеніе вступать въ бой, настойчиво предписалъ охранять поле битвы. Черезъ часъ онъ опять послалъ повторить приказаніе: ни въ какомъ случаѣ не выступать и не отступать.

Когда онъ остался въ своей палаткѣ, къ его физическому упадку присоединилась большая душевная скорбь. Онъ только что видѣлъ

поле битвы, это мѣсто говорило краснорѣчивѣ людей, побѣда, столь желанная, купленная столь дорогою цѣной, не была полной. Онъ ли, исчерпывавшій прежде свой успѣхъ до конца, онъ ли теперь такъ холодно и безучастно отнесся къ высшимъ милостямъ, предложеннымъ ему Судьбою?

Правда, потери были громадны и не соответствовали результату: каждый около него оплакивалъ друга, родственника, брата, потому что жребій упалъ на самыхъ избранныхъ. Было убито и ранено сорокъ три генерала. Какой трауръ въ Парижѣ, какое торжество для его враговъ! Какой опасный поводъ къ размышленію для Германіи. Во всей арміи вплоть до его палатки его побѣда молчалива, сумрачна, одинока, даже не слышно лести!

Тѣ, кого онъ позвалъ, Дюма, Дарю, слушали его, молча, но ихъ молчаніе, ихъ позы, ихъ опущенные глаза говорили достаточно.

Было десять часовъ. Мюратъ, пылъ котораго не угасъ отъ двѣнадцатичасовой битвы, снова явился просить гвардейскую кавалерію. «Непріятельская армія въ торопливомъ безпорядкѣ переходитъ Москву-рѣку, сказалъ онъ, я прошу позволенія застигнуть ее врасплохъ и разбить!» Императоръ отвергъ съ несдержаннымъ раздраженіемъ эту остроумную мысль и сталъ диктовать бюллетень этого дня.

Тѣ, которые находились при немъ безотлучно, увидѣли, что этотъ побѣдитель столькихъ народовъ былъ самъ побѣжденъ жгучей лихорадкой и особенно возвратомъ мучительной болѣзни, которая давала себѣ чувствовать при каждомъ рѣзкомъ движеніи, при каждомъ вродолжительномъ и сильномъ волненіи. Тутъ окружавшіе вспомнили слова, написанныя самимъ Императоромъ въ Италіи, пятнадцать лѣтъ тому назадъ: «Здоровье необходимо на войнѣ и ничто не можетъ его замѣнить», а также его, къ несчастью пророческое, восклицаніе при Мустерлицѣ: «Орденеръ постарѣлъ. Для войны нуженъ извѣстный возрастъ. Я буду еще пригоденъ для нея лѣтъ шесть, а потомъ мнѣ придется остановиться!»

Въ теченіе ночи русскіе давали знать о себѣ назойливыми криками. На другой день утромъ поднялась тревога вплоть до палатки Императора. Старая гвардія принуждена была броситься къ оружію, что послѣ побѣды казалось позоромъ. До полудня армія оставалась въ бездѣйствіи или вѣрнѣе можно было бы подумать, что арміи больше не было, а оставался одинъ авангардъ, такъ какъ остальные разсѣялись по полю битвы, чтобы подбирать раненыхъ. Ихъ насчитывалось двадцать тысячъ. Ихъ переносили за два лье отъ поля битвы въ Колоцкій монастырь.

Лейбъ-хирургъ Ларрэ собралъ фельдшеровъ со всѣхъ полковъ; поспѣли походные госпитали, но всего этого было недостаточно. Впослѣдствіи онъ жаловался въ печатной реляціи, что ему не было предоставлено ни одного отряда для того, чтобы раздобыть на этотъ случай въ сосѣднихъ селеніяхъ предметы первой необходимости.

Императоръ объѣзжалъ поле битвы; еще ни разу мѣсто сраженія не являло собой такого ужаснаго зрѣлища. Все соотвѣтствовало этому ужасу: мрачное небо, холодный дождь, порывистый вѣтеръ, испепеленныя жилища, изборожденная долина, покрытая развалинами и обломками; на горизонтѣ сумрачно и печально зеленѣли деревья сѣвера; повсюду среди труповъ бродили солдаты, отыскивая себѣ пищу даже въ сумкахъ своихъ погибшихъ товарищей; раны воиновъ были страшны, потому что русскіе пули крупнѣе нашихъ; бивуаки безмолвствовали, не слышно было ни пѣнія, ни разговоровъ — суровая тишина!

Вокругъ орловъ прогуливалось ровно столько офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ, сколько требовалось для охраны знамени. Ихъ одежды были изорваны въ пылу битвы, закопчены пороховымъ дымомъ, обагрены кровью, но въ то же самое время посреди этихъ отрепьевъ, нищеты, этого бѣдствія, они казались гордыми и при видѣ Императора раздалось даже нѣсколько отдѣльныхъ вынужденныхъ возгласовъ торжества, потому что въ этой арміи, склонной къ энтузіазму и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣющей взвѣшивать обстоятельства, каждый судилъ по-своему объ общемъ положеніи дѣла.

Французскіе солдаты не ошибаются на этотъ счетъ: они были поражены такимъ большимъ количествомъ убитыхъ и раненыхъ и такимъ незначительнымъ числомъ плѣнныхъ, которыхъ было менѣе восьми сотъ! Обыкновенно по числу этихъ послѣднихъ и опредѣлялся успѣхъ. Убитые говорили скорѣе о храбрости побѣжденныхъ, чѣмъ о нашей побѣдѣ. Если уцѣлѣвшій непріятель отступилъ въ такомъ блестящемъ порядкѣ, гордымъ и не теряющимъ мужества, что значило для насъ пріобрѣтеніе какого-то поля битвы? Развѣ русскіе въ такой обширной странѣ не найдутъ мѣста для битвы?

Посреди этой кучи труповъ, по которой приходилось двигаться, слѣдя за Наполеономъ, чья-то лошадь наступила на раненаго и у него, обнаруживая послѣдніе признаки жизни, вырвался крикъ страданія. Императоръ, дотолѣ безмолвный, какъ его побѣда, и удрученный видомъ столькихъ жертвъ, вышелъ изъ себя; онъ облегчилъ свою душу возгласами негодованія и заботами, которыми онъ велѣлъ окружить этого несчастнаго. Кто-то, желая его успокоить, замѣтилъ, что это всего-на-всего русскій, но онъ возбужденно возразилъ: «Послѣ побѣды

нѣтъ непріятелей: остаются лишь люди!» Затѣмъ онъ отпустилъ слѣдовавшихъ за нимъ офицеровъ, чтобы они отправились на помощь тѣмъ, крики которыхъ раздавались со всѣхъ сторонъ.

Раненыхъ находили главнымъ образомъ на днѣ овраговъ, куда накануне была отброшена большая часть нашихъ и куда многіе приползли, чтобы скрыться отъ непріятели и урагана. Нѣкоторые среди стоновъ вспоминали родину, призывали своихъ матерей.—Это были самые молодые; болѣе пожилые ожидали смерти съ видомъ внѣшняго безстрастія и подавленной горечи, не снисходя до моленій и жалобъ; иные же просили, чтобы ихъ тутъ же добивали, но всѣ поспѣшно проходили мимо этихъ несчастныхъ, не поддаваясь никакому чувству жалости, ибо помощь была бы бесполезной, а прикончить страдающихъ не хватало силъ!

Одинъ изъ нихъ, наиболѣе искалѣченный (у него сохранилось лишь туловище и одна рука), казался такимъ оживленнымъ, исполненнымъ надежды и даже веселости, что попробовали его спасти. Когда его переносили, то замѣтили, что онъ жаловался на боль тѣхъ членовъ, которыхъ у него не доставало; это часто встрѣчается у калѣкъ и служить какъ бы новымъ доказательствомъ того, что душа есть нѣчто цѣльное и что лишь ей одной свойственны чувства, а никакъ не тѣлу, которое не можетъ ни чувствовать, ни думать.

Русскіе заползали въ тѣ мѣста, гдѣ груди тѣлъ могли служить имъ ужаснымъ убѣжищемъ. Многіе увѣряли, что одинъ изъ этихъ несчастныхъ прожилъ нѣсколько дней въ трупѣ лошади, разорванной гранатой, питаясь ея внутренностями, а нѣкоторые изъ нихъ выправляли свои перебитыя ноги, крѣпко подвязывая къ нимъ вѣтки деревьевъ, затѣмъ, опираясь на какую-нибудь другую палку, добивались такимъ образомъ до одной изъ ближайшихъ деревень. Они не испускали ни одного стона.

Можетъ быть, будучи далеко отъ своихъ, они не рассчитывали на наше состраданіе, но достовѣрно то, что они тверже переносили боль, чѣмъ французы, не потому что были мужественнѣе французовъ, а потому что русскіе вообще менѣе чувствительны тѣломъ и душой, что вызывается низкимъ уровнемъ цивилизаціи, а также суровымъ климатомъ, закаляющимъ ихъ организмъ.

Во время этого печальнаго осмотра, Императоръ напрасно пытался найти себѣ успокоеніе, приказывая пересчитывать оставшихся плѣнныхъ и подобрать кое-какія сломанныя пушки: семьсотъ или восемьсотъ плѣнныхъ и около двухъ десятковъ разбитыхъ орудій были единственными трофеями этой безрезультатной побѣды.

ніе сдать ся этотъ послѣдній отвѣтилъ выстрѣломъ. Это безпокойство длилось еще нѣсколько минутъ, какъ вдругъ наша армія испустила крикъ радости и восхищенія, замѣтивъ, какъ русская кавалерія, изумленная такой упорной отвагой, отступила, чтобы не подвергаться выстрѣламъ, разсыпалась, и мы увидѣли, что этотъ отрядъ храбрецовъ, могущій помѣститься на нѣсколькихъ футахъ земли, захватилъ огромное поле битвы.

Какъ только русскіе замѣтили, что мы серьезно собираемся ихъ атаковать, они исчезли безъ слѣда. Повторилось то, что произошло при Витебскѣ и Смоленскѣ, и было особенно удивительно, что это случилось на другой же день послѣ такого ужаснаго бѣдствія. Сначала мы стояли въ нерѣшимости между московской и калужской дорогами, затѣмъ Мюратъ и Мортъе наудачу направились къ Москвѣ.

11-го сентября около Крымскаго снова показалась непріятельская армія, прочно укрѣпившаяся на твердой позиціи. Слѣдуя своему методу, русскіе больше считались съ мѣстоположеніемъ, чѣмъ съ непріателемъ. Герцогъ де - Тревизъ пытался убѣдить Мюрата въ невозможности атаки, но пороховой дымъ опьянилъ этого монарха и онъ приказалъ Дюфуру и Мортъе двинуть пѣхоту. Это были остатки дивизіи Фріана и молодая гвардія. Въ атакѣ бесполезно погибли двѣ тысячи человѣкъ изъ этого резерва, такъ некстати оберегавшагося въ день Бородинскаго сраженія, и Мортъе, выйдя изъ себя, написалъ Императору, что онъ отказывается повиноваться Мюрату. Генералы авангарда принуждены были письменно сноситься съ Наполеономъ, такъ какъ онъ уже въ продолженіе трехъ дней оставался въ Можайскѣ, запершись въ своей комнатѣ, все еще изнуряемый тяжелыми приступами лихорадки, заваленный дѣлами и мучимый безпокойствомъ. Благодаря сильному насморку и простудѣ, онъ потерялъ способность говорить. Принужденный одновременно диктовать семи человѣкамъ и не имѣя возможности громко говорить, онъ самъ записывалъ на разныхъ бумагахъ конспекты своихъ депешъ. Если же возникали какія-нибудь затрудненія, онъ изъяснялся знаками.

Однажды, когда Бессьеръ перечислялъ ему имена генераловъ, раненыхъ во время битвы, Наполеонъ, которому вдругъ отъ сильнаго волненія вернулся голосъ, прервалъ маршала слѣдующимъ восклицаніемъ: «Недѣля въ Москвѣ и все забудется!»

Несмотря на то, что до сихъ поръ онъ возлагалъ всѣ свои надежды на эту столицу, теперь кровавая и нерѣшительная побѣда ослабила ихъ. По его инструкціямъ, посланнымъ черезъ Бертье маршалу Виктору, можно судить объ его отчаяніи. Онъ пишетъ:

«Непріятель, пораженный въ самое сердце, уже не станетъ шутить. Передайте герцогу Беллюну, чтобы онъ все — батальоны, эскадроны, артиллерію, отставшихъ—направлялъ въ Смоленскъ, чтобы можно было оттуда двинуться на Москву».

Наполеону донесли, что непріятельская армія снова показалась и что она, не поворачивая направо къ Калугѣ (какъ онъ этого опасался), все время продолжаетъ отступать.

До Москвы оставалось только два дня пути. Имя этого города, съ которымъ было связано столько надеждъ, сразу подняло упавшія силы Императора и 12 сентября онъ уже былъ въ состояніи сѣсть въ экипажъ, чтобы отправиться впередъ для соединенія съ своимъ авангардомъ.

Москва.

Русскій Императоръ передъ глазами своихъ враговъ не выступилъ, какъ полководецъ.

Но его политическія мѣропріятія въ новопріобрѣтенныхъ и въ коренныхъ областяхъ Россіи, его обращеніе къ арміи изъ Полоцка, воззваніе къ Москвѣ и ко всей его многочисленной націи, необыкновенно соотвѣтствовали характеру и понятіямъ жителей той или другой мѣстности и, согласно съ этимъ, его приемы воздѣйствія были очень различны.

Такъ, напримѣръ, въ новопріобрѣтенной части Литвы русскія войска, не то благодаря успѣшности, не то изъ расчета отступая, ничего не тронули. Что же касается литовскихъ областей, издавна присоединенныхъ къ Россіи, въ которыхъ, благодаря кроткому образу правленія, щедро раздаваемымъ милостямъ и, наконецъ, въ силу привычки, населеніе забыло о своей прежней независимости—изъ этихъ областей русскіе увели большое количество людей и воспользовались всѣмъ, что только можно было съ собой захватить.

Въ коренной же Россіи, гдѣ религія, суевѣріе, невѣжество, патриотизмъ, все было на руку властямъ,—тамъ правительство всѣхъ и вся привлекло къ участію въ войнѣ, а то, чѣмъ оно не могло воспользоваться—разрушалось; всѣ жители, не поступившіе въ регулярное войско, обращались въ ополченцевъ и казаковъ.

Такъ какъ внутренней части имперіи грозила опасность, то Москва первая должна была подать примѣръ мужества. Эта столица,

Необходимость привела въ Москву Александра; онъ направился туда изъ Полоцка, предпославъ воззваніе ожидавшимъ его жителямъ.

Онъ появился сначала среди собравшагося дворянства. Все соотвѣтствовало торжественности минуты: окружающая обстановка, собраніе, ораторъ и рѣшенія, которыя были имъ подсказаны. Онъ говорилъ взволнованнымъ голосомъ и едва кончилъ свою рѣчь, какъ со всѣхъ сторонъ изъ всѣхъ сердець вырвался единодушный крикъ: «Государь, требуйте, что хотите. Мы все вамъ предоставляемъ! Возьмите все!»

Затѣмъ Александръ обратился къ купечеству, но съ болѣе краткой рѣчью. Онъ велѣлъ имъ прочесть ту прокламацію, гдѣ Наполеонъ представленъ злодѣемъ, Молохомъ, который съ затаеннымъ въ сердцѣ коварствомъ и съ сладкой рѣчью на устахъ пришелъ, чтобы стереть Россію съ лица земли.

Говорятъ, что при этихъ словахъ запылали гнѣвомъ всѣ эти мужественныя и загорѣлыя лица, которымъ бороды придавали одновременно видъ чего-то античнаго, внушительнаго и дикаго. Ихъ глаза засверкали гнѣвомъ, ихъ охватила бѣшеная ярость. Они заламывали руки, сжимали кулаки, слышался скрежетъ зубовъ и подавленные крики. Рѣшеніе, принятое ими, соотвѣтствовало всему этому. Выбранный ими старшина оказался достойнымъ этого званія.

Онъ первый подписалъ пятьдесятъ тысячъ рублей — двѣ трети своего состоянія и принесъ ихъ на слѣдующей день.

Эти купцы дѣлятся на три категоріи и было предложено опрѣделить для каждой размѣръ жертвуемой суммы. Но одинъ изъ нихъ, числившійся въ послѣдней гильдіи, заявилъ, что его патріотизмъ не подчиняется никакимъ мѣрамъ и тутъ же назначилъ сумму, на много превышавшую опрѣделенный размѣръ пожертвованія, другіе болѣе или менѣе въ томъ же духѣ послѣдовали его примѣру.

Говорятъ, что этотъ патріотическій даръ достигъ двухъ милліоновъ рублей. Въ другихъ губерніяхъ, какъ эхо, отозвался національный вопль Москвы.

Между тѣмъ Смоленскъ былъ захваченъ, Наполеонъ появился въ Вязьмѣ, — въ Москвѣ началась тревога. Бородинское сраженіе еще не было проиграно, какъ уже жители начали покидать столицу.

Въ то же время недалеко отъ Москвы, по приказанію Александра, подъ наблюденіемъ нѣмецкаго пиротехника строился чудовищныхъ размѣровъ шаръ; главное назначеніе этого крѣпятаго аэростата заключалось въ томъ, чтобы парить надъ французской арміей, отыскать ея начальника и уничтожить его, обрушивъ на него цѣльный дождь

огня и металла. Было сдѣлано нѣсколько неудачныхъ попытокъ, такъ какъ постоянно ломались пружинныя крылья шара.

Но губернаторъ Ростопчинъ, притворяясь, что онъ занятъ усовершенствованіемъ этого аппарата, приказалъ заготовить множество ракетъ и взрывчатыхъ веществъ. Самой Москвѣ предназначалось стать той огромной адской машиной, неожиданный взрывъ которой среди ночи долженъ былъ уничтожить Императора и его армію. Если же непріятелю и удастся избѣгнуть этой опасности, то онъ по крайней мѣрѣ лишится убѣжища и всякихъ ресурсовъ, и на него же падетъ позорное обвиненіе въ причинахъ этого бѣдствія (какъ и было сдѣлано по отношенію къ Смоленску, Дорогобужу, Вязьмѣ, Гжатску) и тѣмъ самымъ вся Россія возстанетъ противъ французовъ.

Таковъ былъ ужасный планъ этого доблестнаго потомка, одного изъ величайшихъ завоевателей Азіи. Планъ этотъ, возникшій съ такой легкостью, взлелѣянный съ такой предусмотрительностью, былъ безъ колебаній приведенъ въ исполненіе. Вспослѣдствіи этого русскаго вельможу видали въ Парижѣ. Онъ оказался порядочнымъ человѣкомъ, добрымъ супругомъ, прекраснымъ отцомъ, человѣкомъ высоко развитого ума и отличался мягкимъ чарующимъ обхожденіемъ, но, подобно нѣкоторымъ изъ своихъ соотечественниковъ, онъ соединялъ въ себѣ на ряду съ современной цивилизаціей твердость и стойкость античныхъ народовъ.

Съ той поры имя его перешло въ исторію. Впрочемъ, не ему одному принадлежитъ честь принесенія этой жертвы: оно началось уже со Смоленска, а Ростопчинъ лишь довелъ дѣло до конца. Подобное рѣшеніе, какъ все великое и цѣльное, вызвало восхищеніе. Причины этого рѣшенія были уважительны, а успѣшное исполненіе оправдало его. Такое необычайное самоотверженіе заслуживаетъ вниманія и восхищенія историка.

Этотъ человѣкъ, одинъ посреди обширной и почти разрушенной имперіи, прямо смотрѣлъ въ глаза опасности. Онъ ее взвѣсилъ, обсудилъ, и чтобы избавиться отъ нея, осмѣлился, можетъ быть, никѣмъ не будучи уполномоченъ, пожертвовать всѣми общественными и частными интересами. Будучи простымъ подданнымъ, онъ рѣшалъ судьбу государства, не спрашивая на то согласія своего владыки; будучи дворяниномъ, онъ обрекъ на разрушеніе дворцы всѣхъ дворянъ, также безъ ихъ согласія, будучи, въ силу занимаемой имъ должности, покровителемъ многочисленнаго населенія, цѣлой толпы богатыхъ коммерсантовъ, одной изъ величайшихъ столицъ Европы, онъ принесъ въ жертву все — имущество, учрежденія, цѣлый городъ. Онъ самъ пре-

молвію, какъ вдругъ вдалькѣ послышался жалобный вопль; это было нѣчто въ родѣ погребальнаго пѣнія надъ обширнымъ городомъ. Застывъ, она смотрѣла на приближеніе громадной толпы мужчинъ и женщинъ, исполненныхъ отчаянія, уносившихъ свое имущество, свои иконы и влачившихъ за собой своихъ дѣтей. Впереди шли священники, нагруженные церковной утварью, и жалобными гимнами призывали небо, остальные со слезами вторили имъ.

Эти несчастные, достигнувъ городскихъ воротъ, медлили проходить впередъ: ихъ взоры еще разъ обращались къ Москвѣ, какъ будто они посылали послѣднее прощаніе своему святому городу; но мало-помалу звуки рыданій и мрачнаго пѣнія затерялись въ обширномъ пространствѣ окрестностей города.

Въ русской арміи, расположенной въ Филяхъ возлѣ Москвы, насчитывалось девяносто одна тысяча человѣкъ, изъ нихъ было шесть тысячъ казаковъ, и тѣ шестьдесятъ пять тысячъ регулярнаго войска, которые уцѣлѣли изъ ста двадцати одной тысячи послѣ Бородина, кромѣ того было еще двадцать тысячъ ополченцевъ, вооруженныхъ наполовину пиками, наполовину ружьями.

Французская армія, располагавшая наканунѣ великаго сраженія ста тридцатью тысячами человѣкъ, потеряла при Бородинѣ около сорока тысячъ и въ ней оставалось девяносто тысячъ. Должны бы еще подоспѣть, сводные полки и дивизіи Лабордо и Пино: такимъ образомъ, подходя къ Москвѣ, французская армія состояла изъ ста тысячъ человѣкъ. Ея движеніе замедлялось, такъ какъ вмѣстѣ съ ней слѣдовали 607 оружій, 2500 артиллерійскихъ повозокъ и 5000 повозокъ съ кладью; боевыхъ запасовъ у нихъ было ровно на одинъ день сраженія. Можетъ быть Кутузовъ принялъ въ расчетъ неравенство его дѣйствительныхъ наличныхъ силъ съ нашими, впрочемъ, здѣсь приходится ограничиваться лишь однѣми догадками, такъ какъ онъ объяснилъ свое отступленіе чисто стратегическими соображеніями.

Достовѣрно лишь то, что этотъ старый генералъ, обманывалъ губернатора до послѣдней минуты. Онъ все время клялся своими сѣдинами, что онъ рѣшился вмѣстѣ съ нимъ погибнуть подъ Москвой, какъ вдругъ Ростопчинъ узнаетъ, что ночью на совѣтѣ, происходившемъ въ русскомъ лагерѣ, было рѣшено безъ боя оставить столицу непріятелю.

При этомъ извѣстіи Ростопчинъ, полный гнѣва, но по-прежнему непоколебимый, рѣшается на жертву. Откладывать было нельзя и потому онъ не пытался болѣе скрывать отъ жителей Москвы предназначенную ей участь, да и не къ чему было церемониться съ этимъ

остаткомъ обитателей, которыхъ нужно было во что бы то ни стало побудить къ бѣгству.

Ночью въ двери всѣхъ домовъ стучались посланные, оповѣщая о пожарѣ. Взрывчатыя вещества были положены во всѣ подходящія мѣста, главнымъ образомъ въ крытыя желѣзомъ лавки торговаго квартала. Пожарные насосы были удалены. Отчаяніе достигло крайнихъ предѣловъ: одни были охвачены смятеніемъ, другіе полны рѣшимости. Большинство толпилось на площадяхъ, толкаясь, пристававшая другъ къ другу съ вопросами, прося совѣта; многіе безцѣльно бродили, охваченные ужасомъ и отчаяніемъ. Наконецъ, послѣдняя надежда этого люда — армія, покидаетъ его, она проходитъ черезъ городъ и, отступая, уводитъ за собой оставшуюся часть населенія, довольно еще многочисленную.

Она направилась по Коломенской дорогѣ, окруженная растерянной толпой женщинъ, дѣтей и стариковъ, которые, разсыпавшись по всѣмъ направленіямъ, бѣжали черезъ поля и луга по всѣмъ тропинкамъ, безъ съѣстныхъ припасовъ, нагруженные тѣми вещами, которыя они схватили впопыхахъ, покидая свои дома. За неимѣніемъ лошадей нѣкоторые изъ нихъ сами впрягались въ телѣги, увозя на себѣ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, больныхъ женъ, слабыхъ стариковъ, однимъ словомъ все, что было самага дорогаго. Лѣса служили для нихъ убѣжищемъ, гдѣ ихъ поддерживало милосердіе соотечественниковъ.

Эта печальная драма закончилась тяжелой сценой. Когда пробилъ для Москвы ея послѣдній часъ, Ростопчинъ собралъ и вооружилъ всѣхъ, кого онъ могъ удержать. Онъ открылъ тюрьмы, изъ которыхъ шумно вырвалась грязная и отвратительная толпа. Эти несчастные съ дикой радостью кинулись на улицы.

Двое изъ нихъ—русскій, обвинявшійся въ измѣнѣ, и французъ, подозреваемый въ политическомъ преступленіи, были выхвачены изъ этой шайки и приведены къ Ростопчину, который сталъ русскаго упрекать за его измѣну. Это былъ сынъ купца, котораго уличили въ попыткѣ поднять среди народа мятежъ и, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ принадлежалъ къ сектѣ нѣмецкихъ утопистовъ «мартинистовъ», составлявшихъ общество независимыхъ суевѣровъ. Этотъ чело­вѣкъ даже въ оковахъ не утратилъ своей дерзости. Думали одно время, что духъ равенства проникъ въ Россію. Впрочемъ этотъ чело­вѣкъ не выдалъ своихъ единомышленниковъ.

Вскорѣ подоспѣлъ его отецъ. Всѣ ожидали, что онъ заступится за своего сына, но онъ требовалъ его смерти. Губернаторъ далъ ему нѣсколько минутъ, чтобы попрощаться съ сыномъ и благословить его

сква!» подобно тому, какъ моряки послѣ долгаго и затруднительнаго плаванія восклицаютъ: «Земля! Земля!»

При видѣ этого позлащеннаго города, этого блестящаго соединенія Азіи и Европы, этого величественнаго сочетанія роскоши, обычаевъ и искусствъ двухъ прекраснѣйшихъ частей свѣта, мы остановились, охваченные горделивымъ восхищеніемъ. Что за славный день! Какое великое и блестящее воспоминаніе, оставшееся у насъ на всю жизнь. Мы чувствовали, что въ этотъ моментъ глаза всего изумленнаго міра должны быть устремлены на наши дѣянія и что наше каждое малѣйшее движеніе становится историческимъ событіемъ.

Съ этого обширнаго и внушительнаго возвышенія намъ казалось, что наше побѣдное шествіе окружено восторженными кликами всѣхъ народовъ. Гордые тѣмъ, что мы возвысили нашъ благородный вѣкъ надъ всѣми другими вѣками, мы видѣли, что онъ уже сталъ великъ нашимъ величіемъ, что онъ блещетъ нашей славой.

Съ какимъ энтузіазмомъ, съ какимъ благоговѣйнымъ почтеніемъ будетъ встрѣчено наше столь желанное возвращеніе нашими женами, нашими соотечественниками и даже нашими отцами!

Но когда эти гордые помыслы смѣнились болѣе спокойными чувствами, мы говорили себѣ, что здѣсь предъ нами—конечная цѣль нашихъ трудовъ, что, наконецъ, мы должны остановиться, потому что невозможно превзойти самихъ себя послѣ похода, который равняется по своему значенію завоеванію въ Египтѣ и превосходитъ своимъ блескомъ наиболѣе славныя и великія войны древнихъ временъ.

Въ эту минуту опасности, страданія—все было забыто.

Развѣ можно было купить меньшей цѣной право съ гордымъ и счастливымъ сознаніемъ говорить всю свою жизнь:

«Я принималъ участіе въ походѣ на Москву!»

Подъѣхалъ самъ Наполеонъ. Онъ остановился въ восторгѣ и радостное восклицаніе вырвалось изъ его устъ.

Недовольные маршалы со времени Бородинскаго боя отделились отъ него, но при видѣ плѣнной Москвы, при извѣстїи о прибытіи парламентаря, они были поражены величіемъ достигнутаго и опьяненные энтузіазмомъ славы, забыли о своихъ распряхъ. Они толпились около Императора, воздавая должное его счастью и были готовы приписать его геніальной предусмотрительности ту нерадивость къ достиженію полной побѣды, которую онъ проявилъ 7 сентября.

Но первыя движенія души у Наполеона бывали непродолжительны. Слишкомъ много у него было заботъ для того, чтобы предаваться своимъ ощущеніямъ. Его первое восклицаніе было: «Такъ вотъ

онъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ!» и затѣмъ онъ прибавилъ: «Давно пора!»

И его взоры, устремленные на эту столицу, выражали уже лишь одно нетерпѣніе. Ему казалось, что въ ней онъ видитъ все русское государство. За этими стѣнами скрывались всѣ его надежды на миръ, на покрытіе военныхъ издержекъ, на безсмертную славу; его жадные взоры были прикованы ко всѣмъ входамъ въ городъ. Когда же откроются эти ворота? Когда выйдетъ изъ нихъ депутація, которая отдастъ въ его распоряженіе свои богатства, населеніе, сенатъ и представителей высшаго дворянства. Отнынѣ это предпріятіе, затѣянное имъ съ такой смѣлостью и законченное съ такимъ успѣхомъ, благодаря его отвагѣ явится плодомъ его гениальной расчетливости; его неосторожность лишь утвердитъ его величіе и недоведенная до конца побѣда подъ Бородинымъ станетъ отнынѣ величайшимъ изъ его военныхъ подвиговъ! Такимъ образомъ, все, что могло погубить его, будетъ лишь способствовать его славѣ, и съ этого дня долженъ рѣшиться вопросъ о томъ, является ли онъ самымъ великимъ человѣкомъ въ мірѣ или только отважнѣйшимъ изъ смѣльчаковъ, воздвигъ ли онъ себѣ алтарь или вырылъ могилу.

Между тѣмъ, безпокойство начало охватывать его. Справа и слѣва отъ него принцъ Евгений и Понятовскій стали окружать непріятельскій городъ, впереди него Мюратъ, окруженный своими развѣдчиками, уже достигъ входа въ предмѣстье и тѣмъ не менѣе не появлялась никакая депутація, лишь офицеръ отъ Милорадовича пришелъ заявить, что этотъ генераль подождетъ городъ, если ему не дадутъ времени вывести оттуда свой арьегардъ.

Наполеонъ на все согласился. Первые ряды обѣихъ армій смѣшались на нѣсколько минутъ. Мюратъ былъ узнанъ казаками; эти послѣдніе съ непринужденностью кочевниковъ и подвижностью южанъ окружили его, выражая жестами и восклицаніями одобреніе его храбрости. Мюратъ былъ опьяненъ ихъ восхищеніемъ и, взявъ часы у своихъ офицеровъ, раздавалъ ихъ этимъ дикимъ воинамъ. Одинъ изъ нихъ называлъ его своимъ гетманомъ.

Мюратъ на мгновеніе плѣнился надеждой найти среди этихъ офицеровъ новаго Мазепу и самому сдѣлаться имъ. Онъ думалъ, что привлекъ ихъ на свою сторону. Перемиріе, совершившееся при подобныхъ обстоятельствахъ, воскресило надежды Наполеона—настолько иллюзіи ему были необходимы. Онъ тѣшилъ ими въ теченіе двухъ часовъ.

Между тѣмъ, день склонялся къ вечеру, а Москва оставалась мрачной, безмолвной и какъ бы безжизненной. Томленіе Императора воз-

растало, становилось все труднѣе сдерживать нетерпѣливыхъ солдатъ. Нѣсколько офицеровъ проникли внутрь города: «Москва пуста!»

При этомъ извѣстїи, отвергнутымъ имъ съ негодованїемъ, Наполеонъ спустился съ Поклонной горы и приблизился къ Москвѣ-рѣкѣ у Дорогомиловской заставы. Здѣсь онъ еще подождалъ, но бесполезно. Мюратъ торопилъ его: «Да входите же, [сказалъ онъ, если они этого хотятъ!】 Онъ отдалъ приказанїе соблюдать строжайшую дисциплину; онъ все еще надѣялся: «Можетъ быть эти жители не умѣютъ сдаваться; здѣсь все ново, какъ для насъ, такъ и для нихъ!»

Но тутъ рапорты послѣдовали одинъ за другимъ, подтверждая одно и то же. Французы, проживавшіе въ Москвѣ, рѣшились покинуть убѣжища, въ которыхъ, въ теченїе нѣсколькихъ дней, они скрывались отъ ярости толпы;—они подтвердили роковое извѣстїе. Наполеонъ призвалъ Дарю и воскликнулъ: «Москва пуста! Какое невѣроятное событїе. Надо туда проникнуть. Идите, и приведите мнѣ бояръ!» Онъ думалъ, что эти люди, охваченные гордостью или парализованные ужасомъ, неподвижно сидятъ у своихъ очаговъ, и онъ, который всюду встрѣчалъ покорность со стороны побѣжденныхъ, хотѣлъ возбудить ихъ довѣріе тѣмъ, что самъ явился выслушать ихъ мольбы.

Да и какъ можно было подумать, что столько пышныхъ дворцовъ, столько великолѣпныхъ храмовъ, столько богатыхъ складовъ были покинуты ихъ владѣльцами, подобно тому, какъ были брошены тѣ бѣдныя хижины, мимо которыхъ проходила французская армія? Между тѣмъ, Дарю вернулся ни съ чѣмъ. Ни одинъ москвичъ не показывался.

Ни одной струйки дыма не поднималось изъ трубъ домовъ, ни малѣйшаго шума не доносилось изъ этого обширнаго и многолюднаго города. Казалось, какъ будто триста тысячъ жителей точно по волшебству были поражены нѣмой неподвижностью. Это было молчанїе пустыни!

Но Наполеонъ былъ такъ настойчивъ, что заупрямился и все еще продолжалъ дожидаться. Наконецъ, одинъ офицеръ, не то желая выслужиться, не то будучи увѣренъ, что всѣ желанїя Императора должны быть исполнены, проникъ въ городъ, захватилъ пять-шесть бродягъ и, сидя верхомъ, пригналъ ихъ къ Императору, воображая, что привелъ депутацію.

При первыхъ же отвѣтахъ этихъ проходимцевъ, Наполеонъ убѣдился, что передъ нимъ не кто иной, какъ несчастные поденщики.

Тутъ только онъ окончательно убѣдился въ полномъ опустѣнїи Москвы и всѣ его надежды на этотъ счетъ рушились.

Онъ пожалъ плечами и съ тѣмъ презрѣніемъ, съ которымъ онъ встрѣчалъ все, что противорѣчило его желанію, онъ воскликнулъ: «А! Русскіе еще не знаютъ, какія послѣдствія повлечетъ за собой взятіе ихъ столицы!»

Уже въ теченіе часа Мюратъ и длинная сомкнутая колонна его кавалеріи заполняла Москву, они проникали въ этотъ гигантскій городъ, гдѣ еще все сохраняло прежній видъ, но уже было пусто. Пораженныя удивленіемъ, при видѣ великаго запустѣнія этихъ современныхъ Фивъ, войска сохраняли такое же торжественное молчаніе. Воины прислушивались съ тайнымъ трепетомъ къ стуку лошадиныхъ копытъ, одиноко раздававшемуся среди этихъ опустѣлыхъ дворцовъ; ихъ удивляло, что посреди такого количества жилищъ они слышатъ лишь шумъ своихъ шаговъ!

Никому изъ нихъ даже не пришло въ голову остановиться, чтобы начать грабить, по осторожности ли или потому, что великіе культурные народы оставляютъ въ неприкосновенности непріятельскія столицы, щадятъ ихъ, какъ центры цивилизаціи.

Они молчаливо разсматривали этотъ могущественный городъ, который былъ бы достоинъ вниманія даже среди богатой и многолюдной страны, но казавшійся еще болѣе поразительнымъ среди пустыни, и напоминающій собою богатый пышный оазисъ. Сначала ихъ изумилъ необычайный видъ великолѣпныхъ дворцовъ, но потомъ они замѣтили, что эти дворцы перемѣшивались съ лачугами и подобное зрѣлище обнаружило рѣзкое различіе между классами общества: здѣсь, въ противоположность другимъ странамъ, роскошь появилась не какъ слѣдствіе промышленнаго развитія, но предшествовала ему, тогда какъ обыкновенно это бываетъ наоборотъ.

Здѣсь особенно властно царило неравенство, это несчастье, свойственное каждому человѣческому обществу, и порождало гордость въ однихъ, униженіе въ другихъ и испорченность во всѣхъ. И все таки, та смѣлая рѣшимость, съ которой жители покинули городъ, доказывала, что эта чрезмѣрная роскошь, всецѣло заимствованная у другихъ, насколько не развратила русскаго дворянства.

Молчаливая задумчивость нашихъ войскъ, двигавшихся по этому удивительному городу, была неожиданно нарушена ружейнымъ выстрѣломъ и колонна остановилась. Послѣдніе ряды были еще за городомъ, а центръ двигался по одной изъ длиннѣйшихъ улицъ города, примыкавшей къ Кремлю. Ворота этой крѣпости казались запертыми, а изнутри ея доносились дикія завыванія: нѣсколько мужчинъ и женщинъ отталкивающей и ужасной наружности показались на стѣнахъ въ полномъ

вооружені. Они распространяли противный запах вина и оглашали воздух отвратительными ругательствами и проклятіями. Мюратъ отправилъ къ нимъ посланнаго съ предложеніемъ мира, но это было бесполезно—пришлось разбить ворота пушечными выстрѣлами.

Мы проникли въ Кремль, порою прибѣгая къ оружію, чтобы прочистить себѣ путь среди толпы этихъ проходимцевъ. Одинъ изъ нихъ протолкался къ королю и попытался убить одного изъ его офицеровъ. Мы думали, что будетъ достаточно обезоружить этого бездѣльника, но онъ снова бросился на свою жертву, опрокинулъ ее на землю, пытаясь задушить, а когда почувствовалъ, что его схватили за руки, попробовалъ загрысть ее зубами. Таковы были единственные москвичи, которые насъ ждали и которыхъ оставили намъ, какъ дикій варварскій залогъ народной ненависти.

Тѣмъ не менѣе было замѣтно, что въ этой патріотической ярости не обнаруживалось единства. Пять тысячъ ополченцевъ, забытыхъ на кремлевской площади, равнодушно смотрѣвшихъ на эту сцену, разсѣялись по первому требованію. Дальше мы настигли провіантскій обозъ, конвой котораго тотчасъ же бросилъ оружіе. Нѣсколько тысячъ русскихъ, среди которыхъ были и отставшіе дезертиры, добровольно сдались нашему авангарду, который предоставилъ слѣдующему за возомъ корпусу подобрать ихъ, тотъ въ свою очередь оставлялъ ихъ шедшимъ позади войскамъ и такимъ образомъ они оставались свободными среди насъ до того момента, когда пожаръ и грабежъ вновь пробудили въ нихъ чувства долга и когда они, объединенные одинаковой ненавистью къ врагу, отправились догонять Кутузова.

Мюратъ, вниманіе котораго лишь на нѣсколько минутъ было отвлечено видомъ Кремля, разсѣялъ презираемую имъ толпу бродягъ. Исполненный военнаго пыла, неутомимый, какъ въ Италіи и Египтѣ, пройдя девяносто лье и выдержавъ шестьдесятъ сраженій, чтобы достигнуть Москвы, онъ прошелъ черезъ этотъ великолѣпный городъ, не останавливаясь, не устаивая его своимъ вниманіемъ, и, бросившись за русскимъ арьергардомъ, онъ съ гордой непоколебимостью направился по Владимірской дорогѣ, ведущей въ Азію.

Нѣсколько тысячъ казаковъ съ четырьмя орудіями отступали по этому направленію. Срокъ перемирія прошелъ и Мюратъ, утомленный этимъ полдневнымъ перерывомъ, тотчасъ же по истеченіи этого срока приказалъ стрѣлять. Но наши кавалеристы, достигнувъ Москвы, считали войну законченной и аванпосты обѣихъ армій не хотѣли возобновить вражду. Но вотъ послѣдовало новое приказаніе и, послѣ того какъ кавалерія поколебалась его исполнить, раздраженный Мюратъ

самъ скомандоваль стрѣлять, но этотъ ружейный огонь, которымъ онъ какъ бы угрожалъ Азіи, прекратился лишь на берегахъ Сены.

Наполеонъ вошелъ въ Москву лишь при наступленіи ночи. Онъ остановился въ одномъ изъ домовъ Дорогомилова. Тамъ онъ назначилъ губернаторомъ столицы маршала Мортъе. «Главнымъ образомъ слѣдите, чтобы не было грабежа», сказалъ онъ, «вы отвѣчаете мнѣ за это своей головой! Примите всѣ мѣры, чтобы защищать Москву!»

Эта ночь была печальна: зловѣщіе рапорты слѣдовали одинъ за другимъ. Французы, жившіе въ этой странѣ, и даже одинъ офицеръ русской полиціи пришли возвѣстить о пожарѣ. Офицеръ даже сообщилъ подробности о приготовленіяхъ къ нему. Взволнованный Императоръ тщетно искалъ покоя и ежеминутно переспрашивалъ объ этомъ роковомъ извѣстіи, все еще не довѣряя ему до того момента, когда, около двухъ часовъ утра, онъ узналъ, что огонь вспыхнулъ.

Первымъ загорѣлось огромное торговое зданіе, помѣщавшееся въ центрѣ города въ одномъ изъ богатѣйшихъ кварталовъ. И тотчасъ же Наполеонъ успѣшилъ отдать соответствующія приказанія, а при наступленіи дня самъ успѣшилъ на мѣсто пожара, обратившись съ грозной рѣчью къ молодой гвардіи и къ Мортъе, который въ отвѣтъ указалъ ему на дома, крытые желѣзомъ: они продолжали стоять запертыми, нетронутыми, безъ малѣйшаго слѣда взлома, а между тѣмъ черный дымъ клубился, выходя изъ нихъ. Наполеонъ, полный раздумья, вступилъ въ Кремль.

При видѣ кремлевскаго дворца полу-готическаго, полу-современнаго, дворца Романовыхъ и Рюриковичей, при видѣ ихъ трона, еще не низвергнутаго, при видѣ креста колокольни Ивана Великаго и красивѣйшей части города, увѣнчанной Кремлемъ и еще не охваченной пламенемъ, которое пожирало пока лишь торговый кварталъ,—Наполеонъ вернулся къ своимъ прежнимъ надеждамъ. Его тщеславію льстило такое завоеваніе. Онъ громко воскликнулъ: «Наконецъ-то я въ Москвѣ, въ древнемъ дворцѣ Царей! Въ Кремлѣ!» И онъ съ горделивымъ любопытствомъ и чувствомъ удовольстворенія разсматривалъ всѣ мелочи.

Тѣмъ не менѣе онъ велѣлъ приготовить ему отчетъ о ресурсахъ, имѣющихся въ городѣ, и вновь исполненный надежды, сталъ писать Императору Александру письмо съ предложеніемъ мира. Какъ разъ въ это время въ большомъ госпиталѣ нашли непріятельскаго штабъ-офицера и поручили ему передать это письмо по назначенію. Это письмо было закончено и передано офицеру при зловѣщемъ свѣтѣ пламени, которое все выше и выше подымалось надъ торговымъ кварталомъ. вмѣстѣ съ письмомъ Наполеона русской офицеръ долженъ

былъ доставить своему государю извѣстіе объ этомъ бѣдствіи, но пожаръ былъ единственнымъ отвѣтомъ русскаго Императора.

При наступленіи дня усилія герцога Тревизскаго потушить огонь увѣнчались успѣхомъ, но поджигателей не находили и стали сомнѣваться въ ихъ существованіи. Наконецъ, благодаря строгимъ мѣрамъ, порядокъ былъ восстановленъ, безпокойство разсѣялось и каждый подыскалъ себѣ удобный домъ или пышный дворецъ, разсчитывая найти въ немъ покой и всѣ удобства, купленные цѣною долгихъ тяжелыхъ лишеній.

Два офицера расположились въ одномъ изъ кремлевскихъ зданій, откуда имъ открывался видъ на сѣверную и восточную части города. Около полуночи ихъ] разбудилъ необычайный свѣтъ, и они увидали, что пламя охватило дворцы: сначала оно освѣтило изящныя и благородныя очертанія ихъ архитектуры, а потомъ все это обрушилось. Замѣтивъ, что сѣверный вѣтеръ гонить огонь прямо на Кремль они испугались за эту крѣпость, гдѣ отдыхали избранная часть арміи и ея вождь. Ихъ безпокоила также участь окрестныхъ домовъ, гдѣ помѣщались наши солдаты и лошади, которые, утоливъ, наконецъ, свой голодь и изнемогая отъ усталости, были погружены въ глубокой сонъ. Пламя и горящіе осколки уже долетали до крышъ Кремля, какъ вдругъ вѣтеръ измѣнилъ направленіе и огонь перебросился въ восточную часть города.

Тогда, успокоившись за судьбу своего корпуса, одинъ изъ этихъ двухъ офицеровъ снова легъ спать, сказавъ: «Это дѣло другихъ и насъ не касается!» Такая безпечность являлась слѣдствіемъ многочисленныхъ несчастныхъ событій, которыя какъ бы притупили всѣ чувства; подобный эгоизмъ былъ вызванъ избыткомъ усталости и страданій и, благодаря всему этому у каждаго оставалось силы лишь настолько, чтобы соблюдать необходимую осторожность лишь по отношенію самого себя.

Новый яркій свѣтъ разбудилъ ихъ опять и они, увидѣвъ огонь, показавшійся уже совершенно съ другой стороны и гонимый вѣтромъ прямо на Кремль, стали проклинать неосторожнѣсть и безпорядочность французовъ, которыхъ они обвиняли въ этомъ несчастіи. Вѣтеръ трижды мѣнялъ направленіе съ сѣвера на востокъ и трижды этотъ враждебный огонь, словно упрямый разъяренный мститель устремлялся по направленію императорскаго квартала.

При этомъ зрѣлищѣ у нихъ мелькнуло страшное подозрѣніе: неужели москвичи, зная нашу смѣлую безпечность, возымѣли надежду вмѣстѣ съ Москвой сжечь нашихъ солдатъ, которыхъ опьянили вино, усталость и сонъ? Или, можетъ быть, они осмѣлились подумать, что

они останавливались, услышавъ тамъ легкій трескъ взрыва, вслѣдъ за нимъ поднималась тоненькая струйка дыма, которая быстро становилась густой и черной, затѣмъ красноватой, наконецъ принимала огненную окраску и вскорѣ все зданіе обрушивалось въ вихрѣ пламени!

Всѣ видали мужчинъ съ звѣрскими лицами, покрытыхъ лохмотьями, и разъяренныхъ женщинъ, блуждавшихъ среди пламени и дополнявшихъ собой ужасную картину ада. Эти бродяги, опьяненные виномъ и преступнымъ успѣхомъ, не пытались больше скрываться, они побѣдоносно сновали по воспламенившимся улицамъ, ихъ ловили въ то время, какъ они, вооруженные факелами, старались распространить пожаръ; для того чтобы вырвать у нихъ эти факелы, приходилось ударами сабли отрубать имъ руки. Всѣ говорили, что эти бандиты были выпущены изъ тюремъ русскими властями, чтобы сжечь Москву и что въ самомъ дѣлѣ столь великое и столь крайнее рѣшеніе могло быть подсказано лишь патріотизмомъ и выполнено лишь рукой преступника.

Тотчасъ же былъ отданъ приказъ предать суду и разстрѣлять на площади всѣхъ этихъ поджигателей. Армія была на ногахъ. Старая гвардія, которая цѣликомъ помѣщалась въ одной части Кремля, взялась за оружіе; вещи, нагруженные лошади наполняли всѣ кремлевскія площади; мы были подавлены изумленіемъ, усталостью и отчаяніемъ при видѣ гибели такихъ богатыхъ и удобныхъ помѣщеній для войска.

Такимъ образомъ, намъ, хозяевамъ Москвы, приходилось безъ провіанта отправляться за городъ, чтобы расположиться тамъ бивуакомъ.

Въ то время, какъ наши солдаты боролись съ пожаромъ и армія оспаривала у пламени свою добычу, Наполеонъ, сонъ котораго не осмѣлились прервать въ теченіе ночи, проснулся при двойномъ свѣтѣ—дня и пламени. Первымъ его порывомъ было раздраженіе и желаніе побороть стихію, но скоро онъ принужденъ былъ уступить и смириться передъ невозможностью. Пораженный тѣмъ, что, нанеся ударъ въ самое сердце страны, онъ встрѣтилъ въ ней отношеніе, ничего общаго не имѣющее съ покорностью и страхомъ, Императоръ почувствовалъ себя побѣжденнымъ рѣшимостью непріятеля, превзошедшую его собственную рѣшимость.

Это завоеваніе, для котораго онъ всѣмъ пожертвовалъ и которое было словно призракъ, котораго онъ, казалось, уже коснулся рукой, разсѣялся въ пространствѣ въ видѣ клубовъ дыма и пламени! И тогда

И. М. Прянишниковъ.—Плѣнные французы.

необычайное волненіе охватило Императора, какъ будто и его пожирало окружающее пламя. Онъ быстрыми шагами обходилъ всѣ свои апартаменты, рѣзкими, порывистыми движеніями обнаруживая свое мучительное безпокойство. Онъ то принимался за свою спѣшную работу, то оставлялъ ее, стремительно бросаясь къ окнамъ, чтобы наблюдать за усиленіемъ пожара. Рѣзкія и отрывистыя восклицанія вырывались изъ его стѣсненной груди: «Какое ужасное зрѣлище! Это они сами! Столько дворцовъ! Какое невѣроятное рѣшеніе! Что за люди! Это скиѣ!»

Отъ мѣста пожара Наполеона отдѣляли обширное пустое пространство земли и Москва-рѣка съ ея обѣими набережными; и, тѣмъ не менѣе, оконныя стекла, къ которымъ онъ прислонялся, сдѣлались уже горячими, а пожарные, стоявшіе на желѣзной крышѣ дворца и безпрестанно очищавшіе ее, не успѣвали отбрасывать огненныя головешки, все устремлявшіяся къ этому мѣсту.

Тутъ еще прошелъ слухъ, что подъ Кремлемъ заложены мины; это было говорено русскими и подтверждалось документами; нѣсколько слугъ потеряли голову при этомъ извѣстіи; военные стали хладнокровно дожидаться приказанія Императора и рѣшенія своей участи, но на всю эту тревогу Наполеонъ отвѣчалъ лишь скептической улыбкой.

Онъ по-прежнему нервно ходилъ по комнатѣ, останавливаясь возлѣ каждого окна, и смотрѣлъ, какъ ужасный побѣдитель-огонь яростно уничтожалъ его блестящее завоеваніе, охватывая всѣ мосты, всѣ проходы въ крѣпости, окружая ее кольцомъ, и держалъ его, Наполеона, словно въ осадѣ, какъ огонь перебрасывался на ближайшіе дома и какъ, суживаясь все больше и больше, онъ оставлялъ Императору одну лишь Кремлевскую твердыню.

Мы вдыхали въ себя лишь дымъ и копоть. Наступила ночь и ея мракъ увеличивалъ еще больше нашу опасность; вѣтеръ равноденствія, словно за-одно съ русскими, все увеличивалъ свою рѣзкость. Тутъ подоспѣли король Неаполитанскій и принцъ Евгений; они, вмѣстѣ съ принцемъ Невшательскимъ, проникли къ Императору и на колѣняхъ умоляли его покинуть это роковое убѣжище. Но все было напрасно.

Наполеонъ, завладѣвшій, наконецъ, дворцомъ царей, упорствовалъ, не желая уступать его даже огню, какъ вдругъ раздался крикъ: «Пожаръ въ Кремлѣ!» Крикъ этотъ переходилъ изъ устъ въ уста и вывелъ насъ изъ созерцательнаго оцѣпенѣнія, въ которое мы впали прежде. Императоръ вышелъ, чтобы взвѣсить опасность. Огонь дважды

охватывалъ строеніе, въ которомъ находился Императоръ, и его дважды удавалось погасить; но башня надъ арсеналомъ все еще горѣла. Въ ней нашли солдата русской полиціи. Когда его привели къ Наполеону, Императоръ заставилъ разспросить его въ своемъ присутствіи. Этотъ русскій и былъ поджигателемъ; онъ исполнилъ предписаніе, замѣтивъ сигналъ, поданный начальствомъ. Итакъ, все было обречено разрушенію, даже древній священный Кремль!

Императоръ сдѣлалъ презрительное и недовольное движеніе и несчастнаго отвели въ первый дворъ, гдѣ вышедшіе изъ себя гренандеры пронзили его своими штыками.

Все это заставило Наполеона рѣшиться. Онъ поспѣшно спустился по сѣверной лѣстницѣ, извѣстной по происшедшей когда-то тамъ казни стрѣльцовъ, и приказалъ вести себя за городъ по Петербургской дорогѣ въ императорскій Петровскій дворецъ, находившійся на разстояніи одного лье отъ Москвы.

Но насъ окружалъ цѣлый океанъ пламени: оно охватывало всѣ ворота крѣпости и мѣшало намъ выбраться изъ нея. Тогда наши послѣ долгихъ поисковъ нашли возлѣ груды камней подземный ходъ, выводившій къ Москвѣ-рѣкѣ. Черезъ этотъ узкій проходъ Наполеону съ его офицерами и гвардіей удалось выбраться изъ Кремля.

Но и этотъ выходъ не избавлялъ ихъ отъ опасности: приблизившись къ мѣсту пожара, они не могли ни отступить, ни остановиться, а разстилавшееся передъ ними огненное море не позволяло имъ продвигаться впередъ. Тѣ же изъ нашихъ, которые раньше ходили по городу, теперь, оглушенные бурей пожара, ослѣпленные пепломъ, не узнавали мѣстности, да и кромѣ того сами улицы исчезли въ дыму и обратились въ груды развалинъ.

И, тѣмъ не менѣе, слѣдовало торопиться. Вокругъ насъ ежеминутно возросталъ ревъ пламени. Всего лишь одна улица, узкая, извилистая и вся охваченная огнемъ, открывалась передъ нами, но и она была скорѣе входомъ въ этотъ адъ, нежели выходомъ изъ него. Императоръ пѣшій безъ колебанія бросился въ этотъ проходъ. Онъ шелъ среди треска костровъ, грохота рушившихся сводовъ, балокъ и крышъ изъ раскаленнаго желѣза. Всѣ эти обломки затрудняли движеніе.

Огненные языки, съ трескомъ пожиравшіе строенія, то взвивались къ небу, то почти касались нашихъ головъ. Мы подвигались по огненной землѣ подъ огненнымъ небомъ межъ двухъ огненныхъ стрѣлъ. Нестерпимый жаръ палилъ наши глаза, но намъ нельзя было даже зажмуриться, такъ какъ опасность заставляла смотрѣть впередъ. Дышать этимъ раскаленнымъ воздухомъ было почти невозможно. Наши руки были опа-

лены, потому что приходилось то защищать лицо отъ огня, то отбрасывать горящія головешки, ежеминутно падавшія на наши одежды.

И въ то самое время, когда лишь быстрое движеніе впередъ могло быть нашимъ единственнымъ спасеніемъ,—нашъ проводникъ въ смущеніи остановился, и тутъ, казалось, долженъ былъ наступить конецъ нашей полной приключеній жизни, какъ вдругъ солдаты перваго корпуса, занимавшіеся грабежомъ, распознали Императора посреди вихря пламени, подоспѣли на помощь и вывели его къ дымящимся развалинамъ одного квартала, который еще съ утра обратился въ пепель.

Тамъ мы встрѣтили принца Экмюля. Этотъ маршалъ, израненный при Бородинѣ, велѣлъ нести себя черезъ огонь, чтобы спасти Наполеона или погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Онъ восторженно бросился въ объятія Императора, который встрѣтилъ его довольно привѣтливо, но съ хладнокровіемъ, не покидавшимъ его въ минуту опасности.

Чтобы окончательно избавиться отъ всѣхъ этихъ ужасовъ, пришлось миновать еще послѣднюю опасность—пройти мимо длиннаго обоза съ порохомъ, продвигавшагося среди огня и, наконецъ, только къ ночи удалось добраться до Петровскаго дворца.

На другой день, утромъ 17 сентября, Наполеонъ первымъ дѣломъ обратилъ свои взоры на Москву, надѣясь, что пожаръ затихъ. Но пожаръ бушевалъ по-прежнему: весь городъ казался громаднымъ огненнымъ столбомъ, вздымавшимся къ небу и окрашивавшимъ его яркимъ заревомъ. Погруженный въ созерцаніе этого страшнаго зрѣлища, онъ нарушилъ свое мрачное и продолжительное молчаніе восклицаніемъ: «Это предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія!»

Для завоеванія Москвы онъ пожертвовалъ всѣми своими военными силами. Москва, которая была конечной цѣлью его плановъ, его надеждъ, эта Москва была разрушена! Что оставалось дѣлать? И тутъ даже его рѣшительный геній заколебался. . . . .

Вдругъ онъ объявилъ о выступленіи къ Петербургу. Завоеваніе этого города уже было намѣчено на его военныхъ картахъ, дотолѣ не обманывавшихъ его. Нѣкоторымъ корпусамъ уже было приказано быть на-готовѣ. Но это лишь кажущееся рѣшеніе было средствомъ для того, чтобы не потерять бодрости и разсѣять уныніе, вызванное потерей Москвы. Поэтому Бертье и особенно Бессьеру легко удалось убѣдить его въ томъ, что время года, отсутствіе провіанта и плохія дороги—все препятствовало этому трудному походу.

Тутъ же онъ узналъ, что Кутузовъ, отступавшій на востокъ, быстро повернулъ на югъ, чтобы встать между Москвой и Калугой.

Это обстоятельство тоже препятствовало походу на Петербургъ.

Итакъ, у насъ было три повода для того, чтобы напасть на разстроенную русскую армию и уничтожить ее: это было, во-первыхъ, сбечь нашъ правый флангъ и сохранить за собою театр военныхъ дѣйствій, во-вторыхъ, завладѣть Калугой и Тулой служившими для русскихъ складомъ провіанта и оружія и, наконецъ, найти себѣ нетронутый, самый короткій и надежный путь къ отступленію черезъ Смоленскъ въ Литву.

Кто-то предложилъ вернуться въ Витебскъ къ арміи Витгенштейна.

Наполеонъ колебался въ выборѣ. Его плѣняло лишь завоеваніе Петербурга, а все остальное казалось ему позорнымъ отступленіемъ, признаніемъ своей ошибки и, не то изъ гордости, не то изъ политическихъ соображеній, онъ отвергъ всѣ предложенные ему планы.

Отъ французской арміи, какъ и отъ Москвы, уцѣлѣла лишь одна треть. Но Императоръ и Кремль остались нетронутыми, слава Наполеона еще не померкла, и ему казалось, что два соединенныхъ великихъ имени Наполеонъ и Москва не могутъ не одержать окончательной побѣды. Итакъ, онъ рѣшился вернуться въ Кремль, къ несчастью спасенный отъ огня двумя гвардейскими батальонами.

Лагерь, черезъ который ему надо было пройти, представлялъ страшное зрѣлище. Посреди полей, въ топкой холодной грязи горѣли огромные костры изъ мебели краснаго дерева и позолоченныхъ оконныхъ рамъ и дверей. Вокругъ этихъ костровъ, подложивъ подъ ноги сырую солому, кое-какъ прикрутую досками, солдаты и офицеры покрытые грязью и копотью сидѣли въ креслахъ или лежали на шелковыхъ диванахъ. Около нихъ валялись кучи кашемировыхъ шалей, дорогихъ сибирскихъ мѣховъ, персидской парчи; тутъ же была серебряная посуда, съ которой нашимъ приходилось ѣсть лишь обуглившееся черное тѣсто и недожаренную кровавую конину. Все это было причудливымъ сочетаніемъ изобилія и голода, богатства и неопрятности, роскоши и нищеты.

Между лагеремъ и городомъ попадались навстрѣчу толпы солдатъ, тащившихъ свою добычу или гнавшихъ передъ собою, словно вьючныхъ животныхъ, русскихъ мужиковъ, согнувшихся подъ тяжестью вещей, награбленныхъ въ ихъ же столицѣ.

Послѣ пожара узнали, что въ Москвѣ оставалось еще двадцать тысячъ жителей, незамѣченныхъ раньше въ этомъ громадномъ городѣ. Нѣсколько хорошо одѣтыхъ москвичей, мужчинъ и женщинъ, оказавшихся купцами, вмѣстѣ съ остатками своего имущества, искали убѣжища около нашихъ костровъ. Они жили, перемѣшавшись съ на-

шими солдатами, пользуясь покровительствомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и будучи едва терпимы и пренебрегаемы другими.

Та же участь постигла и непріятельскихъ солдатъ въ числѣ приблизительно десяти тысячъ. Они бродили среди насъ на свободѣ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были даже вооружены. Наши солдаты безъ непріязни относились къ этимъ побѣжденнымъ; имъ даже не приходило въ голову брать ихъ въ плѣнъ, потому ли, что они считали войну законченной, или по безопасности, или изъ жалости или, наконецъ, потому что французъ внѣ сраженія не склоненъ къ враждѣ. Они давали имъ грѣться около своихъ костровъ и даже позволяли принимать участіе въ грабежѣ. Когда безпорядокъ уменьшился или, вѣрнѣе, когда начальники превратили мародерство въ регулярную фуражировку, было замѣчено большое количество отставшихъ русскихъ. Былъ отданъ приказъ захватить ихъ, но тысячъ семь или восемь успѣли убѣжать. Вскорѣ намъ пришлось съ ними сражаться.

Вступая въ городъ, Императоръ былъ пораженъ еще болѣе страннымъ зрѣлищемъ: отъ великой Москвы оставалось лишь нѣсколько уцѣлѣвшихъ домовъ, разбросанныхъ среди развалинъ. Этотъ сраженный и сожженный колоссъ, подобно трупу, издавалъ тяжелый запахъ. Кучи пепла, да мѣстами попадавшіяся развалины стѣнъ и обломки стропиль, одни указывали на то, что здѣсь когда-то были улицы.

Въ предмѣстьяхъ попадались русскіе мужчины и женщины, покрытые обгорѣлыми одеждами. Они, подобно призракамъ, блуждали среди развалинъ; одни изъ нихъ забирались въ сады, и, присѣвъ на корточки, ковыряли землю, надѣясь добыть себѣ какихъ-нибудь овощей, другіе отбирали у воронъ остатки падали,—трупы мертвыхъ животныхъ, брошенныхъ арміей. Немного дальше, можно было замѣтить, какъ нѣкоторые изъ нихъ влѣзали въ Москву-рѣку для того, чтобы вытащить изъ воды мѣшки съ зерномъ, брошенные туда по приказанію Ростопчина, и пожирали сырымъ, это прокисшее и испортившееся зерно.

Императоръ видѣлъ свою армію, разсыпавшейся по всему городу.

Когда Наполеонъ возвращался въ Кремль, ему загораживали дорогу длинныя вереницы мародеровъ, шедшихъ на поиски за добычей или возвращавшихся съ грабежа, безпорядочныя группы солдатъ, шумно толпившихся около входовъ въ подвалы, около дворцовъ, лавокъ и церквей, которымъ угрожалъ огонь и двери которыхъ они пытались взломать.

Движеніе Императора затруднялось встрѣчавшимися на пути обломками разнообразной мебели, которую выбрасывали изъ оконъ,

чтобы спасти ее отъ пожара, прочей богатой добычей, которую по прихоти бросали грабители, жадно хватаясь за другіе предметы, ибо таковы солдаты: они безпрестанно стремятся къ обогащенію и, забывая все безъ разбору, перегружаются сверхъ мѣры, думая все унести, а затѣмъ, пройдя нѣсколько шаговъ, изнемогая отъ усталости, сбрасываютъ большую часть своей ноши, загораживая такимъ образомъ всѣ проходы.

Площади и лагеря обратились въ рынки, гдѣ каждый старался промѣнять лишнее на необходимое. Тамъ рѣдчайшіе предметы роскоши, не находившіе оцѣнки у теперешнихъ владѣльцевъ, продавались по самой низкой цѣнѣ, тогда какъ иные предметы, благодаря своей обманчивой наружности, продавались много выше ихъ дѣйствительной стоимости. За золото, какъ за предметъ, наиболѣе портативный, отдавалось съ убыткомъ громадное количество серебра, котораго не могли бы вмѣстить походныя сумки.

Повсюду сидѣли солдаты на тюкахъ товаровъ возлѣ кучъ сахара и кофе, окруженные тончайшими винами, которыя они охотно промѣняли бы на кусокъ хлѣба. Многіе изъ нихъ въ припадкѣ опьяненія, усиливаемаго истощеніемъ, попадали въ пламя и гибли.

Большинство домовъ и дворцовъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара, служило убѣжищемъ для начальниковъ и то, что находилось въ этихъ домахъ, оставалось нетронутымъ.

Всѣ съ сокрушеніемъ смотрѣли на это великое разрушеніе и на грабежъ, естественно вытекавшій изъ него.

Упрекали нѣкоторыхъ изъ нашихъ лучшихъ людей въ томъ, что они слишкомъ тщательно собирали то, что удалось спасти отъ пламени, но такихъ было настолько мало, что ихъ имена были на счету. Война для этихъ пылкихъ людей являлась страстью, которая заставляла предполагать въ нихъ и другія порочныя наклонности, но грабежъ не вызывался въ нихъ корыстолюбіемъ: они ничего не копили, а лишь пользовались тѣмъ, что попадалось подъ руку, брали, чтобы отдавать, щедро расточая пріобрѣтенное и думая, что перенесенными опасностями они заплатили за все.

При такомъ-то безпорядкѣ Наполеонъ вернулся въ Москву. Онъ предоставилъ своей арміи заниматься грабежомъ, надѣясь, что поиски солдатъ, разсѣявшихся по этимъ развалинамъ, не окажутся безплодными. Но когда онъ узналъ, что безпорядки возрастаютъ и въ нихъ вовлечена даже старая гвардія, что у русскихъ крестьянъ, наконецъ, согласившихся привозить хлѣбные припасы, которые онъ приказалъ щедро оплачивать, дабы привлечь къ этому и другихъ, что у этихъ

крестьянъ наши голодные солдаты отбирали провіантъ, и когда до его свѣдѣнія дошло то, что нѣкоторые корпуса, терпя всевозможную нужду, были готовы съ оружіемъ въ рукахъ оспаривать другъ у друга остатки Москвы, что, наконецъ, и послѣдніе источники существованія изсякали благодаря этому безпорядочному грабежу,—онъ отдалъ строжайшее приказаніе гвардіи не покидать казармъ. Въ церквахъ, въ которыхъ расположились наши кавалеристы, было восстановлено греческое богослуженіе. Былъ установленъ очередной порядокъ мародерства, которое, подобно другимъ служебнымъ обязанностямъ, было распределено между различными корпусами, и, наконецъ, занялись собираемымъ русскими бѣглецовъ.

Но было слишкомъ поздно. Русскіе военные разбѣжались; напуганные крестьяне больше не показывались; много съѣстныхъ припасовъ было попорчено. Французской арміи случалось иногда впадать въ такое заблужденіе; но въ данномъ случаѣ пожаръ служилъ ей оправданіемъ — французы были поставлены въ необходимость предупреждать разрушительное дѣйствіе огня. И замѣчательно то, что при первомъ же приказаніи былъ восстановленъ прежній порядокъ.

Кутузовъ, покидая Москву, заманилъ Мюрата къ Коломнѣ вплоть до того мѣста, гдѣ Москва-рѣка пересѣкаетъ дорогу. И тамъ подъ прикрытіемъ ночи русскій полководецъ неожиданно повернулъ къ югу для того, чтобы, миновавъ Подольскъ, стать между Москвой и Коломной.

Это ночное шествіе русскихъ вблизи Москвы, откуда рѣзкій вѣтеръ доносилъ до нихъ пепель и пламя, носило характеръ мрачной религіозной процессіи. Они двигались при жуткомъ освѣщеніи пожара, пожиравшаго центръ ихъ промышленности, сокровищницу ихъ религіи, колыбель ихъ государства. Всѣ они были охвачены ужасомъ и негодованіемъ и хранили уныло молчаніе, нарушаемое глухимъ и однообразнымъ шумомъ ихъ шаговъ, трескомъ пламени и свистомъ бури. Нерѣдко полумракъ нарушался яркими и неожиданными вспышками и тогда можно было видѣть лица этихъ воиновъ, искаженные дикой болью, мрачный и угрожающій блескъ ихъ глазъ, эти огненные взгляды, которые они бросали на пламя пожара, считая его дѣломъ нашихъ рукъ. Они уже обнаруживали ту жестокою мстительность, которая нарастала въ ихъ сердцахъ и, распространившись по всему государству, была причиной гибели столькихъ французовъ.

Въ этотъ торжественный моментъ Кутузовъ голосомъ, полнымъ твердости и благородства, доложилъ своему государю о потерѣ столицы. Онъ заявилъ, что для сохраненія плодородныхъ южныхъ губер-

несли въ жертву безъ колебаній, безъ позднихъ сожалѣній. Впослѣдствіи они ничего не потребовали въ отплату даже посреди вражеской столицы, которой они не тронули! Ихъ доброе имя сохранилось во всемъ величіи и чистотѣ, они познали истинную славу. Когда во всѣхъ слоихъ ихъ общества проникнетъ цивилизація, этотъ великій народъ создастъ великую эпоху и овладѣетъ скипетромъ славы, которому должно быть суждено переходить отъ одной націи къ другой.

Кутузовъ велъ свою армію извилистымъ путемъ; происходило ли это отъ его нерѣшительности или отъ хитрости, но во всякомъ случаѣ онъ добился своего. Мюратъ въ теченіе трехъ дней тщетно пытался отыскать его слѣды. Русскій полководецъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы изучить мѣстность и укрѣпиться. Его авангардъ направился къ Воронову, одному изъ лучшихъ помѣстій графа Ростопчина, и по дорогѣ встрѣтилъ самого графа, который ихъ опередилъ. Русскіе думали, что этотъ сановникъ хочетъ послѣдній разъ взглянуть на свою вотчину, какъ вдругъ на ихъ глазахъ постройки исчезли въ клубахъ дыма.

Русскіе бросились тушить пожаръ, но Ростопчинъ самъ удержалъ ихъ. Они видѣли его среди пламени имъ, самымъ зажженного, улыбающагося при видѣ разрушенія своего великолѣпнаго жилища! Затѣмъ графъ твердой рукой начерталъ тѣ слова, которыя позже съ жуткой дрожью прочли французы на желѣзной двери церкви, уцѣлѣвшей отъ пожара: «Я въ теченіе восьми лѣтъ украшалъ эту усадьбу и жилъ въ ней счастливо на лонѣ моей семьи. Здѣшніе жители въ числѣ тысячи семисотъ двадцати человѣкъ покинули ее при вашемъ приближеніи, а я предаю огню свой домъ, чтобы вы не осквернили его своимъ присутвіемъ! Французы! Я предоставилъ вамъ въ Москвѣ два моихъ дома, обстановка которыхъ стоила полъ-милліона рублей, но здѣсь вы найдете лишь одинъ пепелъ!»

Недалеко отъ этого мѣста Мюратъ нагналъ Кутузова. 29-го сентября произошла жестокая схватка кавалеріи возлѣ Чирикова. Эта схватка плохо бы кончилась для насъ, еслибы не подоспѣлъ Понятовскій, имѣвшій въ своемъ распоряженіи всего три тысячи поляковъ. Этотъ князь при помощи генераловъ Пасковскаго и Княжевича отважно вступилъ въ бой съ двадцатью тысячами русскихъ. Благодаря его удобной диспозиціи и стойкости поляковъ, нашимъ удалось въ теченіе нѣсколькихъ часовъ задержать Милорадовича. Благодаря дошедшей до самоотверженія смѣлости польскаго князя, былъ отраженъ самый упорный натискъ русскаго генерала. Въ тотъ критическій моментъ Понятовскій во главѣ всего лишь сорока кавалеристовъ и къ

тому же случайно невооруженныхъ съ нагайками въ рукахъ набросился на атакующую непріятельскую колонну и изумленные русскіе были отброшены въ безпорядкѣ, а наступившая ночь помогла намъ удержать побѣду за собой!

Тѣмъ временемъ пожаръ, начавшійся въ ночь съ 14 на 15 сентября, приостановленный нашими усиліями въ теченіе дня 15-го сентября, въ слѣдующую ночь вспыхнулъ снова и, достигнувъ величайшей силы 16, 17 и 18, сталъ утихать 19. 20-го онъ прекратился. Въ этотъ же день Наполеонъ, котораго передъ тѣмъ огонь выселилъ изъ Кремля, обратно вернулся въ царскій дворецъ. Тамъ онъ притягивалъ къ себѣ взоры Европы. Тамъ онъ ожидалъ свои обозы, подкрѣпленія и отставшую часть арміи, будучи увѣренъ, что его побѣда, богатая добыча, изумительное зрѣлище плѣненной Москвы, а главнымъ образомъ онъ самъ, слава котораго подобно маяку сверкала съ высоты этихъ развалинъ— все это объединить его приверженцевъ. Тѣмъ не менѣе два раза, 22 и 28 сентября, получивъ письмо отъ Мюрата, преслѣдовавшаго Кутузова и настигнувшаго его около Чирикова, Наполеонъ, казалось, былъ готовъ покинуть свою унылую резиденцію. Эти письма оповѣщали о битвѣ; два раза приказы Императора о выступленіи уже написанные, были сжигаемы. Казалось, что для Наполеона война была закончена и онъ лишь ожидалъ отвѣта изъ Петербурга. Онъ поддърживалъ свою надежду воспоминаніями о Тильзитѣ и Эрфуртѣ. Неужели, очутившись въ Москвѣ, онъ не приобрѣлъ больше вліянія на Александра? Кромѣ того, какъ всѣ люди, пользовавшіеся долгимъ счастьемъ, онъ надѣялся на то, чего желалъ.

Его гений обладалъ способностью по желанію отбрасывать тревожныя мысли, чтобы думать о другомъ или просто, чтобы отдохнуть, такъ какъ воля у Наполеона была сильнѣе воображенія. Благодаря этому, онъ властвовалъ надъ собой, такъ же какъ и надъ другими.

Прошло уже одиннадцать дней, молчаніе Александра длилось попрежнему, но Наполеонъ все еще надѣялся превзойти своего противника въ упрямствѣ; такимъ образомъ онъ терялъ время, которымъ надо было пользоваться, и которое всегда помогаетъ обороняющимся отражать нападающихъ.

Съ тѣхъ поръ всѣ поступки Наполеона показывали русскимъ, что ихъ могущественный врагъ хочетъ утвердиться въ сердцѣ ихъ страны, подобно тому какъ онъ хотѣлъ это сдѣлать въ Витебскѣ, но на этотъ разъ его намѣренія казались болѣе рѣшительными. Въ испепеленной Москвѣ назначается интендантъ и утверждается муниципалитетъ. Было отдано приказаніе заготовить провіантъ на всю зиму.

Среди развалинъ выросъ театръ, куда, какъ говорятъ, приглашали лучшихъ актеровъ Парижа. Одинъ итальянскій пѣвецъ дѣлалъ всѣ попытки для того, чтобы возсоздать въ Кремлѣ вечера Тюильри. Такимъ путемъ Наполеонъ предполагалъ обмануть русское правительство, которое само привыкло властвовать, пользуясь заблужденіями и невѣжествомъ народа, и издавна пріучилось понимать всякій обманъ.

Онъ самъ чувствовалъ непригодность всѣхъ этихъ пріемовъ, а время шло, сентябрь кончился, наступилъ октябрь. Александръ не удостоилъ отвѣтомъ! Какое оскорбленіе! Наполеонъ негодовалъ. 3 октября послѣ тревожной ночи и припадковъ гнѣва онъ призвалъ своихъ маршаловъ. При видѣ ихъ, онъ воскликнулъ: «Войдите! Выслушайте новое только что принятое мною рѣшеніе; принцъ Евгенийъ, читайте!» Маршалы услышали слѣдующее: «Надо сжечь остатки Москвы, идти черезъ Тверь на Петербургъ, къ намъ присоединится Макдональдъ! Мюратъ и Даву составятъ арьергардъ!» И оживившійся Императоръ устремилъ сверкающій взоръ на своихъ генераловъ, холодно молчаливые фізіономіи которыхъ ничего не выражали, кромѣ удивленія.

Затѣмъ воодушевившись, чтобъ воодушевить другихъ, онъ прибавилъ: «Какъ, и васъ не воспаляетъ подобная мысль! Былъ ли когда-нибудь совершенъ кѣмъ подобный военный подвигъ? Теперь лишь только это завоеваніе можетъ быть достойно насъ! Подумайте, какой славой покроемъ мы себя и что скажетъ весь міръ, когда онъ узнаетъ, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ мы покорили двѣ великихъ сѣверныхъ столицы?»

Но Даву, какъ и Дарю, въ своихъ возраженіяхъ напомнили о времени года, голодѣ и объ опустошенной дорогѣ.

Эти военачальники въ послѣдствіи увѣряли, что они предлагали тогда различные планы, но все было бесполезно для государя, геній котораго предвосхищалъ воображеніе всѣхъ другихъ и котораго не могли бы остановить ничьи доводы, если бы онъ дѣйствительно собирался въ Петербургъ. Но это намѣреніе было вызвано въ немъ лишь вспышкой гнѣва, внушено ему отчаяніемъ въ то время, когда ему приходилось на глазахъ всей Европы, покорившись неизбѣжности, покинуть завоеванное и отступить ни съ чѣмъ.

Задуманный имъ походъ являлся лишь угрозой какъ для французовъ, такъ и для русскихъ, которыхъ онъ хотѣлъ вызвать на переговоры, поручивъ вести ихъ Колэнкуру. Этотъ величественный офицеръ прежде нравился Александру: онъ былъ единственнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ придворныхъ Наполеона, который могъ бы имѣть какое-нибудь вліяніе на русскаго царя; но въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Ко-

лэнкуръ былъ отдаленъ Наполеономъ за то, что не хотѣлъ одобрить похода на Петербургъ.

И тѣмъ не менѣе въ этотъ день Императоръ былъ принужденъ обратиться именно къ нему. Онъ приказалъ позвать его, но, оставшись наединѣ съ нимъ, почувствовалъ смущеніе. Императоръ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, Коленкуръ слѣдовалъ за нимъ; но гордость мѣшала Наполеону нарушить тяжелое и неловкое молчаніе. Наконецъ онъ заговорилъ, но угрожающимъ тономъ. Онъ приказалъ Колэнкору склонить русскихъ къ миру, но тотъ долженъ былъ сдѣлать такъ, чтобы эта просьба исходила отъ нихъ самихъ, а Наполеонъ лишь соблаговолилъ бы принять ихъ предложеніе.

Послѣ нѣсколькихъ безсвязныхъ словъ онъ заявилъ: «Я предпринимаю походъ на Петербургъ. Я знаю, что разрушеніе этого города огорчитъ васъ. Тогда Россія возстанетъ противъ Императора Александра, будетъ составленъ заговоръ противъ этого монарха; его казнятъ и это будетъ большимъ несчастьемъ. Я, уважая этого государя, буду сожалѣть не только о немъ, но о Франціи, для которой смерть Александра будетъ большой потерей, такъ какъ его характеръ, прибавилъ Наполеонъ, соотвѣтствуетъ нашимъ интересамъ и никакой другой государь не сможетъ его замѣнить для насъ. И я хочу послать васъ въ Петербургъ, чтобы предупредить эту катастрофу».

Но герцогъ Виченскій, склонный болѣе къ настойчивости, нежели къ лести, не уступалъ! «Эти переговоры будутъ бесполезны, ибо до тѣхъ поръ, пока вся русская земля не очистится отъ непріятеля, Александръ не выслушаетъ ни одного предложенія. Въ данное время года Россія чувствуетъ, что все благопріятствуетъ ей, да и кромѣ того эта попытка повредить намъ, доказавъ, насколько мы нуждаемся въ мирѣ, и обнаружить всю безвыходность нашего положенія!»

Онъ еще прибавилъ, что чѣмъ замѣтнѣе будетъ посредникъ, тѣмъ замѣтнѣе будетъ наша тревога и такимъ образомъ ему повезетъ меньше, чѣмъ всякому другому, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ будетъ ѣхать, заранѣе предчувствуя неудачу. Императоръ рѣзко оборвалъ этотъ разговоръ слѣдующими словами: «Ну что же, я пошлю Лористона!»

Этотъ послѣдній увѣрялъ, что и онъ со своей стороны указывалъ на препятствія и что, будучи вызванъ на откровенность самимъ Императоромъ, онъ далъ совѣтъ въ тотъ же день начать отступать, направляясь къ Калугѣ.

Раздраженный Наполеонъ съ горечью возразилъ ему, что онъ любитъ лишь самые незатѣйливые несложные планы, предпочитаетъ

дороги лишь прямыя и широкія, въ родѣ той, по которой онъ пришелъ и по которой онъ сможетъ вернуться только послѣ заключенія мира.

Затѣмъ, показывая Лористону, какъ и герцогу Виченскому, письмо, написанное имъ Александру, онъ приказалъ ему пойти добиться у Кутузова пропуска въ Петербургъ. Въ заключеніе Императоръ сказалъ Лористону: «Я хочу мира, мнѣ нуженъ миръ, нуженъ во что бы то ни стало, спасайте только честь!»

Этотъ генераль уѣхалъ и 5-го октября достигъ русскихъ аванпостовъ. Война тотчасъ же была приостановлена; свиданіе разрѣшено, но Кутузова тамъ не было, а были лишь Волконскій, адъютантъ Императора, и Бенигсенъ. Вильсонъ увѣряетъ, что русскіе генералы и офицеры, не надѣясь на своего полководца и обвиняя его въ слабости, испугались возможности измѣны и потому этотъ послѣдній не осмѣлился даже показаться въ лагерѣ.

Лористону были даны инструкціи, по которымъ онъ не долженъ былъ обращаться ни къ кому, кромѣ Кутузова. Поэтому онъ высокомерно отвергъ посредничество со стороны другихъ русскихъ генераловъ. Судя по его словамъ, онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы окончательно порвать всякіе переговоры, такъ какъ онъ имъ не сочувствовалъ, и несмотря на настоянія Волконскаго, вернуться обратно въ Москву. Тогда бы безъ сомнѣнія раздосадованный Наполеонъ бросился на Кутузова, разбилъ и уничтожилъ бы его не сформированную на-ново армію и заставилъ бы его согласиться на миръ. Въ случаѣ, если бы успѣхъ былъ менѣе рѣшителенъ, то Наполеону по крайней мѣрѣ удалось бы, отступивъ, безопасно соединиться со своими резервами.

Къ несчастью Бенигсенъ поторопился устроить себѣ свиданіе съ Мюратомъ. Лористонъ сталъ дожидаться. Начальникъ русскаго штаба болѣе ловкій въ дипломатіи, чѣмъ въ стратегіи, употребилъ всѣ усилія, чтобы очаровать этого новаго короля почтительнымъ обхожденіемъ, соблазнилъ его похвалами, введя его въ заблужденіе кроткими словами, въ которыхъ умышленно проглядывали усталость отъ войны и надежда на миръ. Мюратъ, почувствовавшій въ концѣ концовъ утомленіе отъ сраженій, исполненный безпокойства за исходъ войны, и, какъ говорятъ, стосковавшійся о своемъ тронѣ съ того момента, какъ онъ потерялъ надежду получить другой, лучшій,—поддался очарованію, соблазну и обману.

Бенигсену удалось одновременно уговорить Кутузова и Мюрата: онъ успѣшилъ послать за Лористономъ и проводить его въ русскій

лагерь, гдѣ въ полночь Кутузовъ ожидалъ его. Свиданіе началось неудачно, такъ какъ Коновницынъ и Волконскій захотѣли присутствовать на немъ, а это оскорбило французскаго генерала и онъ потребовалъ ихъ удаленія; его просьба была удовлетворена.

Какъ только Лористонъ остался наединѣ съ Кутузовымъ, французскій генераль изложилъ ему причины и цѣль своего пріѣзда и попросилъ пропуска въ Петербургъ. Русскій генераль отвѣчалъ, что исполненіе этой просьбы не въ его власти, но тотчасъ же предложилъ передать письмо Наполеона Александру черезъ Волконскаго, заключивъ перемиріе до возвращенія этого послѣдняго. Онъ сопровождалъ свои слова мирными увѣреніями, которыя затѣмъ были подтвержены всѣми генералами.

Вскорѣ обнаружилось, что русскіе сговорились обмануть Мюрата и его Императора и это имъ удалось. Всѣ эти подробности преисполнили Наполеона радостью. Надежда или отчаяніе сдѣлали его довѣрчивымъ и на нѣсколько минутъ онъ опьянился этимъ извѣстіемъ и, стремясь заглушить подавлявшее его тяжелое внутреннее чувство, онъ хотѣлъ забыться, отдавшись радостному порыву. Онъ призвалъ всѣхъ генераловъ и торжественно объявилъ имъ о предстоящемъ мирѣ.

Тѣмъ не менѣе перемиріе, предложенное Кутузовымъ, ему не понравилось: онъ приказалъ Мюрату тотчасъ же нарушить его, но это не было исполнено и неизвѣстно почему.

Это было странное перемиріе. Чтобы нарушить его, было достаточно предупреденія съ обѣихъ сторонъ за три часа до возобновленія военныхъ дѣйствій. Кромѣ того это перемиріе касалось только фронта обѣихъ армій и не распространялось на ихъ фланги; такъ по крайней мѣрѣ истолковывали его русскіе. Мы не могли провести безъ боя ни фуража, ни обозовъ, такъ что война продолжалась повсюду, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ бы это было для насъ выгодно.

Въ первые дни перемирія Мюратъ забавлялся тѣмъ, что появлялся на непріятельскихъ аванпостахъ. Его тѣшили обращенные на него со всѣхъ сторонъ взгляды, привлекаемые его цвѣтущимъ видомъ, храбростью и королевскимъ званіемъ.

Русскіе военачальники поощряли его къ этому: они оказывали ему всевозможные знаки почтенія, чтобы поддержать его иллюзіи. Они даже позволяли ему отдавать приказанія русскимъ карауламъ такъ же, какъ и французскимъ. Если какой-нибудь участокъ земли, на которомъ были расположены русскіе, нравился Мюрату—ему уступали.

Кзацкіе командиры доходили до такого притворнаго энтузіазма, что говорили, будто они признаютъ только того Императора, который

царствуетъ въ Москвѣ. Мюратъ на минуту повѣрилъ, что они больше не будутъ сражаться противъ него.

Онъ пошелъ дальше: однажды Наполеонъ, читая его письма, воскликнулъ: «Мюратъ, король казаковъ! Какое безуміе!» Людямъ, которые подвергались въ жизни всевозможнымъ перемѣнамъ, приходили въ голову самыя невѣроятныя мысли.

Что же касается Императора, который никогда не заблуждался, то онъ лишь на нѣсколько мгновеній отдался обманчивой радости.

И на самомъ дѣлѣ два значительныхъ обоза попали въ руки непріятеля: одинъ по небрежности своего начальника, потомъ отъ отчаянія покончившаго съ собой, другой, благодаря подлости офицера, котораго хотѣли предать суду; но въ то время началось отступленіе и гибель арміи спасла его.

Каждое утро нашимъ солдатамъ и особенно кавалеристамъ приходилось отправляться далеко на поиски за пропитаніемъ, чтобы запасти его на вечеръ и на утро слѣдующаго дня, а такъ какъ окрестности Москвы и Винкова опустошались все больше и больше, то эти экскурсіи становились все отдаленнѣе. Люди и лошади возвращались истощенными, да и не всѣ возвращались, потому что каждая мѣра ржи, каждая охалка сѣна доставались съ бою—приходилось отнимать ихъ у непріятеля.

Насъ повсюду встрѣчали неожиданности, битвы, безпрестанныя потери! Къ русскимъ солдатамъ присоединялись крестьяне; они предавали смерти тѣхъ среди себя, которые, соблазнившись высокой платой, доставляли въ нашъ лагерь кое-какіе припасы. Нѣкоторые изъ нихъ зажигали свои собственныя деревни, чтобы выгнать оттуда нашихъ фуражировъ и предать ихъ въ руки заранѣе предупрежденныхъ и скрывавшихся въ засадѣ казаковъ.

Крестьяне же захватили Верею, городъ, расположенной около Москвы. Одинъ изъ русскихъ священниковъ самъ, какъ говорятъ, задумалъ и выполнилъ этотъ рѣшительный планъ.

Онъ вооружилъ жителей, получилъ нѣсколько отрядовъ отъ Кутузова, затѣмъ 10 октября еще до разсвѣта онъ съ одной стороны подалъ сигналъ къ фальшивой атакѣ, а съ другой самъ бросился на наши укрѣпленія. Разрушивъ ихъ, онъ проникъ въ городъ и велѣлъ перерѣзать весь гарнизонъ.

Такимъ образомъ, война была повсюду: впереди насъ, позади и на флангахъ; наша армія ослабѣвала, непріятель съ каждымъ днемъ становился все изобрѣтательнѣе. И это наше завоеваніе постигла та же судьба, какъ и другія: все, что было захвачено сразу, утратилось постепенно.

Самъ Мюратъ забезпокоился, наконецъ. Онъ увидалъ, что въ ежедневныхъ стычкахъ разстаяла половина оставшейся у него кавалеріи. На аванпостахъ при встрѣчахъ нашихъ съ русскими офицерами, эти послѣдніе оттого ли, что они устали отъ войны или движимые тщеславіемъ, а можетъ быть военной откровенностью, доходившей до нескромности, выражали сожалѣніе по поводу угрожавшихъ намъ несчастій. Они показывали намъ еще почти дикихъ, едва объѣзженныхъ лошадей, съ длинными достающими до земли гривами. Развѣ это не указывало намъ на то, что къ нимъ со всѣхъ сторонъ прибываетъ многочисленная кавалерія, тогда какъ наша гибнетъ? Безконечные звуки выстрѣловъ, раздавашіеся внутри ихъ лагеря, не говорили ли намъ о томъ, что множество рекрутовъ учится стрѣльбѣ, пользуясь перемиріемъ?

Императору были извѣстны всѣ эти предостереженія, но онъ не придавалъ имъ значенія, не желая падать духомъ. Охватывавшее его безпокойство обнаруживалось въ жестокихъ распоряженіяхъ. Тогда же онъ велѣлъ ободрать изъ кремлевскихъ церквей все то, что могло служить трофеями для Великой Арміи. Эти предметы, покинутые на разрушеніе самими русскими, по его словамъ, принадлежали побѣдителямъ по двойному праву—благодаря побѣдѣ, а главнымъ образомъ, благодаря пожару!

Стоило неимовѣрныхъ усилій, чтобы сорвать съ колокольни Ивана Великаго ея гигантскій крестъ. Императоръ хотѣлъ воздвигнуть его надъ инвалиднымъ домомъ въ Парижѣ. Русскій народъ приписывалъ цѣлость своего государства обладанію этимъ крестомъ. Во то время какъ снимали этотъ крестъ, стая вороновъ безпрестанно кружилась надъ нимъ и Наполеонъ, которому наскучило ихъ унылое карканье, воскликнулъ: «Кажется, будто эти зловѣщія птицы хотятъ защищать его!» Неизвѣстно, о чемъ думалъ онъ въ своемъ критическомъ положеніи, но всѣ знали, что онъ склоненъ къ всевозможнымъ предчувствіямъ.

Его ежедневныя прогулки подъ сверкающимъ солнцемъ, когда онъ пытался снова увидѣть звѣзду своего счастья и показать ее другимъ эти прогулки не развлекали его. Къ печальному безмолвію Москвы присоединялось безмолвіе ея пустынныхъ окрестностей и угрожающее молчаніе Александра.

Слабый звукъ шаговъ нашихъ солдатъ не могъ вывести изъ задумчивости нашего Императора, не могъ разсѣять его ужасныхъ воспоминаній, его еще болѣе ужасной прозорливости.

Его ночи были особенно томительны, большую часть ихъ онъ проводилъ съ графомъ Дарю. Только тутъ онъ признавался въ опасности своего положенія.

В. В. Верещагинъ.—Отступление Великой Арміи (Панолонъ и его Штабъ).

Воздавая должное той силѣ, которую онъ приобрѣлъ, благодаря своей постоянной безошибочности, онъ съ содроганіемъ говорилъ о первомъ ударѣ, нанесенномъ ей: «Какія ужасныя, разрушительныя войны послѣдуютъ за моимъ первымъ отступленіемъ! Поэтому не слѣдуетъ осуждать моего бездѣйствія. Да что жъ, развѣ я не знаю, что Москва не имѣетъ никакого военнаго значенія? Но Москва для меня и не является военной позиціей, это—политическое завоеваніе. Всѣ принимаютъ здѣсь меня за генерала, тогда какъ я здѣсь—Императоръ!» Затѣмъ онъ воскликнулъ: «Въ политикѣ никогда не слѣдуетъ возвращаться назадъ; нужно во что бы то ни стало удерживаться отъ признанія въ собственной ошибкѣ; это—подрываетъ достоинство и если придется ошибиться, то нужно идти впередъ до тѣхъ поръ пока не удастся убѣдить другихъ въ своей правотѣ».

Поэтому онъ упорствовалъ съ той настойчивостью, которая всегда была его главнымъ качествомъ, а въ данномъ случаѣ его главнымъ недостаткомъ.

Тѣмъ временемъ терзанія его возрастали; онъ зналъ, что нечего рассчитывать на прусскую армію. Тонъ увѣдомленія, адресованнаго на имя Бертье, заставилъ Наполеона потерять всякую надежду на поддержку австрійской арміи. Кутузовъ водилъ его за носъ, онъ это чувствовалъ, но онъ зашелъ такъ далеко, что ни движеніе впередъ, ни бездѣйствіе, ни отступленіе, ни битвы—ничто не доставило бы ему почестей и успѣха. Такимъ образомъ, толкаемый изъ стороны въ сторону превратностью обстоятельствъ, мѣшавшихъ исполненію его намѣреній, онъ продолжалъ оставаться на этомъ пожарищѣ, почти потерявъ свои надежды, но не утративъ своихъ стремленій. Письмо, переданное Лористономъ, должно было быть отправлено 6-го октября, отвѣтъ могъ прибыть не ранѣе 20 и, несмотря на многочисленныя зловѣщія признаки, гордость, политическія соображенія и, можетъ быть, состояніе здоровья заставили Наполеона избрать самый опасный выходъ—ждать отвѣта, довѣрившись времени, которое его убивало. Дарю, какъ и другіе офицеры, удивлялся, не находя у Императора прежней стремительной рѣшимости, которую онъ проявлялъ при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; они говорили, что его геній утратилъ свою гибкость, и негодовали на его природную настойчивость, которая, послуживъ причиной его возвышенія, подготовитъ и его гибель.

Съ его характеромъ, всегда неуклонно стремившимся къ исполненію задуманной цѣли, было невозможно отказаться отъ рѣшенія, принятаго имъ еще въ Витебскѣ, несмотря то, что теперешнія критическія обстоятельства войны усложнились небывалыми политическими затрудненіями.

Настроение армии благоприятствовало его намерению. Большинство офицеров продолжало верить в него, а простые солдаты, видевшие всю жизнь в настоящей минуте и несколько не беспокоившиеся о будущем, так как не возлагали на него больших надежд, сохраняли свою безопасность—это драгоценнейшее из солдатских качеств. Да и, по правде говоря награды, раздаваемые Императором на ежедневных смотрах, принимались с серьезной торжественностью, не лишеной некоторой грусти: эти милости были зловещи, каждое повышение при назначении на освободившуюся вакансию напоминало о пролитой крови. Кроме того уже многие из солдат, еще начиная с Вильны, побросали свои зимние одежды, чтобы нагрузиться съестными припасами, обувь их истрепалась в пути, остатки их платья изорвались в битвах и несмотря, на все это, они сохраняли свое прежнее достоинство. Они заботливо скрывали от Императора свои лохмотья, украшаясь хорошо вычищенным сверкающим оружием. На дворе кремлевского дворца на расстоянии восьмисот лет от обозов, после стольких сражений и долгой походной жизни, они все еще хотели казаться опрятными, бодрыми и блестящими: в этом честь солдата; и чем труднее это достигалось, тем больше придавали этому значения, потому что человек всегда гордится тем, что стоит ему наибольших усилий.

Император охотно предавался этому обману, хватаясь за все, чтобы не потерять надежды. Вдруг выпал первый снег и вместе с ним исчезли все те надежды, которыми он старался оградить себя. С тех пор он не о чем не думал, кроме отступления, но в то же самое время он никогда не произносил этого слова и никто не мог добиться от него определенного распоряжения по этому поводу. Он сказал только, что необходимо, чтобы через двадцать дней армия была на зимних квартирах, и торопил отъезд наших раненых. Но тогда, как и в других случаях, гордость мешала ему согласиться на добровольный отказ от чего-нибудь: у нас не хватало лошадей для артиллерийских орудий, которых теперь было слишком много для нашей уменьшившейся армии, но до этого ему не было дела и, раздраженный, отвечая на предложение оставить хотя часть орудий в Москве, говорил: «Нельзя! неприятель воспользуется ими, как трофеем!»—требовал, чтобы все следовало за ним.

В этой опустошенной стране он приказал произвести покупку двадцати тысяч лошадей, он велел запастись фуражем на два месяца и добыть его на тех местах, где при самых отдаленных и опасных экскурсиях не удавалось найти пропитания даже на один

день. Нѣкоторые изъ его приближенныхъ удивлялись, выслушивая такія неисполнимыя приказанія, но уже приходилось видѣть не разъ, что онъ прибѣгалъ къ такимъ приемамъ, чтобы при помощи ихъ обмануть неприятеля, а чаще всего дать почувствовать своимъ всю значительность нужды и необходимость удовлетворять ей.

Впрочемъ, Наполеонъ еще не рѣшилъ окончательно—оставаться или уходить. Побѣжденный въ своей настойчивости настойчивостью Александра, онъ со дня на день откладывалъ необходимость признаться въ своему поражениі. Среди этой ужасной борьбы людей и стихій, разгоравшихся вокругъ него, его министры и адъютанты видѣли его занятымъ въ теченіе этихъ послѣднихъ дней обсужденіемъ достоинствъ нѣсколькихъ новыхъ, только что присланныхъ стихотвореній или выработкой устава Парижской *Comédie française*, которой онъ посвятилъ три вечера. Приближенные, зная все его душевное безпокойство, восхищались силой его генія и той легкостью, съ которой онъ могъ сосредоточить все свое вниманіе на любомъ предметѣ.

Замѣчено было только то, что онъ больше времени сталъ проводить за обѣдами, до сихъ поръ очень незатѣйливыми и непродолжительными.

Онъ старался забыться. Затѣмъ онъ проводилъ долгіе часы, полулежа съ романомъ въ рукахъ, точно въ забытїи, томительно ожидая развязки своей трагической исторіи. Приближенные при видѣ того, какъ этотъ настойчивый и непоколебимый геній боролся съ невозможностью, говорили между собой о томъ, что онъ, достигнувъ предѣла своей славы, предчувствовалъ безъ сомнѣнія, что, при первомъ отступательномъ движеніи, начнется его паденіе. И имъ было понятно, почему онъ оставался неподвижнымъ, хватаясь за все, чтобы еще хотя на нѣсколько мгновеній удержаться на высотѣ.

Наконецъ, послѣ дней самообмана, послѣднія иллюзіи разсѣялись. Какой-то казакъ былъ этому причиной. Этотъ варваръ выстрѣлилъ въ Мюрата въ ту самую минуту, когда принцъ показался на аванпостахъ. Мюратъ вышелъ изъ себя; онъ заявилъ Милорадовичу, что перемиріе, безпрестанно нарушаемое, не можетъ продолжаться дальше и что отнынѣ каждая изъ сторонъ должна надѣяться только на себя.

Въ то самое время Мюратъ довелъ до свѣдѣнія Императора, что расположенное слѣва отъ него возвышеніе даетъ возможность неприятелю дѣлать на насъ неожиданныя нападенія со стороны лѣваго фланга и съ тыла, что наша первая линія, примыкающая къ оврагу, легко можетъ быть сброшена въ него. Такимъ образомъ, занимаемая Мюратомъ позиція передъ оврагомъ, въ виду опасности, вынуждала его къ отступленію. Но Наполеонъ не соглашался на это, несмотря на

то, что прежде онъ самъ указывалъ на Вороново, какъ на болѣе вѣрную позицію. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ, принимаемыхъ имъ скорѣе за политическую борьбу, чѣмъ за войну, онъ боялся выказать колебаніе, и предпочиталъ рисковать всѣмъ.

Тѣмъ не менѣе, 13 октября онъ послалъ Лористона къ Мюрату осмотрѣть позицію его авангарда. Самъ же Императоръ, обнаруживалъ странную небрежность въ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Неизвѣстно, руководился ли онъ при этомъ нежеланіемъ разстаться со своими прежними надеждами или тѣмъ чувствомъ отвращенія, которое подымалось въ немъ при малѣйшемъ намекѣ на отступленіе, оскорбляя его гордость и противорѣча его политическимъ соображеніямъ. Но, тѣмъ не менѣе, съ того же дня онъ сталъ думать объ отступленіи и начерталъ соотвѣтствующій планъ, черезъ минуту продиктовалъ другой маршрутъ на Смоленскъ. 21-го Жюно въ Колоцкомъ монастырѣ получилъ приказъ сжечь всѣ ружья раненыхъ и взорвать всѣ фуры. Д'Иллъе было поручено занять Ельню и устроить тамъ магазины. 17 октября въ Москвѣ Бертье впервые подумалъ о томъ, что раздать кому.

Этотъ генералъ мало помогалъ своему вождю въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ. Въ чужой странѣ, съ суровымъ климатомъ, онъ не принялъ никакихъ необходимыхъ предосторожностей и даже въ мелочахъ, ждалъ распоряженій императора. Но объ этомъ никто не вспомнилъ.

Подобная небрежность или непредусмотрительность привели къ печальнымъ послѣдствіямъ. Въ этой арміи, гдѣ каждой частью командовалъ маршалъ, принцъ или даже король, слишкомъ расчитывали другъ на друга.

Самъ Бертье не дѣлалъ никакихъ распоряженій: онъ довольствовался тѣмъ, что дословно повторялъ приказанія Наполеона, и не вдумываясь въ слова Императора, постоянно смѣшивалъ его опредѣленные указанія съ предположеніями и догадками.

Тѣмъ временемъ, Наполеонъ формировалъ свои полки и все чаще и чаще дѣлалъ смотры въ Кремлѣ. Онъ составлялъ батальоны изъ спѣшившихся кавалеристовъ и щедро раздавалъ награды. Побѣдные трофеи и легко раненые были отправлены въ Можайскъ, остальные раненые были свезены въ Воспитательный домъ; тамъ къ нимъ приставили французскихъ хирурговъ и присоединили русскихъ раненыхъ, надѣясь, что присутствіе этихъ послѣднихъ будетъ служить охраной для нашихъ.

Но было уже слишкомъ поздно. Вдругъ, посреди всѣхъ этихъ приготовленій, въ ту минуту, когда Наполеонъ производилъ въ Кремлѣ

смотря дивизіи Нея, около него заговорили о томъ, что подъ Винковымъ загрохотали пушки. Нѣкоторое время не осмѣливались ему объ этомъ докладывать: иные, потому что не довѣряли этому извѣстію и боялись вызвать недовольство Императора, другіе, по робости, не желая поднимать тревоги или опасаясь быть посланными для провѣрки этого извѣстія и тѣмъ самымъ подвергнуться утомительной поѣздкѣ.

Наконецъ, Дюрокъ рѣшился доложить объ этомъ. Императоръ на минуту перемѣнился въ лицѣ, затѣмъ быстро овладѣлъ собой и продолжалъ дѣлать смотръ. Но тутъ прибѣжалъ молодой адъютантъ Беранже. Онъ доложилъ, что на первую линію Мюрата сдѣлано нападеніе, она смята, часть загнана въ лѣсъ, флангъ атакованъ, отступленіе отрѣзано; что у нашихъ захвачено двѣнадцать пушекъ, двадцать аммуниціонныхъ повозокъ, тридцать фургоновъ, убито два генерала и потеряно отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ, а также обозы и что даже самъ Мюратъ раненъ. Ему удалось сохранить остатки своего авангарда лишь при помощи непрекращавшейся стрѣльбы по многочисленнымъ отрядамъ уже занявшихъ позади его большую дорогу—единственный путь отступленія.

Но все-таки честь была спасена. Атака, предводительствуемая Кутузовымъ, была нерѣшительна; Понятовскій, стоявшій на разстояніи нѣсколькихъ лье направо, доблестно сопротивлялся; Мюрату и стрѣлкамъ при помощи невѣроятныхъ усилій удалось остановить Багавута, уже готоваго врѣзаться въ нашъ лѣвый флангъ, и тѣмъ самымъ продержаться еще. Клапаредъ и Латуръ-Мобургъ очистили оврагъ Спаса-Капли, уже занятый Платовымъ въ двухъ лье позади нашей линіи. Два русскихъ генерала были убиты, нѣсколько другихъ ранены, потери непріятеля значительны, но ему достались наши пушки, наша позиція, однимъ словомъ побѣда.

У Мюрата не оставалось больше авангарда: во время перемирія онъ потерялъ одну половину своей кавалеріи, другая погибла въ этой битвѣ. Оставшіеся были истощены голодомъ и едва могли отвѣчать на выстрѣлы. И вотъ война возобновилась! Это было 18 октября.

При этомъ извѣстіи, къ Наполеону вернулся пылъ его прежнихъ лѣтъ. Тысяча приказовъ, начиная отъ самыхъ важныхъ распоряженій и кончая мелочами, приказовъ самыхъ разнообразныхъ, но согласованныхъ между собою и одинаково необходимыхъ, было одновременно продиктовано этимъ гениемъ. До наступленія ночи вся его армія была въ движеніи. Самъ Императоръ еще до разсвѣта 19 октября выступилъ изъ Москвы, воскликнувъ: «Идемте къ Калугѣ и горе тѣмъ, кто попадется намъ на пути!»

V.

Малоярославецъ.

Въ южной части Москвы, у заставы, одно изъ ея главныхъ предмѣстій премыкаетъ къ двумъ большимъ дорогамъ; обѣ онѣ ведутъ въ Калугу. Одна изъ нихъ, что лѣвѣе, самая старая, другая проложена позднѣе. На первой-то изъ нихъ Кутузовъ только что разбилъ Мюрата. И по этой же дорогѣ Наполеонъ вышелъ изъ Москвы 19 октября, объявивъ своимъ офицерамъ, что онъ пойдетъ къ границамъ Польши черезъ Калугу и Смоленскъ. Затѣмъ, указавъ на небо, по-прежнему безоблачное, сказалъ: «Развѣ вы не узнаете моей звѣзды въ этомъ сверкающемъ небѣ?» Но этотъ призывъ къ счастью противорѣчилъ мрачному выраженію его лица и обнаруживалъ лишь дѣланное спокойствіе.

Наполеонъ, вступившій въ Москву съ 90 тысячами строевыхъ солдатъ и 20,000 больныхъ и раненыхъ, выходя изъ нея, имѣлъ больше 100 тысячъ здоровыхъ солдатъ, оставивъ въ Москвѣ 1,200 раненыхъ. Пребываніе Императора въ Москвѣ, несмотря на ежедневныя потери, дало ему возможность: предоставить отдыхъ пѣхотѣ, пополнить провіантъ войска и увеличить свои силы на 10 тысячъ человекъ. Кромѣ того, удалось часть раненыхъ помѣстить въ госпиталѣ, а остальныхъ заблаговременно вывести изъ города. Но съ перваго же дня выступленія Наполеонъ замѣтилъ, что его кавалерія и артиллерія едва волочили ноги.

Одно ужасное зрѣлище увеличило печальныя предчувствія нашего вожда. Армія, еще наканунѣ вышедшая изъ Москвы, двигалась безъ перерыва. Въ этой колоннѣ, состоявшей изъ 140,000 человекъ и приблизительно 50,000 лошадей всѣхъ породъ, сто тысячъ строевыхъ солдатъ, шедшихъ впереди въ полномъ снаряженіи съ пушками и артиллерійскими повозками, еще могли напоминать своимъ видомъ прежнихъ всемірныхъ побѣдителей, но что касается остальныхъ, то они походили скорѣе на татарскую орду послѣ удачнаго нашествія. На безконечномъ разстояніи въ три или четыре ряда тянулась спутанная вереница каретъ, фуръ, богатыхъ экипажей и всевозможныхъ повозокъ. Тутъ были и трофеи въ видѣ русскихъ, турецкихъ и персидскихъ знаменъ и гигантскій крестъ съ колокольни Ивана Великаго, и бородатые русскіе крестьяне, которые везли и несли нашу добычу сами составляя часть ея; многіе изъ нашихъ собственноручно везли тачки, наполненныя всѣмъ, что имъ удалось захватить; эти безумцы не хотѣли думать, что уже къ вечеру имъ придется отказаться отъ своей непосильной ноши: охваченные бессмысленной жадностью, они забыли и о восьмистахъ лье пути, и о предстоящихъ сраженіяхъ.

Особенно бросалась въ глаза среди идущей въ походъ арміи толпа людей всѣхъ національностей, безъ формы, безъ оружія и слугъ, громко ругавшихся на всѣхъ языкахъ и подгонявшихъ криками и ударами плонькихъ лошаденковъ, впряженныхъ веревочной упряжью въ элегантные экипажи, наполненные добычей, уцѣлѣвшей отъ пожара, или съѣстными припасами. Въ этихъ экипажахъ ѣхали также со своими дѣтьми французскія женщины, которыя когда-то были счастливыми обитательницами Москвы, а теперь убѣгали отъ ненависти москвичей, и армія являлась для нихъ единственнымъ убѣжищемъ. Нѣсколько русскихъ дѣвокъ слѣдовали за нами въ качествѣ добровольныхъ плѣнницъ.

Можно было подумать, что двигался какой-то караванъ кочевниковъ или одна изъ армій древнихъ временъ, возвращавшаяся послѣ великаго нашествія съ рабами и добычей.

Трудно было себѣ представить, какъ сможетъ регулярное войско тянуть за собой и сохранять такое количество тяжелыхъ экипажей въ теченіе столь длиннаго перехода.

Несмотря на ширину дороги и крики свиты, Наполеону съ трудомъ удавалось пробираться сквозь эту невообразимую толкотню. Безъ сомнѣнія, достаточно было попасть въ узкій проходъ, ускорить движеніе или подвергнуться нападенію казаковъ, чтобы избавиться отъ этой поклажи; но лишь судьба или непріятель имѣли право облегчить насъ отъ нея. Императоръ же отлично сознавалъ, что онъ не имѣетъ права ни упрекнуть своихъ солдатъ за захватъ этой съ трудомъ прибрѣтенной добычи, ни тѣмъ болѣе отнять ее у нихъ. Кромѣ того, такъ какъ награбленныя вещи были спрятаны подъ съѣстными припасами, а Императоръ не имѣлъ возможности выдавать своимъ солдатамъ должный паекъ, то могъ ли онъ запретить имъ уносить все это съ собой? Наконецъ, въ виду того, что не хватало военныхъ повозокъ, эти экипажи служили единственнымъ спасеніемъ для больныхъ и раненыхъ. Поэтому Наполеонъ безмолвно миновалъ длинный хвостъ своей арміи и выѣхалъ на старую калужскую дорогу. Онъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ двигался въ этомъ направленіи, объявивъ, что онъ идетъ поразить Кутузова, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ русскій полководецъ только что одержалъ побѣду. Но въ половинѣ дня, взобравшись на высоту Краснопахрской усадьбы, гдѣ онъ остановился, Императоръ неожиданно повернулъ направо вмѣстѣ со всей своей арміей и, двигаясь черезъ поля, въ три перехода достигъ новой калужской дороги. Во время этого маневра полилъ дождь, испортилъ поперечныя дороги и принудилъ Наполеона остановиться. Это было большимъ несчастьемъ. Лишь съ большимъ трудомъ удалось извлечь изъ грязи наши орудія.

Несмотря на это, Императоръ удачно скрылъ свое движеніе, при помощи корпуса Нея и остатковъ кавалеріи Мюрата, стоявшихъ позади рѣки Мотши и въ Вороновѣ. Кутузовъ, введенный въ заблужденіе этой уловкой, продолжалъ ждать Великую Армію на старой дорогѣ, въ то время какъ она 23 октября, передвинувшись цѣликомъ на новую дорогу, должна была сдѣлать всего лишь одинъ переходъ, чтобы, благополучно миновавъ русскихъ, опередить ихъ на пути къ Калугѣ.

Письмо Бертье къ Кутузову, обозначенное первымъ днемъ нашего фланговаго марша, было послѣдней попыткой къ примиренію или быть можетъ военной хитростью. На него не послѣдовало удовлетворительнаго отвѣта.

23-го Императоръ со своимъ штабомъ уже былъ въ Боровскѣ. Проведенная тамъ ночь была пріятна Императору: онъ узналъ, что въ шесть часовъ вечера Дельзонъ со своей дивизіей, опередивъ его на четыре лье, нашель Малоярославецъ и окружающіе его лѣса не занятыми. Это мѣсто было прочной позиціей противъ Кутузова и въ то же самое время единственнымъ пунктомъ, занявъ который русскіе могли отрѣзать намъ отступленіе по новой калужской дорогѣ. Сначала Императоръ хотѣлъ обезпечить успѣхъ захвата этого города своимъ присутствіемъ и даже отдалъ приказаніе къ выступленію, но потомъ отмѣнилъ его, неизвѣстно почему.

Онъ провелъ этотъ вечеръ верхомъ на лошади вблизи Боровска, на большой дорогѣ недалеко отъ того мѣста, гдѣ, по его предположенію, долженъ былъ находиться Кутузовъ. Подъ проливнымъ дождемъ онъ осматривалъ мѣстность, какъ будто бы на ней должно было происходить сраженіе. На другой день, 24, онъ узналъ, что у Дельзона отбиваютъ Малоярославецъ; это извѣстіе не вызвало въ немъ особеннаго безпокойства, потому ли, что онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, или потому, что вообще не зналъ, что предпринять.

Онъ поздно и не торопясь выѣхалъ изъ Боровска, какъ вдругъ до него донесся шумъ сильнаго сраженія. Тогда его охватило безпокойство, онъ поспѣшилъ взобраться на одну изъ возвышенностей и сталъ прислушиваться. Неужели русскіе его опередили? Значить, его маневръ не удался? Развѣ онъ съ недостаточной быстротой подвигался впередъ? Или, можетъ быть, наши обходятъ лѣвый флангъ Кутузова?

Говорили, что во всемъ этомъ движеніи нашей арміи наблюдалась та медлительность, которая обычно наступаетъ вслѣдъ за продолжительнымъ отдыхомъ. Разстояніе между Москвой и Малоярославцемъ равняется всего ста десяти верстамъ: достаточно было бы четырехъ дней, чтобы пройти его, но наши употребили на этотъ переходъ цѣлыхъ шесть дней. Правда, армія, нагруженная съѣстными припасами и добычей, съ трудомъ подвигалась впередъ, а дороги были топки. Мы были принуждены посвятить цѣлый день переправѣ черезъ Нару и черезъ ея болото, точно такъ же, какъ и поджиданію различныхъ корпусовъ. Кромѣ того, подвигаясь такъ близко отъ непріятеля, нашимъ приходилось тѣсниться, чтобы не подвергнуть нападенію русскихъ нашъ слишкомъ удлиненный флангъ. Какъ бы то ни было, всѣ наши несчастія начались съ этого привала.

Между тѣмъ Императоръ по-прежнему прислушивался; шумъ все возрасталъ: «Что это,—битва?» воскликнулъ онъ. Каждый выстрѣлъ

носимо и всякое замедленіе могло кончиться нашей гибелью. Нужно было прибѣгнуть или къ быстрому отступленію, или къ стремительной атакѣ, а такъ какъ и отступать нужно было двигаясь впередъ, то вице-король далъ приказъ къ атакѣ.

Большая Калужская дорога пролегаетъ по узкому мосту рѣки Лужи, затѣмъ черезъ оврагъ, примыкающій къ Малоярославцу, поднимается къ этому городу. Русскіе въ огромномъ числѣ занимали этотъ оврагъ. Дельзонъ и его французы бросились туда, очертя голову. Отъ такого напора русскіе были опрокинуты и скоро наши штыки заблестѣли на высотахъ.

Дельзонъ, будучи увѣренъ въ побѣдѣ, объявилъ о ней. Ему осталось пройти лишь одинъ только рядъ зданій, но его солдаты заколебались. Онъ двинулся впередъ, ободряя ихъ жестами, голосомъ и собственнымъ примѣромъ, какъ вдругъ пуля ударила ему въ голову и онъ упалъ. Его братъ бросился къ нему и, сжимая его въ своихъ объятіяхъ, хотѣлъ собственнымъ тѣломъ защитить его отъ выстрѣловъ и сумятицы, но вторая пуля сразила его самого—и оба брата одновременно испустили духъ.

Это была тяжелая потеря и нужно было замѣстить убитыхъ. Гильмино занялъ мѣсто Дельзона, опрокинулъ и загналъ сто русскихъ гренадеровъ въ церковь и на кладбище, на оградѣ котораго они держались. Эта церковь возвышалась налѣво отъ большой дороги и ей мы были обязаны побѣдой. Пять разъ мимо нея проходили преслѣдующія насъ русскія колонны и пять разъ наши выстрѣлы, направляемая изъ этой церкви то на ихъ флангъ, то на ихъ тылъ, приводили ихъ въ смятеніе и задерживали ихъ натискъ; затѣмъ, когда уже мы стали наступать, то русскіе, благодаря этой позиціи, очутились между двухъ огней и тѣмъ самымъ мы достигли успѣха.

Едва успѣлъ Гильмино установить такую диспозицію, какъ вдругъ цѣлыя стаи русскихъ набросились на него; его оттиснули къ мосту, гдѣ держался вице-король, наблюдавшій за сраженіемъ и подготовлявшій резервы. Сначала даваемая имъ подмога не имѣла значенія: онъ посылалъ одинъ за другимъ слабыя небольшіе отряды и, какъ это всегда бываетъ, такіе отряды, не представляя собою серьезнаго подкрѣпленія для натиска, были поочередно разбиваемы.

Наконецъ вся 14 дивизія была пущена въ дѣло, сраженіе въ третій разъ перешло на высоты. Но едва французы достигли городскихъ домовъ, едва они удалились отъ центрального пункта и очутились на широкомъ открытомъ мѣстѣ, не защищаемые ни съ какой стороны—ихъ силы оказались уже недостаточными. Истребляемые выстрѣлами

цѣлой арміи, французы въ смятеніи остановились; къ русскимъ все время подходили свѣжія силы и наши порѣдѣвшіе полки должны были отступить, тѣмъ болѣе, что неровность почвы усиливала это смятеніе, и имъ снова пришлось стремительно спуститься съ возвышенности, покинувъ все.

Ядра, направленные въ этотъ деревянный городъ, подожгли его: въ своемъ отступленіи наши попадали въ огонь пожара, который гналъ ихъ подъ огонь выстрѣловъ; русскіе ополченцы озвѣрѣли, какъ истинные фанатики; наши солдаты тоже разсвирѣпли; начался рукопашный бой; солдаты вцѣплялись другъ въ друга одной рукой, нанося удары другой, и оба, какъ побѣдитель, такъ и побѣжденный, скатывались въ глубины оврага или въ пламя, не разжимая рукъ. Тамъ умирали раненные, иные задыхаясь въ дыму, другіе — пожираемые раскаленными углями. Ихъ почернѣвшіе и обуглившіеся скелеты являли собой ужасное зрѣлище.

Впрочемъ, не всѣ изъ нашихъ одинаково ревностно исполняли свой долгъ. Одинъ изъ командировъ, большой говоруны, забившись на дно оврага, проводилъ время въ разговорахъ вмѣсто того, чтобы дѣйствовать. Онъ держалъ при себѣ въ этомъ безопасномъ мѣстѣ ровно столько солдатъ, сколько нужно было для того, чтобы оправдать его присутствіе въ этомъ оврагѣ, предоставляя остальнымъ своимъ подчиненнымъ дѣйствовать на-угадъ, каждому порознь — такъ, какъ имъ вздумается.

Въ резервѣ была одна 15 дивизія. Вице-король вызвалъ ее въ дѣло. Она двинулась впередъ, направивъ одну бригаду налѣво, въ предмѣстье, другую направо, въ городъ. Это были итальянскіе рекруты, которые сражались впервые. Они бросились въ гору съ восторженными криками, позабывъ объ опасности или презирая ее по тому странному свойству, благодаря которому жизнь въ ея расцвѣтѣ менѣе цѣнится, чѣмъ на склонѣ лѣтъ, или можетъ быть потому, что молодые меньше боятся смерти, не чувствуя ея приближенія и въ этомъ возрастѣ, богатомъ всѣми дарами природы, они расточаютъ свою жизнь, какъ богачи свое состояніе.

Схватка была ужасна; мы въ четвертый разъ отбили все и снова все потеряли. Рекруты резерва, пылкіе вначалѣ, очень скоро потеряли мужество и, обратившись въ бѣгство, вернулись къ старымъ солдатамъ, которые, соединившись съ ними, снова повели ихъ въ сраженіе.

Тогда русскіе, воодушевленные своимъ успѣхомъ и своимъ все возрастающимъ числомъ, спустились съ правой стороны, чтобы овладѣть мостомъ и отрѣзать намъ отступленіе. У принца Евгенія оставался

всего одинъ послѣдній резервъ, онъ самъ пошелъ въ бой вмѣстѣ со своей гвардіей. При видѣ этого и слышавъ призывные крики вице-короля, остатки 13-ой, 14-ой и 15-ой дивизій воспрянули духомъ—они сдѣлали послѣднее усиліе и въ пятый разъ бой перешелъ на высоты.

Въ это же время полковникъ Перальди и итальянскіе стрѣлки штыками оттѣснили русскихъ, которые уже достигали моста съ лѣвой стороны, и, не переводя духу, опьяненные дымомъ и выстрѣлами, черезъ которые они прорвались, ударами, которые они наносили сами, и, наконецъ, побѣдой,—они далеко устремились въ долину, собираясь захватить неприятельскія пушки.

Но одна изъ глубокихъ расцелинъ, которыми покрыта эта почва, заставила ихъ остановиться подъ смертоноснымъ огнемъ: ихъ ряды разомкнулись и неприятельская кавалерія напала на нихъ; они были отброшены къ самымъ садамъ предмѣстья, тутъ они остановились и снова сомкнулись; Дюрье, Гиффлинга, Трецель, французы и итальянцы—всѣ принялись отчаянно отстаивать верхнія ворота города и русскіе подались, наконецъ, и отступили, укрѣпившись на Калужской дорогѣ, между лѣсомъ и Малоярославцемъ.

Такимъ образомъ, восемнадцать тысячъ итальянцевъ и французовъ, столпившихся въ глубинѣ оврага, побѣдили пятьдесятъ тысячъ русскихъ, расположившихся надъ ихъ головами и имѣвшихъ всѣ тѣ преимущества, которыя даетъ городъ, построенный на крутомъ подъемѣ.

Тѣмъ не менѣе армія съ грустью смотрѣла на это поле битвы, гдѣ пали убитыми и ранеными семь генераловъ и четыре тысячи французовъ и итальянцевъ. Потеря неприятеля не могла утѣшить насъ. Эта потеря не была вдвое больше нашей и ихъ раненые могли быть спасены. Кромѣ того мы вспоминали, что, находясь въ подобномъ же положеніи, Петръ I жертвовалъ десятыю русскими на каждаго шведа и считалъ, что не только потери обѣихъ сторонъ равны, но что онъ даже выигралъ въ этой ужасной сдѣлкѣ. Наши особенно печалились при мысли о бесполезности этой кровавой схватки.

Въ самомъ дѣлѣ, костры, запылавшіе налѣво отъ насъ въ ночь съ 23-го на 24 оповѣстили насъ о приближеніи, русскихъ къ Малоярославцу; тѣмъ не менѣе было замѣтно, что наши подвигаются къ нимъ медленно, что лишь всего одна дивизія на три лье въ окружности, лишенная всякой подмоги, безопасно двигалась впередъ, что различные корпуса были далеко отодвинуты другъ отъ друга. Куда же дѣлась та быстрота и та рѣшимость, которую выказали наши при Маренго, Ульмѣ и Экмюль? Чѣмъ было можно объяснить это вялое и замедленное передвиженіе при подобныхъ критическихъ обстоятельствахъ?

Неужели нашихъ задерживали ихъ артиллерія и обозъ? Это предположеніе было наиболѣе правдоподобнымъ.

Императоръ выслушалъ рапортъ объ этой битвѣ, находясь въ нѣсколькихъ шагахъ направо отъ большой дороги, въ глубинѣ оврага на берегу рѣчки въ деревнѣ Городнѣ въ старой развалившейся деревянной хижинѣ ткача. Эта деревня была расположена въ полу-днѣ отъ Малоярославца, возлѣ одного изъ изгибовъ рѣки Лужи. И въ этомъ - то подточенномъ червями жилищѣ, въ грязной темной комнаткѣ, разгороженной пополамъ холщевой занавѣской, рѣшалась судьба арміи и Европы!

Первую половину ночи Наполеонъ провелъ въ полученіи и прочитываніи извѣстій съ поля сраженія. Все доказывало, что непріятель готовится къ сраженію на слѣдующій день; наши же находили нужнымъ избѣжать ее. Въ одиннадцать часовъ пришелъ Бессьеръ. Этотъ маршалъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ нѣкоторыми почтенными заслугами и любовью Наполеона, привязавшагося къ нему, какъ къ своему созданію. Правда, нельзя было сдѣлаться фаворитомъ Наполеона такъ же, какъ—всякаго другого монарха; для этого слѣдовало, по крайней мѣрѣ, долго прожить съ нимъ, выказать свою полезность, такъ какъ онъ не удѣлялъ много времени пріятному; затѣмъ необходимо было быть не только простымъ свидѣтелемъ столькихъ побѣдъ;—тогда утомленный Императоръ пріучался смотрѣть тѣми глазами, которые, какъ ему казалось, онъ самъ пересоздалъ.

Онъ отправилъ этого маршала, чтобы осмотрѣть расположеніе непріятеля. Бессьеръ повиновался; онъ проѣхалъ вдоль всего фронта позиціи русскихъ: «Ихъ невозможно атаковать», сказалъ онъ по возвращеніи!—«О Боже!» воскликнулъ Императоръ, всплеснувъ руками. «Достаточно ли вы въ этомъ убѣдились? Неужели это правда? Вы мнѣ ручаетесь за это?» Бессьеръ подтвердилъ свое донесеніе: онъ повторилъ, что, позиція русскихъ такъва, что достаточно трехсотъ гренадеръ для задержанія цѣлой арміи! Наполеонъ съ подавленнымъ видомъ скрестилъ руки и углубился въ свои печальныя размышленія. «Итакъ, его армія побѣдоносна, но самъ онъ побѣжденъ! Его путь отрѣзанъ, планы разстроены; Кутузовъ старикъ, скиѡ предупредилъ его! И онъ не можетъ жаловаться на свою звѣзду! Развѣ солнце Франціи не слѣдовало за нимъ и въ Россію? Развѣ еще вчера дорога въ Малоярославецъ не была свободна? Значить, счастье не измѣнило ему, но не онъ ли самъ измѣнилъ своему счастью?»

Углубившись въ бездну этихъ безотрадныхъ мыслей, онъ впалъ въ такое состояніе, что ни одному изъ его приближенныхъ не удалось

добиться отъ него ни одного слова и только послѣ долгихъ настойчивыхъ вопросовъ едва онъ удостоилъ ихъ кивка головы. Наконецъ онъ выразилъ желаніе отдохнуть немного, но его терзала жгучая бессонница. Весь остатокъ этой жестокой ночи онъ то вставалъ, то ложился, безпрестанно подзывалъ къ себѣ кого-нибудь, но ни однимъ словомъ не обнаруживалъ своего отчаянія и лишь по беспокойной подвижности его тѣла можно было судить о смятеніи его души.

Около четырехъ часовъ утра одинъ изъ его ординарцевъ, принцъ Д Аренбергъ, предупредилъ его о томъ, что подъ прикрытіемъ ночной темноты, лѣса и неровностей почвы казаки проскользнули между главной квартирой арміи и аванпостами. Императоръ только что послалъ Понятовскаго на свой правый флангъ, въ Крененское. Онъ такъ мало ожидалъ нападенія непріятели съ этой стороны, что не позаботился объ укрѣпленіи праваго фланга, и не обратилъ вниманія на донесеніе своего ординарца.

Какъ только 25-го числа солнце показалось на горизонтѣ, онъ сѣлъ на лошадь и отправился по Калужской дорогѣ, которая теперь была для него только дорогой въ Малоярославецъ. Чтобы достигнуть моста, около этого города слѣдовало проѣхать черезъ длинную долину шириною въ полъ-льѣ, которую окружаетъ со всѣхъ сторонъ рѣка Лужа; за Императоромъ слѣдовало всего лишь нѣсколько офицеровъ. Такъ какъ четыре эскадрона его обычной свиты не были имъ предупреждены, то они выѣхали вслѣдъ за нимъ, торопясь его догнать. Дорога была покрыта артиллерійскими и лазаретными фурами и экипажами: все это составляло внутреннюю часть арміи и потому Наполеонъ со своими путниками подвигались впередъ безъ всякихъ опасеній.

Сначала вдалькѣ съ правой стороны замелькали небольшіе отряды, затѣмъ стали приближаться большія черныя линіи войскъ. Вдругъ поднялась тревога: нѣсколько женщинъ и кое-кто изъ челяди стрелглавъ бросились назадъ, ничего не слушая, не отвѣчая на вопросы, потерявъ голосъ и еле переводя духъ. Въ то время ряды экипажей нерѣшительно остановились: среди нихъ поднялась суматоха; одни изъ нихъ хотѣли продолжать путь, другіе—вернуться обратно: экипажи сталкивались, опрокидывались и вскорѣ воцарился невообразимый безпорядокъ. Императоръ смотрѣлъ и улыбался, все подвигаясь впередъ и думая, что ими овладѣлъ безпричинный паническій страхъ. Его адъютанты подозрѣвали, что передъ ними казаки, но они приближались такими правильными взводами, что наши все еще сомнѣвались, и если бы эти негодяи не зарычали бы по своему обыкновенію, чтобы заглушить въ себѣ страхъ передъ опасностью, Наполеону, быть можетъ, не удалось

бы миновать ихъ рукъ. Опасность эта была еще увеличена тѣмъ, что сначала мы приняли эти возгласы за крики «Да здравствуетъ Императоръ!»

Это былъ Платовъ и шесть тысячъ казаковъ, которые позади нашего побѣдоноснаго авангарда попытались перейти рѣку, равнину и большую дорогу, забирая все на своемъ пути, и какъ разъ въ ту минуту, когда Императоръ спокойно двигался среди своей арміи вблизи извилистой рѣки, не допуская даже мысли о такомъ дерзкомъ намѣреніи,—русскіе приводили его въ исполненіе!

Пустившись въ галопъ, они приближались такъ быстро, что Раппъ едва успѣлъ сказать Императору: «Да вѣдь это они, возвращайтесь!» Императоръ, потому ли, что онъ плохо видѣлъ, или потому, что онъ считалъ унижительнымъ обращаться въ бѣгство, стоялъ на-своемъ. И онъ былъ бы окруженъ, если бы Раппъ, схвативъ за поводъ лошадь Наполеона, не повернулъ ее назадъ, закричавъ ему: «Это необходимо!» И въ самомъ дѣлѣ приходилось бѣжать. Наполеонъ при своей гордости не могъ рѣшиться на это. Онъ обнажилъ шпагу; принцъ Невшательскій и оберъ-шталмейстеръ послѣдовали его примѣру. И, ставъ налѣво отъ дороги, они стали ждать эту орду, отъ которой ихъ отдѣляло всего сорокъ шаговъ. Раппъ едва успѣлъ повернуться лицомъ къ этимъ варварамъ, какъ одинъ изъ нихъ съ такой силой вонзилъ свое копье въ грудь лошади этого генерала, что опрокинулъ его на землю. Другіе адъютанты и нѣсколько гвардейскихъ кавалеристовъ подняли его. Этотъ поступокъ, храбрость Лекютѣ, усилія двухъ десятковъ офицеровъ и стрѣлковъ, а главнымъ образомъ, жадность къ грабежу русскихъ варваровъ спасли Императора. Тѣмъ не менѣе имъ достаточно было только протянуть руку, чтобы схватить его. Въ ту же минуту орда, пересѣкая дорогу, смяла все на своемъ пути: лошадей, людей, экипажи, нанося раны и убивая обозныхъ солдатъ, которыхъ затѣмъ казаки тащили въ лѣсъ, чтобы тамъ ихъ обогнать; затѣмъ, повернувъ лошадей, впряженныхъ въ орудія, они уводили ихъ черезъ поля. Но эта побѣда длилась лишь одно мгновеніе, была торжествомъ, благодаря неожиданности. Подоспѣла гвардейская кавалерія, при видѣ нея русскіе побросали свою добычу и обратились въ бѣгство; они пронеслись подобно потоку, правда, оставляя за собой ужасные слѣды, но побросавъ то, что удалось имъ захватить.

Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ этихъ варваровъ проявили отвагу, доходящую до дерзости. Они возвращались шагомъ, проѣзжая между нашими эскадронами и спокойно заряжая свои ружья. Они рассчитывали на неповоротливость нашихъ избранныхъ кавалеристовъ и на

И. Розенъ.—Наполеонъ поглядываетъ остатки своей арміи 5-го декабря 1812 г.

легкость своихъ собственныхъ лошадей, подгоняемыхъ нагайками. Ихъ бѣгство произошло въ полномъ порядкѣ, они нѣсколько разъ оборачивались, правда, на разстояніи внѣ выстрѣла, такъ что они потеряли только нѣсколько человѣкъ ранеными и не оставили намъ ни одного плѣнника. Наконецъ, они заманили насъ къ оврагамъ, поросшимъ кустарниками, гдѣ были спрятаны ихъ орудія, принудившія насъ остановиться. Все это наводило на размышленія. Силы нашей арміи были надорваны, а война возобновлялась во всей своей силѣ!

Императоръ, пораженный тѣмъ, что осмѣлились на него напасть, стоялъ до тѣхъ поръ, пока не очистили долину; затѣмъ онъ направился въ Малоярославецъ, гдѣ вице-король показалъ ему всѣ препятствія, пріодолѣнныя накануне.

Сама почва достаточно свидѣтельствовала о нихъ. Никогда еще поле битвы не представляло такой ужасной картины. Изрытая поверхность земли, окровавленные развалины, улицы, слѣдъ которыхъ можно было различить лишь по длинной вереницѣ труповъ и человѣческихъ головъ, раздавленныхъ пушечными колесами, обгорѣвшіе раненые, выползавшіе изъ обломковъ и испускавшіе жалобные стоны, наконецъ, мрачное пѣніе гренадеровъ, воздававшихъ послѣднія печальныя почести останкамъ своихъ убитыхъ полковниковъ и генераловъ; все это говорило о только что произошедшемъ ужасномъ сраженіи. Говорятъ, что Императоръ увидѣлъ въ этомъ одну [лишь славу; онъ воскликнулъ: «Честь этого великаго дня всецѣло принадлежитъ принцу Евгенію!» Но уже охваченный роковымъ предчувствіемъ, онъ поколебался при видѣ этого зрѣлища. Затѣмъ онъ отправился на высокой берегъ.

Товарищи! помните ли вы это злосчастное поле битвы, на которомъ остановилось завоеваніе міра, гдѣ двадцать лѣтъ непрерывныхъ побѣдъ разсыпались въ прахъ, гдѣ началось великое крушеніе нашего счастья? Представляется ли еще вашимъ глазамъ этотъ разрушенный кровавый городъ и эти глубокіе овраги и лѣса, которые, окружая высокую долину, образуютъ изъ нея замкнутое мѣсто? Съ одной стороны французы, уходившіе съ сѣвера, котораго они такъ пугались, съ другой — у опушекъ лѣсовъ — русскіе, охранявшіе дорогу на югъ и пытавшіеся толкнуть насъ во власть ихъ грозной зимы. Представляется ли вамъ Наполеонъ между двумя своими арміями посреди этой долины, его шаги, его взгляды, блуждавшіе съ юга на востокъ, съ Калужской дороги на Медынскую? Обѣ онѣ для него закрыты: на Калужской — Кутузовъ и сто двадцать тысячъ человѣкъ, готовыхъ оспаривать у него двадцать лье лощины, со стороны Медыни онъ видитъ многочисленную кавалерію — это Платовъ и тѣ самыя орды, которыя

только что появились у крыла арміи, проникли черезъ него по частямъ и вышли, нагруженные добычей, чтобы вновь сформироваться на правомъ флангѣ, гдѣ ихъ ждали резервы и артиллерія. Именно въ эту сторону были такъ долго устремлены взоры Императора, о ея положеніи онъ справлялся по военнымъ картамъ, выслушивалъ генераловъ, взвѣшивалъ все, что было опаснаго въ нашей позиціи въ силу необычайно рѣзкихъ несогласій между генералами, которые не сдерживались даже въ его присутствіи. Затѣмъ, весь подавленный сожалѣніемъ и печальными предчувствіями, онъ медленно отправился на главную квартиру.

Мюрать, принцъ Евгений, Бертъе, Даву и Бессьеръ слѣдовали за нимъ. Бѣдное жилище невѣжественнаго ремесленника заключало въ своихъ стѣнахъ Императора, двухъ королей, трехъ генераловъ арміи! Они пришли туда, чтобы рѣшить судьбу Европы и арміи, которая ее завоевала. Смоленскъ былъ цѣлью. Какъ итти туда — черезъ Калугу, Медынь или Можайскъ? Наполеонъ сидѣлъ передъ столомъ, опершись головой на руки, которыя закрывали его лицо и отражавшуюся, вѣроятно, на немъ скорбь.

Никто не рѣшался нарушить этого роковаго молчанія, какъ вдругъ Мюрать, который не могъ долго сосредотиваться, не вынесъ этого колебанія. Послушный лишь внушеніямъ своей пламенной натуры, и не желая поддаваться такой нерѣшительности, онъ воскликнулъ въ одномъ изъ порывовъ, свойственныхъ ему и способныхъ разомъ или поднять настроеніе или ввергнуть въ отчаяніе: «Пусть меня снова обвинять въ неосторожности, но на войнѣ все рѣшается и опредѣляется обстоятельствами. Тамъ, гдѣ остается одинъ исходъ—атака, всякая осторожность становится отвагой и отвага осторожностью. Остановиться нѣтъ никакой возможности, бѣжать опасно, поэтому намъ необходимо преслѣдовать непріятеля. Что намъ за дѣло до грознаго положенія русскихъ и ихъ непроходимыхъ лѣсовъ? Я презираю все это! Дайте мнѣ только остатки кавалеріи и гвардіи и я углублюсь въ ихъ лѣса, брошусь на ихъ батальоны, разрушу все и вновь открою арміи путь къ Калугѣ».

Здѣсь Наполеонъ, поднявъ голову, остановилъ эту пламенную рѣчь, сказавъ: «Довольно отваги; мы слишкомъ много сдѣлали для славы; теперь время думать лишь о спасеніи остатковъ арміи».

Тутъ Бессьеръ, потому ли, что его гордость оскорблялась при мысли о необходимости подчиниться Неаполитанскому королю, или потому, что ему хотѣлось сохранить неприкосновенной гвардейскую кавалерію, которую онъ сформировалъ, за которую отвѣчалъ передъ

Наполеономъ и которая состояла подъ его начальствомъ,—Бессьеръ, чувствуя поддержку, осмѣлился прибавить: «Для подобнаго предпріятія у арміи, даже у гвардіи не хватить мужества. Уже теперь поговариваютъ о томъ, что не хватаетъ повозокъ и что отнынѣ раненый побѣдитель останется въ рукахъ побѣжденныхъ и, что такимъ образомъ всякая рана была смертельна. Итакъ, за Мюратомъ послѣдуютъ неохотно и въ какомъ состояніи? Мы только что убѣдились въ недостаточности нашихъ силъ. А съ какимъ непріателемъ намъ придется сражаться? Развѣ не видѣли мы поля послѣдней битвы, не замѣтили того неистовства, съ которымъ русскіе ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на вѣрную смерть?» Этотъ маршалъ закончилъ свою рѣчь, произнеся слово отступленіе, которое Наполеонъ одобрилъ своимъ молчаніемъ.

Тотчасъ же принцъ Экмюльскій заявилъ, что если отступленіе рѣшено, то нужно отступать черезъ Медынь и Смоленскъ. Но Мюратъ прервалъ Даву и не то изъ враждебности, которую онъ къ нему питалъ, не то отъ досады за его отвергнутый отважный планъ, съ изумленіемъ сказалъ: «Какъ можно предлагать Императору такой неосмотрительный шагъ! Что же Даву поклялся погубить всю армію? Неужели онъ хочетъ, чтобы такая длинная и тяжелая колонна потянулась бы безъ проводниковъ по незнакомой дорогѣ, вблизи Кутузова, подставляя свое крыло всѣмъ непріятельскимъ нападеніямъ. Ужъ не самъ ли Даву будетъ защищать армію? Зачѣмъ, когда позади насъ Боровскъ и Верея безопасно ведутъ къ Можайску, мы отклонимъ этотъ спасительный для насъ путь? Тамъ должны быть заготовлены съѣстные припасы, тамъ все намъ извѣстно и ни одинъ измѣнникъ не собьетъ насъ съ дороги».

При этихъ словахъ Даву, весь пылая гнѣвомъ и съ трудомъ сдерживая себя, отвѣчалъ: «Я предлагаю отступать по плодородной почвѣ, по нетронутой дорогѣ, гдѣ мы сможемъ найти пропитаніе въ деревняхъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія по кратчайшему пути, которымъ непріятель не успѣетъ воспользоваться, чтобы отрѣзать намъ указываемую Мюратомъ дорогу изъ Можайска въ Смоленскъ, а что это за дорога? Песчаная и испепеленная пустыня, гдѣ обозы раненыхъ, присоединившись къ намъ, прибавятъ намъ новыя затрудненія, гдѣ мы найдемъ лишь одни обломки, слѣды крови, скелеты и голодъ!»

Впрочемъ, я высказываю свое мнѣніе, потому что меня спрашиваютъ, но я съ неменьшимъ рвеніемъ буду повиноваться приказаніямъ, хотя бы и противорѣчащимъ моему мнѣнію; но только одинъ Императоръ можетъ заставить меня замолчать, а ужъ никакъ не Мюратъ,

который никогда не былъ моимъ государемъ и никогда имъ не будетъ!»

Ссора усиливалась, Бессьеръ и Бертье вѣшались. Императоръ же, по-прежнему погруженный въ задумчивость, казалось, ничего не замѣчалъ. Наконецъ онъ прервалъ свое молчаніе и это обсужденіе слѣдующими словами: «Хорошо господа, я рѣшу самъ!»

Онъ рѣшилъ отступить и по той дорогѣ, которая дастъ возможность скорѣе удалиться отъ непріятеля. Но ему нужно было вынести страшную борьбу съ собой для того, чтобы онъ смогъ заставить себя рѣшиться на такой небывалой для него путь. Это рѣшеніе было такъ мучительно, такъ оскорбляло его гордость, что онъ лишился чувствъ. Тѣ, которые тогда ухаживали за нимъ, рассказывали, что донесеніе о новомъ дерзкомъ нападеніи казаковъ возлѣ Боровска въ нѣсколькихъ лье позади арміи, было послѣднимъ и слабымъ толчкомъ, который заставилъ Императора окончательно принять роковое рѣшеніе—отступить.

Замѣчательно то, что онъ приказалъ отступить къ сѣверу въ ту минуту, когда Кутузовъ со своими русскими, еще потрясенными схваткой при Малоярославцѣ, отступалъ къ югу.

Въ эту же самую ночь такая же тревога происходила и въ русскомъ лагерѣ. Во время битвы подъ Малоярославцевъ Кутузовъ съ осторожной медлительностью приближался къ полю битвы, останавливаясь на каждомъ шагу, ощупывая почву, какъ будто бы онъ боялся, что земля провалится подъ нимъ, и лишь съ трудомъ удавалось добиться отъ него посылки резервныхъ отрядовъ на помощь Дохтурову. Самъ онъ осмѣлился загородить дорогу Наполеону лишь въ то время, когда нечего было опасаться генеральнаго сраженія.

Тогда Вильсонъ, еще разгоряченный битвой, прискакалъ къ нему. Вильсонъ это тотъ дѣятельный, подвижный англичанинъ, котораго видѣли въ Египтѣ, въ Испаніи, всюду врагомъ Наполеона и французовъ. Въ русской арміи онъ былъ представителемъ союзниковъ. Среди полномостія Кутузова, онъ былъ чловѣкъ независимый, не только наблюдатель, но какъ бы судья; этихъ свойствъ было достаточно, чтобы вызвать къ себѣ недоброжелательство, а такъ какъ вражда всегда вызываетъ вражду, то Кутузовъ и Вильсонъ ненавидѣли другъ друга, Вильсонъ упрекалъ его за непостижимую медлительность, благодаря которой пять разъ въ теченіе одного дня русскіе упустили побѣду, какъ и въ Винковѣ, и онъ напомнилъ ему объ этой битвѣ, происходившей 18 октября. Въ самомъ дѣлѣ въ тотъ день Мюратъ погибъ бы, если бы Кутузовъ сильной атакой на фронтъ французовъ далъ возмож-

ность Бенигсену напасть на ихъ лѣвый флангъ. Но по беззаботности или, по медлительности—свойственнымъ старикамъ или потому, какъ говорили многіе изъ русскихъ, что Кутузовъ былъ болѣе враждебно настроенъ по отношенію Бенигсена, чѣмъ по отношенію Наполеона,—старецъ произвелъ атаку слишкомъ медлительную, началъ ее очень поздно и остановилъ преждевременно.

Затѣмъ Вильсонъ просилъ дать завтра рѣшительную битву, но его предложеніе было отвергнуто и, несмотря на это, Кутузову, замкнутому вмѣстѣ съ французами на высокой равнинѣ Малоярославца, пришлось занять грозное положеніе 25-го. Онъ выдвинулъ всѣ свои дивизіи и 700 артиллерійскихъ орудій. Въ обѣихъ арміяхъ не сомнѣвались, что для одной изъ сторонъ наступилъ послѣдній день. Самъ Вильсонъ думалъ то же самое. Онъ замѣтилъ, что линіи русскихъ примыкаютъ къ болотистому оврагу, черезъ который перекинутъ шаткій мостъ. Этотъ единственный путь къ отступленію въ виду непріятеля казался Вильсону неудовлетворительнымъ. Итакъ, Кутузову необходимо было или побѣдить или погибнуть, и англичанинъ улыбнулся, предвкусывая рѣшительную битву: пусть исходъ ея будетъ фаталенъ для Наполеона или опасенъ для русскихъ, она будетъ кровопролитна и Англія только выиграетъ отъ этого.

Но когда наступила ночь, онъ, продолжая волноваться, объѣхалъ русскіе ряды; онъ съ наслажденіемъ услышалъ, какъ клялся Кутузовъ дать наконецъ сраженіе. Вильсонъ торжествовалъ, глядя, какъ русскіе генералы приготовлялись къ страшному столкновенію. Одинъ только Бенигсенъ сомнѣвался въ битвѣ. Англининъ, полагая, что самая позиція войскъ не дастъ возможности отступить, легъ отдохнуть до наступленія дня, какъ вдругъ, въ три часа утра приказъ объ общемъ отступленіи разбудилъ его. Всѣ его усилія были бесполезны. Кутузовъ рѣшился бѣжать на югъ, сначала черезъ Гончарово, потомъ на Калугу и на Окѣ все было уже приготовлено для его переправы.

Въ ту же самую минуту Наполеонъ приказалъ своимъ отступить на сѣверъ къ Можайску. Двѣ арміи повернулись спиной другъ къ другу, обманывая другъ друга остававшимися на мѣстахъ арьергардами.

Вильсонъ увѣряетъ, что со стороны Кутузова, это было настоящимъ бѣгствомъ. Со всѣхъ сторонъ кавалерія, повозки, орудія, батальоны устремлялись къ мосту, къ которому примыкала русская армія. Тутъ всѣ эти колонны, стекавшіяся справа, слѣва и съ центра, сталкивались, торопились и смѣшались въ такую скученную массу, что потеряли возможность двигаться дальше. Потрачено было нѣ-

сколько часовъ, чтобы очистить и освободить этотъ переходъ. Нѣсколько ядеръ Даву, посланныхъ имъ, какъ онъ думалъ напрасно, попало въ эту сумятицу.

Наполеону достаточно было только двинуться на эту безпорядочную толпу. Тутъ, когда послѣ большого натиска, сдѣланнаго подѣ Малоярославцемъ, оставалось только итти впередъ, Императоръ отступилъ. Такова война: никогда попытка и дерзновеніе не доводятся до конца. Аванпосты являются лишь показной частью двухъ непріятельскихъ армій; при помощи ихъ, эти арміи взаимно угрожаютъ и не даютъ возможности узнать дѣйствительныя силы другъ друга!

Въ концѣ концовъ это произошло можетъ быть потому, что у Императора, проявившаго большую неосторожность въ Москвѣ, въ эту минуту не было достаточно смѣлости; онъ чувствовалъ себя усталымъ, недавно случившіяся казацкія выходки вызвали въ немъ отвращеніе, видъ раненыхъ растрогалъ его, всѣ эти ужасы отталкивали его и, подобно всѣмъ крайне рѣшительнымъ людямъ, онъ, уже не надѣясь на полную побѣду, постановилъ стремительно отступить.

Съ того момента, онъ сталъ видѣть передъ собой только Парижъ, точно такъ же, какъ, уѣзжая изъ Парижа, онъ видѣлъ передъ собой только Москву. Это было 26 октября, когда началось роковое отступательное движеніе нашихъ войскъ. Даву во главѣ двадцати-пяти тысячъ человѣкъ остался въ арьергардѣ. Въ то время, какъ онъ дѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и этимъ, самъ того не зная, навелъ ужасъ на русскихъ, — Великая Армія повернулась къ нимъ спиной. Армія шла, опустивъ глаза, словно пристыженная и сконфуженная, а посреди нея, ея вождь, мрачный и молчаливый, казалось, тревожно измѣрялъ глазами разстояніе, отдѣлявшее его отъ береговъ Вислы, гдѣ его, можетъ быть, ждала подмога.

Наполеонъ, обреченный на столь гадательныя предположенія, въ задумчивости приѣхалъ въ Верею, гдѣ его встрѣтилъ Мортье.

23-го октября въ половинѣ второго ночи воздухъ былъ оглашенъ ужаснымъ взрывомъ; обѣ арміи были перевое время удивлены, хотя всѣ уже давно перестали удивляться, будучи готовы ко всему.

Мортье выполнилъ приказъ Императора: Кремля не стало. Во всѣ залы царскаго дворца были заложены бочки съ порохомъ, точно такъ же, какъ и подѣ своды, находившіеся подѣ дворцомъ. Этотъ маршалъ, во главѣ восьми тысячъ человѣкъ, остался возлѣ вулкана, который могъ взорваться отъ одной русской гранаты. Такимъ образомъ, онъ прикрывалъ выступленіе арміи къ Калугѣ и—различныхъ пѣшихъ обозовъ къ Можайску.

Изъ числа этихъ восьми тысячъ человѣкъ, Мортъе могъ рассчитывать едва на двѣ тысячи; остальная часть—состоявшая изъ спѣшившихся кавалеристовъ, изъ людей, стекшихся изъ разныхъ полковъ и изъ разныхъ странъ, не имѣвшихъ ни одинаковыхъ привычекъ, ни одинаковыхъ воспоминаній, не связанныхъ, однимъ словомъ, никакой общностью интересовъ,—представляла собою скорѣе безпорядочную толпу, чѣмъ организованное войско: они неминуемо должны были разсѣяться.

Инженерная сторона этого дѣла была поручена храброму и ученому полковнику Депрэ. Этотъ офицеръ прибылъ изъ самой Испаніи; онъ только что, въ началѣ сентября былъ свидѣтелемъ выступленія нашихъ изъ Мадрида въ Валенсію, въ слѣдующій мѣсяцъ ему пришлось видѣть новое отступленіе французовъ изъ Москвы въ Вильну. Повсюду наши силы слабѣли.

На герцога Тревизскаго смотрѣли, какъ на человѣка, обреченнаго на гибель. Прочіе полководцы, его старые сотоварищи по походамъ, разстались съ нимъ со слезами на глазахъ, а Императоръ, прощаясь съ нимъ, сказалъ, что разсчитываетъ на его счастье, но что, впрочемъ, на войнѣ нужно быть готовымъ ко всему.

Мортъе повиновался безъ колебанія. Ему былъ отданъ приказъ охранять Кремль, затѣмъ, при выступленіи, взорвать его и поджечь уцѣлѣвшія зданія города. Эти послѣднія распоряженія были посланы Наполеономъ изъ помѣстья Красныя Пахры. Выполнивъ ихъ, Мортъе долженъ былъ направиться къ Вереѣ и, соединившіе съ арміей, составить ея арьергардъ. Въ этомъ письмѣ Наполеонъ, особенно настаивалъ, чтобы Мортъе размѣстилъ въ фургонахъ молодой арміи и спѣшившейся кавалеріи а также и во всѣхъ повозкахъ, которыя ему удастся достать, раненыхъ, еще находившихся въ госпиталяхъ.

Онъ прибавилъ, что римляне награждали почетными вѣнками тѣхъ, которые спасали жизнь гражданамъ; герцогъ Тревизскій заслуживаетъ столько же вѣнковъ, сколько онъ спасетъ солдатъ! Наполеонъ приказывалъ ему размѣщать также раненыхъ на лошадяхъ, какъ на своихъ, такъ и на всѣхъ другихъ. Онъ самъ поступалъ точно такъ же при Сенъ-Жанъ-д'Аркъ. А Мортъе тѣмъ возможнѣе принять эти мѣры, такъ какъ, едва онъ достигнетъ армію, ему доставятъ и лошадей и повозокъ, чтобы облегчить спасеніе пяти стамъ человѣкамъ. Онъ долженъ начинать размѣщать прежде всего офицеровъ, затѣмъ унтеръ-офицеровъ и давать предпочтеніе французамъ: для этого онъ долженъ созвать всѣхъ генераловъ и офицеровъ, находящихся подъ его командой, и дать имъ понять всю важность этихъ мѣръ, а так-

же сказать имъ, что Императоръ никогда не забудетъ ихъ заслугъ при спасеніи пятисотъ человѣкъ!»

Между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ, Великая Армія покидала Москву, казаки проникали въ ея предмѣстья, а Мортье удалился въ Кремль. Эти казаки состояли развѣдчиками у десяти тысячъ русскихъ, которыми руководилъ Винцингероде. Этотъ иностранецъ, воспламененный ненавистью къ Наполеону и обуреваемый желаніемъ вернуть Москву и такимъ выдающимся геройскимъ подвигомъ снискать себѣ въ Россіи новую родину, въ своемъ увлеченіи, оставилъ своихъ далеко за собой; миновавъ Грузины, онъ устремился къ Китай-городу и Кремлю; презирая наши аванпосты, онъ попалъ въ засаду и, видя, что его самого захватили въ этомъ городѣ, который онъ пришелъ отнимать, онъ сразу перемѣнилъ роль: замахавъ платкомъ, онъ объявилъ себя парламентаромъ.

Его провели къ герцогу Тревизскому. Тутъ русскій генераль сталъ дерзко возставать противъ совершеннаго надъ нимъ насилія. Мортье отвѣчалъ ему, «что любого генераль-аншефа, являющагося такимъ образомъ можно принять за слишкомъ отважнаго солдата, а никакъ не за парламентаря, и что ему придется немедленно отдать свою шпагу». Тутъ, не рассчитывая болѣе на обманъ, русскій генераль покорился и призналъ свою неосторожность.

✓ Наконецъ, послѣ четырехъ дней сопротивленія, французы навсегда покинули этотъ зловѣщій городъ. Они увезли съ собой четыреста человѣкъ раненыхъ, но, удаляясь, наши заложили въ скрытое и вѣрное мѣсто искусно изготовленное вещество, которое уже пожирало медленное пламя; все было рассчитано: былъ извѣстенъ часъ, когда огню суждено было достигъ огромныхъ кучъ пороха, скрытыхъ въ фундаментѣ этихъ, обреченныхъ на гибель, дворцовъ.

Мортье поспѣшно удалялся, но въ то же время жадные казаки и грязные мужики, привлеченные, какъ говорили, жадной добычи, стали стекаться со всѣхъ сторонъ; они стали прислушиваться и, такъ какъ внѣшнее безмолвіе, царившее въ крѣпости, придавало имъ наглости, они отважились проникнуть въ Кремль; они стали подниматься, ихъ руки, искавшія добычи, уже протягивались, какъ вдругъ всѣ они были уничтожены, раздавлены, подброшены въ воздухъ, вмѣстѣ со стѣнами дворцовъ, которые они пришли грабить, и тридцатью тысячами ружій, оставленныхъ тамъ; затѣмъ, премѣшавшись съ обломками стѣнъ и оружія оторванныя части ихъ тѣлъ падали далеко на землю, подобно ужасному дождю.

Подъ ногами Мортье земля дрожала. На десять льѣ дальше въ Фоминскомъ, Императоръ слышалъ этотъ взрывъ.

Отнынѣ, все, что оставалось позади французовъ, должно предаваться огню. Въ качествѣ завоевателя, Наполеонъ сохранялъ все; отступая, онъ будетъ уничтожать все: изъ необходимости ли, пользуясь которой онъ разорялъ непріятеля и замедлялъ его движеніе или изъ возмездія, являющагося ужаснымъ послѣдствіемъ всѣхъ вторженій, допускающихъ всевозможныя средства защиты, что, въ свою очередь, вызываетъ то же со стороны атаки.

Впрочемъ, Наполеонъ въ этомъ случаѣ не былъ зачинщикомъ. Бертье, еще 19-го октября писалъ Кутузову, прося его «урегулировать враждебность русскихъ такъ, чтобы Московской округѣ приходилось бы выносить лишь тѣ страданія, которыя неизбѣжно связаны съ военнымъ положеніемъ; такъ какъ разрушеніе Россіи, являясь большимъ бѣдствіемъ для страны, тѣмъ самымъ глубоко печалитъ Наполеона». Но Кутузовъ отвѣчалъ на это, «что онъ лишень возможности сдержатъ русской патриотизмъ», какъ бы объявляя намъ этимъ отвѣтомъ чисто татарскую войну, на которую мы какъ бы призывались отвѣчать тѣмъ же.

Такому же огню была предана и Верея, въ которой Мортье догналъ Императора и куда онъ привелъ Винцингероде. Когда Наполеонъ увидѣлъ этого нѣмецкаго генерала, то онъ обнаружилъ весь пылъ своихъ скрытыхъ страданій; его уныніе преобразовалось въ гнѣвъ и онъ, вылилъ на этого врага всю горечь, давившую его послѣднее время, «Кто вы такой?» закричалъ онъ ему, порывисто сжимая свои руки, какъ бы сдерживаясь, чтобы самому не схватить его: «Кто вы? Человѣкъ безъ родины! Вы всегда были моимъ личнымъ врагомъ! Когда я воевалъ съ австрійцами, вы находились въ ихъ рядахъ! Австрія сдѣлалась моей союзницей, а вы поступили на службу Россіи. Вы были однимъ изъ выдающихся виновниковъ настоящей войны. А вѣдь вы родились въ конфедеративныхъ прирейнскихъ Штатахъ; вы—мой подданный. Вы являетесь не обычнымъ врагомъ, но мятежникомъ; я имѣю право судить васъ! Жандармы, хватайте этого человѣка!» Жандармы не двигались, привыкши къ тому, что подобныя рѣзкія сцены оставались безъ послѣдствій и, зная, что они лучше выразятъ свою преданность тѣмъ, что не станутъ повиноваться.

Императоръ продолжалъ: «Видите ли вы, сударь, эти разоренныя деревни, эти села, охваченныя пламенемъ! Кого слѣдуетъ упрекать во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ! Человѣкъ пятьдесятъ авантюристовъ, въ родѣ васъ, подстрекаемыхъ Англійей, которая выбросила васъ на континентъ. Но тяжесть этой войны падеть на тѣхъ, кто вызвалъ ее; черезъ шесть мѣсяцевъ я буду въ Петербургѣ и потребую отчета во всѣхъ этихъ издѣвательствахъ!»

Затѣмъ, обращаясь къ адъютанту Винцингероде, бывшему также плѣннымъ, онъ сказалъ: «Что до васъ, графъ Нарышкинъ, мнѣ не за что васъ упрекать; вы—русскій, вы исполняете вашъ долгъ; но какимъ образомъ человѣкъ, принадлежащій къ одной изъ первыхъ фамилій въ Россіи, могъ стать адъютантомъ наемника-чужестранца? Будьте адъютантомъ русскаго генерала; такая служба будетъ много почтеннѣе».

До сихъ поръ генераль Винцингероде могъ отвѣчать на всѣ эти рѣзкія слова лишь своей позой, исполненный сдержанности, какъ и его отвѣтъ. Онъ сказалъ: «Императоръ Александръ облагодѣтельствовалъ меня и все мое семейство; все то, чѣмъ я владѣю, я получилъ отъ него; изъ чувства признательности я сдѣлался его подданнымъ; я занимаю тотъ постъ, который указалъ мнѣ мой благодѣтель; такимъ образомъ я исполняю свой долгъ».

Наполеонъ прибавилъ еще нѣсколько менѣе значительныхъ угрозъ. Онъ ограничился только этими рѣзкими словами, потому ли, что излилъ весь свой гнѣвъ въ этомъ первомъ порывѣ или потому, что хотѣлъ тѣмъ самымъ напугать всѣхъ нѣмцевъ, которые могли бы имѣть намѣреніе покинуть его. Этимъ, по крайней мѣрѣ, всѣ вокругъ Императора объясняли себѣ его рѣзкость. Она произвела нехорошее впечатлѣніе и каждый изъ насъ поспѣшилъ успокоить и утѣшить русскаго генерала. Мы окружали его этими заботами до самой Литвы, гдѣ казаки отняли у насъ Винцингероде и его адъютанта. Императоръ умышленно проявлялъ доброту по отношенію этого молодого русскаго барина, раздражаясь въ то же время громовыми рѣчами противъ генерала:—это доказывало, что онъ былъ расчетливъ даже въ своемъ гнѣвѣ.

Вязьма.

28-го октября мы снова увидѣли Можайскъ. Этотъ городъ все еще былъ переполненъ ранеными; нѣкоторыхъ изъ нихъ мы захватили съ собой, другихъ собрали въ одно мѣсто и покинули на великодушіе русскихъ, какъ это мы уже сдѣлали въ Москвѣ. Едва Наполеонъ отъѣхалъ отъ этого города на нѣсколько верстъ, какъ началась зима.. Послѣ ужасной битвы и десятидневнаго похода и отступленія, армія, захватившая изъ Москвы всего лишь по пятнадцати порцій муки на человѣка, отодвинулась въ своемъ отступленіи только на разстояніе трехдневнаго похода. Армія терпѣла нужду въ провіантѣ, кромѣ того, ее застигла зима!

Нѣсколько человѣкъ уже погибло. Съ первыхъ же дней отступленія, 26-го октября, начали сжигать провіантные фургоны, такъ какъ лошади не были въ состояніи везти ихъ. Тутъ пришло приказаніе сжигать все, что оставалось позади французовъ; наши повиновались, взрывая жилища, закладывая въ нихъ порохъ, вести который стало не подъ-силу нашимъ лошадямъ... Непритель все еще не появлялся и намъ казалось, что мы просто пустились въ изнурительное путешествіе; а Наполеонъ, при видѣ этой знакомой дороги, становился спокойнѣе, какъ вдругъ, подъ вечеръ, Даву прислалъ ему русскаго плѣннаго.

Сначала онъ разсматривалъ его небрежно; но случилось такъ, что этотъ москвичъ имѣлъ нѣкоторое понятіе о дорогахъ, названіяхъ и разстояніяхъ: онъ сказалъ, между прочимъ, что вся русская армія направляется черезъ Мединъ на «Вязьму». Тутъ Императоръ сталъ

внимательно прислушиваться. Неужели Кутузовъ и тутъ, какъ при Малоюрославцѣ, хочетъ обогнать его и отрѣзать ему отступление къ Смоленску, какъ раньше — къ Калугѣ? неужели онъ намѣревается окружить его въ этой пустынѣ, безъ съѣстныхъ припасовъ, безъ убѣжища и посреди всеобщаго возмущенія? Впрочемъ, сначала онъ съ презрѣніемъ отнесся къ подобному извѣстію: по гордости или по опыту, онъ привыкъ не подозрѣвать своихъ противниковъ въ той ловкости, которая обнаружилась бы въ немъ на ихъ мѣстѣ.

Здѣсь, впрочемъ, была иная причина недовѣрія. Его спокойствіе было лишь кажущимся, ибо было вполне вѣроятнымъ, что русская армія направилась къ Медыни, т.-е. по той самой дорогѣ, которую Даву совѣтовалъ избрать для французской арміи; и Даву, изъ самолюбія или по оплошности, довѣрилъ это тревожное извѣстіе не одной только секретной депешѣ. Наполеона пугало впечатлѣніе, которое произведетъ это извѣстіе на его армію; поэтому онъ самъ сдѣлалъ видъ, что нисколько не вѣритъ ему. Но въ то же время, на слѣдующій день отдалъ приказаніе своей гвардіи двинуться немедленно, и пока не стемнѣетъ, къ Гжатску. Онъ хотѣлъ, чтобы эта избранная часть войска могла укрѣпиться и найти себѣ пропитаніе и, убѣдившись въ движеніи Кутузова на ближайшемъ разстояніи—предупредить его. Но онъ позабылъ о погодѣ; она, казалось, мстила намъ. Зима была такъ близко, что достаточно было одного порыва вѣтра, чтобы она окончательно воцарилась со всей своей жестокостью и враждебностью. Мы сейчасъ же почувствовали, что въ этой странѣ зима — туземная жительница, а мы только пришельцы. Все измѣнилось: дороги, лица, настроенія; вся армія омрачилась, движеніе стало затруднительно; всѣми овладѣло уныніе.

Въ нѣсколькихъ льѣ отъ Можайска намъ нужно было переправиться черезъ Колочъ. Это былъ просто широкій ручей. Двухъ деревьевъ, столькихъ же подмостковъ, да нѣсколькихъ досокъ было достаточно для этой переправы; но при этомъ безпорядокъ и небрежность были таковы, что самъ Императоръ не могъ пробить себѣ дорогу. Тутъ же утонуло нѣсколько пушекъ, которыя хотѣли перевезти вбродъ. Казалось, что каждый корпусъ дѣйствовалъ за свой страхъ, что не существовало ни главнаго штаба, ни общихъ распоряженій; однимъ словомъ, ничего такого, чтобы соединяло воедино всѣ эти части войска. Да и на самомъ дѣлѣ, каждый изъ военно-начальниковъ былъ какимъ-нибудь высокоставленнымъ лицомъ и нисколько не зависѣлъ отъ другого. Самъ Императоръ до того возвысилъ себя, что отъ прочей арміи его отдѣляло огромное разстояніе; а Бертъ, занимавшій должность

посредника между Наполеономъ и начальниками, бывшими королями, принцами или маршалами, долженъ былъ дѣйствовать съ большою осторожностью. Кромѣ того, подобный постъ не вполне подходилъ ему.

Императоръ, остановившись передъ такимъ незначительнымъ препятствіемъ, какъ рухнувшій мостъ, выразилъ свое недовольство презрительнымъ жестомъ, на что Бертъ отвѣтилъ только своимъ безпомощно-покорнымъ видомъ. Императоръ не передавалъ ему никакого распоряженія, касавшагося этого моста, поэтому Бертъ не чувствовалъ себя виновнымъ, ибо онъ являлся лишь вѣрнымъ эхомъ, лишь зеркаломъ Императора и только. Онъ былъ всегда исполненъ готовности, ночью и днемъ одинаково пунктуаленъ; онъ отражалъ въ себѣ, онъ повторялъ Наполеона, но никогда ничего не прибавлялъ и то, что забывалось Императоромъ, бывало безповоротно забыто.

Миновавъ Колоць, всѣ угрюмо подвигались впередъ, какъ вдругъ многіе изъ насъ, поднявъ глаза, закричали отъ удивленія. Мы всѣ сразу стали осматриваться; передъ нами разстилалась утоптанная, опустошенная, разоренная почва; всѣ деревья были срублены на нѣсколько футовъ отъ земли; далѣе — виднѣлись холмы со сбитыми верхушками, — самый высокій изъ нихъ казался самымъ изуродованнымъ. Мы находились словно на погасшемъ и разбросанномъ вулканѣ. Земля вокругъ была покрыта обломками касокъ кирасъ и оружія, сломанными барабанами, обрывками военныхъ мундировъ и знаменъ, обогранныхъ кровью.

На этой всѣми покинутой почвѣ валялось около тридцати тысячъ наполовину обглоданныхъ труповъ. Надо всѣмъ этимъ возвышалось нѣсколько скелетовъ, застрявшихъ на одномъ изъ обваливавшихся холмовъ. Казалось, что смерть утвердила здѣсь свое царство: передъ нами былъ ужасный редутъ, отбитый Колэнкуромъ и послужившій ему могилой. Тогда въ безконечномъ и печальномъ ропотѣ слышались слова: «Это — поле великой битвы!..» Императоръ проѣхалъ быстро. Никто изъ насъ не остановился: холодъ, голодъ и непріятель гнали насъ впередъ; проходя мимо, мы повернули головы, бросивъ печальный и послѣдній взглядъ на эту огромную могилу нашихъ товарищей по оружію, которыхъ мы бесплодно принесли въ жертву и которыхъ слѣдовало покинуть навсегда.

На этомъ мѣстѣ мы отмѣтили желѣзомъ и кровью одну изъ величайшихъ страницъ нашей исторіи! Объ этомъ свидѣтельствовали еще нѣкоторые обломки, которымъ въ скоромъ времени суждено было исчезнуть. Когда-нибудь путникъ равнодушно пройдетъ мимо этого поля, ничѣмъ на отличающагося ото всѣхъ другихъ; но, когда онъ

узнаетъ, что это—то самое поле, на которомъ произошла великая битва, онъ вернется назадъ и, устремивъ свой долгій любознательный взоръ на это мѣсто, постарается запомнить все до мельчайшихъ подробностей и, безъ сомнѣнія, воскликнетъ: «Что за люди! Что за начальникъ! Какая судьба! Это—тѣ самые, которые, тринадцать лѣтъ передъ этимъ, сдѣлали первую попытку побѣдить Востокъ—въ Египтѣ и которые разбились о его ворота. Позднѣе они успѣли побѣдить всю Европу и вернулись съ Сѣвера, чтобы снова сразиться съ Азіей и нашли свою гибель. Что же толкнуло ихъ на такую бродячую жизнь, полную приключеній? Они вѣдь не были варварами, искавшими лучшаго климата, болѣе удобныхъ жилищъ, болѣе плѣнительныхъ зрѣлищъ, болѣе богатыхъ сокровищъ; наоборотъ, они всѣ были обладателями этихъ благъ, въ ихъ распоряженіи были всѣ наслажденія, и они покинули ихъ, отправившись скитаться безъ убѣжища, безъ пищи, ежедневно погибая или на-вѣкъ становясь калѣками! Что же принудило ихъ къ этому? Что, кромѣ вѣры въ ихъ начальника, которая до тѣхъ поръ никогда не обманывала ихъ! Что, кромѣ страстнаго стремленія довести до конца столь славно начатый трудъ? Что, кромѣ опьяненій побѣдами и, главнымъ образомъ, этой ненасытной страстью—славой, этимъ могучимъ инстинктомъ, который толкаетъ въ объятія смерти людей, жаждущихъ безсмертія!»

Между тѣмъ армія, въ сосредоточенномъ и безмолвномъ раздумьѣ, проходила мимо этого зловѣщаго поля битвы, какъ вдругъ наши, по ихъ словамъ, замѣтили тамъ одну изъ жертвъ того кроваваго дня: стоны несчастнаго прорѣзывали воздухъ. Наши побѣжали къ нему: онъ оказался французскимъ солдатомъ. Въ битвѣ ему разбило обѣ ноги; онъ очутился среди убитыхъ; его забыли тамъ. Сначала онъ укрывался въ трупѣ лошади, внутренности которой были выпущены гранатой: затѣмъ, онъ промывалъ свои раны мутной водой, находившейся на днѣ того оврага, куда онъ скатился, и питался гнившимъ мясомъ убитыхъ товарищей. Тѣ, которые рассказывали намъ объ этой встрѣчѣ, утверждали, что спасли этого несчастнаго.

Дальше мы снова увидѣли большой Колоцкій монастырь, обращенный въ госпиталь. Онъ представлялъ собой еще болѣе ужасное зрѣлище, чѣмъ поле битвы. На Бородинскомъ полѣ была смерть, но также и покой; тамъ, по крайней мѣрѣ борьба была окончена; въ Колоцкомъ монастырѣ она все еще продолжалась; казалось, что тутъ смерть все еще преслѣдуетъ тѣхъ изъ своихъ жертвъ, которымъ удалось избѣгнуть ея на войнѣ. Смерть проникала въ нихъ одновременно путемъ всѣхъ ихъ пяти чувствъ. У насъ не было ничего, чтобы

боротся съ ней, кромѣ врачебныхъ совѣтовъ, остававшихся невыполненными въ тѣхъ пустыняхъ, да и совѣты эти приходили свысока и издалека, проходили черезъ столько рукъ, что оставались безъ дѣйствія.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на голодъ, на жалкіе остатки аммуниціи—усердіе нѣсколькихъ хирурговъ и послѣдній лучъ надежды поддерживали еще большую часть раненыхъ въ этой нездоровой жизни. Но когда они увидѣли, что армія возвращается, что ихъ собираются покидать, что для нихъ не осталось больше никакой надежды, слабѣйшіе изъ нихъ выползли на пороги; ими были усѣяны всѣ дороги и они протягивали намъ съ мольбой свои руки.

Тогда Императоръ отдалъ приказъ, чтобы каждая повозка, каково бы ни было ея назначеніе, подобрала одного изъ этихъ несчастныхъ, а чтобы слабѣйшіе изъ нихъ были оставлены, какъ и въ Москвѣ, на попеченіе тѣхъ русскихъ плѣнныхъ раненыхъ офицеровъ, которые выздоровѣли, благодаря нашимъ заботамъ. Наполеонъ остановился, чтобы дать время выполнить это приказаніе и, при видѣ вспыхнувшихъ пороховыхъ ящиковъ, оставленныхъ нашими, онъ воспрянулъ духомъ, точно также какъ и его приближенные. Съ самага утра многочисленныя взрывы, раздававшіеся со всѣхъ сторонъ, давали намъ знать, что приносились тѣ жертвы, къ которымъ насъ принудили обстоятельства.

Во время этой остановки мы были свидѣтелями крайне жестокаго поступка. Нѣсколько раненыхъ было размѣщено на повозки маркитантовъ. Фуры этихъ негодяевъ были нагружены добромъ, награбленнымъ въ Москвѣ, и они съ ропотомъ недовольства приняли новую ношу: пришлось заставить ихъ взять раненыхъ; тогда они безмолвно покорились. Но едва мы отѣхали на нѣсколько шаговъ, какъ эти маркитанты стали отставать, они пропустили свою колонну мимо себя; затѣмъ, воспользовавшись недолговременнымъ одиночествомъ, они побросали въ овраги всѣхъ несчастныхъ, которыхъ довѣрили ихъ заботамъ. Лишь одинъ изъ этихъ раненыхъ остался въ живыхъ и его подобрали на ѣхавшую слѣдомъ повозку: это былъ — генераль. Отъ него мы узнали о совершенномъ преступленіи. Вся колонна содрогнулась отъ ужаса,—который охватилъ также и Императора, ибо въ то время страданія не были еще настолько сильными и настолько всемѣстными, чтобы заглушить жалость и сосредоточить лишь на самомъ себѣ все сочувствіе.

Къ вечеру этого безконечнаго дня императорская колонна достигла Гжатска; мы были изумлены, встрѣтивъ на своемъ пути видимо толь-

ко что убитыхъ русскихъ. Замѣчательно было то, что у каждаго изъ нихъ была совершенно одинаково разбита голова и что окровавленный мозгъ былъ разбрызганъ тутъ же. Намъ было извѣстно, что передъ нами шло около двухъ тысячъ русскихъ плѣнныхъ и что вели ихъ испанцы, португальцы и поляки. Каждый изъ насъ, смотря по характеру, выражалъ кто свое негодованіе, кто одобреніе; иные — оставались равнодушными. Кругомъ Императора никто не обнаруживалъ своихъ впечатлѣній. Но Колэнкуръ вышелъ изъ себя и воскликнулъ: «Это какая-то безчеловѣчная жестокость! Такъ вотъ она — пресловутая цивилизація, которую мы несли въ Россію! Какое впечатлѣніе произведетъ на непріятеля это варварство! Развѣ мы-то не оставляемъ у русскихъ своихъ раненыхъ и множество плѣнниковъ? У нашего непріятеля — всѣ возможности самаго жестокаго отмщенія!»

Наполеонъ отвѣчалъ лишь мрачнымъ безмолвіемъ; но на слѣдующій день эти убійства прекратились. Наши ограничивались тѣмъ, что обрекали этихъ несчастныхъ умирать съ голоду за оградами, куда ихъ загоняли, словно скотъ. Безъ сомнѣнія, это было тоже жестоко; но что намъ было дѣлать? Произвести обмѣнъ плѣнныхъ? Непріятель не соглашался на это. Выпустить ихъ на свободу? Они пошли бы всюду рассказывать о нашемъ бѣдственномъ положеніи и, присоединившись къ своимъ, они яростно бросились бы въ догоню за нами. Пощадить ихъ жизнь въ этой беспощадной войнѣ — было бы равносильно тому, что и принести въ жертву самихъ себя. Мы были жестокими по необходимости. Все зло было въ томъ, что мы не предвидѣли всѣхъ ужасныхъ стеченій обстоятельствъ!

Впрочемъ, съ нашими плѣнными солдатами, которыхъ непріятель гналъ внутрь страны, русскіе нисколько не обходились человѣчнѣе; а они-то уже не могли сослаться на крайнюю вынужденность!

Къ ночи мы добрались наконецъ до Гжатска; этотъ первый зимній день былъ заполненъ ужасными впечатлѣніями: зрѣлище поля Бородинскаго сраженія, видъ двухъ покинутыхъ нами госпиталей, множества пороховыхъ ящиковъ, преданныхъ огню, труповъ разстрѣлянныхъ русскихъ; и при томъ — безконечно длинный путь и первые зимніе холода. Это былъ несчастный день; наше отступленіе превратилось въ бѣгство, невиданное зрѣлище: Наполеонъ, какъ бы отрѣшившись отъ самого себя, долженъ былъ уступить и бѣжать!

Многіе изъ союзниковъ радовались этому, испытывая то скрытое чувство удовлетворенія, которое возникаетъ у подчиненныхъ при видѣ того, какъ ихъ начальникъ теряетъ свою власть и въ свою очередь

бываетъ принужденъ подчиниться. Прежде они испытывали мрачную зависть, вызываемую обыкновенно въ людяхъ чьимъ-нибудь выдающимся успѣхомъ; потому что этимъ успѣхомъ рѣдко кто не злоупотребляетъ, потому что онъ оскорбляетъ чувство равенства—эту первую и насущную потребность всѣхъ людей. Но эта нехорошая радость скоро погасла, растворившись во всеобщемъ горѣ.

Оскорбленный въ своей гордости Наполеонъ догадывался объ этихъ мысляхъ. Мы убѣдились въ этомъ на слѣдующій же стоянкѣ. Тамъ, посреди замерзшаго поля, изборожденнаго слѣдами колесъ и усыпаннаго обломками проходившихъ здѣсь русской и французской армій,—Наполеонъ хотѣлъ при помощи своего краснорѣчія освободиться отъ тяжелой отвѣтственности за всѣ эти несчастья. Онъ заявилъ, что виновникомъ этой войны, которой онъ самъ всегда опасался, онъ считаетъ *** и выставляетъ его имя на позорище передъ всѣмъ міромъ: «Это—русскій министръ, продавшійся англичанамъ и вызвавшій войну! Этотъ измѣнникъ втянулъ въ нее и меня и Александра!»

Эти слова, произнесенныя въ присутствіи двухъ генераловъ, были выслушаны съ тѣмъ молчаніемъ, которое съ одной стороны было вызвано прежнимъ почтеніемъ къ Императору, а съ другой—уваженіемъ къ несчастью. Но герцогъ Виченскій, можетъ быть слишкомъ нетерпѣливый вообще, вышелъ изъ себя: съ жестомъ гнѣва и недовѣрія онъ отошелъ въ сторону и тѣмъ самымъ прервалъ этотъ тягостный разговоръ.

Въ два перехода отъ Гжатска Императоръ достигъ Вязьмы. Тамъ онъ остановился, ожидая принца Евгенія и Даву и приказавъ наблюдать за дорогой, которая идетъ на Медынь и Юхну и въ этомъ мѣстѣ соединяется съ большой Смоленской дорогой. По этой поперечной дорогѣ, идущей отъ Малоярославца, могла подойти и встать на его пути русская армія. Но, прождавъ до 1-го ноября тридцать шесть часовъ, Наполеонъ не замѣтилъ никакихъ признаковъ русскихъ. Онъ отправился дальше, колеблясь между надеждой на бездѣйствіе Кутозова и страхомъ, какъ бы русскій полководецъ, оставивъ съ правой стороны отъ себя Вязьму, не вздумалъ отрѣзать ему отступление на два перехода дальше, около Дорогобужа. На всякій случай онъ оставилъ въ Вязьмѣ Нея, чтобы онъ, дождавшись четвертаго корпуса, замѣнилъ въ аррьергардѣ Даву, который по предположенію Императора былъ очень утомленъ.

Каждую минуту дорога пересѣкалась болотами, въ которыя по обледѣлымъ склонамъ скатывались повозки. Чтобы извлечь увязнувшія повозки, приходилось взбираться въ гору по скользкой обледенѣлой дорогѣ, лошади съ плоскими подковами скользили и ежеминутно, какъ

возницы, такъ и сами лошади, падали другъ на друга. Тотчасъ же изглодавшіеся солдаты бросались на павшихъ лошадей и дѣлили ихъ на куски, затѣмъ разводили костры изъ обломковъ повозокъ, жарили на огнѣ это окровавленное мясо и съ жадностью пожирали его.

Тѣмъ временемъ артиллеристы, какъ избранная часть войска, во главѣ съ офицерами, окончившими лучшія школы міра, расталкивали этихъ несчастныхъ, спѣшили отпрягать свои собственные фургоны и повозки, которые они тутъ же бросали, чтобы спасти орудія. Они впрягали въ нихъ своихъ собственныхъ лошадей, даже впрягались сами. Казаки, издали видѣвшіе наше бѣдствіе, не осмѣливались приблизиться къ намъ, но изъ своихъ легкихъ орудій везомыхъ, на саняхъ направляли ядра въ нашу сторону и тѣмъ самымъ еще больше увеличивали происходившій у насъ беспорядокъ.

Первый корпусъ уже потерялъ десять тысячъ человѣкъ. Тѣмъ не менѣе цѣною большихъ усилій и жертвъ, вице-королю и принцу Экмюльскому удалось 2-го ноября добраться до мѣста, отстоящаго на два лье отъ Вязьмы. Въ эту обманчиво-спокойную ночь русскій авангардъ прибылъ изъ Малоярославца, съ котораго началось наше отступление и окончилось отступление непріятели; русскіе миновали два французскихъ корпуса и корпусъ Понятовскаго, прошли мимо бивуаковъ и расположили свои наступательныя колонны съ правой стороны отъ дороги въ промежуткѣ между Вязьмой и мѣстомъ стоянки Даву и принца Экмюльскаго.

Этимъ авангардомъ командовалъ Милорадовичъ, котораго называли русскимъ Мюратомъ. По словамъ его соотечественниковъ это былъ неутомимый воинъ, человѣкъ заносчивый и неустрашимый, какъ и нашъ король-вояка, обладавшій такой же счастливой наружностью и такой же баловень судьбы. Онъ не получилъ ни одной раны, хотя около него было убито множество офицеровъ и солдатъ; подъ нимъ убивали лошадей, но онъ оставался живъ. Онъ презиралъ всѣ военные принципы. Онъ даже умышленно не подчинялся законамъ войны, всегда стремясь захватить врасплохъ непріятели неожиданными нападеніями; онъ презиралъ всѣ приготовления, сообразуясь лишь съ мѣстомъ и обстоятельствами и слѣдуя вдохновенію минуты; однимъ словомъ онъ былъ генераломъ лишь на полѣ битвы, но не имѣлъ никакихъ административныхъ способностей какъ въ частной жизни, такъ и въ общественной, былъ извѣстнымъ расточителемъ и, что очень рѣдко, человѣкомъ щедрымъ и честнымъ.

Нашимъ пришлось сразиться съ этимъ генераломъ, который вмѣстѣ съ Платовымъ стоялъ во главѣ двадцати тысячъ человѣкъ.

3-го ноября принцъ Евгеній подвигался по направленію къ Вязьмѣ, куда передъ нимъ проѣхали его повозки и его артиллерія; при первыхъ же проблескахъ дня онъ увидалъ, что слѣва его отступленію препятствуетъ цѣлая армія, позади—его арьергардъ отрѣзанъ, справа же вся равнина покрыта отставшими въ безпорядки бредущими солдатами и разбросанными во всѣхъ направленіяхъ повозками, всѣ они спасались отъ непріятеля. Въ то же самое время онъ услышалъ, что около Вязьмы маршалъ Ней, который долженъ былъ придти къ нему на помощь, самъ вступилъ въ бой и защищаетъ самого себя.

Но этотъ принцъ былъ опытнымъ генераломъ. Онъ посмотрѣлъ въ глаза опасности и сразу нашелъ выходъ. Онъ тотчасъ же обратился лицомъ къ непріятелю, развернулъ свои дивизіоны по правую сторону большой дороги и тѣмъ самымъ удержалъ на равнинѣ русскія колонны, которыя пытались отрѣзать ему эту дорогу. Уже первые русскіе отряды врѣзались въ правый флангъ итальянцевъ и захватили позицію, какъ вдругъ Ней подослалъ изъ Вязьмы одинъ изъ своихъ полковъ, который напалъ на русскія войска съ тыла и заставилъ ихъ отступить.

Въ то же самое время, Компанъ, генераль при Даву, присоединилъ свои войска къ итальянскому арьергарду. Наши пробились и пока они, соединившись съ вице-королемъ, продолжали сражаться,—Даву со своей колонной быстро обошелъ сражавшихся съ тыла по лѣвой сторонѣ отъ дороги и, перейдя ее, всталъ между Вязьмой и русскими. Принцъ Евгеній уступилъ Даву позицію, занимаемую имъ раньше, и самъ расположился по другую сторону дороги. Тутъ непріятель сталъ развертывать свои ряды, чтобы вытянуть свой флангъ дальше непріятельскаго.

Этотъ успѣхъ двухъ французскихъ корпусовъ и одного итальянскаго не далъ имъ возможности продолжать отступленіе, но лишь помогъ защищаться. Наши насчитывали до тридцати тысячъ человекъ, но въ первомъ корпусѣ у Даву происходили безпорядки: только что выполненный маневръ, который потребовалъ большого напряженія, вся эта неожиданность и вмѣстѣ съ ней наши бѣдствія, а главное, зрѣлище цѣлой толпы спѣшенныхъ кавалеристовъ, не имѣвшихъ оружія и бѣгавшихъ въ ужасѣ изъ стороны въ сторону—все это вносило страшную дезорганизацію, которая придала храбрости непріятелю.

Русскіе подумали, что мы отступаемъ. Ихъ артиллерія, превосходившая нашу по численности, подѣзжала полнымъ галопомъ, тогда какъ наша, вызванная изъ Вязьмы, съ трудомъ подвигалась впередъ. Тѣмъ не менѣе у Даву и его генераловъ оставались еще самые стойкіе солдаты.

Тогда Милорадовичъ, чувствуя, что добыча укользаетъ, попросилъ подмоги. Тутъ снова появился Вильсонъ, находившійся всюду, гдѣ онъ могъ повредить Франціи,—онъ отправился звать на помощь Кутузова. Онъ засталъ этого стараго полководца отдыхающимъ со своей арміей подъ шумъ битвы. Пылкій Вильсонъ тщетно пытался нарушить спокойствіе Кутузова и въ негодованіи обозвалъ его измѣнникомъ, объявивъ ему, что немедленно одинъ изъ его англичанъ отправится въ Петербургъ заявить Императору и союзникамъ о его измѣнѣ.

Эта угроза нисколько не тронула Кутузова: онъ попрежнему оставался въ бездѣйствіи. Казалось, онъ продолжалъ думать, какъ и въ Малоярославцѣ, что лишь одна русская зима можетъ добить Наполеона; что этотъ геній, побѣждавшій людей, еще не былъ побѣжденъ самой природой и нужно предоставить русскому климату честь этой побѣды и русскимъ—отмщеніе.

Милорадовичъ, предоставленный самому себѣ, употребилъ всѣ усилія для того, чтобы разбить французскій корпусъ, но лишь огни артиллеріи достигали французскихъ рядовъ и производили въ нихъ страшное опустошеніе. Принцъ Евгенийъ и Даву ослабѣвали и такъ какъ они слышали, что направо позади нихъ происходитъ другое сраженіе, они думали, что вся остальная русская армія направилась по Юхновской дорогѣ, входъ на которую защищала Ней.

Это былъ лишь одинъ русскій авангардъ, но шумъ этого сраженія, раздававшійся позади нашихъ, привелъ ихъ въ безпокойство. Битва продолжалась уже семь часовъ; боевые фургоны были отведены въ сторону, ночь приближалась и французскіе генералы стали отступать.

Это отступательное движеніе усилило пылъ непріятели и, если бы не незабвенныя усилія 25-го, 57-го и 85-го полковъ и не прикрытіе оврага, весь корпусъ Даву былъ бы истребленъ. Принцъ Евгенийъ, наименѣе пострадавшій, смогъ быстрѣе отступить черезъ Вязьму, но русскіе послѣдовали туда за нимъ и проникли въ этотъ городъ, въ ту минуту, когда Даву, подгоняемый двадцатью тысячами человекъ и огнемъ восьмидесяти пушекъ захотѣлъ въ свою очередь проникнуть въ Вязьму.

Дивизія Морана первой вступила въ городъ; она двигалась безстрашно, считая битву оконченной, какъ вдругъ русскіе, которые скрывались въ поворотахъ улицъ, напали на нее. Это нападеніе было такъ неожиданно, что произвело въ рядахъ французовъ страшный беспорядокъ, тѣмъ не менѣе, Морану удалось собрать своихъ растерявшихся солдатъ, возобновить бой и пробить себѣ дорогу.

Компанъ со своей дивизіей замыкалъ движеніе французскихъ войскъ. Чувствуя, что его сильно стѣснили храбрые отряды Милорадовича, онъ

повернулся, самъ набросился на наиболѣе яростныхъ противниковъ, смялъ ихъ и тѣмъ самымъ обезпечилъ себѣ отступленіе. Эта битва покрыла славой cadaго изъ насъ, но ея послѣдствія были для всѣхъ одинаково ужасны: у насъ не хватало порядка и единодушія.

У насъ было бы достаточно солдатъ для побѣды, если бы не было избытка военачальниковъ. Лишь къ двумъ часамъ ночи наши командиры собрались для обсужденія своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, но и здѣсь между ними не было согласія.

Когда, наконецъ, намъ удалось расположиться бивуакомъ мы стали подсчитывать свои потери. Нѣсколько орудій было разбито, мы не досчитывались многихъ повозокъ и четырехъ тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными. Много солдатъ разбѣжалось. Честь была спасена, но въ нашихъ рядахъ были замѣтны большія опустошенія. Нужно было наново формировать отдѣльныя части нашихъ войскъ, чтобы добиться хотя какого-нибудь порядка въ остаткахъ нашей арміи.

Эта печальная реорганизація была произведена [при свѣтѣ пылающей Вязмы и подъ несмолкаемый грохотъ орудій Нея и Милорадовича. Не разъ уцѣлѣвшія горстки нашихъ храбрыхъ солдатъ, предполагая, что ихъ атакуютъ, хватались за оружіе. На другой день, когда они построились въ ряды, они были удивлены своей малочисленностью

Тѣмъ не менѣе примѣръ начальниковъ и надежда найти отдыхъ и все необходимое въ Смоленскѣ поддерживали мужество нашихъ солдатъ. Солнце, сверкавшее лучами надежды и жизни, казалось, говорило намъ о чемъ-то радостномъ, не похожемъ на тѣ картины смерти и отчаянія, которыя окружали насъ со всѣхъ сторонъ.

Но 6-го ноября небо измѣнилось, его лазурь исчезла. Армія шла окутанная холоднымъ туманомъ, который, сгущаясь все болѣе и болѣе, обратился, наконецъ, въ громадное облако, и насъ стали осыпать большія хлопья снѣга. Казалось, что небо спустилось и слилось съ этой землей и съ этимъ враждебнымъ намъ народомъ, чтобы окончательно погубить насъ! Тутъ все смѣшалось, все стало неузнаваемо: предметы измѣнили свою внѣшность, мы двигались, не зная, куда мы идемъ, не различая цѣли. Пока наши солдаты съ трудомъ пролагали себѣ путь при бушующемъ снѣжномъ вихрѣ, вѣтеръ наметалъ сугробы. Эти сугробы скрывали отъ насъ овраги и рытвины на незнакомой намъ дорогѣ; солдаты проваливались въ нихъ, а болѣе слабые изъ нихъ даже находили тамъ себѣ могилу.

Тѣ, которые шли по слѣдамъ погибшихъ, обходили опасныя мѣста, но снѣжный вихрь хлесталъ имъ въ лицо и сбивалъ ихъ съ дороги.

Русская зима нападала на нашихъ солдатъ со всѣхъ сторонъ: холодъ и снѣгъ пробивались сквозь ихъ легкія одежды и разорванную обувь. Промокшее платье замерзало на нихъ и сковывало ихъ члены. Рѣзкій и порывистый вѣтеръ прерывалъ ихъ дыханіе; бороды и усы покрывались ледяными сосульками.

Несчастные, дрожа отъ холола, тащились съ трудомъ до тѣхъ поръ, пока комъ снѣга, прилипшій къ ихъ ногамъ, или какой-нибудь обломокъ, вѣтка, или трупъ одного изъ товарищей не заставлялъ ихъ поскользнуться и упасть. Тогда они напрасно принимались стонать— скоро ихъ заносило снѣгомъ и первое время эти тѣла можно было еще различать: они имѣли видъ небольшихъ бугорковъ, прикрытыхъ снѣжной пеленой. Вся дорога была покрыта этими возвышеніями, словно кладбище. Самые мужественные, самые храброкровные среди насъ не могли оставаться равнодушными; они старались какъ можно скорѣе миновать это зрѣлище и отвращали отъ него свои взгляды. Но куда бы они ни смотрѣли и передъ ними и вокругъ— всюду былъ снѣгъ и ихъ взоры терялись въ безбрежномъ и печальномъ однообразіи: природа снѣгомъ, словно саваномъ, окутывала нашу армію. Единственными предметами, выдѣлявшимися среди снѣжной мглы, были мрачныя ели, эти могильныя деревья съ ихъ погребальной зеленью; величавой неподвижностью своихъ темныхъ стволовъ, какъ и своимъ печальнымъ видомъ, они дополняли зрѣлище зловѣщаго траура арміи, умирающей посреди мертвой дикой природы.

Все, вплоть до нашего оружія, обратилось противъ насъ. Это оружіе въ окоченѣлыхъ рукахъ нашихъ солдатъ сдѣлалось невыносимой ношей. Падая, они роняли его, оно ломалось или терялось въ снѣгу, такъ какъ, если имъ и удавалось подниматься, то они поднимались безоружными. Впрочемъ, наши солдаты не слагали оружія—голодъ и холодъ обезоруживали ихъ.

Вскорѣ стали встрѣчаться толпами и въ одиночку солдаты различныхъ корпусовъ. Это не были дезертиры, измѣннически бѣжавшіе изъ-подъ своихъ знаменъ: холодъ и истощеніе заставили ихъ отстать отъ своихъ колоннъ. Въ этой борьбѣ всѣхъ и cadaго, они отдѣлились другъ отъ друга и, ставъ безоружными, побѣжденными, беззащитными, не имѣя командировъ, повиновались лишь самосохраненію.

Большинство изъ нихъ, пробираясь тропинками, разсыпалось по полямъ въ надеждѣ найти себѣ хлѣба и убѣжище на ночь, но еще при нашемъ наступательномъ движеніи по этой дорогѣ все было опустошено на семь или на восемь лье въ окружности; навстрѣчу этимъ несчастнымъ попадались лишь казаки да вооруженное на-

селеніе, которые окружали ихъ, наносили имъ раны и, снявъ съ нихъ одежды, съ дьявольскимъ смѣхомъ заставляли ихъ умирать на снѣгу.

Русскій народъ, поднятый Александромъ и Кутузовымъ, не могъ и тогда, какъ впослѣдствіи, благородно отмстить за свою родину, которую онъ не сумѣлъ защитить; русскіе сопровождали нашу армію, слѣдуя подъ прикрытіемъ лѣсовъ, по обѣ стороны ея фланговъ. Всѣхъ тѣхъ, кого имъ не удалось прикончить топорами и пиками, они гнали на большую дорогу, гдѣ ихъ ожидали голодъ и гибель.

Наступила ночь, ночь, длившаяся шестнадцать часовъ! Но посреди этого снѣга, все покрывавшаго, мы не знали, гдѣ остановиться, гдѣ сѣсть, гдѣ отдохнуть, гдѣ найти какихъ-нибудь корешковъ для пропитанія и хворосту, чтобы развести костры! Мы постарались кое-какъ устроиться, но попрежнему бушевавшій вихрь разметывалъ наши жалкіе бивуаки. Ели, покрытыя инеемъ, не поддавались огню; снѣжная метель гасила костры, а также наше мужество и наши силы.

Какъ только пламя разгорѣлось, вокругъ него офицеры и солдаты стали готовить свою жалкую трапезу; она состояла изъ тощей окровавленной конины и въ лучшемъ случаѣ изъ нѣсколькихъ ложекъ ржаной муки, разведенной въ водѣ изъ растаявшаго снѣга. На другой день расположенные полукругомъ окоченѣвшіе трупы солдатъ указывали на мѣсто нашего бивуака, а рядомъ валялось нѣсколько тысячъ околѣвшихъ лошадей.

Съ этого дня мы стали меньше рассчитывать другъ на друга. Въ этой арміи, воспримчивой ко всякимъ впечатлѣніямъ и привыкшей благодаря высокому уровню цивилизаціи, обсуждать всѣ событія, очень скоро воцарился безпорядокъ. Отчаяніе и отсутствіе дисциплины стремительно передавались отъ одного къ другому, ибо наше воображеніе не знало границъ какъ при удачѣ, такъ и въ минуты несчастія. Съ тѣхъ поръ на каждомъ бивуакѣ при всѣхъ трудныхъ переходахъ, отъ поддерживавшихъ еще дисциплину отрядовъ отдѣлялась нѣкоторая часть, которая отказывалась сохранять порядокъ и повиноваться. Тѣмъ не менѣе офицеры, унтеръ-офицеры и наиболѣе стойкіе солдаты пробовали бороться съ этимъ паденіемъ дисциплины, распространившимся въ арміи подобно заразной болѣзни. Эти люди были достойны удивленія; они ободряли себя напоминаніемъ о Смоленскѣ, который имъ казался уже близко и гдѣ имъ была обѣщана помощь.

Послѣ этого снѣжнаго потопа и усиленія холодовъ, каждый, будь то начальникъ или солдатъ, въ зависимости отъ характера и темперамента, или сохранялъ самообладаніе или терялъ голову. Одинъ изъ

нашихъ военачальниковъ, который до сихъ поръ требовательнѣе другихъ относился къ поддержанію дисциплины, растерялся сбитый съ толку въ своихъ понятіяхъ о регулярности, порядкѣ и методичности; онъ былъ схваченъ отчаяніемъ при видѣ общаго безпорядка и раньше другихъ, считая все потеряннымъ, онъ даже почувствовалъ себя готовымъ уйти и все покинуть.

Отъ Гжатска до Михалевской, деревни, расположенной между Дорогобужемъ и Смоленскомъ, въ императорской колоннѣ не случилось ничего замѣчательнаго, если не считать того, что намъ пришлось бросить въ Семлевское озеро вывезенную изъ Москвы добычу: пушки, старинное оружіе, украшенія Кремля и крестъ съ Ивана Великаго. Трофеи, слава,— всѣ тѣ блага, ради которыхъ мы пожертвовали всѣмъ, стали насъ тяготить; теперь рѣшался вопросъ уже не о томъ, какимъ образомъ намъ украсить свою жизнь, а о томъ, какъ ее спасти. При этомъ великомъ кораблекрушеніи армія, подобно громадному судну, разбитому страшнѣйшей бурей, не колеблясь, выбрасывала въ это море снѣга и льда все то, что могло затруднить и задержать ея движеніе!

3-го и 4-го ноября Наполеонъ пробылъ въ Славковѣ. Этотъ отдыхъ и боязнь признаться въ своемъ бѣгствѣ воспламенили его воображеніе. Слышали, какъ онъ отдавалъ распоряженія о томъ, чтобы его аррьергардъ, сдѣлавъ видъ, что онъ отступаетъ въ безпорядкѣ, тѣмъ самымъ привлекъ русскихъ въ засаду; но этотъ несбыточный планъ разсѣялся такъ же быстро, какъ и его самолюбивыя затѣи. 5-го онъ ночевалъ въ Дорогобужѣ. 6-го ноября на высотахъ Михайловскаго, когда насъ осыпалъ снѣгъ, примчался графъ Дарю.

Привезенная имъ эстафета, первая полученная нами за эти десять дней, сообщала о томъ странномъ заговорѣ ¹⁾, который возникъ въ самомъ Парижѣ, вдохновителемъ котораго былъ какой-то темный генералъ, заключенный въ тюрьму. Поводомъ къ нему было лишь ложное свѣдѣніе о нашемъ пораженіи и подложные приказы, отданные нѣкоторымъ частямъ войскъ, объ арестѣ министра, префекта полиціи и коменданта города Парижа. Въ первую минуту все это удалось, благодаря невѣжеству и общему изумленію, но вслѣдъ за первымъ шумомъ вызваннымъ этой вспышкой, было достаточно одного приказа, чтобы бросить въ тюрьму зачинщика заговора, его соучастниковъ, а также и тѣхъ, кого ему удалось ввести въ заблужденіе.

Императоръ одновременно узналъ о преступленіи и о наказаніи за него. Тѣ изъ насъ, которые хотѣли прочесть на его лицѣ его мыс-

1) Заговоръ Мале.

ли, не увидали ничего; онъ сдержалъ себя; его единственными словами, обращенными къ Дарю, были: «Каково бы было, если бы мы остались въ Москвѣ!» Затѣмъ онъ поспѣшилъ уйти въ огороженный палисадникомъ домъ, который служилъ намъ почтовымъ пунктомъ.

Какъ только онъ очутился наединѣ съ самыми преданными ему офицерами, всѣ его чувства вылились въ восклицанія выражавшихъ изумленіе, обиду и гнѣвъ. Нѣсколько минутъ спустя, онъ велѣлъ позвать нѣсколько другихъ офицеровъ, чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на нихъ такое странное извѣстіе. Онъ былъ свидѣтелемъ горестнаго безпокойства, растерянности и убѣдился въ томъ, что вѣра въ прочность его власти поколебалась. Онъ видѣлъ, какъ всѣ подходили другъ къ другу съ печальными вздохами, говоря о томъ, что видимо великая революція 1789, которую всѣ считали улегшеюся, еще не пришла къ концу. Неужели имъ, состарившимся въ борьбѣ съ ней, снова придется окунуться въ ужасный водоворотъ политическихъ страстей? Итакъ, война подстерегала насъ повсюду и мы рисковали сразу всего лишиться.

Нѣкоторые изъ насъ обрадовались этому извѣстію, въ надеждѣ, что она ускоритъ возвращеніе Императора во Францію, что онъ останется тамъ надолго и не предприметъ никакихъ войнъ, будучи неувѣренъ въ спокойствіи своей собственной страны. Страданія, наступившіе на слѣдующій день, заставили забыть о всѣхъ этихъ предположеніяхъ. Что касается Наполеона, то всѣ его мысли устремились въ Парижъ и онъ машинально подвигался къ Смоленску, какъ вдругъ прибытіе адъютанта Нея вернуло его къ дѣйствительности.

Съ самой Вязьмы Ней оберегалъ наше отступленіе, бывшее причиной столькихъ смертей и давшее ему безсмертіе. Дѣло Дорогобужа наше отступленіе тревожили только шайки казаковъ, этихъ надоѣдливыхъ насѣкомыхъ, которыхъ привлекали умирающіе солдаты и брошенные повозки, правда, казаки обращались въ бѣгство, какъ только мы брались за оружіе, но они утомляли своими непрерывными нападеніями.

Но Ней докладывалъ не объ этомъ. Приближаясь къ Дорогобужу онъ замѣтилъ слѣды безпорядка, происходившаго въ корпусахъ, которые шли впереди него, ему не удалось уничтожить этихъ слѣдовъ. До сихъ поръ онъ примирялся съ тѣмъ, что во власть непріятеля оставляли повозки, но онъ покраснѣлъ отъ стыда при видѣ пушекъ брошенныхъ подъ Дорогобужемъ, гдѣ онъ остановился.

Тамъ, послѣ ужасной ночи, въ теченіе которой снѣгъ, вѣтеръ и голодъ отогнали отъ костровъ большинство солдатъ, появленіе зари,

всегда такъ нетерпѣливо ожидаемой на бивуакахъ, принесло съ собой бурю, непріятеля и зрѣлище почти общаго распада—солдаты отдавались русскимъ. Тщетно пытался онъ самъ сражаться во главѣ оставшихся у него солдатъ и офицеровъ; онъ былъ принужденъ отступить за Днѣпръ: объ этомъ-то онъ послалъ предупредить Императора.

Онъ хотѣлъ, чтобы Наполеону было все извѣстно. Адъютантъ Нея полковникъ Дальбиньякъ долженъ былъ сказать Императору, «что отступление, начавшееся уже съ Малоярославца, привело въ уныніе солдатъ, не привыкшихъ отступать, что схватка при Вязьмѣ поколебала ихъ мужество и что, наконецъ, обильное выпаденіе снѣга, знаменовавшее усиленіе холодовъ, довело до конца дезорганизацію арміи.

Что множество офицеровъ, лишившись своихъ взводовъ, батальоновъ, полковъ, даже дивизій, присоединилось къ бродячимъ толпамъ. Можно было видѣть среди нихъ генераловъ, полковниковъ, офицеровъ всѣхъ ранговъ, которые, перемѣшавшись съ солдатами, или шли на авось, или присоединялись то къ одной колоннѣ, то къ другой; конечно при такой сумятицѣ не могло быть и рѣчи о порядкѣ; примѣръ большинства дѣйствовалъ даже на старые полки, прошедшіе сквозь искушеніе всей революціи!

Что во всѣхъ рядахъ арміи лучшіе солдаты спрашивали, на какомъ основаніи они должны сражаться, тогда какъ другіе обращаются въ бѣгство, что можетъ ихъ воодушевить, когда до нихъ доносятся крики отчаянія изъ сосѣднихъ лѣсовъ, гдѣ остались покинутыми обозы, переполненные ранеными, которыхъ неизвѣстно зачѣмъ армія тащила за собой изъ Москвы. Такъ и ихъ значитъ ожидаетъ та же самая участь! Чего же они дождутся, оставаясь подъ знаменами: днемъ тягота непрерывныхъ сраженій, а по ночамъ голодъ, никакого убѣжища да и останки на бивуакахъ для нихъ смертельнѣе самихъ сраженій, потому что голодъ и холодъ отгоняютъ сонъ, а если и случается, что усталость заставитъ забыться на минуту, то этотъ временный отдыхъ превращается для нихъ въ вѣчный покой. Однимъ словомъ, Наполеоновскій орелъ пересталъ быть для нихъ защитой, — онъ приносилъ только гибель.

Неужели они толпятся около этихъ знаменъ для того, чтобы умирать цѣлыми массами? Ужъ лучше разойтись по сторонамъ и обратиться въ бѣгство какъ можно скорѣе, тогда по крайней мѣрѣ гибли бы не самые лучшіе изъ нихъ!» Однимъ словомъ адъютантъ долженъ былъ разоблачить передъ Императоромъ весь ужасъ положенія. Нея слагалъ съ себя всякую отвѣтственность.

Но Наполеонъ видѣлъ около себя тотъ же безпорядокъ и потому могъ представить себѣ и остальное. Со всѣхъ сторонъ бѣглецы обгоняли его: онъ сознавалъ, что ему приходится жертвовать своей арміей, утрачивая ее по частямъ, начиная съ фланговъ, чтобы сохранить главную часть. Когда же адъютантъ хотѣлъ начать свое донесеніе, онъ рѣзко прервалъ его слѣдующими словами: «Полковникъ, я не спрашиваю у васъ подробностей!» Этотъ послѣдній умолкъ, понимая, что при такомъ непоправимомъ бѣдствіи, гдѣ каждому требовалось напрягать всѣ свои силы, Императоръ боялся всякихъ жалобъ, потому что онѣ отнимали мужество и у того, кто жаловался на несчастья, и у того, кто выслушивалъ эти жалобы.

Адъютантъ обратилъ вниманіе на серьезный, молчаливый и покорный видъ Наполеона; онъ оставался такимъ въ теченіе всего отступленія. Физически онъ страдалъ меньше другихъ, но за то его душевныя муки были несравнимы ни съ чѣмъ, и онъ, казалось, покорялся своему несчастью.

Въ это же время отъ Шарпантье былъ полученъ изъ Смоленска обозъ съ провизіей. Бессьеръ захотѣлъ имъ воспользоваться для себя, но Императоръ приказалъ передать этотъ провіантъ принцу Бородинскому (*prince de la Moskowa*), прибавивъ: «Пусть тѣ, кто сражается, подкрѣплятся первыми!» Тутъ же онъ послалъ приказъ Нею, чтобы тотъ держался какъ можно дольше, чтобы дать возможность пребыть нѣкоторое время въ Смоленскѣ для отдыха, подкрѣпленія и реорганизации. Но если эта надежда и поддержала въ нѣкоторыхъ чувство долга, то многіе другіе бросили все, чтобы какъ можно скорѣе достигнуть того мѣста, гдѣ имъ было обѣщано избавленіе отъ ихъ страданій. Что касается Нея, то онъ понялъ, что потребовалась жертва, и выборъ палъ на него. Онъ самоотверженно покорился, идя навстрѣчу опасности, столь же великой, какъ и его храбрость. Съ этого момента онъ уже не считалъ вопросомъ чести сохраненіе обоза, и даже пушекъ,— всего того, что отнимала у него русская зима. Подойдя къ Днѣпру, онъ былъ принужденъ, не колеблясь, пожертвовать частью своихъ орудій и покинуть ихъ на обледенѣлыхъ скатахъ, чтобы облегчить себѣ переправу на другой берегъ. Онъ остановился на противоположномъ берегу Днѣпра, который, пересѣкая дорогу, тѣмъ самымъ могъ служить ему защитой отъ непріятели.

Между тѣмъ русскіе приближались подъ прикрытіемъ лѣса и нашихъ покинутыхъ повозокъ; оттуда они обстрѣливали солдатъ Нея, добрая половина изъ которыхъ, съ трудомъ державшая обледенѣлое оружіе въ окованыхъ рукахъ, потеряла мужество и хотѣла бы-

ло обратиться въ бѣгство по примѣру того, какъ они продѣлали это наканунѣ. Но Ней бросился въ середину своего войска, вырвалъ шпагу у перваго попавшагося солдата и повелъ ихъ въ огонь битвы, которую онъ началъ самъ, подвергая себя опасности и сражаясь какъ простой солдатъ съ ружьемъ въ рукѣ. Онъ словно вернулся къ тѣмъ временамъ, когда онъ еще не былъ отцомъ, супругомъ, богатымъ и всѣми уважаемымъ человѣкомъ. Въ ту минуту, когда его положеніе было безвыходно, онъ сражался такъ, какъ будто ему нужно было снова дѣлать свою карьеру. Но исполняя обязанности солдата, онъ продолжалъ оставаться генераломъ: онъ воспользовался мѣстоположеніемъ, укрѣпившись на возвышеніи подъ прикрытіемъ дома, обнесеннаго палисадникомъ. Его генералы и полковники, среди которыхъ видѣлся своей храбростью Фезансакъ, самоотверженно помогали ему и непріятель, который намѣревался преслѣдовать Нея, принужденъ былъ отступить.

Этимъ геройскимъ поступкомъ Ней далъ нашей арміи суточную передышку, которой она воспользовалась, чтобы приблизиться къ Смоленску. Въ послѣдующіе дни онъ проявилъ то же геройство: отъ Вязмы до Смоленска онъ сражался въ теченіе десяти дней!

13-го ноября Ней подошелъ къ Смоленску, куда его ждали только 14-го, и повернулся лицомъ къ непріятелю, какъ вдругъ, тѣ высоты, на которыхъ онъ собирался укрѣпить свой лѣвый флангъ, покрылись цѣлыми толпами бѣглецовъ. Эти несчастные въ растерянности устремились къ нему и падали, обогряя свою кровью обледѣлый снѣгъ. Этотъ безпорядокъ скоро объяснился: оказалось, что ихъ преслѣдовала цѣлая шайка казаковъ. Изумленный маршалъ, разсѣявъ эту тучу непріятелей, замѣтилъ позади нея итальянскую армію, возвращавшуюся безъ обозовъ и орудій въ совершенно разстроеномъ видѣ.

Выяснилось, что Платовъ держалъ ее словно въ осадѣ съ самаго Дорогобужа. Принцъ Евгений свернулъ съ большой дороги около этого города и пошелъ по направленію къ Витебску по той самой дорогѣ, по которой два мѣсяца тому назадъ онъ пришелъ въ Смоленскъ, но тогда, когда они въ первый разъ переходили Вопь, она представляла лишь незамѣтной ручеекъ, а теперь они увидѣли передъ собой большую рѣку. Она текла по вязкому глинистому руслу между высокихъ крутыхъ береговъ. Надо было окопать обмерзшіе гористые берега и въ теченіе ночи выстроить мосты, разрушивъ для этого сосѣдніе дома. Но вице-королю, котораго больше уважали, чѣмъ боялись, солдаты не повиновались. Понтонеры работали вяло и когда съ наступающимъ днемъ показались казаки, то пришлось бросить этотъ мостъ, дважды рушившійся.

Пять или шесть тысячъ солдатъ, сохранявшихъ еще порядокъ, и вдвое большее количество бродячихъ солдатъ, а также больныхъ и раненыхъ, болѣе ста орудій и пороховыхъ ящиковъ, множество экипажей — все это затрудняло переправу, занимая пространство около одного льё въ окружности. Была сдѣлана попытка перейти рѣку по льдинамъ, которыя плыли по теченію. Первыя пушки достигли противоположнаго берега, но, съ минуты на минуту, вода прибывала на поверхности льда, который проламывался подъ колесами и подъ тяжестью лошадей. Увязла одна повозка, за ней другая и все остановилось.

Между тѣмъ день близился къ вечеру; мы изнемогали въ бесплодныхъ усиліяхъ; голодъ, холодъ и казаки не позволяли медлить и вице-король былъ принужденъ приказать покинуть артиллерію и весь обозъ. Это было зрѣлище, доводившее до отчаянія. Владѣльцы покидаемаго имущества едва успѣвали съ нимъ разставаться; пока они отбирали себѣ самые необходимые предметы и нагружали ими лошадей, подоспѣла цѣлая толпа солдатъ, которые набросились главнымъ образомъ на дорогіе экипажи, они ломали и уничтожали все, какъ бы мстя этому богатству за свои лишенія и не желая оставлять находившимся вблизи казакамъ этой богатой добычи.

Большинство изъ нихъ искало съѣстныхъ припасовъ.

Они выбрасывали и раскидывали ради нѣсколькихъ горстей муки расшитыя одежды, картины, всевозможныя драгоценныя украшенія и предметы изъ вызолоченной бронзы. Вечеромъ эти богатства, эти предметы роскоши двухъ величайшихъ городовъ міра — Парижа и Москвы — разбросанные по снѣгамъ дикой и пустынной равнины являли собой странное, невиданное зрѣлище.

Въ то же время большинство артиллеристовъ въ отчаяніи разбивали свои орудія и разсыпали порохъ. Другіе собирали этотъ порохъ и подожгли его, когда приблизились казаки; при взрывѣ эти послѣдніе въ испугѣ разбѣжались, нѣкоторые изъ нихъ погибли.

Нѣсколько сотъ человѣкъ, еще попрежнему называвшихся четырнадцатою дивизіей, были выставлены противъ казаковъ и имъ удалось удержать эту орду въ отдаленіи до слѣдующаго дня. Всѣ же остальные — солдаты, начальники, женщины и дѣти, подгоняемые непріятельскими ядрами, толпились на берегу шумящей рѣки. Но при видѣ этой все подымавшейся воды, острыхъ громадныхъ глыбъ и при сознаніи, что, погрузившись въ эти ледяныя воды, они только увеличатъ свои страданія, всѣ стояли въ нерѣшительности.

Понадобился примѣръ одного итальянца, полковника Дельфанти, который первымъ бросился въ воду. Тогда двинулись солдаты, а за

ними послѣдовала толпа. Остались только слабые, менѣе рѣшительные и самые жадные, которые не могли разстаться съ своей добычей и были захвачены въ расплохъ. На другой день можно было видѣть озвѣрѣлыхъ казаковъ, которые посреди всѣхъ этихъ богатствъ соблазнялись даже грязными лохмотьями нашихъ несчастныхъ, которые попали къ нимъ въ плѣнъ: они раздѣвали ихъ, грабили, сгоняли въ стадо и заставляли обнаженными идти по снѣгу, подгоняя ихъ дрючками своихъ пикъ.

Уменьшившаяся въ числѣ итальянская армія, промокшая насквозь, вышла на другой берегъ рѣки и провела ночь на снѣгу безъ пріюта и съѣстныхъ припасовъ вблизи одной деревни, гдѣ генералы тщетно пытались найти себѣ квартиры. Солдаты приступомъ брали деревянные дома и, пользуясь темнотой, въ которой трудно было отличить солдатъ отъ офицеровъ, вытѣсняли оттуда своихъ начальниковъ. Они разламывали все: двери, окна, вплоть до крышъ, нисколько не заботясь о томъ, что тѣмъ самымъ они и себя лишаютъ возможности укрыться въ жилищахъ. Въ этомъ безпорядкѣ приняла участіе даже королевская и императорская гвардія.

Когда они такимъ образомъ разожгли костры, они провели ночь, высушивая свои одежды подъ шумъ криковъ, проклятій и стонувъ тѣхъ, кто продолжалъ еще переходить рѣку или, скатываясь съ высокихъ береговъ, тонулъ среди ея льдинъ.

Нужно отмѣтить тотъ позорный для непріятеля фактъ, что среди всеобщей сумятицы и въ виду такой богатой добычи нѣсколькихъ сотъ нашихъ солдатъ, расположенныхъ на разстояніи полу-льѣ отъ вице-короля, было достаточно, чтобы остановить не только храбрость, но даже корыстолюбіе Платовскихъ казаковъ.

Быть можетъ, гетманъ заранѣе предназначталъ гибель вице-короля на слѣдующій день. Въ самомъ дѣлѣ, въ ту минуту, когда итальянская армія, послѣ такого безпокойнаго и безпорядочнаго путешествія, завидѣла Духовщину, городъ, бывший еще не тронутымъ, и поспѣшно направилась туда, чтобы найти себѣ тамъ убѣжище, оттуда вышло къ ней навстрѣчу нѣсколько тысячъ казаковъ съ орудіями, которые неожиданно остановили итальянскую армію.

Въ то же время подоспѣлъ Платовъ со всѣми своими ордами и атаковалъ арьергардъ и оба фланга.

Очевидцы рассказываютъ, что произошла полнѣйшая сумятица, что безпорядочныя банды, отбившіяся отъ строя солдатъ, женщины, слуги наталкивались другъ на друга и прорывали ряды войска, что, однимъ словомъ, была минута, когда эта несчастная армія представляла собою

лишь беспорядочную толпу, дикую стаю людей, потерявших голову. Думали, что все потеряно. Но хладнокровіе принца Евгенія и усилія военачальниковъ выручили всѣхъ. Самые преданные выступили впередъ и въ рядахъ возстановили порядокъ. Солдаты двинулись, стрѣляя изъ ружей, и непріятель, у котораго было все, кромѣ храбрости, составлявшей наше единственное достояніе,—сомкнулъ ряды и отступилъ, ограничившись этой простой демонстраціей.

Итальянская армія заняла городъ, откуда только что ушли казаки. Эти послѣдніе расположились бивуакомъ вблизи Духовщины и тревожили насъ своими неожиданными нападеніями вплоть до самаго Смоленска. Послѣ несчастья на рѣкѣ Вопи, мы уже отказались отъ мысли идти отдѣльно отъ Императора. Тутъ эти орды казаковъ обнаглѣли и окружили 14 дивизію. Когда принцъ Евгеній захотѣлъ придти ей на помощь, то его солдаты и офицеры, окоченѣвшіе отъ двадцатиградуснаго мороза, который, благодаря рѣзкому вѣтру, былъ особенно невыносимъ, не захотѣли двинуться и продолжали лежать на горячей золѣ своихъ костровъ. Имъ тщетно указывали на ихъ товарищей, которыхъ со всѣхъ сторонъ окружалъ приближавшійся непріятель, на пули и ядра, уже достигавшія почти ихъ самихъ; они упорно отказывались вставать, заявляя, что они предпочитаютъ погибнуть, чѣмъ переносить такія страшныя муки. Даже караульные покинули свои посты. Принцу Евгенію тѣмъ не менѣе удалось спасти свой арьергардъ.

Когда этотъ арьергардъ продолжалъ свой путь къ Смоленску, толпы бродячихъ солдатъ были опрокинуты непріателемъ на войска Нея и заразили ихъ своимъ паническимъ ужасомъ: всѣ бросились къ Днѣпру и столпились у входа на мостъ, не думая о защитѣ, какъ вдругъ 4 полкъ выстрѣлами остановилъ непріятеля.

Командиръ этого полка, полковникъ Фезансакъ, сумѣлъ нѣсколькими убѣдительными словами вернуть мужество своимъ застывшимъ отъ холода солдатамъ, которые въ ярости бросались навстрѣчу всѣмъ опасностямъ: непріятелю, снѣжнымъ сугробамъ и ледяному сѣверному урагану. Даже Нею пришлось умѣрять ихъ пылъ!...

✓ Наконецъ, армія снова увидала Смоленскъ! она достигла мѣста, гдѣ ждала избавленія отъ всѣхъ своихъ страданій.

Завидя городъ, всѣ, кромѣ гвардіи и нѣкоторыхъ солдатъ, выбѣжавъ изъ рядовъ, устремились впередъ. Тысячи человекъ, въ большинствѣ случаевъ безоружныхъ, заняли оба берега Днѣпра; они цѣлыми толпами тѣснились около высокихъ стѣнъ и городскихъ воротъ.

Но видъ этой беспорядочной толпы, этихъ людей съ тощими, закопченными и покрытыми грязью лицами, одѣтыхъ въ лохмотья или

въ странныя одежды, которыми они замѣнили свои мундиры, однимъ словомъ, все это ужасное зрѣлище заставило закрыть передъ ними ворота Смоленска.

Этой мѣрой думали заставить солдатъ вернуться къ порядку. Тогда въ остаткахъ этой несчастной арміи началась борьба между сторонниками порядка и безпорядка. Тщетно они просили, молили, заклинали, угрожали, пробовали взломать ворота, а нѣкоторые даже падали мертвыми у ногъ своихъ товарищей, которымъ было приказано сдерживать напоръ и отгонять этихъ несчастныхъ: стража оказалась неумолимой и ждала прибытія перваго отряда, еще сохранившаго порядокъ—старой и молодой гвардіи. Безпорядочнымъ толпамъ удалось проникнуть въ городъ только вслѣдъ за ними; они, а также и остальные корпуса, которые съ 8-го и по 14-е поочередно вступали въ городъ, подумали, что ихъ вступленіе было отсрочено для того, чтобы дать возможность гвардіи лучше отдохнуть и подкрѣпиться. Сдѣлавшись въ силу своихъ страданій несправедливыми, они проклинали ее: «Неужели не насталъ еще конецъ тѣмъ жертвамъ, которыя мы должны приносить этому привилегированному войску, этой ненужной декорации,—гвардіи, которая является первой лишь на смотрахъ, на празднествахъ и при раздачѣ наградъ? Неужели армія всегда будетъ пользоваться лишь одними остатками? Да и тѣ получать только тогда, когда насытятся гвардейцы?» Приходилось давать имъ лишь одинъ отвѣтъ: что необходимо сохранить въ цѣлости хотя одинъ корпусъ и дать преимущество тѣмъ, которые въ послѣднюю рѣшительную минуту могутъ выручить.

Между тѣмъ, эти несчастные вошли въ столь желанный Смоленскъ; на берегахъ Днѣпра они оставили своихъ умирающихъ товльрищей, которые погибли отъ долгихъ часовъ напраснаго ожиданія. Другіе остались около ледяныхъ высотъ, которыя надо было перейти, чтобы достигнуть города.

Добравшіеся бросились къ складамъ и многіе изъ нихъ умерли, пока брали приступомъ двери. Ихъ не допускали и спрашивали: «Кто они? Изъ какого корпуса? Какъ ихъ распознать?» Лица, раздающія провіантъ, отвѣтственны за него; они могутъ выдавать провіантъ лишь уполномоченнымъ офицерамъ, которые должны предъявлять квитанціи на его полученіе. Но у тѣхъ, которые приходили за провіантомъ, не было офицеровъ, и они не знали, гдѣ находятся ихъ полки. И въ такомъ положеніи были двѣ трети арміи.

Тогда эти несчастные разсыпались по улицамъ Смоленска, не имѣя никакой надежды, кромѣ грабежа, но видъ разрѣзанныхъ на куски

лошадиныхъ труповъ, которые лежали повсюду, свидѣтельствовали объ общей голодовкѣ. Повсюду были оторваны двери и оконныя рамы, которыя употреблялись на топливо для костровъ бивуака; въ разрушенныхъ домахъ, они не могли найти себѣ убѣжища: имъ не было заготовлено ни зимнихъ квартиръ, ни топлива; больные и раненые оставались на улицѣ на тѣхъ повозкахъ, на которыхъ ихъ привезли.

И вотъ тогда только бродячіе солдаты принялись искать свои знамена; они очень быстро нашли свои ряды, чтобы имѣть возможность получить провіантъ, но весь заготовленный хлѣбъ былъ уже розданъ: не было ни сухарей, ни мяса. Имъ выдали ржаной муки, сухихъ овощей и водки. Понадобились невѣроятныя усилія, чтобы воспрепятствовать отдѣльнымъ отрядамъ различныхъ корпусовъ убивать другъ друга у дверей провіантскихъ складовъ. А потомъ, когда послѣ безконечныхъ формальностей эти жалкіе припасы были розданы, солдаты отказались отнести ихъ въ свои полки; они набрасывались на мѣшки, выхватывая оттуда по нѣскольکو фунтовъ муки и, притаившись гдѣ-нибудь въ уголкѣ, пожирали ее. Тогда же они выпили и всю водку. На другой день всѣ дома были переполнены трупами этихъ несчастныхъ.

Однимъ словомъ, этотъ зловѣщій Смоленскъ, который армія считала конечнымъ пунктомъ своихъ мученій, былъ только началомъ всѣхъ ужасовъ. Передъ нами открывалась перспектива безконечныхъ страданій: намъ предстоялъ еще сорокодневный путь подъ тяжелымъ игомъ всевозможныхъ лишеній. Одни, отягощенные муками настоящаго, приходили въ ужасъ при одной мысли о будущемъ, другіе же возставали противъ своей участи: они рассчитывали только на самихъ себя и рѣшили отстаивать свою жизнь во что бы то ни стало.

Съ тѣхъ поръ всѣ, въ зависимости отъ того, были они сильны или слабы, отнимали силой или потихоньку у своихъ умирающихъ товарищей продукты, одежду и даже золото, которымъ еще съ Москвы были наполнены ихъ походныя сумки. Затѣмъ эти негодяи, которыхъ отчаяніе довело до разбоя, побросали оружіе, чтобы спасти свою подлую добычу. Они злоупотребляли общимъ замѣшательствомъ, пользуясь прикрытіемъ ночи, тѣмъ что ихъ мундиры изнасились до неузнаваемости, однимъ словомъ, всѣми темными средствами, благопріятствующими подлости и преступленію!

Если бы эти ужасы не были преувеличены въ произведеніяхъ, опубликованныхъ до сихъ поръ, я умолчалъ бы объ этихъ отвратительныхъ подробностяхъ, ибо эти ужасныя явленія были рѣдки и виновные получили заслуженное наказаніе.

9 ноября Императоръ прибылъ какъ разъ въ разгаръ этого отчаяннаго положенія. Онъ укрылся въ одномъ изъ домовъ на новой площади и не показывался оттуда вплоть до 14, когда вновь началось отступленіе. Онъ думалъ, что въ Смоленскѣ было заготовлено провіанту и фуражу на двѣ недѣли для стотысячной арміи: не оказалось и половины такого количества муки, риса и водки! Мяса не было совсѣмъ. Мы слышали, какъ Императоръ гнѣвно кричалъ на одного изъ тѣхъ людей, которымъ была поручена доставка провіанта. Поставщику этому удалось спасти свою жизнь лишь послѣ долгихъ моленій на колѣняхъ передъ Наполеономъ! Впрочемъ, онъ достигъ прощенія, быть можетъ, не мольбой, но доводами, которые онъ привелъ.

«Когда я прибылъ въ городъ, доложилъ онъ, то оказалось, что стаи отставшихъ отъ арміи солдатъ уже внесли туда разрушеніе и ужасъ. Въ Смоленскѣ умирали отъ голода точно такъ же, какъ и на большихъ дорогахъ. Когда удалось установить нѣкоторый порядокъ, то нѣсколько жидовъ вызвалось доставить нехватавшій провіантъ. Затѣмъ литовскіе помѣщики, движимые болѣе благородными побужденіями, взялись помочь намъ. Наконецъ, показался первый фургонъ обоза съ продовольствіями, собранными въ Германіи...

«Между тѣмъ, трупы, валявшіеся по домамъ, по дворамъ и садамъ, издавая убійственный запахъ, [заражали воздухъ. Смерть убивала жизнь. Наши служащіе, какъ и многіе военные, расхворались: нѣкоторые изъ нихъ словно лишились разсудка—они плакали или тупо устремляли въ землю свой угрюмый взоръ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ спутанные взъерошенные волосы вставали дыбомъ; нерѣдко эти несчастные при страшныхъ богохульствахъ, въ ужасныхъ корчахъ или при еще болѣе ужасномъ смѣхѣ замертво падали на землю.

«Въ то же время пришлось немедленно убить большую часть быковъ, приведенныхъ изъ Германіи и Италіи. Эти животныя отказывались принимать пищу и подвигаться дальше; ихъ глаза, впавшіе въ орбиты, сдѣлались угрюмыми и недвижимыми; когда ихъ убивали, то они не старались даже избѣгнуть ударовъ. Случились и другія несчастія: нѣсколько нашихъ обозовъ и продовольственныхъ складовъ было перехвачено непріателемъ; въ Красномъ цѣлая партія быковъ, состоявшая изъ восьми сотъ головъ, попала въ руки русскихъ».

Этотъ человѣкъ прибавалъ еще въ свое оправданіе, что слѣдовало принять во вниманіе число отрядовъ, прошедшихъ уже черезъ Смоленскъ, то время, которое прожилъ въ этомъ городѣ маршалъ Викторъ, двадцать восемь тысячъ человѣкъ и около пятнадцати тысячъ

больныхъ; онъ указалъ также на множество мародеровъ, которые были оттиснуты непріателемъ къ Смоленску. Все это жило продовольствіями изъ магазиновъ: приходилось выдавать около шестидесяти тысячъ пайковъ въ день; кромѣ того, пришлось высылать провіантъ и скотъ къ Москвѣ, къ Можайску, къ Калугѣ и къ Ельнѣ... Такъ рухнуть подъ собственной тяжестью великіе походы! Мы перешли чело-вѣческія границы: геній Наполеона, захотѣвшій пренебречь временемъ, климатовъ и разстояніемъ, словно растворился въ пространствѣ; какъ бы ни были громадны его измѣренія, онъ перешелъ и ихъ!

Впрочемъ, онъ вышелъ изъ себя лишь потому, что этого требовали обстоятельства. Всеобщее бѣдственное состояніе не было для него тайной. Онъ былъ обманутъ только Александромъ. Привыкши все покорять ужасомъ, наводимымъ его именемъ и изумленіемъ, внушаемымъ его отвагой, его арміей, имъ самимъ и его счастьемъ, онъ рискнулъ всѣмъ и поставилъ все въ зависимость отъ Александра. Онъ оставался тѣмъ же человѣкомъ, какимъ былъ въ Египтѣ, при Маренго, Ульмѣ, Эслингенѣ; это былъ Фердинандъ Кортецъ, Александръ Македонскій, сжигающій свои корабли и все еще хотящій, несмотря на нежеланіе своихъ солдатъ, проникнуть въ невѣдомую Азію; наконецъ, это былъ Цезарь, пытающій, въ простой лодкѣ, все свое счастье!

Между тѣмъ, схватка при Винковѣ, неожиданное нападеніе Кутузова вблизи Москвы, были лишь искрами огромнаго пожара. Въ тотъ же день, въ тотъ же часъ вся Россія стала вести наступательную войну. Всеобщій планъ русскихъ сразу обнаружился! Намъ сдѣлалось страшно смотрѣть на карту этой страны.

18-го октября, въ тотъ же часъ, когда орудія Кутузова уничтожили надежды Наполеона на славу и на миръ, Виттгенштейнъ, на разстояніи въ сто льѣ отъ его лѣваго фланга, бросился на Полоцкъ; на двѣсти льѣ далѣе, за его правымъ флангомъ, Чичаговъ воспользовался своимъ преимуществомъ надъ Шварценбергомъ; и оба, одинъ—спускаясь съ сѣвера, другой—поднимаясь съ юга, принудили другъ друга встрѣтиться у Борисова.

Это было самое затруднительное мѣсто нашего отступленія. Обѣ непріятельскія арміи уже были близъ французовъ, которыхъ отдѣляли отъ Наполеона двѣнадцатидневный переходъ, холодъ, голодъ и великая русская армія.

Въ Смоленскѣ дѣлались только догадки объ опасности, ожидавшей насъ въ Минскѣ; офицеры, присутствовавшіе при взятіи Полоцка, рассказывали намъ всѣ подробности; мы тѣснились вокругъ нихъ и слушали эти рассказы.

Красное.

Маршалъ Ней считается погибшимъ.

Прошло пять дней со дня прибытія Наполеона въ Смоленскъ. Мы знали, что Нею было отправлено приказаніе явиться въ этотъ городъ какъ можно позднѣе, а Евгенію—остаться двое сутокъ въ Духовчинѣ: —«Слѣдовательно, мы не принуждены поджидать Итальянскую армію! Чѣмъ же объяснить нашу неподвижную бездѣятельность, въ то время, какъ голодъ, болѣзни, холодъ и три непріятельскія арміи грозно двигались на насъ?

«Пока мы устремляли свои силы, нанося ударъ въ сердце русскаго великана, развѣ руки его не оставались свободными и протянутыми къ Балтійскому и Черному морямъ? Неужели непріятель оставитъ эти руки въ бездѣйствіи теперь, когда мы, отнюдь не сразивъ его на смерть, сами были близки къ гибели! Не насталъ ли для насъ тотъ роковой часъ, когда этотъ великанъ раздавитъ насъ въ своихъ грозныхъ объятяхъ! Неужели возможно думать, что мы обезсилили ихъ, противопоставивъ имъ, на югѣ—австрійцевъ и на сѣверѣ—пруссаконъ?»

Пожалуй, вѣрнѣе было полагать, что поляки и французы, примѣшанные къ этимъ опаснымъ союзникамъ, переставали быть полезными намъ!

«Да развѣ Императору не была извѣстна радость русскихъ, когда три мѣсяца тому назадъ онъ такъ жестоко наткнулся на Смоленскъ, вмѣсто того, чтобы двинуться на-право, къ Ельнѣ, гдѣ бы онъ могъ отрѣзать непріятеля отъ его столицы? Неужели теперь, когда война перешла на то же самое мѣсто, русскіе, могущіе располагать большей свободой дѣйствія, повторяютъ нашу ошибку? Останутся ли они позади насъ, когда имѣютъ полную возможность опередить насъ и отрѣзать намъ путь къ отступленію?»

«Быть можетъ, Наполеону кажется невыносимымъ то предположеніе, что Кутузовъ, при своемъ нападеніи, обнаружитъ большую смѣлость, чѣмъ онъ самъ, — когда атаковалъ русскихъ? Развѣ условія оставались прежними? Когда отступали русскіе, то все приходило имъ на помощь, тогда какъ при нашемъ отступленіи все было противъ насъ! Развѣ взятіе въ плѣнъ Ожеро и его бригады не было яснымъ этому доказательствомъ? Къ чему было намъ оставаться въ этомъ сожженномъ, опустошенномъ Смоленскѣ, вмѣсто того, чтобы быстро выступить, захвативъ необходимый провіантъ?»

«Императоръ, безъ сомнѣнія, надѣется на то, что, проживъ въ этомъ городѣ пять дней, онъ, тѣмъ самымъ, придастъ нашему бѣгству видъ медленнаго и гордаго отступленія! По этой же причинѣ онъ приказалъ разрушить стѣнныя башни Смоленска, такъ какъ не желалъ, по его словамъ, чтобы эти стѣны задерживали его: какъ будто бы мы только-что собрались захватить этотъ городъ въ то время, какъ на самомъ дѣлѣ, не были увѣрены, удастся ли намъ выйти изъ него!»

«Можемъ ли мы повѣрить, что онъ хочетъ предоставить достаточно времени артиллеристамъ на перековку лошадей? Какъ будто возможно добиться какой-нибудь работы отъ людей, истощенныхъ голодомъ и длинными переходами; это были несчастные, для которыхъ не доставало всего дня, чтобы отыскать себѣ пищу и кое-какъ изготовить ее; кузницы были заброшены или испорчены, да и матеріала не хватало для такой значительной работы!»

«Но, быть можетъ, Императоръ хотѣлъ дать возможность отойти впередъ, подальше отъ опасности, мѣшавшей ему толпѣ солдатъ, ставшихъ непригодными для войны, и тѣмъ временемъ возстановить порядокъ среди лучшихъ частей войска и реорганизовать всю армію? Какъ будто бы было мыслимо возстановить какой-нибудь порядокъ среди рассѣявшихся такимъ образомъ людей, или соединить ихъ на бивуакѣ, такъ какъ мы не имѣли ни квартиръ, ни продовольствій?»

Таковы были вокруг Наполеона разговоры или вѣрнѣе, тайныя мысли его офицеровъ; ибо эти преданные люди оставались вѣрны ему еще два года, среди величайшихъ несчастій и дружнаго возмущенія всѣхъ народовъ!

Тѣмъ не менѣе Императоръ сдѣлалъ попытку, не оказавшуюся совершенно безплодною: всей остававшейся кавалеріи онъ приказалъ соединиться подъ властью одного начальника; но отъ тридцати семи тысячъ кавалеристовъ, находившихся при переправѣ черезъ Нѣманъ, оставалось всего лишь тысяча восемьсотъ человекъ конныхъ. Команду надъ ними Наполеонъ поручилъ Латуръ-Мобургу. По усталости ли или изъ уваженія къ Императору—никто не протестовалъ. Что касается Латуръ-Мобурга, то онъ принялъ эту честь или эту тяжелую обязанность безъ радости и безъ сожалѣній. Это былъ исключительный человекъ: будучи всегда готовымъ, онъ никогда не торопился; всегда спокойный и старательный, онъ отличался замѣчательною строгостью нравовъ, безъ всякой примѣси хвастовства; кромѣ того, придерживаясь въ своихъ рапортахъ простоты и правдивости, онъ вѣрилъ, что слава достигается дѣломъ, а не словами. Онъ подвигался впередъ, сохраняя прежній порядокъ и умѣренность среди нашего безграничнаго безпорядка; тѣмъ не менѣе и это дѣлаетъ честь нашему вѣку, онъ достигнулъ той же высоты, что и другіе, и одновременно съ ними.

Эта слабая попытка реорганизациі, раздача нѣкоторой части провіанта, разграбленіе всего остального, возможность отдыха, представившаяся Императору и его гвардіи, уничтоженіе части артиллерійскихъ орудій и обоза и, наконецъ, множество разосланныхъ повсюду приказовъ—вотъ, приблизительно, тѣ результаты, которыхъ мы добились, оставаясь въ злосчастномъ для насъ Смоленскѣ. Впрочемъ, на нашу долю выпали всѣ предвидѣнныя нами несчастія. Лишь на очень непродолжительное время удалось собрать въ строевомъ порядкѣ нѣсколько сотъ человекъ. Заложеныя нами мины взорвали нѣкоторыя части стѣнъ, что послужило лишь къ удаленію изъ города тѣхъ отставшихъ отъ своихъ полковъ солдатъ, которыхъ мы не были въ состояніи заставить двинуться дальше.

Мы оставили въ Смоленскѣ людей, окончательно павшихъ духомъ, женщинъ и нѣсколько тысячъ больныхъ и раненыхъ; и только тогда, когда несчастное столкновеніе съ Ожеро, въ окрестностяхъ Ельни, явно показало намъ, что Кутузовъ,—преслѣдовавшій насъ, въ свою очередь,—не собирается занимать исключительно большую дорогу, что изъ Вязьмы онъ черезъ Ельню направляется къ Красному; когда, наконецъ, мы убѣдились, что намъ придется пробивать себѣ дорогу сквозь

ряды русской арміи, только тогда—это было 14 ноября—великая армія или, вѣрнѣе, тридцать шесть тысячъ строевыхъ солдатъ начали двигаться въ дальнѣйшій путь.

У старой и молодой гвардіи оставалось въ то время тысячъ девять или десять пѣхоты и двѣ тысячи кавалеріи; у Даву, начальника перваго корпуса, тысячъ пять или шесть; у принца Евгенія и Итальянской арміи—пять тысячъ; у Понятовскаго — восемьсотъ; у Жюно и вестфальцевъ—семьсотъ; у Латуръ-Мобурга, командовавшаго остаткомъ кавалеріи — полторы тысячи. Можно было разсчитывать еще на одну тысячу человекъ легкой кавалеріи и на пятьсотъ спѣшенныхъ кавалеристовъ, которыхъ удалось кое-какъ собрать.

Когда эта армія выходила изъ Москвы, то мы насчитывали сто тысячъ строевыхъ солдатъ; черезъ двадцать пять дней въ нашемъ войскѣ осталось тридцать шесть тысячъ человекъ! Наша артиллерія потеряла уже триста пятьдесятъ орудій, и тѣмъ не менѣе то, что оставалось было по-прежнему распредѣлено между восьмью корпусами, которые и безъ того были отягощены шестьюдесятью тысячами отставшихъ отъ своихъ полковъ солдатъ, не имѣвшихъ никакого вооруженія, и обозомъ, тянувшимся длиною цѣпью.

Неизвѣстно, это ли нагроможденіе людей и экипажей или, что еще правдоподобнѣе, обманчивое сознаніе безопасности, заставило Наполеона положить однодневный промежутокъ между выходомъ каждаго маршала изъ города, — но случилось такъ, что Императоръ, принцъ Евгений, Даву и Ней лишь поочереди покинули Смоленскъ. Ней долженъ былъ отправиться только 16-го или 17-го. Ему отданъ былъ приказъ спилить цапфы у покидаемыхъ нами пушекъ и зарыть ихъ въ землю, уничтожить боевые припасы, заставить выступить всѣхъ отставшихъ и взорвать стѣны города.

Между тѣмъ, на разстояніи нѣсколькихъ льѣ отъ Смоленска насъ поджидалъ Кутузовъ и этимъ разрозненнымъ и раскрошеннымъ остаткамъ корпусовъ предстояло поочереди браться за оружіе!

14-го ноября, около пяти часовъ утра императорская колонна двинулась, наконецъ, изъ Смоленска. Она выступала по-прежнему рѣшительно, но всѣ лица хранили отпечатокъ мрачности и унынія, какъ и сама ночь, какъ и та безмолвная и безцвѣтная природа, среди которой подвигались французы.

Молчаніе нарушалось только ударами, сыпавшихся на лошадей, да краткими и неустовыми проклятіями при встрѣчѣ съ оврагами, по обледенѣлымъ тропинкамъ которыхъ сваливались, въ темнотѣ, люди, лошади, орудія. Въ этотъ первый день мы прошли пять льѣ. Нашей

гвардейской артиллеріи понадобилось двадцать два часа усилій, чтобы пройти это разстояніе.

Впрочемъ, этой первой колоннѣ удалось безъ значительныхъ потерь достигъ Корытни, которую миновалъ Жюно съ своимъ вестфальскимъ корпусомъ, насчитывавшимъ всего семьсотъ человекъ. Одинъ изъ авангардовъ достигъ Краснаго. Нѣкоторые раненые и безпорядочно подвигавшіеся солдаты были уже недалеко отъ Лядъ.

Недалеко отъ Корытни, другая дорога—изъ Ельни въ Красное, подходитъ близко къ большой дорогѣ. Въ тотъ же день по ней подошелъ къ намъ Кутузовъ: онъ покрылъ всю эту дорогу войскомъ, состоявшимъ изъ девяноста тысячъ человекъ; они тѣснили Наполеона, они шли впереди него; а по тропинкамъ, ведшимъ отъ одной дороги къ другой, Кутузовъ посылалъ части своего авангарда, который долженъ былъ перерѣзать намъ путь къ отступленію.

Въ то же время Кутузовъ, во главѣ большей части своего войска, двинулся дальше и, расположившись позади авангарда, очутился такимъ образомъ въ центрѣ своихъ корпусовъ, радуясь успѣху своего маневра, который не удался бы этому медлительному полководцу, если бы мы не были такъ непредусмотрительны; ибо это была борьба военныхъ ошибокъ, а такъ какъ съ нашей стороны ихъ было больше, то мы думали, что всѣ погибнемъ. Расположившись такимъ образомъ, русскій генералъ рѣшилъ, что наша армія естественно находится въ его рукахъ; но дальнѣйшее спасло насъ. Кутузовъ самъ измѣнилъ себѣ, въ ту минуту когда слѣдовало приступить къ дѣлу: этотъ старецъ выполнилъ наполовину и плохо то, что такъ мудро задумалъ.

Пока всѣ эти войска располагались вокругъ Наполеона, онъ самъ покойно оставался въ жалкомъ домишкѣ, единственно уцѣлѣвшемъ отъ всей деревни Корытни, и, казалось, не вѣдалъ обо всѣхъ этихъ передвиженіяхъ людей, орудій, лошадей, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ, или презиралъ ихъ: онъ не послалъ даже тремъ корпусамъ, оставшимся въ Смоленскѣ, приказанія торопиться; самъ же сталъ дожидаться утра, чтобы отправиться дальше.

Его колонна двинулась безъ всякой предосторожности; передъ солдатами шла толпа мародеровъ, спѣшившихъ въ Красное, какъ вдругъ, въ двухъ льѣ отъ этого города, показался рядъ казаковъ, расположившихся, начиная съ высотъ, противъ нашего лѣваго фланга и пересѣкавшихъ большую дорогу. Наши солдаты въ изумленіи остановились; они не ожидали ничего подобнаго и подумали сначала, что какой-то враждебный рокъ провелъ между ними и Европой эту длинную, черную и неподвижную черту, словно поставилъ гибельный предѣлъ ихъ надеждамъ.

Нѣкоторые изъ нихъ, совершенно одурѣвъ отъ несчастій и утративъ сознательное отношеніе ко всему, упорно и машинально двигались по одному направленію, устремивъ взоры къ далекой отчизнѣ и не слушаясь ничьихъ предостереженій: они были готовы сдаться; другіе же сомкнули свои ряды; русскіе и французы разглядывали другъ друга. Но вскорѣ подоспѣло нѣсколько офицеровъ; они кое-какъ выстроили этихъ разсыпавшихся въ беспорядкѣ людей и семи или восьми стрѣлкамъ удалось пробить загражденіе, казавшееся такимъ грознымъ.

Французы улыбались при видѣ столь бесполезной отважной демонстраціи, какъ вдругъ съ высотъ, находившихся противъ нашего лѣваго фланга, грянула непріятельская батарея. Ядра пересѣкали дорогу; въ ту же минуту и съ той же стороны показалось тридцать эскадроновъ; они прямо направились къ вестфальскому корпусу, начальникъ котораго, смутившись, не принялъ никакихъ мѣръ къ защитѣ.

И только одинъ раненый офицеръ, незнакомый этимъ нѣмцамъ и случайно находившійся тутъ, голосомъ, полнымъ негодованія, принялся за команду.

Они повиновались, точно такъ же какъ и ихъ начальникъ. При столь опасномъ положеніи стерлась условная разница между чинами. Появился истинно-достоинный человѣкъ, объединившій вокругъ себя, толпу, среди которой генераль оставался безмолвнымъ начальникомъ, покорно подчинившимся чужому голосу, тѣмъ самымъ признавая превосходство этого офицера надъ собой; по исходѣ опасности генераль этотъ, подтвердивъ все вышесказанное, не искалъ случая, какъ это часто случается, отмстить смѣлому офицеру.

Этимъ раненымъ офицеромъ былъ Экзельманъ. Въ своемъ геройскомъ поступкѣ онъ выказалъ себя всѣмъ: генераломъ, офицеромъ солдатомъ, даже артиллеристомъ, такъ какъ, ухватившись за одно изъ брошенныхъ нашими орудій, онъ зарядилъ его, нацѣлилъ и еще разъ пустилъ его въ дѣло, выстрѣливъ по непріятелю. Что до начальника вестфальцевъ, то несчастное и преждевременное окончаніе похода, а также ужасное осложненіе въ ранахъ сразили его на смерть.

Непріятель, видя, что эта колонна выступаетъ въ полномъ порядкѣ, осмѣлился атаковать ее лишь своими ядрами; солдаты съ презрѣніемъ прошли мимо и вскорѣ грохотъ ядеръ слышался уже за ихъ спинами. Когда же наступила очередь проходить сквозь огонь гренадерамъ старой гвардіи, то они тѣсно сомкнули свои ряды вокругъ Наполеона, составивъ какъ бы подвижную крѣпость и чувствуя себя гордыми тѣмъ, что защищаютъ Императора. Эту гордость выражала

ихъ походная музыка. Когда ихъ окружала наибольшая опасность, раздался мотивъ на столь извѣстныя слова пѣсни: «Où peut-on être mieux qu'au sein de sa famille? (Гдѣ жъ лучше намъ, коль не въ семьѣ родной?) Но Императоръ, обращавшій свое вниманіе на все, прервалъ эту арію, воскликнувъ: «Пойте лучше:

Александръ I.

Veillons au salut de l'Empire. (Постоимъ за спасеніе Имперіи!)» Такія слова лучше выражали его безпокойныя думы, а также всеобщее настроеніе.

Когда же непріятельскіе огни стали слишкомъ назойливыми, онъ послалъ людей погасить ихъ и черезъ два часа достигъ Краснаго. Одного вида Себастьяни и первыхъ гренадеровъ, выступавшихъ передъ

нимъ, было достаточно, чтобы изгнать оттуда непріятельскую пѣхоту. Наполеонъ проникъ въ Красное въ безпокойномъ состояніи духа, не вѣдая, съ кѣмъ изъ русскихъ онъ только что имѣлъ дѣло; его кавалерія не располагала достаточными силами, чтобы, благодаря ей, онъ могъ очистить себѣ путь внѣ большой дороги. Онъ оставилъ Мортье и молодую гвардію на разстояніи одного льё за собой, какъ бы протянувъ такимъ образомъ издалека слишкомъ слабую руку помощи своей арміи; онъ рѣшилъ дожидаться ее.

Колонна, проходя сквозь огни батарей, не понесла много потерь, но трудностей почвы мы не могли побѣждать такъ, какъ побѣждали людей: дорога была гористая; всякая возвышенность задерживала орудія, которыхъ не заклѣпывали, и обозъ, который пришлось покинуть, предварительно давъ солдатамъ расхитить провіантъ. Русскіе, съ высоты своихъ укрѣпленій, видѣли всю внутренность нашей арміи, ея недостатки, ея обнищаніе, ея самыя постыдныя части, однимъ словомъ, все то, что обычно скрывается отъ постороннихъ съ такою тщательностью.

Казалось, что Милорадовичъ, съ высоты своей позиціи, удовольствовался издѣвательствомъ надъ проходившимъ Императоромъ и его старой гвардіей, наводившей столько времени ужасъ на всю Европу. Онъ осмѣлился завладѣть брошенными вещами лишь тогда, когда императорская колонна удалилась; но тогда онъ сдѣлался смѣлѣе, тѣснѣе сомкнулъ свои ряды и, спустившись съ своихъ высотъ, онъ расположился со своимъ двадцатитысячнымъ войскомъ поперекъ большой дороги: подобнымъ перемѣщеніемъ онъ отрѣзалъ Императора онъ Евгенія, Даву и Нея, захлопнувъ передъ этими тремя начальниками дверь въ Европу.

Въ то время какъ Милорадовичъ располагался такимъ образомъ, Евгенийъ пытался собрать, въ Смоленскѣ, свои разсѣившіеся полки: ему стоило большихъ усилій, чтобы оторвать своихъ солдатъ отъ грабежа, и удалось созвать восемь тысячъ человекъ лишь къ 15-му, вечеромъ. Евгению пришлось обѣщать имъ достать продовольствіе въ Литвѣ, на близость которой онъ указывалъ имъ, чтобы заставить ихъ двинуться въ путь. Ночь настигла этого принца въ трехъ льё за Смоленскомъ; добрая половина его солдатъ подвигалась по-прежнему въ безпорядкѣ. На слѣдующій день онъ продолжалъ свой путь съ тѣми, кого не успѣлъ приковать къ бивуаку холодъ ночи или смерть.

Грохотъ орудій, раздававшійся наканунѣ, прекратился; королевская колонна съ трудомъ подвигалась впередъ, оставляя за собой обломки орудій. Во главѣ—ѣхали вице-король и его главный штабъ; всѣ были

поглочены своими печальными мыслями и подвигались впередъ, доставивъ лошадямъ полную свободу. Они незамѣтно отдѣлились отъ своего войска, такъ какъ дорога была усѣяна отставшими солдатами и вольными людьми, которыхъ не было никакой возможности заставить итти въ порядкѣ.

И вотъ они подвигались такимъ образомъ, какъ вдругъ, не дождая двухъ льё до Краснаго, ихъ разсѣянные взоры были привлечены страннымъ движеніемъ, происходившемъ передъ ихъ глазами. Нѣсколько беспорядочно шедшихъ людей неожиданно остановилось. Тѣ, что слѣдовали за ними, дойдя до того же мѣста, останавливались и тѣснились въ одну кучу. Тогда изумленный вице-король сталъ осматриваться кругомъ; онъ увидѣлъ, что опередилъ на разстояніе одного часа перехода свой полкъ, что вокругъ него находится около полторы тысячи людей, всѣхъ чиновъ и націй, не знавшихъ ни организаци, ни начальства, ни порядка, не имѣвшихъ оружія, пригоднаго къ битвѣ, и что онъ принужденъ сдаться.

Но это предложеніе было отклонено при всеобщемъ негодованіи. Русскій парламентаръ, явившійся одинъ, настаивалъ: «Наполеонъ и его гвардія—разбиты, объявилъ онъ, вы окружены двадцатью тысячами русскихъ; вы можете спастись только при тѣхъ почетныхъ условіяхъ, которыя вамъ предлагаетъ Милорадовичъ». При этихъ словахъ, изъ толпы выдвинулся Гюйонъ, одинъ изъ тѣхъ генераловъ, у которыхъ перемерли или разсѣялись всѣ солдаты, и громко воскликнулъ: «Возвращайтесь немедленно туда, откуда вы пришли; пойдите и скажите тому, кто васъ послалъ, что если у него двадцать тысячъ человѣкъ, у насъ ихъ—восемьдесятъ!» Изумленный русскій удалился.

Едва прошло одно мгновеніе, послѣ этого происшествія, какъ съ холмовъ, расположенныхъ на-лѣво отъ дороги, показались молніи и клубы дыма: гранаты и картечь посыпались на дорогу и показались штыки грозно-приближавшихся колоннъ.

Вице-король на минуту колебался. Ему не хотѣлось покидать этой несчастной толпы; но, рѣшившись наконецъ, онъ оставилъ своего начальника главнаго штаба, а самъ вернулся къ своимъ дивизіямъ, чтобы вести ихъ въ бой и чтобы дать имъ возможность пройти сквозь прегражденіе, пока это было еще мыслимо, или же—погибнуть: ибо, гордый своей короной и столькими побѣдами, онъ не могъ и думать о капитуляціи.

Между тѣмъ Гюйонъ созываетъ офицеровъ, которые въ этой беспорядочной толпѣ смѣшались съ солдатами. Нѣсколько генераловъ, полковниковъ и множество офицеровъ отдѣлились отъ этой толпы и

окружили его; послѣ нѣкоторыхъ совѣщаній они провозглашаютъ Гюйона своимъ начальникомъ и, раздѣливъ на нѣсколько взводовъ всѣхъ этихъ людей, смѣшавшихся въ одну кучу.

Всѣ эти мѣры были приняты подѣ непрерывнымъ огнемъ. Нѣкоторые высшіе офицеры съ достоинствомъ заняли мѣста въ рядахъ и стали снова простыми солдатами.

Раздѣлившись такимъ образомъ, эти отважные люди продолжали подвигаться къ Красному; и они уже миновали батареи Милорадовича, какъ вдругъ этотъ послѣдній, направивъ свои колонны къ ихъ флангамъ, сталъ тѣснить ихъ съ такимъ упорствомъ, что заставилъ французовъ обернуться лицомъ къ непріятелю и выбрать позицію для защиты. Нужно тутъ сказать къ вѣчной славѣ этихъ воиновъ, что полторы тысячи французовъ и итальянцевъ, которые сражались одинъ противъ десяти и располагали для своей обороны лишь большой рѣшимостью и нѣсколькими пригодными орудіями, удерживали непріятеля въ теченіе цѣлаго часа.

Но вице-король и остатки его дивизій все еще не показывались. Продолжать сопротивленіе становилось невозможнымъ. Требованія сложить оружіе раздавались все чаще и чаще. Во время этихъ краткихъ перерывовъ, сражавшіеся слышали отдаленный грохотъ пушекъ и передъ собой и за собой. Итакъ, «русскіе атаквали одновременно всю армію; отъ Смоленска до Краснаго протягивалась одна непрерывная битва! Помощи не отъ куда было ждать: нужно было самимъ отправляться за ней—но куда? Въ Красное—невозможно, этотъ городъ былъ слишкомъ далеко; къ тому же все заставляло предполагать, что тамъ тоже происходило сраженіе. Прійдется снова отступить; но русскіе подѣ командой Милорадовича, кричавшіе изъ своихъ рядовъ, чтобы мы сложили оружіе, были слишкомъ близко отъ насъ: мы не смѣли повернуться къ нимъ спиной. Ужъ лучше бы намъ, тѣсно сплотившись въ одну массу и сливъ въ одно всѣ наши движенія, вернуться въ глубь Россіи, мимо рядовъ этихъ русскихъ, присоединиться къ вице-королю, затѣмъ вернуться всѣмъ вмѣстѣ, опрокинуть Милорадовича и достигъ въ концѣ концовъ Краснаго».

Когда начальникъ предложилъ несчастнымъ воинамъ все вышесказанное, всѣ отвѣтили единодушнымъ согласіемъ. Тотчасъ же колонна сплотившись въ одну массу и устремилась сквозь десять тысячъ непріятельскихъ ружей и пушекъ; пораженные русскіе сначала разступились и пропустили до самого своего центра эту горстку почти обезоруженныхъ воиновъ. Затѣмъ, понявъ наконецъ, на что рѣшились французы, русскіе, движимые жалостью или изумленіемъ, принялись кри-

чать нашимъ, чтобы они остановились, уговаривая ихъ сдаться. Но наши отвѣчали лишь своимъ рѣшительнымъ выступленіемъ, угрюмымъ молчаніемъ и остреемъ своихъ штыковъ. Тогда грянули одновременно и въ упоръ вся русская артиллерія и половина геройской колонны пала мертвой или раненой!

Остальные же продолжали подвигаться; ни одинъ человѣкъ не отделился отъ общей толпы, къ которой не посмѣлъ приблизиться ни одинъ русскій. Немногомъ изъ этихъ несчастныхъ удалось увидѣть еще разъ вице-короля и его приближавшіяся дивизіи. Только тогда они покинули свои ряды. Несчастные бросились бѣжать, завидѣвъ эти жалкіе ряды, которые, разомкнувшись, приняли ихъ подъ свое покровительство.

Въ теченіе часа эти отряды рѣдѣли подъ огнемъ русскихъ пушекъ. Въ то время, какъ половина непріятельскихъ силъ была направлена на Гююна и заставила его отступить, другая половина, во главѣ съ Милорадовичемъ, преградила путь принцу Евгенію. Правый флангъ русскихъ

Мюратъ.

упирался въ лѣсъ, находившійся подъ прикрытіемъ высотъ, установленныхъ пушками; ихъ лѣвый флангъ подходилъ къ большой дорогѣ, но какъ-то робко и неохотно. Такая диспозиція указывала Евгенію на то, что ему надо было дѣлать. Королевская колонна, по мѣрѣ своего приближенія, развернулась по правой сторонѣ дороги, при чемъ ея правый флангъ выступалъ дальше лѣваго. Такимъ образомъ, принцъ Евгений поставилъ наискось между собой и непріателемъ большую дорогу, за которую мы сражались. Каждое изъ войскъ занимало эту дорогу своимъ лѣвымъ флангомъ.

Русскіе, занявъ столь наступательную позицію, принялись защищать ее; одни лишь ихъ ядра доходили до принца Евгенія! Началась пушечная перестрѣлка, грозная съ ихъ стороны и почти ничтожная съ нашей. Этотъ огонь раздражалъ принца Евгенія и онъ принялъ слѣдующее рѣшеніе: подозвавъ къ себѣ 14-ю французскую дивизію, онъ расположилъ ее по лѣвую сторону отъ большой дороги и указалъ ей на высоты, покрытыя лѣсомъ, на которыя упирался непріятель и которыя составляли его главную силу; эти высоты являлись самымъ важнымъ пунктомъ, и для того, чтобы покончить со всѣмъ остальнымъ, нужно было отбить ихъ. Онъ самъ не считалъ это возможнымъ; но подобный маневръ отвлекъ бы въ одну сторону силы и вниманіе непріятели, правая сторона дороги стала бы свободной и наши могли бы воспользоваться этимъ, чтобы пройти.

Триста солдатъ, образовавшихъ три отряда, были единственными, которыхъ убѣдили отправиться на этотъ приступъ. Эти преданные люди рѣшительно двинулись противъ нѣсколькихъ тысячъ непріятели, расположившагося грозной позиціей. Батарея итальянской гвардіи выдвинулась впередъ, на защиту имъ; но русскія батареи разбили ее съ самаго начала и она досталась въ руки непріятельской кавалеріи.

Между тѣмъ, триста французовъ, на которыхъ сыпалась картечь, упорно подвигались впередъ; они были уже близъ непріятельской позиціи, какъ вдругъ съ обѣихъ сторонъ изъ лѣсу бросились прямо на нихъ кавалеристы и перебили ихъ. Они всѣ погибли, унося съ собою ту дисциплину и ту храбрость, которыя оставались при нихъ въ дивизіи!

Тогда-то подоспѣлъ генераль Гюйонъ. Почему принцъ Евгений, располагавшій четырьмя тысячами обезсилѣвшихъ солдатъ, вмѣсто прежнихъ сорока двухъ тысячъ, не растерялся и сохранилъ прежнюю отвагу—это было намъ понятно: мы знали этого начальника, но русскіе, видѣвшіе наше бѣдственное положеніе, добившіеся такъ быстро успѣха и предоставившіе ночи оканчивать сраженіе—не перестаютъ вызывать наше изумленіе по сю-пору. Побѣда была для нихъ явленіемъ столь новымъ, что даже тогда, когда она у нихъ была въ рукахъ, они не сумѣли воспользоваться ею; они отложили до слѣдующаго дня окончаніе сраженія.

Вице-король замѣтилъ, что большинство русскихъ, привлеченныхъ его маневромъ, устремились къ лѣвой сторонѣ дороги и онъ сталъ дожидаться того часа, когда ночная темнота, эта союзница слабѣйшихъ—остановитъ всѣ непріятельскія движенія. Тогда, оставивъ на своей сторонѣ зажженные костры, чтобы обмануть непріятели, онъ повернулъ назадъ, тихо обошелъ лѣвый флангъ Милорадовича въ то время,

какъ этотъ генераль, слишкомъ увѣренный въ своей побѣдѣ, грезиль о славѣ, ждавшей его на другой день, когда онъ отберетъ шпагу у сына Наполеона.

Во время этого опаснаго перехода была одна ужасная минута. Въ самый критическій моментъ, когда эти люди—жалкіе остатки столькихъ битвъ—тихо подвигались вдоль русской арміи, сдерживая дыханіе и подавляя шумъ своихъ шаговъ; когда вся ихъ судьба зависѣла отъ одного взгляда или малѣйшаго крика, вдругъ выглянула изъ-за густой тучи луна во всемъ своемъ блескѣ и освѣтила ихъ движенія. Въ то же время раздается голосъ какого-то русскаго, который приказываетъ имъ остановиться и спрашиваетъ, кто они такіе. Они подумали, что погибли окончательно! Но одинъ полякъ, по имени Кликскій, подошелъ къ этому русскому и тихо сказалъ ему, не смутившись, на его родномъ языкѣ: «Молчи, несчастный! Развѣ ты не видишь, что мы изъ Уваровскаго полка и подвигаемся по секретному предписанію!» Обманутый русскій умолкъ.

Но казаки безпрестанно подѣзжали къ флангамъ колонны, какъ бы для того, чтобы разглядѣть ее вблизи. Затѣмъ они снова возвращались къ своимъ. Нѣсколько разъ ихъ эскадроны приближались какъ бы для того, чтобы открыть огонь; но они не дѣлали этого, потому ли, что не были убѣждены въ тѣмъ, что видѣли, такъ какъ мы продолжали обманывать ихъ, или просто, изъ осторожности, такъ какъ колонна часто останавливалась и съ рѣшимостью повертывалась лицомъ къ неприятелю.

Затѣмъ, послѣ невыносимаго двухчасоваго перехода, наши вышли на большую дорогу; и вице-король находился уже въ Красномъ, когда, 14-го ноября, Милорадовичъ, спустившись со своихъ высотъ, чтобы захватить принца Евгенія, нашелъ на полѣ битвы однихъ лишь отбившихся солдатъ, которыхъ никакими силами нельзя было заставить накануне покинуть огонь бивуаковъ.

Императоръ, съ своей стороны, въ теченіе всего предыдущаго дня, поджидалъ вице-короля. Наполеонъ волновался, слыша шумъ его сраженія. Была сдѣлана безплодная попытка пробить себѣ путь назадъ, къ нему; когда же наступила ночь, а принцъ Евгеній все не показывался, то безпокойство его пріемнаго отца усилилось. «Неужели же и Евгеній, и итальянская армія, и этотъ длинный день обманутыхъ ожиданій—все разомъ исчезло для него!» Наполеону оставалась только одна надежда: могло случиться, что вице-король, оттиснутый къ Смоленску, соединился тамъ съ Даву и Неемъ и тогда на слѣдующій день они всѣ вмѣстѣ попытаются нанести рѣшительный ударъ.

Терзаемый этими мучительными мыслями, Императоръ созываетъ бывшихъ при немъ маршаловъ: Бертъе, Бессьера, Мортъе, Лефеввра. Они уже спасены, они миновали опасность; Литва передъ ними; имъ осталось только продолжать отступление; но согласятся ли они оставить своихъ товарищей среди русской арміи? Нѣтъ, конечно; и они рѣшаются снова вернуться назадъ, чтобы спасти товарищей или пасть вмѣстѣ съ ними!

Когда рѣшеніе это было высказано, Наполеонъ принялся спокойно обсуждать всѣ диспозиціи. Его не смутило то сознаніе, что вокругъ него происходило большое движеніе многочисленныхъ войскъ непріятеля. Это движеніе указывало на то, что Кутузовъ приближался, намѣреваясь окружить его и схватить его самого въ Красномъ. Уже въ предыдущую ночь, съ 15 на 16, онъ узналъ, что Ожаровскій, во главѣ авангарда русской пѣхоты, опередивъ его, расположился въ селѣ Маліевѣ, находившемся позади его лѣваго фланга.

Несчастье дѣлало его раздражительнымъ, но отнюдь не умирало его гордости; позвавъ Раппа, онъ крикнулъ ему: «Отправляйтесь немедленно». Затѣмъ, призывая тотчасъ же своего адъютанта, онъ продолжалъ: «Впрочемъ, нѣтъ; пусть Рогэ и его дивизія одни отправляются! А ты оставайся; я не хочу, чтобы тебя убивали здѣсь: ты мнѣ понадобишься еще въ Данцигѣ!»

Раппъ, отправившись передать этотъ приказъ Рогэ, не могъ не удивляться тому, что Императоръ, окруженный восемьдесятѣю тысячами непріятелей, съ которыми ему предстояло сражаться на слѣдующій день при помощи всего девяти тысячъ человекъ, настолько не сомнѣвался въ своемъ спасеніи, что думалъ о дѣлахъ, предстоявшихъ ему въ Данцигѣ, городѣ, отдѣленномъ отъ него зимней стужей, двумя новыми непріятельскими арміями, голодомъ и разстояніемъ въ сто восемьдесятъ лѣ.

Ночная атака на Ширково и Маліево удалась. Рогэ могъ судить о расположеніи непріятеля по огнямъ его костровъ: русскіе занимали эти два села, между которыми находилась плоская возвышенность, защищенная оврагомъ. Генераль Рогэ раздѣлилъ своихъ солдатъ на три колонны: правая и лѣвая безшумно и какъ можно ближе подошли къ непріятелю; затѣмъ при сигналѣ, данномъ имъ самимъ изъ центра, они бросились на русскихъ, и, не открывая огня, въ рукопашную, вступили въ сраженіе съ непріателемъ.

Въ то время какъ русскіе, застигнутые врасплохъ, не знали, съ какой стороны на нихъ нападаютъ, и въ смятеніи бросались во всѣ стороны, Рогэ, со своей колонной, врѣзался въ ихъ центръ, посреди

ихъ лагеря. Непрiятель, разсѣявшись въ безпорядкѣ, успѣлъ лишь побросать въ ближайшее озеро большую часть своего крупнаго и малаго оружія и поджечь строенія, служившія имъ защитой; но пламя это, отнюдь не защитивъ ихъ, лишь освѣтило ихъ пораженіе.

Благодаря этому натиску, движеніе русской арміи было пріостановлено на двадцать четыре часа, что дало Императору возможность остаться въ Красномъ и дожидаться въ слѣдующую ночь принца Евгенія. Наполеонъ встрѣтилъ этого принца съ большой радостью, которая вскорѣ замѣнилась еще бѣльшимъ безпокойствомъ за Нея и Даву.

Вокругъ насъ, лагерь русскихъ представлялъ собой то же зрѣлище, что и въ Винковѣ, въ Малоярославцѣ, въ Вязьмѣ. Ежедневно по вечерамъ, возлѣ генеральской палатки выставлялись на всеобщее поклоненіе мощи русскихъ святыхъ, окруженныя множествомъ свѣчей. Въ то время какъ солдаты, слѣдуя обычаю своей вѣры, выражали свое благочестіе непрерывно крестясь и безпрестанно падая на колѣни, священники распалили фанатизмъ этихъ юныхъ воиновъ поученіями, которыя показались бы нелѣпыми и дикими нашимъ цивилизованнымъ народамъ.

Говорили, что какой-то шпионъ передалъ Кутузову, что Красное наполнено огромнымъ количествомъ императорской гвардіи и что старый маршалъ побоялся скомпроментировать свою репутацію въ сраженіи съ ней. Но, осмѣлившій при видѣ ашего бѣдственнаго положенія, начальникъ генеральнаго штаба Бенигсенъ, убѣдилъ Строгонова, Голицына и Милорадовича, имѣвшихъ въ свое распоряженіе болѣе пятидесяти тысячъ русскихъ и сотни орудій — напасть помимо воли Кутузова, рано утромъ, на четырнадцать тысячъ изголодавшихся, ослабѣвшихъ и наполовину замерзшихъ французовъ и итальянцевъ.

Наполеону была извѣстна опасность, ожидавшая его. Онъ имѣлъ возможность избѣгнуть ее; разсвѣтъ еще не показывался. Онъ свободно могъ избѣжать гибельной битвы, немедленно отправившись съ Евгениемъ и своей гвардіей въ Оршу и Борисовъ; тамъ онъ соединился бы съ тридцатью тысячами французовъ Виктора и Удино, съ Домбровскимъ, съ Ренье, съ Шварценбергомъ и, на слѣдующій годъ, грозный по-прежнему, снова появился бы въ Россіи!

17-го, до разсвѣта онъ отдалъ свои приказанія; вооружившись, онъ вышелъ и самъ, идя пѣшкомъ во главѣ своей старой гвардіи, вывелъ ее изъ Краснова. Но онъ направился не къ Польшѣ, своей союзницѣ, не къ Франціи, гдѣ все еще считался родоначальникомъ новой династіи и императоромъ всего запада. Онъ сказалъ, выхвативъ свою шпагу: «Довольно мнѣ разыгрывать императора, пора стать генераломъ»!

Онъ пошелъ назадъ, къ восьмидесяти тысячамъ непріятеля, навлекая на себя всѣ его натиски и, тѣмъ самымъ, желая избавить отъ нихъ Даву и Нея и вырвать этихъ двухъ маршаловъ изъ глубины Россіи, выходя изъ которой, казалось, навсегда былъ закрытъ для нихъ.

Съ наступившимъ разсвѣтомъ показались русскіе батальоны и батареи, заслонявшіе горизонтъ съ трехъ сторонъ, передъ нами, направо отъ насъ и позади насъ и Наполеонъ со своими шестью тысячами гвардейцевъ, храбро выступавшихъ среди этой ужасной ограды непріятеля. Въ то же время Мортъе, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятеля, развернулъ вдоль всей огромной русской арміи, свое войско, въ которомъ оставалось пять тысячъ человекъ. Они собирались защищать правую сторону большой дороги отъ Краснаго до большого оврага, по направленію къ Стахову. Стрѣлковый батальонъ старой гвардіи, расположившись въ каррѣ, возлѣ большой дороги, служилъ опорой лѣвому флангу молодыхъ солдатъ. По правую сторону отъ нихъ, въ снѣжной равнинѣ, окружавшей Красное, остатки гвардейской кавалеріи, нѣсколько орудій и тысяча двѣсти лошадей Латуръ-Мобурга (такъ какъ со времени выхода изъ Смоленска холодъ убилъ или разогналъ ихъ около пяти сотъ) замѣняли собой батальоны и батареи, которыхъ не хватало французской арміи.

Артиллерія герцога Тревизскаго была подкрѣплена еще одной батареей, которой командовалъ Друо; это былъ одинъ изъ тѣхъ доблестныхъ людей, которые постоянно подчиняются своему долгу и приносятъ естественно и безъ усилій самая геройскія жертвы.

Въ Красномъ остался Кларапэдъ; онъ, при помощи нѣсколькихъ солдатъ, охранялъ раненыхъ, обозъ и отступление. Принцъ Евгенийъ продолжалъ отступать къ Лядамъ. Сраженіе бывшее наканунѣ, а также ночной переходъ нанесли окончательный ударъ его арміи: его дивизіи, сохранившія еще нѣкоторый порядокъ, едва влачили и шли на вѣрную гибель, не будучи въ состояніи поддержать сраженія.

Между тѣмъ Рогэ изъ Маліева былъ призванъ на поле битвы. Непріятель развернулъ свои колонны въ этомъ селѣ и тѣснилъ все болѣе и болѣе нашъ правый флангъ. Тогда началась битва. Но что это была за битва! Императоръ не обнаружилъ ни внезапнаго вдохновенія, ни неожиданнаго проявленія своего генія; онъ не могъ нанести одного изъ тѣхъ безстрашныхъ ударовъ, заставлявшихъ счастье—служить ему и вырывавшихъ столько разъ побѣду у ошеломленнаго и опрокинутаго непріятеля: всѣ движенія русскихъ были свободны, наши же стѣснены со всѣхъ сторонъ и Наполеонъ, этотъ геній атаки, былъ принужденъ защищаться!

Вотъ тутъ-то мы и увидѣли, что имя, окруженное славой, не есть простой звукъ, что оно является дѣйствительной и вдвойнѣ могучей силой, благодаря той непреклонной гордости, которую слава внушаетъ своимъ любимцамъ и благодаря невольной робости, охватывающей тѣхъ, кто дерзаетъ атаковать этихъ любимцевъ. Русскимъ нужно было бы только подвигаться впередъ, не открывая даже огня; одного ихъ подавляющаго числа было вполнѣ достаточно, чтобы опрокинуть Наполеона и его слабое войско; но они не осмѣливались приблизиться къ нему! Одинъ видъ завоевателя Египта и Европы наводилъ на нихъ страхъ! Казалось, что Пирамиды, Маренго, Аустерлицъ, Фридландъ, цѣлая армія побѣдъ вставала между нимъ и всѣми этими русскими: можно было подумать, что въ этой необычайной славѣ покорный и суевѣрный русскій народъ видѣлъ нѣчто сверхестественное; казалось, что онъ не считалъ возможнымъ для себя приблизиться къ нашей арміи и думалъ, что ее можно атаковать лишь издали, что противъ старой гвардіи, этой живой крѣпости, этой гранитной колонны, какъ ее окрестилъ ея начальникъ, человѣческія усилія были безсильны и что ее могутъ разрушить одни лишь пушечные выстрѣлы! Они произвели значительныя опустошенія въ рядахъ Рогэ и въ молодой гвардіи; но, убивая, они не побѣждали насъ. Эти молодые солдаты, изъ которыхъ половина никогда еще не была въ сраженіи, умирали въ теченіе трехъ часовъ, не отступая ни на одинъ шагъ, не сдѣлавъ ни одного движенія, чтобы укрыться отъ смерти и не имѣя никакой возможности отмстить за нее, такъ какъ пушки ихъ были разбиты, а русскіе находились внѣ ружейнаго выстрѣла.

Но съ каждымъ мгновеніемъ подкрѣплялись силы непріятели и ослабѣвало войско Наполеона. По пушечнымъ выстрѣламъ и донесенію Клапарэда ему было извѣстно, что позади него, за Краснымъ, Бенигсень захватываетъ дорогу на Ляды, путь его отступленія. На западѣ, на югѣ, на востокѣ сверкали непріятельскіе огни; незанятой оставалась лишь одна дорога, на сѣверъ, къ Днѣпру; туда вела возвышенность, у подошвы которой находился Императоръ, занимавшій большую дорогу. Вдругъ намъ показалось, что весь пригорокъ покрывается пушками; ихъ размѣщали совсѣмъ близко надъ самой головой Наполеона; ихъ выстрѣлы неминуемо должны были раздавить Императора. Его предупредили объ этомъ. Онъ съ минуту посмотрѣлъ по указанному направленію и произнесъ только слѣдующія слова: «Ну, что-жъ, пусть одинъ изъ моихъ стрѣлковыхъ батальоновъ захватитъ ихъ!» Затѣмъ, не думая больше объ этомъ обстоятельствѣ, онъ снова сталъ беспокоиться о Мортъе и его опасномъ положеніи.

Тогда наконецъ появился Даву; онъ поспѣшно приближался, расчищая себѣ дорогу сквозь стаи казаковъ. Завидѣвъ Красное, солдаты этого маршала покинули свои ряды и бѣгомъ бросились черезъ поля, чтобы опередить правый флангъ непріятельской линіи, изъ-за которой они показались. Даву и его генераламъ удалось выстроить ихъ снова въ ряды лишь въ Красномъ.

Первый корпусъ былъ спасенъ, но въ то же время мы узнали, что нашъ арьергардъ въ Красномъ не въ силахъ былъ продолжать защищаться, что Ней, быть можетъ, находился еще въ Смоленскѣ и что намъ нельзя больше дожидаться его. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ колебался: онъ не могъ рѣшиться на такую огромную жертву.

Но, въ концѣ-концовъ, видя, что все гибнетъ, онъ рѣшился; онъ призвалъ Мортье и сказалъ, сердечно пожимая его руку: «Нельзя больше терять ни одной минуты; непріятель окружаетъ меня со всѣхъ сторонъ; ужъ и такъ Кутузовъ можетъ очутиться раньше меня въ Лядахъ, даже въ Оршѣ и у послѣдняго изгиба Днѣпра; поэтому я немедленно отправлюсь со своей старой гвардіей, чтобы занять этотъ путь. Я оставляю вамъ Даву; но вы оба должны употребить всѣ усилія, чтобы продержаться въ Красномъ до ночи, послѣ чего вы соединитесь со мной». Тогда, съ сердцемъ, исполненнымъ скорби за участь Нея и охваченный отчаяніемъ при мысли, что онъ покидаетъ его, Наполеонъ медленно удалился съ поля битвы, миновалъ Красное, въ которомъ еще разъ остановился на нѣкоторое время и прочистилъ себѣ путь въ Ляды.

Мортье хотѣлъ повиноваться; но гвардейскіе голландцы потеряли въ эту минуту, вмѣстѣ съ третью своихъ солдатъ, важную позицію, защищаемую ими; непріятель тотчасъ же покрылъ своей артиллеріей отбитую у насъ позицію. Рогэ, тѣснымъ огнями этой артиллеріи, подумалъ, что будетъ въ состояніи погасить ихъ. Направленный имъ, противъ русской батареи, полкъ былъ оттиснутъ. Второму полку, 1-му стрѣлковому, удалось добраться до середины русскихъ. Онъ не поколебался, когда на него грянулъ огонь двухъ кавалерійскихъ полковъ. Онъ все еще продолжалъ подвигаться впередъ до тѣхъ поръ, пока градъ картечи не уничтожилъ его: Рогэ спасъ всего пятьдесятъ солдатъ и одиннадцать офицеровъ!

Этотъ генералъ потерялъ половину своихъ силъ; было два часа; а онъ все продолжалъ удивлять своей непоколебимой стойкостью русскихъ, которые, сдѣлавшись болѣе храбрыми послѣ отъѣзда Императора, стали тѣснить молодую гвардію съ такой настойчивостью, что гвардейцамъ вскорѣ не было никакой возможности ни устоять на мѣстѣ, ни двинуться назадъ.

Но къ счастью, нѣсколько взводовъ, собранныхъ Даву, и появленіе толпы его отставшихъ солдатъ отвлекли вниманіе русскихъ. Мортье воспользовался этимъ. Онъ приказалъ тремъ тысячамъ человѣкъ, уцѣлѣвшихъ у него, медленно отступать шагъ за шагомъ передъ пятьюдесятью тысячами неприятелей.

— «Солдаты, вы слышите!—закричалъ генераль Лабордъ,—маршалъ велѣлъ выступать тихимъ шагомъ! Солдаты, тихимъ шагомъ!»

И это отважное и несчастное войско, увлекаая за собой нѣкоторыхъ раненыхъ, медленно отступило, подъ градомъ пуль и картечи, съ этого кровопролитнаго поля, словно маршируя на маневрахъ!

Поставивъ Красное между собой и Бенигсеномъ, Мортье могъ считать себя спасеннымъ. Дорога между Краснымъ и Лядами охранялась лишь огнемъ неприятельскихъ батарей, расположенныхъ по лѣвую сторону отъ большой дороги. Кольберъ и Латуръ-Мобургъ сдерживали русскихъ на ихъ высотахъ. Во время этого перехода одно странное происшествіе обратило на себя наше вниманіе: одна изъ гранатъ попала въ лошадь, взорвалась въ ней и растерзала животное на мелкіе куски, не причинивъ никакого вреда всаднику, который продолжалъ свой путь, соскочивъ на землю.

На слѣдующій день мы нерѣшительно двинулись дальше. Солдаты, шедшіе безпорядочными толпами, въ нетерпѣніи обогнали войска; всѣ прошли передъ Наполеономъ; онъ шелъ пѣшкомъ, опираясь на палку, съ трудомъ и отвращеніемъ подвигаясь впередъ и останавливаясь черезъ каждые четверть часа, словно ему было тяжело разстаться со старой Русью, границы которой онъ переходилъ и въ которой онъ оставлялъ своего несчастнаго товарища по войнамъ.

Вечеромъ мы достигли Домбровны; въ этомъ деревянномъ городѣ, какъ и въ Лядахъ, были жители,—представлявшіе собой совершенно новое зрѣлище для этой арміи, привыкшей видѣть въ теченіе трехъ мѣсяцевъ однѣ развалины. Наконецъ-то мы вышли изъ старой Россіи, изъ этой снѣжной и испепеленной пустыни; мы входили въ населенную и дружески-расположенную къ намъ страну, языкъ которой былъ намъ понятенъ. Въ то же время небо разъяснилось, началась оттепель; мы получили кое-какіе припасы.

Итакъ, зимняя стужа, одиночество и даже, для нѣкоторыхъ изъ насъ, бивуаки и голодъ—все это сразу пришло къ концу; но было слишкомъ поздно. Императоръ видѣлъ, что его армія уничтожена. Ежеминутно имя Нея срывалось у него съ языка вмѣстѣ съ печальными восклицаніями! Особенно въ ту ночь его приближенные слышали его стоны и крики; онъ громко признавался, «что бѣдственное поло-

женіе его солдатъ разрываетъ его сердце на части и, что, несмотря на это, онъ не можетъ спасти ихъ иначе, чѣмъ продолжительнымъ пребываніемъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ; но гдѣ же остановиться имъ, не имѣющимъ ни военныхъ, ни съѣстныхъ припасовъ, ни орудій? У него не было достаточно силы, чтобы остановиться; поэтому имъ нужно какъ можно скорѣе достигъ Минска».

Онъ разсуждалъ такимъ образомъ, какъ вдругъ одинъ подоспѣвшій польскій офицеръ привезъ извѣстіе, что этотъ Минскъ,—продовольственный складъ, отступленіе и послѣдняя надежда Наполеона—захваченъ русскими. 16 числа Чичаковъ вошелъ въ этотъ городъ. Наполеонъ оставался сначала безмолвнымъ и какъ бы сраженнымъ этимъ послѣднимъ ударомъ. Затѣмъ онъ проговорилъ хладнокровно: «Ну что жъ, намъ не остается ничего другого, какъ прочистить себѣ путь штыками!»

Но для того, чтобы подойти къ этому новому непріятелю, ускользнувшему отъ Шварценберга или, быть можетъ, пропущенному Шварценбергомъ (ибо намъ ничего не было извѣстно) и чтобы избѣгнуть Кутузова и Виттгенштейна, намъ нужно было переправиться черезъ Березину въ Борисовъ. Поэтому Наполеонъ тотчасъ же (19-го ноября) послалъ изъ Домбровны приказъ Домбровскому не думать о сраженіи съ Гертелемъ, но немедленно занять дорогу къ Березинѣ. Императоръ написалъ герцогу де-Реджіо, чтобы тотъ быстро выступилъ по этому направленію и отбилъ бы Минскъ; герцогу де-Беллюнъ онъ поручилъ покрывать его выступленіе. Отдавъ всѣ эти приказанія, Наполеонъ нѣсколько успокоился и, утомленный столькими страданіями, задремалъ.

Было еще далеко до разсвѣта, когда Императоръ проснулся, разбуженный страннымъ шумомъ. Нѣкоторые разсказывали, что сначала раздались ружейные выстрѣлы, но что стрѣляли наши, для того чтобы вызвать изъ жилищъ тѣхъ, которымъ удалось тамъ помѣститься и самимъ занять мѣста; другіе предполагали, что, по весьма распространенной въ нашихъ безпорядочныхъ бивуакахъ, привычкѣ—громко перекликаться, кто-то прокричалъ среди глубочайшаго ночного безмолвія имя одно гренадера: Hausanne; всѣ приняли это за тревожный возгласъ *aux armes!*, указывающій на неожиданное нападеніе непріятели.

Какъ бы тамъ ни было, но всѣ тотчасъ же увидѣли или всѣмъ показалось, что они увидѣли, казаковъ, и вокругъ Наполеона поднялся невообразимый шумъ военной тревоги и паники. Императоръ, нисколько не смутившись, сказалъ Раппу: «Посмотрите-ка, что тамъ дѣлается: это, вѣроятно, какіе-нибудь подлые казаки не даютъ намъ спать!» Но

вскорѣ поднялся настоящій переполохъ: люди бросались во всѣ стороны, чтобы сражаться или убѣгать и, встрѣчаясь впотымахъ, принимали другъ друга за непріятеля.

Наполеонъ думалъ нѣкоторое время, что это настоящая атака. Черезъ городъ протекалъ, на днѣ оврага, ручей; Императоръ спросилъ, помѣстили ли остатки артиллеріи за ручьемъ. Ему отвѣтили, что это было упущено по небрежности; тогда онъ побѣждалъ къ мосту и самолично заставилъ перевезти орудія по ту сторону оврага.

Затѣмъ онъ вернулся къ своей старой гвардіи и обратился къ каждому изъ баталіоновъ со слѣдующей рѣчью:

«Гренадеры, мы отступаемъ, но непріятель не побѣдилъ насъ. Неужели мы сами погубимъ себя! Дадимъ примѣръ остальной арміи! Межъ вами многіе уже покинули своихъ орловъ и даже свое оружіе! Я не обращаюсь къ военному суду для прекращенія этихъ безпорядковъ,—я обращаюсь къ вамъ самимъ! Судите сами другъ друга! Вашей чести я ввѣрю вашу дисциплину!»

Онъ приказалъ обратиться съ такой же рѣчью къ остальнымъ частямъ своего войска. Этихъ нѣсколькихъ словъ было достаточно для возстановленія порядка средь старыхъ гренадеровъ, которые, можетъ быть, и не нуждались въ нихъ. Остальные солдаты встрѣтили одобрительными возгласами эту рѣчь, о которой они забыли черезъ часъ, когда всѣ снова двинулись въ путь. Что касается арьергарда, то Наполеонъ, сердясь на него особенно за недавнюю фальшивую тревогу, велѣлъ передать Даву замѣчаніе, исполненное гнѣвомъ.

Въ Оршѣ мы нашли довольно значительные запасы продовольствій, команду пловучаго моста, стоявшаго на шестидесяти лодкахъ, всѣ снасти которыхъ были сожжены, и тридцать шесть пушекъ, которыя раздѣлили между Даву, Евгениемъ и Мобуромъ.

Тутъ у обоихъ мостовъ черезъ Днѣпръ, мы встрѣтились въ первый разъ съ офицерами и жандармами, на обязанностяхъ которыхъ лежалъ арестъ толпы отставшихъ солдатъ, которыхъ они заставляли возвращаться подъ ихъ знамена. Но отъ этихъ орловъ, окрылявшихъ прежде столько надеждъ, бѣжали теперь, какъ отъ зловѣщихъ птицъ!

У безпорядка возникла уже своя организація: нѣкоторые ловкіе люди научились даже вызывать его. Собиралась огромная толпа, среди которой эти негодяи начинали кричать: «Казачи!» Они хотѣли, чтобъ идущіе передъ ними побѣждали бы скорѣй и тѣмъ самымъ увеличивали бы сумятицу. Пользуясь переполохомъ, они отнимали съѣстные припасы и одежду у тѣхъ, которые не были достаточно осторожными.

Жандармы, увидѣвшіе эту армію впервые послѣ ея пораженія, растерялись при видѣ такого обнищанія и такого нестройства. Мы въ безпорядкѣ переправились на дружественный намъ берегъ. Наши солдаты принялись бы грабить и тутъ, если бы не гвардейцы и тѣ нѣскольکو сотъ людей, которые оставались у принца Евгенія.

Наполеонъ вошелъ въ Оршу съ шестью тысячами гвардейцевъ, оставшихся отъ тридцати пяти тысячъ! Евгений—съ тысячею восьмьюстами солдатами, остававшимися отъ сорока двухъ тысячъ! Даву—съ четырьмя тысячами, уцѣлѣвшими изъ семидесяти тысячъ!

Этотъ маршалъ потерялъ даже все свое имущество: у него не было бѣлья и голодъ совершенно изнурилъ его. Онъ набросился на кусокъ хлѣба, поданный ему однимъ изъ товарищей по оружію, и съ жадностью проглотилъ его. Кто-то далъ ему платокъ, чтобъ вытереть иней, покрывавшій его лицо. Онъ воскликнулъ:

— «Только одни желѣзные люди могутъ вынести подобныя испытанія; физически—невозможно имъ противостоятъ! Человѣческимъ силамъ есть предѣлъ—мы давно перешли его!»

Даву также пришлось первому поддерживать наше отступленіе до Вязьмы. Онъ по-прежнему, слѣдуя своей привычкѣ, останавливался при выступленіяхъ своего войска, пропускалъ всѣхъ передъ собой, отсылая каждаго къ своимъ рядамъ и не переставая бороться съ нестройствомъ. Онъ подговаривалъ своихъ солдатъ — отнимать добычу у тѣхъ изъ ихъ товарищей, которые покидали оружіе; это являлось единственнымъ средствомъ сдержатъ однихъ и наказатъ другихъ. Тѣмъ не менѣе, его обвиняли въ методичности и строгости, казавшимися неумѣстными среди нашей всеобщей неурядицы, которая слишкомъ смущала его.

Наполеонъ тщетно попытался разсѣять это отчаяніе. Правда, когда онъ бывалъ одинъ, мы слышали, какіе стоны вырывалъ у него видъ страдавшихъ солдатъ; но при постороннихъ онъ по-прежнему хотѣлъ казаться непреклоннымъ. Поэтому онъ велѣлъ объявить, что «каждый воинъ обязуется занять свое мѣсто въ рядахъ; въ противномъ случаѣ онъ прикажетъ лишитъ чиновъ начальниковъ и жизни—солдатъ!»

Эта угроза не произвела ни хорошаго ни дурного впечатлѣнія на людей, ставшихъ безчувственными или окончательно павшихъ духомъ, на людей, бѣжавшихъ не опасности, но страданія и менѣе боявшихся смерти, которой имъ угрожали, чѣмъ жизни, которую имъ представляли.

Но въ Наполеонѣ чувство увѣренности росло вмѣстѣ съ опасностью. Въ его глазахъ и посреди русскихъ пустынь грязи и льда жал-

кая горстка людей по-прежнему оставалась Великой Армией, а онъ самъ—завоевателемъ Европы! И въ этой кажущейся твердости не было никакого обмана: всѣ вѣрили въ нее, увидѣвъ какъ, въ этомъ же городѣ, онъ собственными руками сжегъ тѣ изъ своихъ одеждъ, которыя могли бы послужить трофеями непріятелю, въ случаѣ гибели Императора.

Къ несчастью тутъ же были сожжены всѣ документы, собранные имъ для того, чтобы составить его біографію, ибо таково было его намѣреніе, когда онъ предпринялъ эту гибельную войну. Въ то время онъ твердо рѣшилъ остановиться грознымъ побѣдителемъ у Двины и Днѣпра; теперь же, потерявъ свои силы и отступая, онъ снова увидѣлъ эти рѣки! Раньше скука шести зимнихъ мѣсяцевъ, которые онъ собирался провести на берегу этихъ рѣкъ, казалась ему самымъ страшнымъ непріателемъ; и вотъ, чтобы сразить его, этотъ новый Цезарь хотѣлъ диктовать свои комментаріи!

И такъ двѣ непріятельскія арміи отрѣзали путь къ его отступленію. Нужно было рѣшить, сквозь которую изъ этихъ двухъ армій ему предстоитъ прочищать себѣ дорогу; а такъ какъ онъ не зналъ литовскихъ лѣсовъ, въ которые ему нужно было забираться, то онъ позвалъ къ себѣ тѣхъ изъ людей, которые проходили черезъ эти лѣса, идя навстрѣчу Императору.

Онъ заявилъ имъ съ самаго начала, что «привычка къ огромнымъ успѣхамъ очень часто подготавливаетъ огромныя неудачи; теперь не время обвинять другъ друга». Затѣмъ онъ заговорилъ о взятіи Минска. Воздавъ должное ловкости, съ которой Кутузовъ непрестанно атаковалъ его правый флангъ, онъ объявилъ, что намѣреваясь отказаться отъ военныхъ дѣйствій въ Минскѣ, онъ хочетъ присоединиться къ герцогамъ де-Беллюнъ и де-Реджіо, опрокинуть Виттгенштейна и направиться въ Вильну, обойдя истоки Березины.

Жомини высказался противъ этого плана. Этотъ генераль-швейцарецъ указалъ на то, что Виттгенштейнъ занимаетъ позицію въ глубокихъ ущельяхъ. Сопротивленіе непріятеля будетъ болѣе или мѣнѣе упорнымъ, но во всякомъ случаѣ достаточно продолжительнымъ, чтобы окончательно истощить наши силы. Жомини прибавилъ еще, что въ такое время года и при существовавшемъ безпорядкѣ перемѣна дороги погубитъ остатки нашей арміи, которая заблудится по проселочнымъ дорогамъ и среди пустыхъ, болотистыхъ лѣсовъ; онъ утверждалъ, что только на большой дорогѣ войска сохранятъ нѣкоторый порядокъ. Городъ Борисовъ и мостъ черезъ Березину были еще свободными; французамъ слѣдовало только добраться до этого города.

Тутъ онъ заявилъ, что направо отъ Борисова онъ знаетъ дорогу, ведущую къ деревяннымъ мостамъ, перекинутымъ черезъ литовскія болота. По его мнѣнію, армія могла лишь по этой дорогѣ достигъ Вильны черезъ Зембинъ и Мододечное, оставивъ на-лѣво отъ себя и Минскъ, и дорогу, ведущую въ него, и тѣ пятьдесятъ сломанныхъ мостовъ, благодаря которымъ дорога стала непроходимой, и Чичагова, занимавшего ее.

Императоръ колебался; но, такъ какъ избѣгать сраженія—казалось оскорбительнымъ для его гордости и въ виду того, что ему хотѣлось закончить побѣдой свое отступленіе изъ Россіи, онъ призвалъ инженера, генерала Дода и, едва завидѣвъ его, онъ, крикнулъ: «не можемъ рѣшить, бѣжать ли намъ черезъ Зембинъ или итти побѣждать Виттгенштейна къ Смоленамъ». И зная, что Додъ только что пріѣхалъ съ этой позиціи, онъ спросилъ его, возможно ли ее атаковать.

Додъ отвѣтилъ Императору, что Виттгенштейнъ занимаетъ высоты, поднимающіяся надъ всей топкой округой, что французамъ пришлось бы пробираться по извилистой дорогѣ, чтобы достигъ лагеря русскихъ; что такимъ образомъ наша колонна, взбираясь на гору, долгое время подставляла бы подъ огонь непріятеля сначала свой лѣвый, а затѣмъ свой правый флангъ; что атаковать съ фронта эту позицію—немыслимо, а для того, чтобы подойти къ ней съ тылу, придется вернуться къ Витебску, пройдя много лишняго разстоянія.

Тогда Наполеонъ, потерявъ эту послѣднюю надежду на славу, рѣшился отправиться въ Борисовъ. Онъ отдалъ приказъ генералу Эбле выѣхать съ восьмью ротами сапѣровъ и понтонѣровъ для того, чтобы обезпечить себѣ переправу черезъ Березину, а Жомини—быть его проводникомъ.

У Наполеона больше не оставалось никакихъ самообольщеній. Въ Смоленскѣ, куда онъ пріѣхалъ и откуда выѣхалъ первымъ, онъ не столько видѣлъ наше бѣдственное положеніе, сколько узнавалъ о немъ отъ другихъ. Въ Красномъ, гдѣ вся наша нищета проходила передъ его глазами, вниманіе его было отвлечено опасностью; но въ Оршѣ онъ имѣлъ и время и возможность убѣдиться въ нашемъ несчастіи!

Въ Смоленскѣ оставалось все-таки тридцать тысячъ строевыхъ солдатъ, полтораста орудій, казна; оставалась надежда на то, что по ту сторону насъ ждутъ продовольствія и свобода. Но тутъ у него было едва шесть тысячъ солдатъ, почти не имѣвшихъ ни платья ни обуви, нѣсколько пушекъ и расхищенная казна!

Въ теченіе пяти дней всѣ невзгоды усилились: разрушеніе и безпорядокъ достигли ужасающихъ размѣровъ! Минскъ былъ захваченъ

непріятелемъ. По ту сторону Березины насъ ожидали не отдыхъ, не довольство, но новыя сраженія противъ новой арміи кромѣ того, отпаденіе Австріи казалось уже свершившимся фактомъ и оно могло быть сигналомъ, даннымъ всей Европѣ.

Наполеону не было даже извѣстно, дойдетъ ли онъ до Борисова и до той новой опасности, которая ожидала его тамъ, благодаря нерѣшительности Шварценберга. Мы уже знаемъ, что третья русская армія, подъ предводительствомъ Виттгенштейна стояла на пути къ этому городу; что онъ выслалъ противъ нея герцога де-Беллюнъ и приказалъ этому маршалу найти возможность, упущенную 1-го ноября, и перейти въ наступательное движеніе.

Викторъ повиновался, и 14-го, въ тотъ самый день, когда Наполеонъ покинулъ Смоленскъ, этотъ маршалъ, вмѣстѣ съ герцогомъ де-Реджіо оттолкнули первые посты Виттгенштейна къ Смолянамъ, подготавливая тѣмъ самымъ сраженіе, которое они были намѣрены дать на слѣдующій день.

Французовъ было тридцать тысячъ противъ сорока. На этотъ разъ, какъ и подъ Вязьмой, солдатъ хватило бы, если бы не было слишкомъ много начальниковъ.

Между маршалами возникли разногласія. Викторъ хотѣлъ напасть на лѣвый непріятельскій флангъ, обойти съ обоими французскими корпусами Виттгенштейна и направиться черезъ Бочейково на Камень, оттуда и на Березину. Удино ѣдко оспаривалъ этотъ планъ, говоря, что такимъ образомъ они отдѣлятся отъ Великой Арміи, ожидавшей ихъ помощи.

И, такъ какъ одинъ изъ начальниковъ хотѣлъ обходить непріятеля, а другой атаковать съ фронта, то ни то, ни другое не было сдѣлано. Удино ночью отступилъ къ Черевъ, а Викторъ, замѣтившій на разсвѣтѣ его отступление, былъ принужденъ послѣдовать этому примѣру.

Онъ остановился только на разстояніи одного дня перехода отъ Лукольми, у Сенно, гдѣ Виттгенштейнъ не особенно безпокоилъ его. Но вотъ наконецъ герцогъ де-Реджіо получилъ изъ Домбровны приказаніе, направлявшее его на Минскъ, и Виктору пришлось оставаться одному противъ русскаго генерала. Тутъ могло случиться, что этотъ генералъ воспользуется своимъ численнымъ превосходствомъ; а въ Оршѣ Императоръ, увидѣвшій, что его арьергардъ погибъ, что его лѣвому флангу грозитъ Кутузовъ и что съ фронта его колонну не пускаетъ къ Березинѣ Волинская армія, узналъ, что Виттгенштейнъ во главѣ сорока тысячъ другихъ непріятелей, которыхъ наши далеко

не разбили и не оттиснули, готовъ напасть на его лѣвый флангъ. Наполеону необходимо было торопиться.

Но онъ долго не рѣшался покинуть берега Днѣпра. Ему казалось, что, отправившись дальше, онъ еще разъ покинетъ несчастнаго Нея и навсегда отвернется отъ этого храбраго товарища по оружію. Тамъ, какъ и въ Лядахъ и въ Домбровнѣ, онъ ежеминутно, днемъ и ночью призывалъ своихъ приближенныхъ, посылалъ ихъ спрашивать, не слышно ли чего-нибудь объ этомъ маршалѣ; но изъ-за русской арміи не появлялось ни единого знака, который бы указывалъ на его существованіе: прошли четыре дня могильнаго безмолвія, а Императоръ все продолжалъ надѣяться.

Наконецъ, 20-го ноября онъ былъ принужденъ покинуть Оршу; тѣмъ не менѣе онъ оставилъ тамъ Евгенія, Мортье и Даву и, оставившись въ двухъ льѣ за этимъ городомъ, сталъ спрашивать о Неѣ, все продолжая ожидать его. То же уныніе царило во всей арміи, остатки которой находились въ Оршѣ...

Но, наконецъ, къ вечеру этого четвертаго дня разсѣялась всякая надежда. Ночь принесла лишь изнурительный отдыхъ. Всѣ обвиняли другъ друга въ несчастіи Нея, словно у насъ была какая-нибудь возможность подождать дольше третій корпусъ, подъ Краснымъ, гдѣ пришлось бы сражаться лишникъ двадцать восемь часовъ, тогда какъ силъ и боевыхъ припасовъ хватало ровно на одинъ часъ.

И тутъ, какъ это всегда случается при горестныхъ утратахъ, всѣ предались воспоминаніямъ. Послѣднимъ покинулъ несчастнаго маршала Даву; Мортье и вице-король стали спрашивать его, каковы были послѣднія слова Нея. Оказалось, что 15-го, какъ только послышались первые пушечные выстрѣлы, направленные на Наполеона, Нея захотѣлъ тотчасъ же, вслѣдъ за вице-королемъ, уйти изъ Смоленска; Даву воспротивился этому, указывая на распоряженія, данныя Императоромъ, и на необходимость разрушить стѣны города. Оба маршала вышли изъ себя; Даву настаивалъ на томъ, чтобы выступить только на слѣдующій день, и Нея, которому было приказано выѣхать послѣднимъ, былъ принужденъ дожидаться.

Правда, 16-го Даву увѣдомилъ Нея объ опасности, встрѣтившейся на его пути; но тотъ, или перемѣнивъ свое мнѣніе, или разсердившись на Даву, велѣлъ передать ему слѣдующее:

— Никакіе казаки въ мірѣ не помѣшаютъ мнѣ выполнить инструкціи, данныя Императоромъ!

Когда истощились всѣ воспоминанія и всѣ догадки, насъ охватило еще болѣе унылое безмолвіе, какъ вдругъ раздался лошадиный топотъ и послышался радостный крикъ:

— Маршалъ Ней спасенъ, онъ ѣдетъ къ намъ, вонъ его польскіе кавалеристы!

И въ самомъ дѣлѣ къ намъ поспѣшно подѣхалъ одинъ изъ его офицеровъ и объявилъ намъ, что маршалъ приближается по правому берегу Днѣпра, и что онъ проситъ о помощи.

Приближалась ночь, въ теченіе которой Даву, Евгенийъ и герцогъ Тревизскій впервые могли доставить подкрѣпленіе и отдыхъ солдатамъ, знавшимъ до этого дня одни бивуаки. Впервые, со дня выхода изъ Москвы, эти несчастные получили достаточное количество съѣстныхъ припасовъ; они собирались изготавить ихъ, а затѣмъ отдохнуть въ крытыхъ, теплыхъ помѣщеніяхъ. Какъ же можно было заставить этихъ изнуренныхъ людей снова взяться за оружіе, какимъ образомъ отнять у нихъ эту ночь покоя, неизъяснимую сладость котораго они начали вкушать.

Евгенийъ и Мортъе стали оспаривать другъ у друга это тяжелое право на доказательство своего самоотверженія. Первому удалось взять верхъ, только приведя на помощь свой высшій чинъ. Жилища и задача съѣстныхъ припасовъ сдѣлали то, чего не могли добиться угрозами; всѣ отставшіе снова заняли свои мѣста. Евгенийъ собралъ четыре тысячи человекъ; при одномъ упоминаніи объ опасности Нея всѣ двинулись впередъ; но это ихъ усиліе было послѣднимъ!

Они бросились въ темноту и прошли по незнакомымъ тропинкамъ, на-угадъ, около двухъ льѣ и, останавливаясь, прислушивались ежеминутно. Тоскливый страхъ охватывалъ ихъ. Неужели они заблудились? Неужели было слишкомъ поздно? Неужели ихъ несчастные товарищи по оружію уже погибли? Не встрѣтятъ ли они вмѣсто нихъ побѣдную русскую армію. Чтобы разсѣять эту нерѣшительность, принцъ Евгенийъ приказалъ выпалить нѣсколько разъ изъ пушекъ. Тогда нашимъ слышалось, что море снѣга огласилось сигналами, даваемыми во время крайней опасности: эти сигналы посылалъ намъ третій корпусъ, потерявшій свою артиллерію и отвѣчавшій намъ ружейными выстрѣлами.

Тотчасъ же оба корпуса пошли одинъ навстрѣчу другому. Ней и Евгенийъ первыми узнали другъ друга; они бросились бѣжать и упали другъ къ другу въ объятія! Евгенийъ плакалъ; у Нея вырывались сердитыя восклицанія. Одинъ изъ нихъ чувствовалъ себя счастливымъ, растроганнымъ и экзальтированнымъ при мысли о томъ, что, благодаря его рыцарской отвагѣ, былъ спасенъ такой выдающійся воинъ; другой же, весь разгоряченный недавнимъ сраженіемъ и разстроенный опасностями, угрожавшими чести арміи, взваливалъ всю вину на Даву, несправедливо упрекая его въ томъ, что тотъ покинулъ его.

Когда, нѣсколько часовъ спустя, Даву захотѣлъ извиниться передъ Неемъ, то получилъ въ отвѣтъ лишь суровый взглядъ и слѣдующія слова:

— Я, господинъ маршалъ, не упрекаю васъ ни въ чемъ; Богъ все видѣлъ, Онъ и рассудитъ!

Между тѣмъ, въ обоихъ корпусахъ, завидѣвъ другъ друга, всѣ по-вышли изъ своихъ рядовъ. Солдаты, офицеры, генералы—всѣ бросились другъ другу навстрѣчу. Тѣ, что пришли съ Евгеніемъ, пожимали руки тѣмъ, кого привелъ Ней; они касались ихъ съ радостью, къ которой примѣшивались изумленіе и любопытство, и съ нѣжной жалостью прижимали ихъ къ груди! Они щедро подѣлились съ ними только что полученными припасами и водкой; они забрасывали ихъ вопросами. Затѣмъ, всѣ вмѣстѣ, они вернулись въ Оршу, горя нетерпѣніемъ, одни—услышать, а другіе рассказать о пережитыхъ несчастіяхъ!

Они рассказали, что 17-го ноября они вышли изъ Смоленска съ двѣнадцатью орудіями, шестью тысячами пѣхоты и тремястами кавалеріи, оставивъ неприятелю шесть тысячъ раненыхъ; что если бы не грохотъ Платовской пальбы, да не взрывъ минъ, ихъ маршалу никогда не удалось бы вырвать изъ этого опустѣвшаго города семь тысячъ отставшихъ воиновъ, не имѣвшихъ никакого оружія и пріютившихся въ Смоленскѣ. Они рассказали, съ какой заботливостью ихъ начальникъ относился къ раненымъ, къ женщинамъ, къ дѣтямъ и что еще разъ они убѣдились въ томъ, что храбрѣйшій является также наигуманнѣйшимъ человѣкомъ!

У воротъ города произошло событіе, надолго ужаснувшее ихъ. Одна мать покинула своего пятилѣтняго ребенка: не обращая вниманія на его крики и на его слезы, она выбросила его изъ своихъ слишкомъ нагруженныхъ саней! Сама она дико кричала:

— Ты никогда не видѣлъ Франці! Ты не будешь жалѣть о ней; но я, я знаю Францію! Я хочу увидѣть ее еще разъ!

Ней дважды приказывалъ положить въ руки матери несчастнаго ребенка, но она дважды выбрасывала его на холодный снѣгъ!

Но они не оставили безнаказаннымъ этого преступленія, бывшаго единственнымъ среди цѣлаго ряда поступковъ самоотверженія и преданности: эту безчеловѣчную мать покинули среди снѣжной равнины, а ея ребенка передали на попеченіе другой женщины. Они показывали эту сиротку, находившуюся въ ихъ рядахъ и которую мы видѣли впослѣдствіи и у береговъ Березины и въ Вильнѣ, даже въ Ковно и которой удалось избѣгнуть всѣхъ ужасовъ отступленія.

Между тѣмъ офицеры корпуса Евгенія продолжали спрашивать офицеровъ Нея; эти послѣдніе далѣе рассказали слѣдующее: вмѣстѣ

со своимъ ларшаломъ они направились къ Красному по дорогѣ, усѣянной вещами и обломками, брошенными нами; позади нихъ тянулась толпа людей, впавшихъ въ отчаяніе, передъ ними шла другая толпа тѣхъ, которыхъ голодъ заставлялъ торопиться.

Они рассказали, что на днѣ cadaго оврага валялись каски, кивера, сломанные сундуки, разбросанная одежда, повозки и пушки, изъ которыхъ однѣ были опрокинуты, въ другія же еще—запряжены были дохлыя или подыхавшія и наполовину съѣденныя лошади. Подъ Коротней, къ концу ихъ перваго дня перехода они услышали сильную пальбу, а надъ ихъ головами просвистѣло нѣсколько ядеръ, заставившихъ ихъ предположить, что начинается сраженіе. Выстрѣлы эти раздавались совсѣмъ близко отъ нихъ, на большой дорогѣ, а они, тѣмъ не менѣе, не замѣчали непріятели, на розыски котораго былъ отправленъ Рикаръ и его дивизія; но въ окрестностяхъ этой дороги имъ удалось обнаружить всего двѣ французскія батареи, покинутыя вмѣстѣ съ боевыми припасами, а рядомъ, въ поляхъ, стаю подлыхъ казаковъ, которые бросились бѣжать, испугавшись своей собственной дерзости и шума, произведеннаго ими самими.

До сихъ поръ имъ попадались лишь слѣды злополучнаго отступленія. Но на слѣдующій день все измѣнилось и ихъ охватили мрачныя предчувствія, когда они достигли снѣжной поляны, ставшей красной отъ крови и покрытой обломками оружія и изуродованными трупами. По положенію мертвыхъ можно было опредѣлить ряды дивизій и мѣста, занимаемая ими въ сраженіи; всѣ принялись указывать другъ другу на нихъ.—Вотъ тутъ была 14-я дивизія; на бляхахъ разбитыхъ киверовъ еще виднѣлись номера ея полковъ. Здѣсь—итальянская гвардія! Но гдѣ же ея уцѣлѣвшія остатки? И они тщетно вопрошали эту окровавленную почву, усыпанную бездыханными фигурами, и неподвижное и ледяное молчаніе пустыни и смерти: они ничего не могли узнать ни о судьбѣ своихъ товарищей ни о той, которая ожидала ихъ самихъ.

Ней поспѣшно повелъ ихъ дальше отъ этихъ мрачныхъ обломковъ и они безпрепятственно дошли до того мѣста, гдѣ дорога уходитъ въ глубокой оврагъ, изъ котораго она выходитъ на плоскую возвышенность, называемую Катовской; это было то самое поле битвы, на которомъ они, три мѣсяца тому назадъ, во время своего побѣднаго шествія разбили Неверовскаго и салютовали Наполеона изъ пушекъ, отбитыхъ у непріятели. По ихъ словамъ, они легко узнали то мѣсто, несмотря на снѣгъ, переобразившій его...

Но на этотъ разъ Кутузовъ или вѣрнѣе, Милорадовичъ занялъ мѣсто Наполеона: старый русскій генераль еще не выѣзжалъ изъ Добраго.

Люди, шедшіе впереди безпорядочными толпами, вернулись назадъ, къ французскому войску, указывая на равнину, почернѣвшую отъ рядовъ не-пріятеля, какъ вдругъ одинъ изъ русскихъ, отдѣлившись отъ своихъ, спустился съ возвышенности: онъ предсталъ передъ французскимъ маршаломъ и, изъ желанія ли щегольнуть цивилизаціей, или изъ уваженія къ горю главнокомандующаго, или же опасаясь слишкомъ большого отчаянія съ его стороны—онъ облекъ въ лъстивыя выраженія требованія сдаться!

Онъ говорилъ, что «его послалъ Кутузовъ. Этотъ фельдмаршалъ не дерзнулъ бы сдѣлать столь жестокаго предложенія такому великому генералу, такому прославленному воину, если бы у него оставался хоть малѣйшій шансъ на спасеніе. Но передъ Неемъ и вокругъ него находятся восемьдесятъ тысячъ русскихъ и, если онъ этому не вѣрять, то Кутузовъ предлагаетъ ему послать кого-нибудь для того, чтобы объѣхать его ряды и сосчитать его силы».

Не успѣлъ русскій договорить, какъ вдругъ, съ праваго фланга его арміи былъ пущенъ залпъ картечи, врѣзавшійся въ наши ряды и заставившій умолкнуть изумленнаго парламентаря. Въ ту же минуту на него набросился, какъ на измѣнника и готовясь убить его, одинъ французскій офицеръ; но Ней, удерживая его порывъ, воскликнулъ: «Маршалы не сдаются; нельзя вести переговоровъ подъ огнемъ; вы—мой плѣнникъ!» И несчастный обезоруженный офицеръ остался среди насъ, подвергаясь выстрѣламъ своихъ соотечественниковъ. Онъ былъ выпущенъ на свободу только въ Ковнѣ, пробывъ съ нами двадцать шесть дней, раздѣляя всѣ наши невзгоды; хотя и имѣя полную возможность бѣжать, онъ чувствовалъ себя связаннымъ даннымъ словомъ.

Между тѣмъ непріатель усиливалъ огни и всѣ холмы, бывшіе, минутому тому назадъ, холодными и безмолвными, стали похожими на вулканы во время изверженія; но все это лишь укрѣпляло духъ Ней! Затѣмъ, приходя въ восторгъ каждый разъ какъ упоминалось имя ихъ маршала, рассказчики прибавили, что, среди непрерывнаго огня, этотъ пламенный человѣкъ, казалось, находился въ своей стихіи!

Кутузовъ не обманулъ его. Съ его стороны было восемьдесятъ тысячъ сытыхъ человѣкъ, стоявшихъ стройными, полными рядами, многочисленныя эскадроны, огромная артиллерія, занимавшая грозную позицію, однимъ словомъ: все, и даже счастье, замѣняющее собою все; съ нашей стороны было пять тысячъ солдатъ, составлявшихъ еле тащившуюся, раздробленную колонну; у нихъ были далеко не все необходимое оружіе, да и то было нечищено, поломано и нетвердо держалось ослабѣвшими руками!

И, несмотря на это, французскій генераль не подумаль ни о сдачи, ни даже о смерти: онъ хотѣль пробить себѣ путь сквозь непріятельскіе ряды, даже не думая о геройствѣ такой попытки. Не надѣясь ни на что, въ то время какъ всѣ надѣялись на него, онъ повиновался побужденіямъ своей сильной натуры и той гордости побѣдителя, благодаря которой, послѣ цѣлаго ряда невѣроятныхъ удачъ, все считается возможнымъ!

Больше всего ихъ изумило то, что всѣ выказали одинаковую покорность, всѣ оказались достойными своего начальника...

Рикаръ и его полуторы тысячи солдатъ составляли авангардъ. Нея выслалъ ихъ противъ непріятельской арміи и расположилъ остальныхъ къ слѣдованію за ними. Первая дивизія скрылась вмѣстѣ съ дорогой на днѣ оврага, вмѣстѣ съ ней же показалаь на другой сторонѣ и, смятая первой русской линіей, снова скатилась въ оврагъ.

Нисколько не удивляясь происшедшему и не допуская другихъ подаваться удивленію, маршалъ соединилъ остальныхъ, составилъ изъ нихъ резервъ и самъ замѣнилъ ихъ. Онъ приказаль четыремъ стамъ Иллирійцевъ напасть на лѣвый флангъ непріятельской арміи; а самъ, во главѣ трехъ тысячъ чelовѣкъ, пошелъ съ фронта на этотъ приступъ. Онъ не произнесъ никакой рѣчи; онъ шелъ впередъ, подавая другимъ геройскій примѣръ, всегда являющійся самымъ краснорѣчивымъ ораторскимъ приемомъ и самымъ убѣдительнымъ приказаніемъ! Всѣ послѣдовали за нимъ. Они подошли вплотную къ первой непріятельской линіи, пробили и смяли ея ряды и, не останавливаясь, устремились ко второй, но они не успѣли еще достигнуть ея, какъ на нихъ посыпался цѣлый градъ желѣза и свинца. Въ одно мгновеніе у Нея пали ранеными всѣ генералы и убитыми большинство солдатъ; ихъ ряды порѣдѣли; колонна разсыпалась, она содрогнулась, отступила и увлекла за собой Нея.

Тутъ онъ ясно увидалъ, что захотѣль невозможнаго; онъ сталъ дожидаться, пока, благодаря бѣгству его солдатъ, оврагъ очутится между ними и непріателемъ. Тогда, не надѣясь ни на что и ничего не боясь, онъ остановилъ ихъ и вновь сформировалъ ихъ ряды. Двѣ тысячи людей онъ выстроилъ противъ восьмидесяти тысячъ; на огонь двухсотъ жерлъ онъ отвѣтилъ шестью пушками и устыдилъ Фортуну, измѣнившую столь храбрымъ воинамъ!

Но тутъ сама Фортуна, вѣроятно, ослѣпила Кутузова какимъ-то туманомъ бездѣйствія. Къ великому удивленію французовъ, этотъ русскій Фабій, не знавшій ни въ чемъ мѣры, какъ истинный подражатель, упорно придерживался тому, что онъ называлъ гуманностью и остo-

рожностью; оставаясь на своихъ высотахъ, онъ ничего не дѣлалъ, чтобы одержать окончательную побѣду, словно удивляясь своему превосходству. Онъ видѣлъ, что Наполеона сразила его собственная безразсудная отвага и, избѣгая этого недостатка, Кутузовъ впадалъ въ противоположный порокъ!

А между тѣмъ достаточно было бы негодованія одного изъ русскихъ корпусовъ, чтобы нанести французамъ окончательный ударъ; но никто изъ русскихъ не дерзнулъ произвести ни одного рѣшительнаго движенія: они продолжали стоять на своихъ высотахъ съ рабской неподвижностью, какъ-будто бы могли проявлять свою отвагу по приказанію и словно вся ихъ энергія была въ послушаніи.

Они долго оставались въ нерѣшительности, не зная, съ кѣмъ они имѣли дѣло, такъ какъ полагали, что Нея бѣжалъ изъ Смоленска по правому берегу Днѣпра; они ошиблись, какъ это часто случается, потому что предположили, что ихъ непріятель долженъ былъ поступить, какъ поступили бы они на его мѣстѣ.

Между тѣмъ Кутузовъ, полагавшійся больше на свои пушки, чѣмъ на своихъ солдатъ, добивался побѣды издали. Все пространство, занимаемое французами, покрылось огнемъ его батарей и случалось такъ, что одно и то же ядро, опрокидывавшее какого-нибудь человѣка въ первыхъ рядахъ, убивало затѣмъ какую-нибудь женщину, бѣжавшую изъ Москвы и находившуюся въ своемъ экипажѣ, позади арміи.

Застигнутые этимъ смертоноснымъ градомъ, солдаты Нея стояли на одномъ мѣстѣ и съ удивленіемъ смотрѣли на своего начальника, какъ бы ожидая его послѣдняго опредѣленія для того, чтобы считать себя погибшими; они все еще надѣялись на что-то или, по выраженію одного изъ его офицеровъ, они не падали духомъ, потому, что въ этомъ крайне опасномъ положеніи, они чувствовали, что душа Нея оставалась безмятежной и покойной, словно среди свойственной ей стихіи. Онъ былъ безмолвенъ и сосредоточенъ: онъ слѣдилъ за непріятельской арміей, ставшей болѣе недовѣрчивой послѣ хитраго маневра, предпринятаго принцемъ Евгениемъ, и развернувшей вширь оба свои фланга, для того, чтобы отрѣзать французамъ всякій путь къ спасенію.

Вечерній мракъ начиналъ заволакивать все окружающее: это было единственнымъ преимуществомъ, которое давала зима нашему отступленію—сумерки появлялись очень рано. Нея ихъ-то и дожидался. Онъ воспользовался наступившимъ перерывомъ для того, чтобы отдать приказъ о возвращеніи назадъ, къ Смоленску. Всѣ рассказывали, что его подчиненные окаменѣли отъ удивленія; услышавъ такое приказаніе,

даже его адъютантъ не повѣрилъ своимъ ушамъ: онъ устремилъ на своего начальника растерянный видъ и молча стоялъ, не понимая ни слова. Тогда маршалъ повторилъ приказаніе; они повиновались и безъ колебанія оборотились спиной къ родной арміи, къ Наполеону, къ Франціи и снова углубились въ Россію, принесшую имъ столько страданій! Они отступали около часу; они вновь увидали то поле битвы, на которомъ валялись обломки итальянской арміи; тутъ они остановились: къ нимъ подоспѣлъ Ней, шедшій одинъ въ арьергардѣ.

Они слѣдили глазами за всѣми движеніями своего начальника: что же онъ предприметь? И, каковы бы ни были его намѣренія, куда же направится онъ, безъ проводника, въ невѣдомой странѣ? Онъ же, движимый инстинктомъ опытнаго воина, остановился на краю значительнаго оврага, на днѣ котораго, какъ онъ и предполагалъ, протекалъ ручей. Ней приказалъ расчистить снѣгъ, покрывавшій ледъ, который сломали также по его приказанію. Тогда, увидѣвъ теченіе ручья, маршалъ воскликнулъ: «Это притокъ Днѣпра! Вотъ нашъ проводникъ! Мы должны слѣдовать за нимъ, онъ приведетъ насъ къ рѣкѣ: мы переправимся на другой берегъ—тамъ наше спасенье!» И онъ немедленно послѣдовалъ по этому направленію.

Но вблизи большой дороги, покинутой ими, они остановились въ какой-то незнакомой имъ деревнѣ; они полагали, что это было Омино, или вѣрнѣе Даниково. Тамъ Ней соединилъ свои войска и велѣлъ развести бивуачные огни, словно намѣреваясь остаться тамъ на продолжительное время. Казаки, ѣхавшіе слѣдомъ за нимъ, повѣрили этому и очевидно дали знать Кутузову о мѣстѣ, гдѣ на слѣдующій день французскій маршалъ отдастъ свое оружіе, такъ какъ вскорѣ послышалась пушечная пальба.

Ней сталъ прислушиваться и воскликнулъ: «Неужели Даву вспомнилъ наконецъ обо мнѣ?» Онъ продолжалъ прислушиваться. Но между выстрѣлами наблюдался ровный промежутокъ: это былъ побѣдный залпъ. Тогда, убѣдившись въ томъ, что русскіе заранѣе торжествуютъ, надѣясь взять его въ плѣнъ, Ней поклялся, что обманетъ ихъ ликующую надежду и снова пустится въ путь.

Въ то же время его поляки объѣзжали всѣ окрестности. Единственнымъ человѣкомъ, котораго имъ удалось разыскать, былъ храмой крестьянинъ: ему несказанно обрадовались. Онъ объявилъ, что Днѣпръ находится на разстояніи лишь одного льѣ, но что въ бродъ перейти его нельзя и что онъ, вѣроятно, еще не замерзъ.—Онъ замерзнетъ!—воскликнулъ маршалъ.

Когда же ему указали на наступившую оттепель, онъ прибавилъ:

— Какъ бы тамъ ни было, мы должны переправиться: это наша послѣдняя надежда!

Наконецъ, часамъ къ восьми мы прошли какую-то деревню и хромой мужикъ, шедшій впереди всѣхъ насъ, остановился, указывая на рѣку. Они думали, что это происходило между Сырокореньемъ и Гусинымъ. Ней и первые изъ его приближенныхъ поспѣшно подошли къ рѣкѣ. Она начинала замерзать; движеніе льдинъ, пльвшихъ все время по теченію, было загромождено вслѣдствіе крутого поворота береговъ; зимняя стужа подморозила рѣку окончательно только въ этомъ мѣстѣ; но какъ сверху, такъ и снизу, поверхность была подвижна.

Вмѣсто недавней радости, всѣми овладѣла тревога. Быть можетъ поверхность этой враждебной рѣки была обманчива? Одинъ офицеръ рѣшилъ пожертвовать собою. Онъ съ трудомъ достигъ противоположнаго берега. Вернувшись къ своимъ, онъ объявилъ, что людямъ и, можетъ быть, нѣкоторымъ лошадямъ есть возможность переправиться, но что все остальное придется покинуть, при чемъ необходимо торопиться, такъ какъ вслѣдствіе оттепели ледъ начинаетъ таять.

Но во время этого ночного безмолвнаго перехода ослабѣвшіе люди, составлявшіе колонну Ней, раненые и женщины съ ихъ дѣтьми, не могли слѣдовать настолько близко другъ къ другу, чтобы не разъединиться, не разсѣяться и не потерять другъ друга изъ виду. Ней увидѣлъ, что лишь часть колонны находилась возлѣ него: несмотря на это, онъ имѣлъ бы возможность переправиться на другой берегъ, гдѣ онъ надѣялся найти спасеніе и подождать тамъ отставшихъ. Но эта мысль не пришла ему даже въ голову; кто-то подсказалъ ему ее, но онъ тотчасъ же отвергъ ее! Онъ положилъ три часа на то, чтобы всѣ снова соединились; затѣмъ, его приближенные увидѣли, что онъ, не поддаваясь нетерпѣнію и не волнуясь отъ опасности ожиданія, закутался въ свой плащъ и проспалъ глубокимъ сномъ всѣ три часа ожиданія на берегу рѣки: у него былъ уравновѣшенный темпераментъ великихъ людей, изумительно сильная душа обитала въ этомъ тѣлѣ, отличавшемся крѣпкимъ здоровьемъ, безъ котораго не бываетъ героевъ.

Наконецъ, около полуночи, началась переправа. Но тѣ, кто первыми отдѣлились отъ берега, дали знать остальнымъ, что ледъ опускается подъ ихъ тяжестью и что имъ приходится итти по колѣни въ водѣ; а вскорѣ было слышно какъ стала ломаться эта ненадежная подпора, съ ужаснымъ трескомъ, раздававшимся вдали, словно во время ледохода. Всѣ остановились, охваченные ужасомъ!

Ней приказалъ переправляться по-одиночкѣ; всѣ осторожно двинулись впередъ, не зная порой, среди темноты, ступаютъ ли они на

льдину или же попадаютъ въ какую-нибудь расщелину; такъ какъ встрѣчались такія мѣста, гдѣ приходилось переходить черезъ большія щели, перепрыгивая съ одной льдины на другую, рискуя упасть въ пространство между ними и навѣки исчезнуть. Сначала они колебались, но тѣ, кто шелъ позади, крикнули, чтобы они торопились.

Когда же наконецъ, послѣ многочисленныхъ жестокихъ страданій всѣ достигли противоположной стороны и стали считать себя спасенными, то передъ ними предсталъ такой крутой и обледѣнный берегъ, что не было возможности взобраться на него. Многіе попадали на ледъ, который разбивали или о который разбивались сами. По словамъ рассказчиковъ, эта русская рѣка и ея берегъ, казалось, спасала ихъ неохотно, насильно и какъ бы застигнутая врасплохъ.

Съ особеннымъ ужасомъ они рассказывали объ отчаяніи и смятеніи, объявшихъ женщинъ и больныхъ, когда имъ пришлось разстаться съ послѣдними крохами ихъ имуществъ, со съѣстными припасами, однимъ словомъ, со всѣми средствами, могущими поддерживать ихъ какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ! Они принялись грабить самихъ себя, разбираться въ своихъ пожиткахъ, то отбрасывая ихъ, то снова цѣпляясь за нихъ; затѣмъ, изнеможенные усталостью и страданіями, они падали на обледѣломъ берегу рѣки. Рассказчики содрогались при одномъ воспоминаніи о видѣнныхъ толпахъ людей, тѣснившихся надъ той пропастью, о непрерывномъ отзвукѣ паденій, о крикахъ утопавшихъ и, главнымъ образомъ, при воспоминаніи о слезахъ и отчаяніи раненыхъ, лежавшихъ въ повозкахъ, которыхъ нельзя было переправить по такому хрупкому пути; раненые эти протягивали руки къ своимъ товарищамъ, умоляя не покидать ихъ.

Тогда ихъ начальникъ попытался переправить нѣсколько повозокъ, нагруженныхъ этими несчастными; но когда повозки достигли середины рѣки, то ледъ сталъ опускаться и наконецъ проломился. Стоявшіе на берегу услышали сначала долетавшіе до нихъ, изъ бездны, душу раздирающіе отчаянные крики, затѣмъ заглушенные и прерывавшіеся стоны, затѣмъ наступило ужасное молчаніе: все исчезло!

Въ теченіе этихъ послѣднихъ сутокъ погибло и заблудилось четыре тысячи оставшихъ людей и три тысячи—солдатъ; колонна лишилась артиллеріи и обоза. У нея оставалось около трехъ тысячъ строевыхъ и столько же людей, подвигавшихся безпорядочными толпами. Наконецъ, по принесеніи столькихъ жертвъ и послѣ того, какъ удалось кое-какъ соединить тѣхъ, кто смогъ переправиться, всѣ двинулись въ дальнѣйшій путь и покоренный Днѣпръ сталъ союзникомъ и проводникомъ французовъ.

Солдаты неувѣренно подвигались на-удачу, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ, упавъ замѣтилъ проторенную дорогу. Дорога эта, увы! оказалась даже слишкомъ наѣзженной, такъ какъ тѣ, которые шли впереди, нагнувшись, стали ощупывать ее руками и, остановившись въ ужасѣ, закричали, что они различаютъ свѣжіе слѣды, оставленные многочисленными пушками и лошадьми. Итакъ, они ушли отъ одной непріятельской арміи лишь для того, чтобы попасть въ руки другой! И имъ, едва бывшимъ въ состояніи двигаться, придется снова сражаться! Значитъ, война была повсемѣстно!.. Но Нея приказалъ имъ итти впередъ и довѣрился грознымъ слѣдамъ, которые привели его къ Гусиному, куда они неожиданно проникли. Тамъ они захватили все. Въ Гусиномъ они встрѣтили все то, чего были лишены съ минуты выступленія изъ Москвы: жителей, съѣстные припасы, покой, теплая помѣщенія и около сотни казаковъ, проснувшихся плѣнными. Переговоры съ этими послѣдними, а также необходимость дать подкрѣпиться солдатамъ, задержали Нею на нѣкоторое время въ этой деревнѣ.

Около десяти часовъ они встрѣтили двѣ новыя деревни и стали располагаться въ нихъ на отдыхъ, какъ вдругъ они замѣтили, что окрестные лѣса охвачены движеніями. Пока всѣ перекликались, переглядывались и сосредоточивались въ той изъ двухъ деревень, которая была ближе къ Днѣпру,—изъ-за всѣхъ деревьевъ показались тысячи казаковъ и окружили несчастное войско своими копьями и пушками.

То былъ Платовъ со своими ордами, слѣдовавшими по берегу Днѣпра. Они имѣли полную возможность поджечь ту деревню и, обнаруживъ все ничтожество силъ Нея, однимъ ударомъ покончить съ нимъ; но они простояли въ теченіе трехъ часовъ неподвижно, даже не стрѣляя по непріятелю; до сихъ поръ неизвѣстно, почему они поступили такъ. Впослѣдствіи русскіе говорили, что имъ это не было приказано, что въ ту минуту ихъ начальникъ не былъ въ состояніи распоряжаться, а въ Россіи, оказывается, никто ничего не дѣлаетъ за свой страхъ.

Спокойная сдержанность Нея сдерживала русскихъ; онъ одинъ, во главѣ нѣсколькихъ солдатъ находился на-сторожѣ; остальнымъ онъ велѣлъ даже продолжать подкрѣпляться до самой ночи. Тогда онъ приказалъ безшумно выступать, и предупреждать тихимъ голосомъ другъ друга и подвигаясь сомкнутыми рядами. Затѣмъ они всѣ разомъ пустились въ путь; но ихъ первый шагъ послужилъ словно сигналомъ для непріятеля: грянули всѣ его орудія и разомъ двинулись всѣ его эскадроны.

Услышавъ этотъ шумъ, обезоруженные, отставшіе солдаты, которыхъ было около трехъ или четырехъ тысячъ, пришли въ ужасъ. Это

стадо людей безпорядочно блуждало во всѣхъ направленіяхъ; эти толпы безцѣльно носились всюду, забираясь иногда въ ряды солдатъ, которые ихъ гнали прочь.

Нею удалось выстроить ихъ между собой и русскими, огни которыхъ попадали въ этихъ бесполезныхъ людей. Такимъ образомъ люди, ранѣе всѣхъ павшіе духомъ, послужили охраной храбрѣйшимъ!

Защитивъ свой правый флангъ оградой изъ этихъ несчастныхъ, маршалъ вернулся къ берегу Днѣпра, который послужилъ прикрытіемъ его лѣвому флангу; Ней же тѣмъ временемъ подвигался дальше, отъ лѣса къ лѣсу, отъ оврага къ оврагу, пользуясь малѣйшими изгибами и неровностями почвы. Но ему нерѣдко приходилось удаляться отъ рѣки; тогда Платовъ окружалъ его со всѣхъ сторонъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе двухъ дней и на протяженіи двадцати лѣ, шесть тысячъ казаковъ разъѣзжало вдоль обоихъ фланговъ колонны Ней, въ которой оставалось всего полторы тысячи вооруженныхъ людей.

Немного успокоенная, несчастная колонна подвигалась словно ощупью, по темному густому лѣсу, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ показался яркій свѣтъ и грянула пушка передъ самымъ лицомъ тѣхъ, что шли въ первыхъ рядахъ. Охваченные страхомъ, они подумали, что пришелъ ихъ конецъ, что они попали въ засаду, и они всѣ въ ужасѣ попадали на землю. Шедшіе позади нихъ смѣшивались и опрокидывались въ безпорядкѣ. Видя, что все погубло, Ней бросился къ нимъ; онъ приказалъ бить атаку, и какъ будто бы это нападеніе не было для него неожиданнымъ, онъ воскликнулъ:

— Товарищи, теперь пора, впередъ! Они въ нашихъ рукахъ!

При этихъ словахъ, пораженные солдаты, полагавшіе, что ихъ застигли врасплохъ, захотѣли въ свою очередь застичь врасплохъ непріятеля. Упавши на-земь побѣжденными, они поднялись побѣдителями; они бросились къ непріятелю, котораго они больше нигдѣ не находятъ; лишь въ лѣсу раздавался шумъ его поспѣшнаго бѣгства!

Наши быстро удалились; около десяти часовъ вечера имъ попалась небольшая рѣчка, протекавшая на днѣ глубокаго оврага; пришлось переправляться черезъ нее по-одиночкѣ, какъ прежде черезъ Днѣпръ. Казаки, все время съ ожесточеніемъ слѣдовавшіе по слѣдамъ этихъ несчастныхъ, воспользовались, для своихъ нападеній, временемъ переправы, но Ней прогналъ ихъ нѣсколькими выстрѣлами. Его солдаты съ трудомъ одолѣли препятствіе; затѣмъ, часъ спустя, голодъ и усталость заставили ихъ остановиться на два часа въ какомъ-то большомъ селѣ

На слѣдующій день, начиная съ полуночи и кончая десятью часами утра, они подвигались впередъ, не встрѣчая иного препятствія, кромѣ гористой почвы; но тутъ колонны Платова появились снова; Ней защищался отъ нихъ, пользуясь прикрытіемъ лѣса. Въ продолженіе всего дня его солдатамъ пришлось видѣть, какъ опрокидывались непріятельскими ядрами деревья, защищавшія ихъ и ихъ бивуаки; у французовъ оставалось одно лишь мелкое оружіе, которымъ не было возможности сдерживать артиллерію казаковъ на достаточномъ разстояніи.

Когда наступила ночь, маршалъ подалъ знакъ и всѣ двинулись къ Оршѣ. Еще наканунѣ туда былъ посланъ за подмогой Пшебендовскій и пятьдесятъ кавалеристовъ; они должны были прибыть уже въ этотъ городъ, если впрочемъ непріятель еще не занялъ этой дороги.

Въ заключеніе, офицеры Ней сказали, что хотя и въ дальнѣйшемъ пути они встрѣтили немало жестокихъ препятствій, но о нихъ не стоило рассказывать! Тѣмъ не менѣе они не переставали приходить въ восторгъ при имени своего маршала и заставляли другихъ раздѣлять ихъ восхищеніе; даже тѣ, кто были равны ему по чину, не думали завидовать ему. Къ тому же Ней не придавалъ всему этому никакого значенія. Поступая такъ геройски, онъ дѣлалъ только то, что ему было свойственно и если бы не блескъ его славы, отражавшійся во всѣхъ взорахъ и не всеобщія восторженныя восклицанія—онъ и не замѣтилъ бы, что совершилъ геройскій подвигъ!

И этотъ восторгъ не былъ для насъ первой неожиданностью. Каждый день, за это послѣднее время, отличался кто-нибудь изъ нашихъ: между прочими, Евгенийъ въ 16-мъ; Мортъе въ 17-мъ; но Ней всѣ единодушно провозгласили героемъ отступленія!

Орша находится на разстояніи пяти переходовъ отъ Смоленска. И въ такой короткій промежутокъ времени Ней создалъ себѣ такую славу! Какъ мало требуется времени и пространства для того, чтобы обезсмертить себя!

Когда Наполеонъ, находившійся въ двухъ льѣ отъ Орши, узналъ, что Ней появился снова, онъ подскочилъ отъ радости и громко воскликнулъ:

— Значить, мои орлы спасены! Я отдалъ бы триста миліоновъ изъ своей казны для того, чтобы откупиться отъ потери такого человѣка!

Итакъ, армія въ третій и послѣдній разъ переправилась черезъ Днѣпръ. Эта рѣка течетъ съ запада на востокъ до Орши, гдѣ она какъ бы собирается проникать въ Польшу; но этому препятствуютъ литовскія возвышенности и Днѣпръ круто поворачиваетъ на югъ, служа естественной границей межъ обѣими странами.

Восемьдесятъ тысячъ русскихъ, предводительствуемыхъ Кутузовымъ, остановились передъ такимъ незначительнымъ препятствіемъ. До сихъ поръ они были скорѣе зрителями, чѣмъ виновниками нашего бѣдствія. Мы больше не встрѣчали ихъ; армія избавилась отъ пытки — видѣть ихъ торжествующее ликованіе.

Во время этой войны, какъ это и всегда случается, особенности характера Кутузова способствовали ему, болѣе чѣмъ его таланты. Пока нужно было обманывать и замедлять, его лукавство, его лѣнность, его преклонный возрастъ дѣйствовали сами по себѣ: вначалѣ онъ показалъ себя подходящимъ человѣкомъ, но пересталъ имъ быть, какъ только стало необходимымъ быстро наступать, преслѣдовать, предупредить, нападать.

Подъ Смоленскомъ Платовъ перешелъ на-право отъ большой дороги, какъ бы намѣреваясь соединиться съ Виттгенштейномъ. Всѣ военныя дѣйствія были перенесены на это мѣсто.

22-го мы съ трудомъ двинулись изъ Орши къ Борисову, по широкой дорогѣ, обсаженной двойнымъ рядомъ большихъ березъ; приходилось пробираться по талому снѣгу, по глубокой жидкой грязи. Слабѣйшіе изъ насъ потонули въ ней; эта же грязь задержала и выдала казакамъ тѣхъ изъ раненыхъ, которые, полагая, что морозы установились на-всегда, промѣняли на сани свои повозки, въ Смоленскѣ.

Въ первые дни послѣ выступленія изъ Орши, въ арміи прошелъ слухъ о взятіи Минска. Даже сами начальники съ уныніемъ смотрѣли по сторонамъ. Ихъ воображеніе, измученное длиннымъ рядомъ ужасныхъ зрѣлищъ, рисовало имъ еще болѣе мрачное будущее. Многие изъ нихъ, въ частныхъ бесѣдахъ замѣчали, «что Наполеонъ, подобно Карлу XII въ Украинѣ, привелъ свою армію въ Москву на гибель».

Березина.

Остановка въ Минскѣ была, казалось, дѣломъ рѣшеннымъ, и, несмотря на то, что собравъ отъ Березины до Вислы всѣ гарнизоны, обозы, сводные батальоны и дивизіи Дюрютта, Луазона и Домбровскаго, можно было сформировать въ Минскѣ армію въ 30,000 чело-вѣкъ, несмотря на это, малоизвѣстный генераль и 3,000 солдатъ ока-зались единственной силой, выставленной для того, чтобы остановить Чичагова. Знали даже, что этотъ небольшой отрядъ молодыхъ сол-датъ былъ выставленъ передъ рѣкою, гдѣ его и опрокинулъ адмираль; а между тѣмъ это прикрытіе защитило бы ихъ на нѣкоторое время, если бы оно было поставлено за рѣкою.

Такъ всегда бываетъ: ошибка въ общемъ планѣ влечетъ за собою ошибки въ частностяхъ. Губернаторъ Минска былъ выбранъ безъ осо-баго вниманія; это былъ, какъ говорятъ, одинъ изъ тѣхъ людей, ко-торые берутся за все, отвѣчаютъ за все и которые во всемъ дѣлаютъ промахи. Шестнадцатаго ноября онъ потерялъ этотъ городъ и вмѣ-стѣ съ нимъ 4,700 больныхъ, боевые запасы и 2.000,000 пайковъ про-довольствія. Уже прошло пять дней, какъ слухъ объ этомъ пришелъ въ Домбровну, гдѣ получили извѣстіе о еще большемъ несчастьи.

Этотъ самый губернаторъ бѣжалъ въ Борисовъ. Тамъ онъ не сумѣлъ ни предупредить Удино, который былъ на разстояніи двух-дневнаго перехода, и попросить его притти къ нему на помощь, ни поддержать Домбровскаго, который отступалъ отъ Бобруйска и Игу-

мена. Домбровскій прибылъ только въ ночь съ 20 на 21 къ мосту; но тамъ уже былъ непріятель. Однако онъ прогналъ оттуда авангардъ Чичагова и расположился на его мѣстѣ; тамъ онъ храбро держался вплоть до вечера 21, но, подавленный, наконецъ, русской артиллеріей, которая громила его съ фланга, и атакованный вдвое большею силой, онъ былъ опрокинутъ и оттѣсненъ на ту сторону рѣки и города на московскую дорогу.

Наполеонъ не ожидалъ такого бѣдствія; онъ полагалъ, что онъ предотвратилъ его своими инструкціями, посланными изъ Москвы Виктору шестого октября. «Онѣ предусматривали сильную атаку со стороны Виттгенштейна или Чичагова; въ нихъ предписывалось Виктору держаться ближе къ Полоцку и Минску; приставить къ Шварценбергу умнаго, осторожнаго и сообразительнаго офицера; поддерживать регулярное сношеніе съ Минскомъ и разослать въ различныхъ направленіяхъ нѣсколько другихъ агентовъ».

Но такъ какъ Виттгенштейнъ началъ атаку раньше Чичагова, то ближайшая и болѣе серьезная опасность отвлекла все вниманіе; мудрыя инструкціи отъ шестого октября не были повторены Наполеономъ, и, повидимому, были забыты его лейтенантомъ. Наконецъ, когда въ Домбровнѣ Императоръ узналъ о потери Минска, онъ самъ не видѣлъ особенно серьезной опасности, угрожавшей Борисову, потому что, отступивъ на слѣдующій день въ Оршу, онъ приказалъ сжечь всѣ свои матерьялы для мостовъ.

Къ тому же его письмо отъ 20 ноября къ Виктору доказываетъ его увѣренность въ безопасности; онъ предполагалъ, что Удино долженъ прибыть въ Борисовъ 25-го, между тѣмъ какъ этотъ городъ 21-го уже долженъ былъ перейти во власть Чичагова.

Только на слѣдующій день послѣ этого рокового дня на большой дорогѣ, на разстояніи трехдневнаго перехода отъ Борисова, какой-то офицеръ принесъ Наполеону вѣсть объ этомъ новомъ несчастьи. Императоръ ударилъ по землѣ своею тростью и сказалъ, бросивъ на небо яростный взоръ: «Стало быть тамъ, наверху написано, что теперь мы будемъ совершать только ошибки!».

Между тѣмъ маршалъ Удино уже на пути къ Минску, ничего не подозрѣвая, остановился 21-го между Бобромъ и Крупками; какъ вдругъ среди ночи явился генералъ Бровниковскій и сообщилъ ему о своемъ пораженіи, о пораженіи Домбровскаго, о взятіи Борисова и о томъ, что русскіе слѣдуютъ за нимъ по пятамъ.

22-го маршалъ выступилъ имъ навстрѣчу и соединился съ остатками дивизіи Домбровскаго.

23-го онъ столкнулся, не доходя трехъ льё до Борисова, съ рускимъ авангардомъ и опрокинулъ его. Здѣсь онъ захватилъ 900 плѣнныхъ и 1,500 экипажей и привезъ ихъ послѣ сильной пушечной пальбы и сабельныхъ и штыковыхъ стычекъ вплоть до самой Березины. Но остатки дивизіи Ламберта, проходя черезъ Борисовъ и черезъ Березину, разрушили этотъ мостъ.

Наполеонъ былъ въ то время въ Толочинѣ; онъ выслушивалъ описаніе расположенія Борисова. Ему подтвердили, что въ этомъ мѣстѣ Березина не только рѣка, но и озеро, покрытое движущимися льдинами, что мостъ черезъ нее въ 260 сажень длины, что его разрушеніе непоправимо и переправа невозможна.

Въ этотъ моментъ явился одинъ генералъ инженеръ; онъ прибылъ изъ корпуса герцога Беллюнъ. Наполеонъ призвалъ его; генералъ объявилъ, «что спасеніе онъ видитъ только въ попыткѣ пробиться черезъ армію Виттгенштейна». Императоръ отвѣтилъ, «что ему необходимо направленіе, при которомъ онъ былъ бы обращенъ спиною ко всѣмъ, къ Кутузову, къ Виттгенштейну, къ Чичагову». И онъ показалъ пальцемъ на картѣ Березину ниже Борисова: здѣсь онъ хочетъ перейти черезъ эту рѣку. Но генералъ возразилъ ему, указывая на присутствіе Чичагова на правомъ берегу, и Императоръ указалъ другое мѣсто для переправы, ниже перваго, потомъ третье еще ближе къ Днѣпру. И потомъ, видя, что онъ приближается къ области казаковъ, онъ остановился и воскликнулъ: «Ахъ да! Полтава!.. Это, какъ Карлъ двѣнадцатый».

Дѣйствительно, всѣ несчастья, которыя только могъ предвидѣть Наполеонъ, осуществились; такимъ образомъ печальное сходство его положенія съ положеніемъ шведскаго завоевателя такъ сильно подѣйствовало на его душевное состояніе, что его здоровье пошатнулось еще болѣе, чѣмъ подъ Малоярославцемъ. Въ произнесенныхъ имъ тогда рѣчахъ отмѣтили слѣдующее выраженіе: «Вотъ что получается, когда дѣлаютъ ошибку за ошибкой».

Однако эти первыя вспышки волненія оказались и единственными, обнаруженными имъ; одинъ только лакей, который оказалъ ему при этомъ помощь, замѣтилъ его тревогу. Дюрокъ, Дарю и Бертъе говорили, что они не знали о нихъ и видѣли его непоколебимымъ; говоря точно, это было вѣрно, потому что онъ настолько владѣлъ собою, что имѣлъ силу не обнаружить своей тревоги, а сила человѣческой воли чаще всего состоитъ въ томъ, чтобы скрывать свою слабость....

Въ его приказахъ видна та же твердость. Удино объявилъ ему о своемъ рѣшеніи опрокинуть Ламберта; онъ согласился на это и торо-

пилъ его овладѣть переправой выше или ниже Борисова, — все равно. Онъ хотѣлъ, чтобы 24-го былъ бы выбранъ пунктъ для этой переправы, чтобы были сдѣланы приготовленія къ ней и чтобы онъ былъ извѣщенъ объ этомъ и могъ бы приготовить свое выступленіе. Совершенно не думая вырваться изъ кольца непріятели, онъ мечталъ только о томъ, чтобы разбить Чичагова и снова овладѣть Минскомъ.

Надежда проскользнуть между русскими арміями была потеряна; онъ былъ оттѣсненъ Кутузовымъ къ Березинѣ, и эту рѣку было необходимо перейти, несмотря на то, что армія Чичагова окружала ее.

Съ 23-го Наполеонъ готовился къ этому почти безнадежному предпріятію. Сначала онъ приказалъ принести орловъ ото всѣхъ корпусовъ и сжегъ ихъ. Изъ 1800 спѣшенныхъ кавалеристовъ своей гвардіи, изъ которыхъ 1154 человекъ были вооружены только ружьями и карабинами, онъ составилъ два батальона.

Кавалерія московской арміи пришла въ такое печальное состояніе, что у Латуръ-Мобурга, на примѣръ, оставалось только 150 конныхъ солдатъ. Императоръ собралъ вокругъ себя всѣхъ офицеровъ этой арміи, имѣвшихъ еще лошадей, и назвалъ этотъ отрядъ изъ 500 офицеровъ своимъ священнымъ эскадрономъ. Груши и Себастьяни были назначены начальствовать надъ нимъ; дивизіонные генералы служили въ немъ въ качествѣ капитановъ.

Наполеонъ отдалъ еще приказаніе, чтобы всѣ ненужные экипажи были сожжены, чтобы ни одинъ офицеръ не имѣлъ бы при себѣ болѣе одного экипажа, чтобы сожгли половину фургоновъ и каретъ во всѣхъ корпусахъ и чтобы отдали свободныхъ при этомъ лошадей гвардейской артиллеріи. Артиллерійскіе офицеры получили приказъ брать всѣхъ лошадей, ходившихъ въ упряжѣ, встрѣчавшихся имъ на пути, даже лошадей самого Императора, но не оставлять ни одной пушки и ни одной повозки.

Въ то же самое время онъ стремительно углублялся въ темный и громадный лѣсъ около Минска. Грохотъ пушекъ Виттгенштейна наполнялъ его своими раскатами. Это нападали на правый флангъ нашей тающей колонны русскіе, надвигавшіеся съ сѣвера и приносившіе намъ зиму, которая насъ покинула было вмѣстѣ съ Кутузовымъ. Этотъ угрожающій грохотъ ускорялъ наши шаги. Отъ сорока до пятидесяти тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей устремлялись вдоль этого лѣса съ такою быстротою, какую только допускала ихъ слабость и начинавшаяся гололедица.

Въ этомъ крайнемъ состояніи разслабленности и путаницы, уже приближаясь къ Борисову, слышались впереди громкіе крики. Это была

армія Виктора, которую Виттгенштейнъ мало-по-малу отгѣснилъ къ правой сторонѣ нашей дороги. Она ожидала тамъ прохода Наполеона. Все еще сплоченная и бодрая, она видѣла снова своего Императора и встрѣчала его обычными возгласами прывѣтствія, давно уже позабытыми нами.

Она не знала о нашихъ бѣдствіяхъ; ихъ тщательно скрывали даже отъ ихъ начальниковъ. Такимъ образомъ, когда вмѣсто той грандіозной колонны, которая завоевала Москву, она увидала за Наполеономъ линію призраковъ, одѣтыхъ въ лохмотья, женскія шубы, куски ковровъ или грязные плащи, обгорѣлые и продырявленные выстрѣлами, призраковъ, ноги которыхъ были обернуты всякими тряпками, тогда она замерла, пораженная ужасомъ! Она смотрѣла со страхомъ, какъ проходили передъ нею несчастные, полуголые солдаты, съ землистыми лицами, обросшіе щетинистою, отвратительною бородою, безъ оружія, безъ стыда, выступавшіе какъ попало, съ опущенными головами, глазами, устремленными въ землю, молча, какъ стадо плѣнныхъ!

Что ихъ изумило еще болѣе, такъ это было зрѣлище безчисленныхъ полковниковъ и генераловъ, одинокихъ, заброшенныхъ, думавшихъ только о себѣ, мечтавшихъ только о томъ, чтобы спасти остатки своего имущества или самихъ себя. Они шли въ перемѣшку съ солдатами, которые ихъ не замѣчали, которымъ имъ нечего было уже приказывать, отъ которыхъ имъ нечего было уже ожидать; всѣ связи были порваны, всѣ различія чиновъ стерты несчастьемъ.

Солдаты Виктора и Удино не смѣли вѣрить своимъ глазамъ. Ихъ офицеры, тронутые состраданіемъ, со слезами на глазахъ, останавливали тѣхъ изъ своихъ товарищей, которыхъ они узнавали въ этой толпѣ. Они помогали имъ своими припасами и одеждою, потомъ они ихъ спрашивали, гдѣ же ихъ корпусъ? И когда имъ показывали его, они, увидѣвъ вмѣсто прежнихъ тысячъ людей только маленькій взводъ изъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, собравшихся вокругъ своего начальника, продолжали еще его отыскивать.

Зрѣлище такого бѣдствія съ перваго же дня поколебало второй и девятый корпусы. Безпорядокъ, самое заразительное изъ всѣхъ золъ, коснулся ихъ; потому что, какъ кажется, порядокъ есть насиліе надъ человѣческой природой.

Этo была только тѣнь арміи, но тѣнь Великой Арміи, она считала, что ее побѣдила только природа. Видъ Императора ее ободрялъ. Съ давнихъ поръ она привыкла разсчитывать на него не только для того, чтобы жить, но и чтобы побѣждать. Это былъ первый неудачный походъ, а сколько было удачныхъ! Надо было только имѣть силу

слѣдовать за нимъ. Одинъ онъ, сумѣвшій поднять своихъ солдатъ такъ высоко и такъ ихъ низвергнуть, одинъ онъ могъ ихъ спасти. Онъ былъ еще среди своей арміи, подобно надеждѣ въ сердцѣ человѣческомъ!

Среди столькихъ людей, имѣвшихъ право упрекнуть его въ своихъ бѣдствіяхъ, онъ шелъ безбоязненно, разговаривая съ тѣми и другими безъ всякой принужденности, увѣренный, что къ нему будутъ относиться съ такимъ же почетомъ, какъ къ славѣ, хорошо зная, что онъ принадлежалъ намъ такъ же, какъ мы принадлежали ему, что его слава—достояніе всей націи. Скорѣе обратили бы оружіе противъ самихъ себя, что и происходило съ нѣкоторыми,—и это было меньшимъ самоубійствомъ!

Нѣкоторые падали и умирали у его ногъ, умирали въ жестокомъ бреду: но, страдая, они умоляли, не укоряли. И дѣйствительно, развѣ онъ не раздѣлялъ опасности вмѣстѣ со всѣми? Кто изъ нихъ всѣхъ рисковалъ тѣмъ же, что и онъ? Кто терялъ больше при этомъ бѣдствіи?

Такимъ образомъ приближались къ самому роковому моменту. Викторъ былъ въ арьергардѣ съ 1500 человѣкъ. Удино—въ авангардѣ съ 5000 человѣкъ, уже на Березинѣ. Императоръ—между ними обоими съ 7000 человѣкъ, 400000 отставшихъ и огромной массой багажа и артиллеріи, большая часть которой принадлежала второму и девятому корпусамъ.

Пятнадцатаго, когда онъ почти подошелъ къ Березинѣ, замѣтили нерѣшительность его движенія. Онъ останавливался каждый моментъ на большой дорогѣ, дожидаясь ночи, чтобы скрыть отъ врага свое прибытіе, и дать время герцогу де-Реджіо очистить Борисовъ. Входя 25-го въ этотъ городъ, маршалъ видѣлъ мостъ 260-ти сажень длины, разрушенный въ трехъ мѣстахъ. Присутствіе непріятели дѣлало невозможнымъ возстановленіе моста. Онъ узналъ, что слѣва отъ него, на двѣ мили ниже по рѣкѣ, существуетъ около Укохольды глубокой и неблагонадежный бродъ: что на милю ниже Борисова, около Штадгофа, есть другой бродъ, но малодоступный. Онъ зналъ, наконецъ, уже два дня, что Студянка, на два льѣ еще ниже Штадгофа, представляетъ третій пунктъ для переправы...

Намѣреніемъ Наполеона было отступить прямо къ Вильнѣ, но маршалъ сразу понялъ, что этотъ переходъ былъ болѣе прямымъ и менѣе опаснымъ. Кромѣ этого онъ былъ уже испытанъ, а если бы даже пѣхота и артиллерія, слишкомъ подавленные Кутузовымъ и Виттгенштейномъ, не имѣли бы времени переправиться черезъ рѣку

по мосту, то по крайней мѣрѣ можно было быть увѣренными, что, при наличности испытаннаго брода, Императоръ съ кавалеріей перейдутъ по нему; что въ такомъ случаѣ не будетъ еще все проиграно, ни миръ, ни война, какъ это было бы, если бы самъ Наполеонъ оказался во власти врага.

Поэтому маршалъ не медлил. Въ ночь съ 23-го на 24-ое генералъ отъ артиллеріи, рота понтонеровъ, полкъ пѣхоты и бригада Корбино заняли Студянку.

Въ то же самое время были изслѣдованы оба другихъ мѣста для переправы; все было тщательно разслѣдовано. Дѣло шло теперь о томъ, чтобы обмануть и заставить перемѣнить мѣсто непріятели. Силой тутъ ничего нельзя было сдѣлать. Поэтому попробовали хитрость. Вотъ почему съ 24-го 300 солдатъ и нѣсколько повозокъ было послано къ Укохольдѣ съ приказомъ собирать тамъ, дѣлая какъ можно болѣе шума, весь матерьялъ, необходимый для постройки моста; сверхъ того заставили торжественно пройти въ той сторонѣ на виду у непріятели цѣлую дивизію кирасировъ.

Сдѣлали болѣе того: генералъ-аншефъ Лорансэ приказалъ привести къ нему нѣсколько евреевъ и разспросилъ ихъ притворно объ этомъ бродѣ и о дорогахъ, которыя вели оттуда въ Минскъ. Потомъ, выказавъ себя вполне удовлетвореннымъ ихъ отвѣтами и сдѣлавъ видъ, что онъ убѣжденъ въ отсутствіи лучшихъ пунктовъ для переправы, онъ задержалъ въ качествѣ проводниковъ нѣкоторыхъ изъ этихъ предателей, а остальныхъ приказалъ вывести за наши аванпосты. Но чтобы быть еще болѣе увѣреннымъ въ томъ, что они ему измѣнятъ, онъ заставилъ ихъ поклясться, что они встрѣтятся съ нами у нижняго теченія Березины и сообщать намъ о движеніяхъ непріятели.

Въ то же время, когда старались такимъ образомъ привлечь все вниманіе Чичагова на лѣвую сторону, въ Студянкѣ тайно готовили все для переправы. Только 25-го, въ пять часовъ дня, прибылъ туда Эблэ всего съ двумя повозками угля и шестью ящиками инструментовъ и гвоздей, въ сопровожденіи нѣсколькихъ ротъ понтонеровъ. Въ Смоленскѣ онъ приказалъ каждому солдату взять съ собой по одному инструменту и нѣсколько костылей.

Но сваи, которыя начали ставить еще наканунѣ изъ бревень, взятыхъ изъ польскихъ хижинъ, оказались слишкомъ непрочными: надо было все начинать сызнова. Поэтому было невозможно окончить постройку моста за ночь; его смогли навести только на другой день, 26-го днемъ, подъ огнемъ непріятели; но дальше нельзя было медлить. Какъ только пали первыя тѣни этой рѣшительной ночи, Удино пере-

точно, чтобы уничтожить единственный путь къ спасенію, который перебросили съ одного берега на другой. Но эта артиллерія отступала по мѣрѣ того, какъ наша располагалась по батареямъ.

Французы не смѣли вѣрять своимъ глазамъ. Наконецъ, охваченные радостью, начали хлопать въ ладоши и громко кричать. Раппъ и Удино стремительно вбѣжали къ Императору: «Ваше Величество, сказали они, непріятель снялся лагеремъ и покидаетъ свои позиціи!» «Это невозможно!» отвѣтилъ Императоръ, но приближали Ней и Мюратъ и подтвердили это донесеніе. Тогда Наполеонъ бросился наружу изъ главной квартиры, взглянулъ, увидалъ послѣдніе ряды колонны Чаплица, удалявшіяся и исчезающія въ лѣсу. И внѣ себя отъ радости онъ закричалъ: «Я обманулъ адмирала!» Въ это время снова появились двѣ непріятельскихъ пушки и прозвучали выстрѣлы. Былъ отданъ приказъ удалить ихъ выстрѣлами изъ орудій. Было довольно перваго залпа; это было неосторожностью и пальбу тотчасъ прекратили изъ боязни, что она привлечетъ Чаплица, потому что наводка моста только что началась. Было уже восемь часовъ, а еще только вбивали первую его сваю.

Но Императоръ въ нетерпѣніи овладѣть противоположнымъ берегомъ указалъ на него самымъ смѣлымъ. Жакмино, адъютантъ герцога де-Реджіо, и литовскій графъ Предзецкій первыми бросились въ рѣку и, несмотря на ледъ, который до крови рѣзалъ груди и бока лошадей, достигли противоположнаго берега. Сурдъ, начальникъ эскадрона и 50 охотниковъ 7-го, посадивъ къ себѣ на лошадей по стрѣлку, послѣдовали за ними, такъ же какъ и два жалкихъ плота, на которыхъ въ двадцать пріемовъ переправились 400 солдатъ.

Императоръ пожелалъ достать плѣннаго, котораго онъ могъ бы допросить. Жакмино слышалъ, какъ онъ выражалъ это желаніе; едва онъ переправился черезъ рѣку, какъ бросился на одного изъ солдатъ Чаплица, обезоружилъ его, взялъ въ плѣнъ, посадилъ на луку своего сѣдла и привезъ черезъ рѣку сквозь льдины къ Наполеону.

Къ часу рѣка была очищена отъ казаковъ и мостъ для пѣхоты оконченъ; дивизія Леграна быстро перешла по нему со своими пушками при крикахъ: «Да здравствуетъ Императоръ!» прошла передъ этимъ вождемъ, который самъ помогалъ переходу артиллеріи и ободрялъ храбрыхъ солдатъ своимъ голосомъ и своимъ примѣромъ.

Въ этотъ моментъ прибылъ изъ Вильны одинъ литовскій дворянинъ, переодѣтый въ крестьянское платье, и привезъ извѣстіе о побѣдѣ Шварценберга надъ Сакеномъ. Наполеонъ громко объявилъ объ этомъ успѣхѣ и добавилъ, «что Шварценбергъ тотчасъ

послѣдовалъ по пятамъ Чичагова и идетъ къ намъ на помощь», догадка, которую дѣлало вполнѣ вѣроятной исчезновеніе Чаплица.

Однако этотъ первый мостъ былъ годенъ только для пѣхоты. Тотчасъ же начали постройку второго, на 85 саженой выше по теченію, для артиллеріи и обоза. Онъ былъ готовъ только въ четыре часа вечера. Въ то же время остатки второго корпуса и дивизіи Домбровскаго послѣдовали за генераломъ Леграномъ и герцогомъ де-Реджіо. Это составило около 7000 человекъ.

Первой заботой маршала было обезпеченіе дороги къ Зембину; онъ послалъ отрядъ, который прогналъ оттуда нѣсколько казаковъ; потомъ онъ сталъ тѣснить непріятеля къ Борисову и держалъ его насколько возможно далеко отъ переправы въ Студянкѣ. Чаплицъ строго слѣдовалъ приказаніямъ адмирала и шелъ вплоть до Стахова, деревни подъ Борисовымъ. Тамъ онъ повернулся и встрѣтился съ передовыми отрядами Удино, которыми командовалъ Альбертъ. Съ обѣихъ сторонъ остановились; Французы, зайдя такъ далеко, хотѣли только выиграть время, а русскій генералъ ждалъ приказаній.

Движеніе Чичагова изъ Минска на Борисовъ тремя колоннами не только по большой дорогѣ, но даже черезъ Антонополь, Логойскъ и Зембинъ, доказываетъ, что все его вниманіе было сначала направлено на ту часть Березины, которая находится выше Борисова. Потомъ, усиленный на своемъ лѣвомъ флангѣ, онъ почувствовалъ слабость своего праваго фланга, и все его вниманіе перешло на эту сторону.

Ошибка, которая увлекла его въ этомъ ложномъ направленіи, имѣла еще другія основанія. Инструкціи Кутузова возложили на него отвѣтственность за этотъ пунктъ. Гертель, находившійся во главѣ 12000 солдатъ въ Бобруйскѣ, отказался выступить со своихъ квартиръ, преслѣдовать Домбровскаго и защищать эту часть рѣки. Онъ сослался на опасность падежа скота, предлогъ невозможный и неправдоподобный; но это вѣрно и самъ Чичаговъ подтвердилъ это.

Этотъ адмиралъ прибавляетъ, что одно извѣстіе, переданное Виттгенштейномъ, привлекло его вниманіе на нижнее теченіе Березины вмѣстѣ съ довольно естественнымъ предположеніемъ, что присутствіе этого генерала съ праваго фланга Великой Арміи и ниже Борисова оттѣснить Наполеона внизъ отъ этого города. Воспоминаніе о переправѣ Карла XII и Даву черезъ Березину могло также быть однимъ изъ его соображеній. Слѣдуя по этому направленію, Наполеонъ не только ускользнулъ бы отъ Виттгенштейна, но и вернулъ бы Минскъ и соединился бы съ Шварценбергомъ. Это также должно было привлечь вниманіе Чичагова, который взялъ Минскъ и первымъ противни-

комъ котораго былъ Шварценбергъ. Наконецъ, и главнымъ образомъ, ложная демонстрація Удино подъ Ухолодой и, возможно, донесенія евреевъ вполнѣ убѣдили его.

Адмираль, совершенно сбитый съ толка, рѣшилъ такимъ образомъ, 25-го вечеромъ, спуститься по Березинѣ въ то самое время, когда Наполеонъ рѣшилъ подняться по ней. Можно было подумать, что французскій Императоръ диктовалъ неприятелю свои рѣшенія, часть, въ который онъ долженъ былъ ихъ предпринять, точный моментъ и всѣ детали исполненія. Оба направились въ одно и то же время изъ Борисова: Наполеонъ въ Студянку, Чичаговъ въ Шабашавицы, повернувшись такимъ образомъ, какъ бы сговорившись, спинами другъ къ другу. Адмираль отозвалъ къ себѣ всѣ войска, которые у него были выше Борисова, за исключеніемъ слабаго отряда развѣдчиковъ; онъ даже не испортилъ дорогъ.

Не смотря на это, Шабашавицы были не болѣе, чѣмъ въ 5—6 льѣ отъ переправы. На утро 26-го онъ долженъ былъ уже получить о ней извѣстіе. Борисовскій мостъ былъ часахъ въ трехъ ходьбы отъ мѣста выступленія. Онъ оставилъ 15000 человекъ около этого моста, и могъ слѣдовательно вернуться самъ къ этому пункту, соединиться съ Чаплицомъ въ Стаховѣ и въ тотъ же самый день атаковать или по крайней мѣрѣ подготовиться къ атакѣ и на слѣдующій день, 27-го, опрокинуть со своими 18000 солдатъ, и съ 7000 солдатъ Удино и Домбровскаго, и въ концѣ концовъ взять назадъ на виду Императора передъ самой Студянкой позиціи, покинутыя Чаплицомъ съ вечера.

Но адмираль потерялъ оставшуюся часть 26-го и все 27-е въ совѣщаніяхъ, развѣдкахъ и приготовленіяхъ. Присутствіе Наполеона и Великой Арміи, слабость которой ему было трудно себѣ представить, поразило его. Онъ повсюду видѣлъ Императора; справа отъ себя, благодаря ложной переправѣ; прямо напротивъ въ Борисовѣ, потому что дѣйствительно вся наша армія, проходя черезъ этотъ городъ, наполняла его движеніемъ; наконецъ въ Студянкѣ, съ лѣваго фланга, гдѣ въ самомъ дѣлѣ находился Императоръ.

27-го онъ такъ мало еще созналъ свою ошибку, что приказалъ произвести развѣдки и атаковать Борисовъ своимъ стрѣлками, которые перешли по обломкамъ сожженнаго моста и были отбиты солдатами дивизіи Партуно.

Въ этотъ же самый день во время этихъ рекогносцировокъ, Наполеонъ съ 6,000 приблизительно гвардейцевъ и корпусомъ Нея, уменьшившимся до 600 человекъ, перешелъ Березину часа въ два popolудни; онъ помѣщался въ резервѣ Удино.

До сихъ поръ все шло великолѣпно. Но Викторъ, проходя черезъ Борисовъ, оставилъ тамъ Партуно съ его дивизіей. Этотъ генераль долженъ былъ остановить непріятеля за этимъ городомъ, подогнать множество отсталыхъ, которые тамъ укрылись, и къ вечеру соединиться съ Викторомъ. Партуно впервые видѣлъ разстройство Великой Арміи. Онъ хотѣлъ, какъ и Даву въ началѣ отступленія, скрыть слѣды этого безпорядка отъ казаковъ Кутузова, слѣдовавшихъ за французами. Эта тщетная попытка атаки Платова со стороны большой дороги, отъ Орши, и атаки Чичагова со стороны сожженного борисовскаго моста задержали его въ этомъ городѣ до вечера слѣдующаго дня. Онъ готовился выйти изъ него, когда къ нему пришелъ приказъ остаться тамъ еще на одну ночь. Этотъ приказъ былъ ему присланъ отъ Императора. Наполеонъ несомнѣнно думалъ этимъ привлечь вниманіе трехъ русскихъ генераловъ на Борисовъ; думалъ, что Партуно, задержавъ ихъ тамъ, дастъ ему время совершить всю переправу.

Но Виттгенштейнъ предоставилъ Платову преслѣдовать французскую армію по большой дорогѣ, а самъ двинулся направо. Онъ покинулъ въ тотъ же вечеръ высоты на берегу Березины между Борисовымъ и Студянкой, пересѣкъ дорогу, которая соединяетъ оба эти пункта, и завладѣлъ всѣмъ, что тамъ было. Многіе отставшіе солдаты, вернувшись къ Партуно, объявили ему, что онъ отрѣзанъ отъ остальной арміи.

Партуно не колебался. Хотя при немъ было только три пушки и 3,500 солдатъ, годныхъ къ бою, онъ рѣшился тотчасъ пробиться, отдалъ свои распоряженія и выступилъ изъ города. Сначала ему пришлось двигаться по скользкой дорогѣ, загроможденной обозомъ и бѣглецами, итти противъ яростнаго вѣтра, дувшаго въ лицо, въ темнотѣ холодной и безпросвѣтной ночи. Вскорѣ огонь нѣсколькихъ тысячъ непріятеля, занявшаго высоты направо отъ него, сталъ новымъ препятствіемъ. Пока на него нападали съ фланга, онъ еще продолжалъ итти впередъ, но вскорѣ на него обрушились съ фронта многочисленные и занявшіе выгодныя позиціи полки; ихъ ядра пронизывали его колонну насквозь.

Эта несчастная дивизія оказалась тогда заманенной въ лощину. Длинная вереница каретъ затрудняла всѣ ея движенія. Семь тысячъ отставшихъ, перепуганные, рычавшіе отъ страха и отчаянія, врывались въ ея слабые ряды, прорывали ихъ, перепутывали ея взводы и увлекали каждую минуту въ этомъ замѣшательствѣ новыхъ солдатъ, приходившихъ въ отчаяніе. Пришлось отступить, чтобы возстановить порядокъ и занять лучшую позицію; но, отступая, наткнулись на кавалерію Платова.

Уже половина нашихъ солдатъ пала, и 1,500 человекъ оставшихся видѣли себя окруженными тремя арміями и рѣкою.

При такомъ положеніи дѣлъ явился отъ Виттгенштейна и его 50,000-й арміи парламентаръ съ предложеніемъ сдаться. Партуно отказался отъ такого предложенія. Онъ призвалъ въ свои ряды оставшихъ, у которыхъ еще было оружіе, и хотѣлъ сдѣлать послѣднюю попытку и проложить къ мостамъ у Студянки кровавую дорогу. Но эти солдаты, еще недавно такіе храбрые, теперь настолько опустились подъ вліяніемъ страданій, что не могли воспользоваться своимъ оружіемъ. И въ это время генераль его авангарда объявилъ ему, что мосты у Студянки въ огнѣ; одинъ адъютантъ, по имени Рошэ, сдѣлалъ ему это донесеніе; онъ утверждалъ, что видѣлъ, какъ они горятъ. Партуно повѣрилъ этому ложному извѣстію; несчастные вѣрятъ всякому новому несчастью.

Онъ счелъ себя покинутымъ, предоставленнымъ врагу; и такъ какъ ему мѣшала ночная темнота, и необходимость отбиваться съ трехъ сторонъ разбивала его и безъ того слабая бригада, онъ приказалъ передать каждой изъ нихъ, чтобы онѣ попробовали проскользнуть, пользуясь темнотою, вдоль непріятельскаго фланга. Самъ же онъ съ одной изъ этихъ бригадъ, уменьшившейся до 400 человекъ, поднялся на лѣсистыя высоты горы, находившейся справа отъ него, надѣясь прорваться въ темнотѣ сквозь армію Виттгенштейна, ускользнуть отъ него, соединиться съ Викторомъ или обогнуть Березину у ея истоковъ.

Но повсюду, куда онъ ни направлялся, онъ видѣлъ непріятельскіе огни и снова повертывалъ; онъ блуждалъ наугадъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ по снѣжнымъ равнинамъ среди сильной метели. Онъ видѣлъ, какъ на каждомъ шагу его солдаты, изнемогая отъ холода, голода и усталости, попадаютъ въ руки русской кавалеріи, которая его неустанно преслѣдуетъ.

Этотъ несчастный генераль продолжалъ бороться съ небомъ, съ людьми и со своимъ собственнымъ отчаяніемъ, когда онъ почувствовалъ вдругъ, что почва ускользаетъ у него изъ-подъ ногъ. Дѣйствительно, не замѣтивъ за снѣжной метелью, онъ зашелъ на ледъ, слишкомъ слабый еще, одного озера, готовившагося его поглотить. Только тогда онъ уступилъ и сложилъ оружіе.

Пока происходила эта катастрофа, три его другія бригады, все болѣе и болѣе тѣснимыя на дорогѣ, теряли возможность двигаться. Онѣ сумѣли отсрочить свою гибель до утра, сначала отбиваясь, потомъ ведя переговоры; но потомъ онѣ сдались въ свою очередь; одно и то же несчастье соединило ихъ съ ихъ генераломъ.

Изъ всѣхъ этихъ дивизій спасся одинъ только батальонъ; онъ былъ оставленъ послѣднимъ въ Борисовѣ. Онъ вышелъ оттуда и прошелъ среди русскихъ войскъ Платова и Чичагова, распорядившихся уже въ этомъ городѣ, прошелъ въ то самое время, когда совершалось соединеніе московской и молдавской армій.

Когда Наполеонъ узналъ объ этомъ, то, охваченный горестью, онъ воскликнулъ: «И нужно было, чтобы эта измѣна испортила все, когда все было спасено, какъ бы чудомъ!» Обвиненіе было несправедливо, но его вырвала у него скорбь; быть можетъ, онъ предвидѣлъ, что Викторъ, ослабленный, не сможетъ завтра достаточное время продержаться; быть можетъ онъ считалъ долгомъ чести оставить во время своего отступленія въ рукахъ непріятели только отставшихъ, но ни одного отряда дѣйствующей арміи. Дѣйствительно эта дивизія была первой и единственной, которая сложила оружіе.

Этотъ успѣхъ воодушевилъ Виттгенштейна. Въ то время два дня развѣдокъ, донесенія одного плѣннаго и главнымъ образомъ взятіе Борисова Платовымъ пролили для Чичагова истинный свѣтъ на происходившее. Съ тѣхъ поръ три русскихъ арміи—сѣверная, восточная и южная, оказались соединившимися; ихъ вожди сносились другъ съ другомъ. Виттгенштейнъ и Чичаговъ завидовали другъ другу, но насъ ненавидѣли еще болѣе. Ихъ связывала ненависть, а не дружба. Такимъ образомъ эти генералы оказались въ готовности атаковать мосты въ Студянкѣ одновременно съ обоихъ береговъ.

Это было 28-го ноября. У Великой Арміи было два дня и двѣ ночи срока, чтобы уйти отъ русскихъ, которые уже потеряли время. Но безпорядокъ царствовалъ среди французовъ и матеріала для двухъ мостовъ не хватило: два раза въ ночь съ 26-го на 27-е обрушивался мостъ для обоза, и переправа запоздала на семь часовъ. Онъ обрушился 27-го въ третій разъ около четырехъ часовъ дня. Съ другой стороны отставшіе, разсѣянные въ лѣсахъ и по деревнямъ, примыкавшимъ къ Студянкѣ, не воспользовались первою ночью; и 27-го, когда наступилъ день, всѣ они явились одновременно, желая перейти по мостамъ.

Это произошло главнымъ образомъ тогда, когда гвардія, которая регулировала ихъ движеніе, выступила сама; ея выступленіе было какъ бы сигналомъ; они сбѣжались со всѣхъ сторонъ и столпились на берегу. Въ одно мгновеніе увидели громадную, нестройную толпу людей, лошадей, повозокъ, осаждавшихъ узкій проходъ моста, который она переполняла. Первые ряды, тѣсняемые тѣми, которые слѣдовали за ними, или остановленные рѣкою, были раздавлены, смяты или сброшены

на льдины, которыя неслись по Березинѣ. Изъ середины этой громад-ной и ужасной груды раздавалось то глухое ворчанье, то громкіе крики, перемѣшанные со стонами и страшными проклятіями.

Усилія Наполеона и его ближайшихъ адъютантовъ спасти этихъ потерявшихся людей, возстановивъ среди нихъ порядокъ, долгое время оставались безуспѣшными. Безпорядокъ былъ настолько великъ, что къ двумъ часамъ, когда туда прибылъ Императоръ, потребовалась вооруженная сила, чтобы очистить ему проходъ. Корпусъ гренадеровъ гвардіи и Латуръ-Мобургъ отказались изъ жалости пробивать себѣ путь среди этихъ несчастныхъ.

Деревушка Занивки, расположенная среди лѣса въ одномъ лѣѣ отъ Студянки, была выбрана для Императорской квартиры.

Въ ночь съ 27-го на 28-ое безпорядокъ прекратился. Мосты были покинуты и деревня Студянка привлекла къ себѣ всѣхъ этихъ оставшихъ; въ одно мгновенье она была разнесена, исчезла и превратилась во множество бивуаковъ. Холодъ и голодъ заставили всѣхъ этихъ несчастныхъ оставаться тамъ. Было невозможно ихъ оттуда извлечь. Еще одна лишняя ночь была потеряна для переправы. Между тѣмъ Викторъ съ 6000-ми солдатъ защищалъ ихъ отъ Виттгенштейна. Но при первыхъ лучахъ утра 28-го, когда они увидали, что этотъ маршалъ готовится къ битвѣ, когда они услышали свистъ ядеръ Виттгенштейна надъ своими головами и грохотъ пушекъ Чичагова, раздававшійся въ то же самое время съ противоположнаго берега, тогда они всѣ разомъ поднялись, спустились, бросились безпорядочной массой и снова принялись осаждать мосты.

Ихъ ужасъ имѣлъ основанія: наступилъ послѣдній день для многихъ изъ этихъ несчастныхъ. Виттгенштейнъ и Платовъ съ сорокатысячной русской, сѣверной и восточной, арміей атаковали высоты лѣваго берега, которыя защищалъ Викторъ со своими 6000-ми солдатами. И въ то же время на правомъ берегу Чичаговъ шелъ на Удино, Нея и Домбровскаго съ 27000-ми солдатъ южной арміи. У Нея, Удино и Домбровскаго едва набралось бы 8000 солдатъ, которыхъ поддерживалъ священный эскадронъ вмѣстѣ со старой и молодой гвардіей, представлявшей въ то время 3800 штыковъ и 900 сабель.

Обѣ русскія арміи намѣревались захватить одновременно оба конца мостовъ и все то, что не успѣло уйти за зембинское болото. Болѣе 60000 человекъ, хорошо обмундированныхъ, питавшихся хорошей пищей и вполне вооруженныхъ, нападали на 18000 полуголыхъ, умиравшихъ съ голода солдатъ, отрѣзанныхъ рѣкою, окруженныхъ болотомъ, и стѣсненныхъ почти 50000 отставшихъ, больныхъ и ра-

неньхъ и громаднѣмъ обозомъ. Въ продолженіе уже двухъ дней холодъ и всѣ условія были таковы, что старая гвардія потеряла третью часть своихъ годныхъ къ бою солдатъ, а молодая гвардія—половину.

Все это, а также пораженіе дивизіи Партуно объясняетъ поразительное уменьшеніе корпуса Виктора; а между тѣмъ этотъ маршалъ удерживалъ Виттгенштейна въ теченіе всего этого дня, 28-го. Что же касается Чичагова, то онъ былъ разбитъ. Маршала Нея и его 18000 французовъ, швейцарцевъ и поляковъ было достаточно, чтобы побѣдить 27000 русскихъ.

Атака адмирала была медленной и слабой. Его пушки расчищали дорогу, но онъ не осмѣлился послѣдовать за своими ядрами и проникнуть сквозь просвѣты, которые они сдѣлали въ нашихъ рядахъ. Однако у его праваго фланга Привислянскій легіонъ подался передъ натискомъ сильной колонны. Удино, Домбровскій и Альбертъ были тогда ранены; вскорѣ то же самое произошло и съ Клапаредомъ и Козиковскимъ; началась тревога. Но появился Ней; онъ отправилъ сквозь лѣса на флангъ этой русской колонны Думерка съ его кавалеріей, которая прорвалась сквозь эту колонну, захватила 2000 человекъ, изрубила остальныхъ и рѣшила этой яростной атакой сраженіе, которое долго и нерѣшительно тянулось до тѣхъ поръ.

Чичаговъ, разбитый Неемъ, былъ отгѣсненъ къ Стахову. Большая часть генераловъ второго корпуса была ранена, потому что чѣмъ меньше было у нихъ солдатъ, тѣмъ больше имъ приходилось рисковать самимъ. Видѣли многихъ офицеровъ, бравшихъ ружья и замѣщавшихъ собою своихъ раненыхъ солдатъ.

Особенно важной среди потерь этого дня была потеря молодого Ноайля, адъютанта Бертье. Пуля убила его наповаль. Это былъ одинъ изъ заслуженныхъ офицеровъ; но онъ былъ слишкомъ пылокъ и не щадилъ себя, за что, какъ думаютъ, и поплатился.

Во время этого сраженія Наполеонъ во главѣ своей гвардіи оставался въ резервѣ въ Бриловѣ, прикрывая дорогу къ мостамъ между мѣстами обоихъ сраженій, но ближе къ Виктору. Этотъ маршалъ, атакованный въ очень опасной позиціи силою, вчетверо превосходившей его собственную, не уступалъ. Его корпусъ, изуродованный взятіемъ дивизіи Партуно, упирался своимъ правымъ флангомъ въ рѣку. Императорская батарея, расположенная на другомъ берегу, поддерживала его. Оврагъ защищалъ его съ фронта; а лѣвый флангъ висѣлъ въ воздухѣ, безъ прикрытія, какъ бы затерявшись въ ровной возвышенности Студянки.

Первая атака была сдѣлана Виттгенштейномъ только въ десять часовъ утра, 28-го, со стороны борисовской дороги и вдоль Березины, по которой онъ старался подняться къ переправѣ. Но правое крыло французовъ остановило его и удержало его надолго вдали отъ мостовъ. Тогда Виттгенштейнъ, развернувъ фронтъ, распространилъ сраженіе на весь фронтъ Виктора, но безуспѣшно. Одна изъ его атакующихъ колоннъ хотѣла перейти черезъ оврагъ; она была достигнута и истреблена.

Наконецъ къ срединѣ дня русскіе замѣтили свое превосходство. Они обошли лѣвое крыло французовъ. Все было бы потеряно, если бы не памятная вылазка Фурнье и самоотверженность Латуръ-Мобурга. Этотъ генераль перешелъ черезъ мостъ со своей кавалеріей. Онъ замѣтилъ опасность и тотчасъ вернулся обратно. Со своей стороны Фурнье бросился во главѣ двухъ полковъ гессенцовъ и баденцевъ; правое русское крыло, уже торжествовавшее побѣду, пріостановилось; оно нападало, онъ заставилъ его защищаться, и трижды непріятельскіе ряды были прорваны тремя кровопролитными атаками.

Ночь наступила раньше, чѣмъ 40000 русскихъ солдатъ Виттгенштейна могли прорвать 6000 войско герцога Беллюнъ. Этотъ маршаль удержалъ за собой высоты Студянки, защитивъ мосты отъ русскихъ штыковъ, но не имѣя возможности укрыть ихъ отъ артиллеріи русскаго лѣваго крыла.

Въ теченіе всего этого дня положеніе девятаго корпуса было тѣмъ болѣе критическимъ, что единственнымъ путемъ къ отступленію былъ для него хрупкій и узкій мостъ; да еще было неизвѣстно, не загородятъ ли ему проходъ отставшіе со своимъ багажемъ. По мѣрѣ того, какъ битва разгоралась, беспорядки среди этихъ несчастныхъ все увеличивался. Сначала ихъ привелъ въ ужасъ первый грохотъ серьезной стычки, а потомъ батареи лѣваго русскаго крыла, ядра которой падали въ самую середину ихъ беспорядочной толпы.

Уже всѣ перемѣшались одни съ другими и эта громадная толпа, собравшаяся на берегу въ перемѣшку съ лошадьми и повозками, образовывала невѣроятное загроможденіе. Только къ срединѣ дня первыя ядра непріятеля стали падать въ самую середину этого хаоса; они послужили сигналомъ ко всеобщему отчаянію.

Во время этой ужасной суматохи мостъ для артиллеріи не выдержалъ и провалился. Напрасно пытались вернуться назадъ тѣ, которые оказались въ этомъ узкомъ проходѣ: волна людей, наступавшихъ сзади, не подозрѣвая объ этомъ несчастіи, не слушая криковъ идущихъ впереди, толкала ихъ передъ собой и сбрасывала ихъ въ бездну, въ которую сама падала въ свою очередь.

Тогда всѣ направились къ другому мосту. Множество громаднѣхъ ящиковъ, тяжелыхъ повозокъ и пушекъ стеклось туда со всѣхъ сторонъ. Управляемые своими хозяевами и быстро катившіяся по скольскому и неровному обрыву, онѣ врѣзывались въ эту толпу людей и стирали тѣхъ несчастныхъ, которые попадали между ними, потому что они сталкивались и большая часть изъ нихъ быстро опрокидываясь, убивала въ своемъ паденіи тѣхъ, кто ихъ окружалъ. Тогда цѣлые ряды потерявшихся людей, натолкнувшись на это препятствіе, смѣшивались, опрокидывались и были раздавлены массой другихъ несчастныхъ, которые непрерывно подходили.

Такимъ образомъ въ этой толпѣ одни падали на другихъ и были слышны только крики ярости и страданія. Въ этой ужасной давкѣ люди, опрокинутые и задыхавшіеся, бились подъ ногами своихъ товарищей, впиваясь въ нихъ ногтями и зубами. Тѣ безжалостно ихъ отталкивали, какъ своихъ враговъ.

Женщины и матери тщетно призывали душераздирающимъ голосомъ своихъ мужей и своихъ дѣтей, которыхъ одно мгновеніе безвозвратно отдѣлило отъ нихъ; онѣ протягивали къ нимъ руки, онѣ умоляли пропустить ихъ пройти къ нимъ, но увлеченныя толпою, раздавленныя этой живой волною, онѣ падали, и этого даже не замѣчали. Среди этого ужасающаго грохота, среди этого дикаго стремленія, пушечныхъ выстрѣловъ, рева бури, разрывающихся гранатъ, воплей, стоновъ, дикихъ проклятій, эта беспорядочная толпа не слышала жалобныхъ криковъ жертвъ, которыхъ она поглощала.

Наиболѣе счастливые перешли мостъ, но перешли по грудамъ раненыхъ, женщинъ и опрокинутыхъ полузадохшихся дѣтей, которыхъ они попирали своими ногами. Прибывъ, наконецъ, къ узкому выходу, они сочли себя спасенными, но на каждомъ шагу упавшая лошадь или сломанная, выдернутая доска задерживала ихъ.

На другой сторонѣ, по выходѣ съ моста, было болото, въ которомъ завязло много лошадей и повозокъ; они загоразживали путь и задерживали движеніе. Тогда въ этой толпѣ отчаявшихся, собравшихся на этомъ единственномъ пути къ спасенію, началась адская борьба, въ которой болѣе слабые и находившіеся въ болѣе невыгодномъ положеніи были сброшены болѣе сильными въ рѣку. Побѣдители, не поворачивая головы, увлеченные инстинктомъ самосохраненія, яростно стремились къ цѣли, не обращая вниманія на крики гнѣва и отчаянія своихъ товарищей и своихъ начальниковъ, которыхъ они приносили въ жертву ради спасенія своей жизни.

Но съ другой стороны, сколько благородной самоотверженности! о, почему мѣсто и время не позволяютъ ихъ описать? Солдаты и даже офицеры впрягались въ сани, чтобы увезти съ этого рокового берега своихъ больныхъ и раненыхъ товарищей! Вдали отъ толпы неподвижно стояло нѣсколько солдатъ: они стерегли своихъ умирающихъ офицеровъ, порученныхъ имъ.

Въ ночь съ 28-го на 29-е безпорядокъ этотъ увеличился. Тьма этой ночи не давала русскимъ возможности видѣть количество жертвъ ихъ выстрѣловъ. На снѣгу, который покрывалъ все течение рѣки, вся эта темная масса людей, лошадей и повозокъ и крики, слышавшіеся оттуда, помогали непріятельской артиллеріи направлять свои выстрѣлы.

Къ девяти часамъ вечера отчаяніе достигло своего крайняго предѣла, когда Викторъ началъ свое отступленіе и когда явились его дивизіи и открыли себѣ ужасный путь среди этихъ несчастныхъ, которыхъ они передъ тѣмъ защищали. Однако, такъ какъ въ Студянкѣ оставался еще арьергардъ, то большинство, оконченъвъ отъ холода или заботясь о своемъ багажѣ, отказалось воспользоваться этой послѣдней ночью для переправы на другой берегъ. Напрасно зажигали эти повозки, чтобы побудить этихъ несчастныхъ. Только дневной свѣтъ могъ привести ихъ всѣхъ заразъ и слишкомъ уже поздно къ мосту, который они снова стали осаждать. Было половина девятого утра, когда Эблэ, видя, что русскіе приближаются, зажегъ мостъ.

Бѣдствіе достигло своихъ крайнихъ предѣловъ. Множество повозокъ, три пушки, много тысячъ мужчинъ, женщинъ и нѣсколько дѣтей было покинуто на непріятельскомъ берегу. Они бродили отдѣльными кучками по берегу рѣки; одни бросались вплавь, другіе рисковали перейти по льдинамъ, которыя плыли по теченію; были и такіе, которые бросились, очертя голову, въ пламя, пожиравшее мостъ, обрушившійся подъ ними; они погибли отъ двухъ протівоположныхъ пытокъ, сожженные и замерзшіе. Вскорѣ ихъ тѣла выплыли и стали ударяться вмѣстѣ съ льдинами о сваи. Оставшіеся ожидали русскихъ. Виттгенштейнъ появился на высотахъ только часъ спустя послѣ ухода Эблэ и, не одержавъ побѣды, онъ пожиналъ ея плоды.

Пока происходила эта катастрофа, остатки Великой Арміи образовали на другомъ берегу безформенную массу, которая нестройно развѣртывалась и удалялась по направленію къ Зембину. Вся эта мѣстность представляетъ собою громадную равнину, покрытую лѣсомъ, гдѣ неопредѣленно волновались между нѣсколькими склонами воды, образовавшія громадное болото. Армія перешла черезъ него по тремъ

мостамъ 300 футовъ длины, перешла съ нѣкоторымъ изумленіемъ, смѣшаннымъ со страхомъ и радостью.

Эти великолѣпные мосты, построенные изъ смолистыхъ елей, начинались въ нѣсколькихъ верстахъ отъ переправы. Чичаговъ въ теченіе нѣсколькихъ дней занималъ это мѣсто. Валежникъ и груды прутьевъ горячаго и сухого лѣса валялись у ихъ начала, какъ будто для того, чтобы указать, что ему надо было сдѣлать. Достаточно было огня изъ трубки одного изъ его казаковъ, чтобы сжечь эти мосты. Тогда всѣ сдѣланные нами усилія для переправы черезъ Березину оказались бы бесполезными. Очутившись между этими болотами и рѣкою, стиснутая въ узкомъ пространствѣ, безъ продовольствія, безъ крова, среди невыносимой метели, Великая Армія и ея Императоръ были бы принуждены сдаться безъ сраженія.

Въ этомъ отчаянномъ положеніи, когда вся Франція, казалось, должна была быть взята въ плѣнъ Россіей, когда все было противъ насъ и благоприятствовало русскимъ, эти русскіе все дѣлали только на половину. Кутузовъ подошелъ къ Днѣпру только въ тотъ день, когда Наполеонъ уже достигъ Березины; Витгенштейнъ далъ себя задержать достаточное количество времени; Чичаговъ былъ разбитъ; и изъ 80000 солдатъ Наполеону удалось спасти 60000.

Онъ оставался до послѣдняго момента у этихъ унылыхъ береговъ, около развалинъ Брилова, безъ крова, во главѣ своей гвардіи, треть которой была уничтожена страданіемъ. Днемъ съ оружіемъ въ рукахъ она строилась, готовая къ сраженію, ночью располагалась въ бивуакахъ въ карре вокругъ своего вождя; тамъ старые гренадеры неустанно разжигали свои огни.

Въ теченіе этихъ трехъ дней и этихъ трехъ ночей Наполеонъ находился среди нихъ; его взглядъ и его мысль одновременно были обращены на три стороны; онъ поддерживалъ второй корпусъ своими приказами и своимъ присутствіемъ, способствовалъ переправѣ девятаго корпуса и его артиллеріи и помогалъ Эблэ, старавшемуся спасти при этомъ бѣдствіи все, что только было возможно. Онъ самъ, наконецъ, направился во главѣ этихъ остатковъ арміи по направленію къ Зембину, куда еще раньше его выступилъ принцъ Евгенийъ.

Замѣтили, что Императоръ приказалъ своимъ маршаламъ, оставшимся безъ солдатъ, занять прежнее мѣсто во время этого выступленія, какъ-будто бы подъ ихъ начальствомъ еще были арміи. Одинъ изъ нихъ съ горечью ему сказалъ объ этомъ; онъ началъ входить въ подробности своихъ потерь; но Наполеонъ, рѣшившій отклониться отъ всѣхъ донесеній, дабы они не превратились въ жалобы, быстро прервалъ его

слѣдующими словами: «Почему вы хотите лишить меня спокойствія?» Но такъ какъ этотъ маршалъ упорствовалъ, то онъ зажалъ ему ротъ, повторяя съ отгѣнкомъ упрека: «Я васъ спрашиваю, почему вы хотите лишить меня спокойствія?» Эти слова въ его положеніи опредѣляютъ, какъ онъ рѣшилъ держать себя и чего онъ требовалъ отъ остальныхъ!

Вокругъ него въ теченіе всѣхъ этихъ роковыхъ дней каждая остановка отмѣчала мѣсто бивуака грудю труповъ.

29-го Императоръ покинулъ берега Березины, подгоняя передъ собою безпорядочную толпу людей и выступая вмѣстѣ съ девятымъ корпусомъ, пришедшимъ въ полное разстройство. Старая гвардія, второй и девятый корпуса и дивизія Домбровскаго составляли вмѣстѣ не болѣе 14000 человекъ; и за исключеніемъ 600, остальные не могли болѣе образовать ни дивизіи, ни бригады, ни полка.

Ночью голодъ, холодъ, гибель массы офицеровъ, потеря обоза оставленнаго на той сторонѣ рѣки, примѣръ такого количества бѣжавшихъ—что отвратительнѣе всего,—раненные, которыхъ бросили на обоихъ берегахъ и которые катались, всѣ въ крови, безнадежно по снѣгу,—все въ концѣ концовъ дезорганизовало ихъ; они затерялись въ нестройной толпѣ, которая двигалась изъ Москвы.

Это все еще было 60000 человекъ, но лишенныхъ всякой связи. Всѣ шли какъ попало, кавалерія, пѣхота, артиллерія, французы и нѣмцы; не было больше ни крыла, ни центра. Артиллерія и обозъ двигались сквозь эту нестройную толпу, не повинуваясь никакимъ приказамъ, кромѣ одного: двигаться какъ можно быстрѣе.

На этомъ пути, то узкомъ, то крутомъ, толпа сжималась въ каждомъ ущельи и потомъ разсѣивалась повсюду, гдѣ надѣялась найти кровь и какую-нибудь пищу. Такимъ образомъ Наполеонъ прибылъ въ Камень. Тамъ онъ легъ спать вмѣстѣ съ плѣнными истекшаго дня, которыхъ отдѣлили отъ войска. Эти несчастные, питаясь всѣмъ, чѣмъ попало, даже трупами своихъ же, почти всѣ погибли отъ голода и холода.

30-го достигли Плещениць. Такъ какъ герцогъ де-Реджіо былъ раненъ, то онъ размѣстился тамъ съ вечера вмѣстѣ съ 40 офицерами и солдатами. Тамъ они считали себя въ безопасности, какъ вдругъ въ этотъ городъ проникъ русскій Ланской со 150 гусарами, 400 казаковъ и занялъ всѣ улицы.

Слабый эскортъ Удино былъ разсѣянъ. Маршалъ видѣлъ себя вынужденнымъ защищаться; ихъ было 18 человекъ въ деревянномъ домѣ; но они исполнили это съ такою храбростью и такъ успѣшно.

что непріятель изумленный и встревоженный, удалился изъ города и расположился на холму, откуда тревожилъ ихъ только пушечными выстрѣлами. Настойчивая судьба хотѣла, чтобы этотъ храбрый маршалъ еще разъ былъ раненъ осколкомъ дерева во время этого горячаго дѣла.

Наконецъ, появились два вестфальскихъ батальона, шедшихъ впереди Императора. Они выручили ихъ, хотя и слишкомъ поздно. Нѣмцы и эскортъ герцога де-Реджіо, не признавъ сначала другъ друга, долго смотрѣли одни на другихъ съ недоувѣріемъ и тревогой.

3-го декабря утромъ Наполеонъ прибылъ въ Молодечное. Это былъ послѣдній пунктъ, на которомъ Чичаговъ могъ его опередить. Тамъ нашлось кое-какое количество припасовъ и обильный фуражъ. День былъ прекрасный. Солнце сверкало. Холодъ былъ сноснымъ. Наконецъ, курьеры, которые долгое время запаздывали, прибыли туда всѣ заразъ. Поляки были тотчасъ отправлены къ Варшавѣ черезъ Олиту, а кавалерія пѣшкомъ черезъ Меречъ на Нѣманъ. Остальные должны были итти большой дорогой, на которую снова вышли.

До сихъ поръ, какъ кажется, Наполеонъ не соглашался на предложеніе покинуть свою армію. Но къ срединѣ этого дня онъ объявилъ внезапно Дарю и Дюроку о своемъ рѣшеніи немедленно отправиться во Францію.

Дарю не видѣлъ въ этомъ необходимости. Онъ возразилъ, «что общенія снова открыты передъ ними и наибольшія опасности избѣгнуты; что съ каждымъ шагомъ назадъ онъ будетъ встрѣчать подкрѣпленія, высланныя изъ Франціи и Германіи». Но Императоръ отвѣтилъ, «что онъ не чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы оставить между собой и Франціей Пруссію. Зачѣмъ ему оставаться во главѣ разбитой арміи? Достаточно будетъ Мюрата и Евгенія, чтобы руководить ею, и Нея, чтобы ее прикрывать.

«Что ему совершенно необходимо, вернуться во Францію, ободрить ее, вооружить ее и удержать всѣхъ нѣмцевъ вѣрными ей. Наконецъ, что это неизбѣжно для того, чтобы вернуться съ достаточнымъ, новымъ войскомъ на помощь остаткамъ Великой Арміи».

«Но прежде, чѣмъ эта цѣль будетъ достигнута, не слѣдовало ли ему перебраться черезъ земли союзниковъ, что составляло 400 льѳ? Пока еще можно избѣжать при этомъ опасности: такого рѣшенія отъ него тамъ не ожидаютъ, о его переходѣ никто не знаетъ, шумъ о его печальномъ отступленіи еще не подтвердился; онъ предупредить извѣстіе объ этомъ, предупредить послѣдствія, которыя могутъ отъ этого произойти, предупредить отложенія, которыя могутъ явиться результатомъ такого извѣстія. Нечего терять времени! Ему пора уѣзжать!

Онъ не могъ рѣшить только, кого оставить начальствовать арміей: Мюрата или Евгенія? Ему нравились умъ и преданность Евгенія, но у Мюрата было больше блеска славы, а дѣло шло о томъ, чтобы сумѣть внушить къ себѣ почтеніе. Евгеній остался бы съ этимъ правителемъ; его возрастъ, его низшій чинъ отвѣчали за его покорность, а его характеръ за его рвеніе. Онъ подалъ бы примѣръ другимъ маршаламъ.

Наконецъ съ ними останется Бертье, этотъ привычный исполнитель всѣхъ приказаній и милостей Императора. Такимъ образомъ ничего не придется мѣнять въ устройствѣ и распорядкахъ. Сверхъ того такое положеніе будетъ знаменовать собою, что онъ скоро вернется и одновременно будетъ сдерживать даже самыхъ нетерпѣливыхъ, которые будутъ исполнять свои обязанности изъ спасательнаго страха передъ врагомъ.

Таковы были соображенія Наполеона. Тотчасъ Колэнкуръ получилъ приказъ тайно приготовить все для его отъѣзда. Мѣстомъ, откуда оно должно было произойти, были назначены Сморгоны, а временемъ—ночь съ 5-го на 6-ое декабря.

Дарю, который не долженъ былъ слѣдовать за Наполеономъ и на котораго не возлагали тяжелой обязанности управлять арміей, несмотря на это, выслушалъ все молча, не имѣя никакой возможности возразить что-либо противъ такихъ вѣскихъ соображеній. Но не такъ поступилъ Бертье. Этотъ ослабѣвшій старикъ, который въ продолженіе шестнадцати лѣтъ не покидалъ Наполеона, возмутился при мысли о такой разлукѣ.

Сцена, которая при этомъ произошла у нихъ наединѣ, была ужасна. Императора возмутило его упорство. Въ гнѣвѣ онъ укорялъ его благодареніями, которыми онъ его осыпалъ: армія говорилъ онъ, нуждается въ той репутаціи, которую онъ ему создалъ и которая была отблескомъ его собственной славы. Въ концѣ концовъ онъ далъ ему двадцать четыре часа срока на рѣшеніе; по истеченіи его, если бы онъ продолжалъ упорствовать, онъ могъ бы отправляться на родину и оставаться тамъ съ запрещеніемъ появляться въ Парижѣ или въ присутствіи Императора. На утро, 4-го декабря, Бертье принесъ извиненіе за свой отказъ, сославшись въ оправданіе на свои годы и ослабленное здоровье, и грустно выразилъ свою покорность.

Но въ то время, когда Наполеонъ рѣшился уѣхать, зимній холодъ сталъ невыносимымъ, какъ будто русское небо, видя, какъ онъ отъ него ускользаетъ, удваивало свою суровость, чтобы подавить насъ и уничтожить. Среди 26-тиградуснаго мороза мы достигли 4-го декабря Бѣлицы.

Императоръ оставилъ въ Молодечномъ графа Лобо и нѣсколько сотенъ солдатъ своей старой гвардіи. Тамъ соединялась зембинская дорога съ большой дорогой изъ Минска въ Вильну. Надо было сохранить за собой этотъ узелъ дорогъ до тѣхъ поръ, пока придетъ Викторъ, который долженъ былъ удержать его въ свою очередь до прибытія Нея; ибо этому маршалу и второму корпусу, находившемуся подъ командой Мезона, было поручено составлять арьергардъ.

Вечеромъ 29-го ноября, въ тотъ день, когда Наполеонъ покинулъ берега Березины, Нея со вторымъ и третьимъ корпусами, уменьшившимися до 3000 солдатъ, перешелъ черезъ длинные мосты, которые вели къ Зембину, оставивъ у ихъ начала Мезона съ нѣсколькими сотнями солдатъ, поручивъ имъ разрушить и сжечь эти мосты.

Чичаговъ началъ атаку поздно, но стремительно не только ружейнымъ огнемъ, но и штыковымъ боемъ. Онъ былъ отбитъ. Въ это время Мезонъ отдалъ приказаніе обкладывать длинные мосты тѣмъ хворостомъ, которымъ нѣсколько дней тому назадъ не сумѣлъ воспользоваться Чаплицъ. Когда все было готово и непріятель совершенно утомился сраженіемъ, когда наступила ночь и всѣ расположились бивуакомъ, онъ быстро перешелъ ущелье и приказалъ зажечь хворостъ. Вскорѣ эти длинные плоты опустились въ болото, которое не успѣло еще достаточно промерзнуть.

Эта трясина остановила непріятеля и заставила его дѣлать обходъ. Такимъ образомъ въ теченіе всего слѣдующаго дня Нея и Мезонъ могли спокойно итти. Но черезъ день, 1-го декабря, когда они были уже въ виду Плещаницъ, они замѣтили непріятельскую кавалерію, которая настигла ихъ и стала тѣснить правый флангъ Думерка съ его кирасирами. Въ одно мгновеніе они были окружены и атакованы со всѣхъ сторонъ.

Въ это время Мезонъ увидалъ деревню, полную отставшихъ, въ которую и рѣшилъ отступить. Онъ немедленно посылаетъ туда солдатъ кричать этимъ отставшимъ, чтобы они очистили деревню, но эти несчастные, изнеможенные голодомъ, ничего не слушая, ничего не видя, отказались оставить обѣдъ, который они только что начали. Скоро Мезонъ былъ оттѣсненъ прямо на нихъ въ Плещеницы. Только тогда, при видѣ непріятеля, услыхавъ свистъ ядеръ, эти несчастные сразу заволновались; они стремительно бросились бѣжать и, собравшись со всѣхъ сторонъ, заполнили всю главную улицу.

Мезонъ со своимъ отрядомъ вдругъ какъ бы затерялся въ этой перепуганной толпѣ, которая его тѣснила, подавляла и почти не давала возможности пользоваться своимъ оружіемъ. Генералу оставалось только приказать своимъ солдатамъ оставаться неподвижно въ этой

толпѣ, сомкнувъ ряды, и ждѣть, пока пройдетъ эта волна людей. Тогда непріятельская кавалерія настигла эту нестройную массу и врѣзалась въ нее; но она могла проникнуть сквозь нея, только медленно пробивая себѣ путь оружіемъ.

Наконецъ, когда разсѣялась толпа, передъ русскими открылся Мезонъ со своими солдатами, которые ждали ихъ въ полномъ порядкѣ. Но эта толпа увлекла въ своемъ безпорядочномъ бѣгствѣ нѣкоторое количество нашихъ солдатъ. Находясь на открытомъ мѣстѣ съ 7—8стами людей передъ лицомъ нѣсколькихъ тысячъ враговъ, Мезонъ потерялъ всякую надежду на спасеніе. Онъ уже старался только достигнуть лѣса, чтобы тамъ продать свою жизнь возможно дороже. Въ это время онъ неожиданно увидалъ 800 приближавшихся поляковъ, совершенно свѣжій отрядъ, который Ней, встрѣтивъ на своемъ пути, послалъ ему на помощь. Это подкрѣпленіе остановило врага и обезпечило отступленіе къ Молодечному.

4-го декабря, около четырехъ часовъ вечера, Ней и Мезонъ завидѣли этотъ городъ, откуда въ то самое утро выступилъ Наполеонъ. Чаплицъ слѣдовалъ за ними по пятамъ. У Нея оставалось только 600 человекъ. Слабость этого арьергарда, приближеніе ночи и видъ близкаго пристанища увеличилъ пылъ русскаго генерала; его атака была упорна. Ней и Мезонъ чувствовали, что они погибнуть отъ холода на большой дорогѣ, если дадутъ возможность отгѣснить себя за этотъ городъ, и предпочли погибнуть, защищаясь.

Они остановились у входа въ этотъ городъ и, такъ какъ лошади артиллеріи готовы были пасть, то они уже не мечтали спасти свои пушки и только стремились въ послѣдній разъ употребить ихъ противъ непріятеля. Поэтому они расположили въ батареею всѣ оставшіяся у нихъ пушки и открыли ужасный огонь. Колонна Чаплица, которая начинала атаку, была совершенно разбита этимъ огнемъ и остановилась.

Но этотъ генералъ, пользуясь своимъ превосходствомъ, направилъ часть своихъ силъ къ другому входу. Уже его первые отряды проникли за стѣны Молодечнаго, когда внезапно имъ пришлось завязать тамъ сраженіе съ новымъ врагомъ.

Судьбѣ было угодно, по счастью, чтобы Викторъ съ четырьмя приблизительно тысячами солдатъ, остатками девятаго корпуса, занималъ еще этотъ городъ. Битва была страшно ожесточенной; нѣсколько разъ то тѣ, то другіе завладѣвали первыми рядами домовъ. Съ обѣихъ сторонъ сражались не столько изъ-за славы, сколько для того, чтобы вырвать у непріятеля и сохранить за собою убѣжище отъ убійственного холода. Только въ одиннадцать часовъ отказались отъ этого

русскіе и, полузамерзшіе, отправились искать другого пристанища въ окрестныхъ деревняхъ.

На другой день, 5-го декабря, какъ думали Ней и Мезонъ, герцогъ Беллюнъ долженъ былъ замѣнить ихъ въ арьергардѣ. Но имъ пришлось убѣдиться, что этотъ маршалъ, слѣдуя полученнымъ инструкціямъ, отступилъ, и они остаются одни съ 60-ю солдатами въ Молодечномъ. Всѣ остальные бѣжали. До самаго послѣдняго момента русскіе не могли побѣдить ихъ солдатъ, но холодъ побѣдилъ ихъ. Оружіе падало изъ ихъ рукъ и сами они падали невдалекѣ отъ своего оружія.

Мезонъ, въ которомъ большая сила духа соединялась съ такой же большой тѣлесной силой, ничуть не удивился этому. Онъ продолжалъ свое отступленіе вплоть до Бѣницы, собирая на каждомъ шагу безпрестанно ускользавшихъ отъ него солдатъ и отмѣчая еще нѣсколькими штыками арьергардъ французской арміи. Да большаго и не требовалось, потому что сами русскіе, полузамерзшіе и вынужденные разсыпаться съ наступленіемъ ночи по сосѣднимъ деревнямъ, не осмѣливались выходить оттуда при свѣтѣ дня. Они снова начали насъ преслѣдовать, не возобновляя нападеній, потому что дикій холодъ не позволялъ остановиться ни для того, чтобы приготовить атаку, ни для того, чтобы защищаться.

Между тѣмъ Ней, изумленный уходомъ Виктора, догналъ его; онъ пытался его остановить, но герцогъ Беллюнъ, у котораго былъ приказъ отступать, возсталъ противъ этого. Тогда Ней сталъ просить у него его солдатъ, предлагая себя въ замѣстители и намѣреваясь командовать ими; но Викторъ не согласился ни уступить ему своихъ солдатъ, ни занять свое мѣсто въ арьергардѣ. Говорятъ, что во время этихъ препирательствъ Бородинскій принцъ пришелъ въ ярость и говорилъ съ необычайнымъ гнѣвомъ, который ничуть не тронулъ холоднаго Виктора. Наконецъ пришелъ приказъ Императора, чтобы Викторъ прикрывалъ отступленіе; Ней былъ отозванъ въ Сморгоны.

Наполеонъ прибылъ туда съ толпою умиравшихъ, изнеможенныхъ страданіями солдатъ; но онъ не позволилъ себѣ выказать ни малѣйшаго волненія при видѣ бѣдствій этихъ несчастныхъ людей, которые со своей стороны не роптали, чтобы не тревожить его. Дѣйствительно — возмущеніе было немислимо: для этого требовалось новое усиліе, а силы всѣхъ были уже истощены борьбой съ голодомъ, холодомъ и усталостью. Для этого требовалось также сойтись, сговориться, согласиться, а голодъ и цѣлый рядъ другихъ несчастій отдѣляли и изолировали всѣхъ другъ отъ друга, сосредоточивая всякаго въ самомъ

себѣ. Они были далеки отъ того, чтобы утомлять себя вызовами или даже жалобами и шли молча, сохраняя всѣ свои силы для борьбы съ враждебной имъ природой; необходимость двигаться и постоянное страданіе изгоняли всякія мысли. Тѣлесныя нужды подавляли всѣ душевныя силы; жизнь сохранялась только въ ощущеніяхъ и была подчинена по старой памяти ряду впечатлѣній, сохраненныхъ отъ лучшихъ временъ, чести и любви къ славѣ, возбужденной двадцатью годами постоянныхъ триумфовъ, жившей еще и дышавшей въ ихъ сердцахъ.

Сверхъ того еще оставался цѣлымъ и незапятнаннымъ авторитетъ вождей; въ немъ всегда было что-то отеческое; всегда опасности, побѣды и пораженія были общими. Это было несчастное семейство, въ которомъ больше всего приходилось, пожалуй, плакаться его главѣ. Такимъ образомъ и Императоръ, и Великая Армія хранили благородное молчаніе: были слишкомъ горды, чтобы жаловаться, и слишкомъ опытны, чтобы не сознавать бесплодность такихъ жалобъ.

Наполеонъ стремительно вошелъ въ свою послѣднюю генеральную квартиру; онъ написалъ тамъ свои послѣднія инструкціи и двадцать девятый и послѣдній бюллетень о состояніи своей умирающей арміи. Были приняты предосторожности, чтобы вплоть до завтрашняго дня не стало извѣстнымъ что-либо изъ того, что происходило въ его внутреннихъ покояхъ.

Но предчувствіе послѣдняго несчастья охватило всѣхъ офицеровъ; всѣ хотѣли бы за нимъ послѣдовать. Они страстно хотѣли снова увидать Францію, очутиться въ лонѣ своихъ семействъ и бѣжать отъ этого жестокаго климата; однако никто не осмѣливался обнаружить своего желанія; ихъ удерживалъ отъ этого долгъ и честь.

Пока они дѣлали видъ, что они отдыхаютъ,—отъ чего они были далеки на самомъ дѣлѣ,—наступила ночь и приблизился моментъ, который Императоръ назначилъ временемъ, когда можно было объявить начальникамъ арміи о его рѣшеніи. Были созданы всѣ маршалы. По мѣрѣ того, какъ они приходили, ихъ вызывали каждого въ отдѣльности и онъ склонялъ ихъ сначала къ своему плану выраженіями своего довѣрія къ нимъ.

Увидѣвъ Даву, Императоръ пошелъ къ нему навстрѣчу и спросилъ его, почему онъ его болѣе не видитъ и не покинулъ ли онъ его? На это Даву отвѣчалъ, что ему казалось, что Императоръ имъ недоволенъ. Императоръ мягко заговорилъ съ нимъ, выслушалъ его отвѣты, сообщилъ ему обо всемъ, довѣривъ даже маршрутъ, и выслушалъ его совѣты по этому поводу.

Онъ былъ ласковъ со всѣми; потомъ, собравъ ихъ у себя за столомъ, онъ началъ восхвалять ихъ дѣйствія въ эту кампанію. Что касается его самого, то онъ отозвался о своемъ дерзкомъ предпріятіи только слѣдующими словами: «Если бы я былъ рожденъ на тронѣ, если бы я былъ Бурбономъ, то мнѣ было бы легко не дѣлать ошибокъ».

Когда обѣдъ былъ оконченъ, онъ приказалъ принцу Евгенію прочитать имъ свой 29-й бюллетень, послѣ чего, объявивъ во всеуслышаніе о томъ, что онъ сообщилъ уже каждому въ отдѣльности, онъ сказалъ: «Въ эту самую ночь я отправляюсь вмѣстѣ съ Дюрокомъ, Колэнкурромъ и Лобо въ Парижъ; мое присутствіе тамъ необходимо для Франціи такъ же, какъ и для остатковъ несчастной арміи. Только оттуда я смогу сдержатъ австрійцевъ и пруссаковъ. Несомнѣнно, эти страны не рѣшатся объявить мнѣ войну, когда я буду во главѣ французской націи и новой арміи въ 1.200,000 человѣкъ!»

Онъ сказалъ еще, «что онъ посылаетъ впередъ Нея въ Вильну, чтобы онъ все тамъ реорганизовалъ, что ему въ этомъ будетъ помогать Раппъ, который отправится вслѣдъ затѣмъ въ Данцигъ; Лористонъ въ Варшаву; Нарбоннъ въ Берлинъ; что его гвардія останется при арміи, но что придется выдержать сраженіе подъ Вильной и задержать тамъ непріятеля; что тамъ они найдутъ Луазона, де-Вреде, подкрѣпленія, продовольствіе и всѣ боевые запасы; что послѣ этого расположатся на зимнія квартиры за Нѣманомъ, и что онъ надѣется, что русскіе не перейдутъ черезъ Вислу до его прибытія».

«Я оставляю, добавилъ онъ, короля Неополитанскаго командовать моею арміею. Я надѣюсь, что вы будете ему повиноваться, какъ мнѣ самому, и что между вами будетъ царить полнѣйшее согласіе».

Было десять часовъ вечера. Онъ поднялся, пожалъ имъ сердечно руки, поцѣловалъ ихъ всѣхъ и отправился.

Армія безъ Наполеона.

Товарищи, признаюсь вамъ, что мой отчаявшійся духъ отказывался погружаться далѣе въ воспоминанія объ этихъ ужасахъ! Я дошелъ до бѣгства Наполеона и убѣждалъ себя, что моя задача исполнена. Я объявилъ себя историкомъ той эпохи, когда послѣ дѣйствій, исполненныхъ высшей славы, мы пали въ бездну самаго глубокаго несчастья; но теперь, когда мнѣ остается только говорить о страшныхъ бѣдствіяхъ, почему бы намъ не избѣгнуть,—вамъ страданій при чтеніи о нихъ, мнѣ печальныхъ усилій памяти, которой остается только поднимать прахъ прошлыхъ событій, перечислять бѣдствія и писать только о могилахъ?

Но наша судьба толкала насъ отъ невѣроятныхъ успѣховъ къ такимъ же невѣроятнымъ бѣдствіямъ, и поэтому я попытаюсь сдержать обѣщаніе, которое я вамъ далъ. Исторіи великихъ людей говорятъ даже о послѣднихъ моментахъ ихъ жизни, и я не имѣю права умолчать о послѣднихъ моментахъ умиравшей Великой Арміи! Все только увеличиваетъ ея славу; ея стоны такъ же, какъ и ея крики побѣды! Все въ ней было полно величія; нашей участію было изумить вѣка блескомъ нашего торжества и силой нашей скорби! Грустное утѣшеніе, но единственное, которое намъ остается, ибо, не сомнѣвайтесь, товарищи, грохотъ такого великаго паденія прозвучитъ въ вѣкахъ, которые дѣлаютъ безсмертными не только великія дѣянія славы, но и великія бѣдствія!

Наполеонъ проходилъ черезъ толпу своихъ офицеровъ, выстроившихся на его пути, и дарилъ имъ на прощаніе грустныя, вынужденныя улыбки. Онъ увозилъ съ собою ихъ нѣмыя мольбы, сквозившія въ нѣсколькихъ почтительныхъ жестахъ. Онъ сѣлъ съ Колэнкуромъ въ

закрытую карету; его мамелюкъ и Вонсовичъ, капитанъ его гвардіи, сѣли на козла; Дюрокъ и Лобо слѣдовали за ними въ саняхъ.

Сначала ихъ конвоировали поляки, потомъ ихъ смѣнили неаполитанцы королевской гвардіи. Этотъ отрядъ состоялъ изъ 600 человѣкъ, когда онъ прибылъ изъ Вильны къ Императору. Они погибли почти всѣ за этотъ краткій переходъ; ихъ единственнымъ врагомъ была зима. Въ ту же самую ночь русскіе овладѣли и потомъ покинули Юпрануи— нѣкоторые говорятъ Осмяну,—городъ, черезъ который долженъ былъ проходить конвой.

Путешествіе Наполеона совершилось безпрепятственно. Онъ обогнулъ Вильну черезъ ея пригороды, проѣхалъ черезъ Вильковишки, гдѣ онъ смѣнилъ свою карету на сани, остановился 10-го въ Варшавѣ, чтобы потребовать отъ поляковъ отряда въ 10000 казаковъ, чтобы даровать имъ кое-какія льготы и обѣщать имъ свое скорое возвращеніе во главѣ 300000-ной арміи. Оттуда, быстро проѣхавъ черезъ Силезію, онъ прибылъ въ Дрезденъ, гдѣ имѣлъ встрѣчу съ Королемъ, потомъ въ Ганау, Майнцъ и, наконецъ, добрался до Парижа, куда онъ явился внезапно, 19-го декабря, черезъ два дня по опубликованіи его 29-го бюллетеня.

Отъ Малоярославца до Сморгонъ этотъ повелитель Европы былъ только генераломъ умирающей и дезорганизованной арміи. Отъ Сморгонъ до Рейна это былъ неизвѣстный бѣглець, стремившійся перейти черезъ непріятельскія земли. За Рейномъ онъ вдругъ снова оказался повелителемъ и побѣдителемъ Европы! Послѣдній порывъ вѣтра благоденствія надувалъ еще его парусъ!

Однако въ Сморгоняхъ его генералы почувствовали его отсутствіе; они были далеки отъ того, чтобы упасть духомъ; наоборотъ, въ этомъ была вся ихъ надежда. Арміи оставалось только отступать; дороги были открыты; русская граница недалеко. Они получили поддержку въ 18000 человѣкъ совершенно свѣжаго войска; а въ большомъ городѣ оказались громадныя склады. Мюратъ и Бертъе, оставшись вдвоемъ, полагали что они смогутъ управлять этимъ бѣгствомъ. Но среди этихъ страшныхъ беспорядковъ требовался колоссъ, который смогъ бы стать центромъ всего, а этотъ колоссъ исчезъ. Въ громадной пустотѣ, которая осталась послѣ него, Мюратъ былъ едва замѣтенъ!

Тогда слишкомъ ясно увидали, что великаго человѣка нельзя никѣмъ замѣстить, потому ли, что изъ гордости его приверженцы не могли подчиниться другому, потому ли, что онъ всегда самъ думалъ о всемъ, все предвидѣлъ и отдавалъ всѣ приказы и создалъ такимъ

образомъ только послушныхъ исполнителей, искусныхъ приближенныхъ и не одного вождя.

Въ первую же ночь одинъ изъ генераловъ отказался повиноваться. Маршалъ, который командовалъ аррьергардомъ, вернулся почти одинъ на генеральную квартиру. Три тысячи человѣкъ старой и молодой гвардіи еще находились тамъ. Это была вся Великая Армія: отъ гигантскаго тѣла оставалась только одна голова. Но при извѣстїи объ уходѣ Наполеона, испорченные привычкою повиноваться только побѣдителю Европы, не возбуждаемые теперь честью служить ему и презирая всѣхъ другихъ, эти старые солдаты поколебались въ свою очередь и сами приняли участіе въ безпорядкахъ.

Въ концѣ концовъ отсутствіе Наполеона и недостаточный авторитетъ Мюрата не были единственной причиной этого разсѣянїя арміи: главной причиной являлась суровость зимы, которая въ это время достигла своихъ крайнихъ предѣловъ. Она, казалось, увеличила всѣ препятствїя, лежавшія между арміей и Вильной.

До Молодечнаго и до 4-го декабря, день, когда зима обрушилась на насъ, дорога хотя и была трудной, но нашъ путь отмѣчался меньшимъ количествомъ труповъ, чѣмъ это было до Березины. Этимъ мы были обязаны храбрости Нея и Мезона, которые задержали непрїателя, болѣе сносной температурѣ, нѣкоторымъ запасамъ, которые намъ доставляла менѣе опустошенная мѣстность, и, наконецъ, тому, что при переходѣ черезъ Березину спаслись только самые выносливые.

Среди этого безпорядка поддерживалось нѣчто въ родѣ организаціи. Масса бѣглецовъ брела, раздѣлившись на цѣлый рядъ маленькихъ группъ въ восемь или десять человѣкъ. У многихъ изъ этихъ шаекъ была еще лошадь, нагруженная ихъ пожитками или служившая имъ средствомъ передвиженїя. Хворость, кое-какая посуда, ранецъ и палка служили этимъ несчастнымъ ихъ пожитками и ихъ вооруженїемъ. У солдатъ не было ни формы, ни оружія, не было желанїя бороться съ непрїателемъ; они стремились только побѣдить голодь и холодъ. Но у нихъ оставалась ихъ твердость, привычка къ опасности и страданїю и всегда изворотливый и живой умъ, который помогалъ имъ извлечь все, имѣвшее выгоду, въ ихъ положенїи. Наконецъ среди солдатъ, еще сохранявшихъ свое вооруженїе, имѣло нѣкоторое вліяніе насмѣшливое прозвище, которое они давали своимъ товарищамъ, принимавшимъ участіе въ безпорядкахъ.

Но послѣ Молодечнаго и ухода Наполеона, когда зима, удвоивъ свою суровость, напала на каждого изъ насъ, всѣ эти сообщества, вмѣстѣ боровшіяся съ несчастьемъ, распались: каждый боролся отдѣль-

но ото всѣхъ остальныхъ. Лучшіе не уважали уже самихъ себя; ни что ихъ не удерживало; никто ничего не видѣлъ; въ этомъ бѣдствіи не было надежды ни на помощь, ни даже на сожалѣніе; отчаяніе не имѣло передъ собою судей, не имѣло даже свидѣтелей: всѣ были жертвами!

Съ тѣхъ поръ не стало братства по оружію, не стало товарищества, всѣ связи были порваны! Невыносимыя страданія лишили всѣхъ разума. Голодъ, мучительный голодъ довелъ этихъ несчастныхъ до такого состоянія, что они знали только животный инстинктъ само-сохраненія, единственное чувство самыхъ свирѣпыхъ животныхъ; этому инстинкту они все готовы были принести въ жертву. Казалось, что во всѣхъ проявилась яростная, дикая и варварская природа какого-то невѣдомаго существа. Подобно дикарямъ, болѣе сильные грабили болѣе слабыхъ; они сбѣгались толпою къ умирающему и часто не ждали даже его послѣдняго вздоха. Когда падала лошадь, то казалось, что около нея собралась голодная стая волковъ; они окружали ея, разрывали ее на части и дрались изъ-за нея, какъ хищные звѣри.

Однако большинство сохранило достаточно нравственныхъ силъ, чтобы искать себѣ спасенія, не причиняя вреда другимъ; но это было послѣднимъ усиленіемъ ихъ добродѣтели. Если около нихъ или подъ колеса пушекъ падалъ ихъ начальникъ или товарищъ, то напрасно было звать ихъ на помощь, напрасно было заклинать ихъ общею родиной, религіей и общимъ несчастьемъ: на него даже не смотрѣли. Вся холодная черствость климата переселилась въ ихъ сердца; его холодъ обезобразилъ ихъ чувства, какъ и ихъ лица; всѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вождей, были переполнены страданіями, и ужасъ не оставлялъ мѣста для состраданія!

Считаютъ порокомъ эгоизмъ, вызванный избыткомъ счастья; здѣсь этотъ эгоизмъ былъ вызванъ избыткомъ бѣдствій и потому болѣе прости-теленъ; первый бываетъ добровольнымъ, а этотъ былъ вынужденнымъ; первый есть проступокъ сознательный, второй вызванъ былъ только инстинктомъ и былъ чисто физическимъ; дѣйствительно, остановиться на одинъ моментъ могло стоить жизни. При этой всеобщей гибели, протянуть руку своему товарищу, своему умирающему вождю было актомъ изумительнаго благородства. Малѣйшее движеніе, вызванное состраданіемъ, становилось геройскимъ подвигомъ.

Однако нѣкоторые твердо боролись противъ неба и земли; они покровительствовали и помогали болѣе слабымъ; но такихъ было мало.

6-го декабря, на слѣдующій день послѣ отъѣзда Наполеона, погода стала еще болѣе ужасной. Самъ воздухъ, казалось, замерзалъ:

птицы падали на лету замерзшими. Атмосфера была неподвижной и нѣмой; казалось, что все, что двигалось и жило въ природѣ, даже вѣтеръ, было подавлено и скомкано, какъ льдомъ, среди этой міровой смерти. Не слышалось больше словъ, не слышалось ропота, всюду царило угрюмое молчаніе!

Всѣ двигались въ этомъ царствѣ смерти, подобно жалкимъ призракамъ. Глухой и монотонный гулъ нашихъ шаговъ, трескъ снѣга и слабые стоны умирающихъ,—одни прерывали это глубокое, гробовое безмолвіе. Ни гнѣва, ни проклятій, ничего, въ чемъ таится еще какой-нибудь порывъ! Едва хватало силъ, чтобы умолять! Большая часть падала, даже не жалуясь, быть можетъ отъ слабости или изъ покорности, быть можетъ потому, что жалуются только тогда, когда надѣются смягчить и вызвать состраданіе.

Тѣ изъ нашихъ солдатъ, которые до сихъ поръ оказывались самыми стойкими, теперь пали духомъ. То снѣгъ проваливался у нихъ подъ ногами, то гладкая поверхность не давала имъ точки опоры и они поскальзывались на каждомъ шагу и шли, безпрестанно падая; казалось, что непріятельская почва отказывалась ихъ нести, что она ускользала изъ-подъ нихъ, что она строила имъ козни, чтобы затруднить ихъ движеніе, чтобы замедлить ихъ шествіе и предать ихъ въ руки русскихъ, которые ихъ преслѣдовали, или ихъ ужаснаго климата.

И дѣйствительно, какъ только, истощивъ свои силы, они останавливались на одно мгновеніе, зима, наложивъ на нихъ свою ледяную, руку, завладѣвала этой добычей. Напрасно тогда эти несчастные, чувствуя, какъ они цѣпенѣютъ, поднимались и, безгласные, погруженные въ полное оупѣніе, дѣлали, подобно автоматамъ, нѣсколько шаговъ: кровь, замерзшая въ ихъ жилахъ, какъ вода въ быстрыхъ ручьяхъ, ослабляла дѣятельность ихъ сердца; потомъ она прилиwała къ ихъ головѣ; тогда эти умирающіе начинали шататься, какъ пьяные. Изъ ихъ глазъ, красныхъ и воспаленныхъ, благодаря отсутствію солнечнаго свѣта и вліянію бивачнаго дыма, вытекали настоящія кровавыя слезы; глубокіе вздохи вырывались изъ ихъ груди; они смотрѣли на небо, на насъ и на землю взоромъ ужаснымъ, неподвижнымъ и свирѣпымъ; это было ихъ послѣднимъ прощаніемъ съ этой варварской природой, которая ихъ подвергала такимъ пыткамъ, и быть можетъ—ихъ упрекомъ! Скоро они начинали ползти на колѣнкахъ, потомъ становились на четвереньки; ихъ голова покачивалась еще нѣсколько минутъ направо и налево и изъ ихъ раскрытаго рта вырывались еще какіе-то предсмертные звуки; потомъ въ свою очередь они падали на

снѣгъ, который тотчасъ же окрашивался ихъ жидкой кровью, и ихъ страданія кончались.

Ихъ товарищи проходили черезъ нихъ, не обходя ни на шагъ, изъ боязни удлиннить свой путь, не поворачивая своей головы, потому что ихъ бороды и волосы топорщились, обмерзши льдышками, и каждое движеніе причиняло имъ мучительную боль. Они даже не сожалѣли объ упавшихъ, потому что, въ концѣ концовъ, что они теряли, умирая? Что они покидали? Страданія были такъ велики! Было еще такъ далеко до Франціи! всѣ были такъ далеки отъ родины при видѣ этой непохожей на нее страны, испытывая такія бѣдствія, что всѣ сладкія воспоминанія были забыты и надежда почти потеряна; большинство по необходимости или по привычкѣ стало совершенно безразлично относиться къ умирающимъ, видя ихъ повсюду на своемъ пути, и нѣкоторые даже издѣвались надъ ними. Но чаще всего при видѣ этихъ несчастныхъ, упавшихъ въ снѣгъ и тотчасъ замерзавшихъ, ограничивались мыслью, что имъ теперь больше ничего не нужно, что теперь они отдохнутъ и не будутъ больше страдать. Дѣйствительно—смерть тихая, стойкая и однообразная можетъ всегда показаться страннымъ явленіемъ, ужаснымъ контрастомъ, страшной переменной; но среди этого волненія, этой жизни, вѣчно протекающей въ дѣйствиіи, среди опасностей и страданій, она казалась только переходомъ, слабой переменной, однимъ лишнимъ перемененіемъ, и мало кого поражала.

Таковы были послѣдніе дни Великой Арміи. Ея послѣднія ночи были еще болѣе ужасными. Тѣ, которыхъ она захватывала вмѣстѣ вдали отъ всякаго жилья, останавливались на опушкѣ лѣса; тамъ они разводили костры, передъ которымъ и оставались всю ночь, молчаливые и неподвижные, какъ призраки. Они не могли согрѣться этимъ тепломъ; они придвигались къ нему такъ близко, что загорались ихъ одежды, и огонь уродовалъ замерзшія части ихъ тѣла. Тогда невыносимая боль заставляла ихъ лечь, а на утро тщетно старались они подняться!

Однако тѣ, которыхъ зима оставила нетронутыми и которые сохраняли еще остатокъ бодрости, готовили свой жалкій обѣдъ. Такъ въ Смоленскѣ такимъ обѣдомъ служили куски жареной конины и ржаная мука, разведенная въ талой водѣ, или галеты; все это они приправляли за недостаткомъ соли порохомъ изъ своихъ патроновъ.

На свѣтѣ этихъ огней всю ночь сбѣгались новые призраки, которые отталкивали пришедшихъ раньше. Эти несчастные бродили отъ бивуака къ бивуаку до тѣхъ поръ, пока, охваченные холодомъ и отчая-

ніемъ, не теряли всякую надежду. Тогда они ложились на снѣгъ за кругомъ своихъ болѣе счастливыхъ товарищей и тамъ умирали. Нѣкоторые, не обладав ни средствами, ни силой, чтобы срубить высокую ель, тщетно старались зажечь ее снизу; смерть быстро настигала ихъ около этого дерева, и они окоченѣвали въ той же самой позѣ.

Около обширныхъ сараевъ, которые стояли въ нѣкоторыхъ пунктахъ на дорогѣ, происходили самые невѣроятные ужасы. Солдаты и офицеры,—всѣ бросались туда и сливались въ толпу. Тамъ, какъ звѣри, они лѣзли одинъ на другого, стараясь пробиться къ огню; живые, не имѣя возможности удалить мертвыхъ отъ очага, садились на нихъ и погибали въ свою очередь, чтобы послужить смертнымъ одромъ для новыхъ жертвъ! Скоро появлялись новыя толпы отставшихъ, и, не имѣя возможности проникнуть въ это убѣжище скорби, они начинали его осаждать.

Часто случалось, что они разламывали стѣны изъ сухихъ бревень, чтобы достать топлива для своихъ костровъ; иной разъ отбитые и доведенные до отчаянія, они удовлетворялись тѣмъ, что располагались тамъ, какъ на бивуакѣ; отъ пламени ихъ костровъ загоралось это строеніе и солдаты, находившіеся въ немъ, полумертвые отъ холода, погибали въ огнѣ. Тѣ изъ насъ, кого спасли эти строенія, находили своихъ товарищей замерзшихъ грудю вокругъ своихъ погасшихъ костровъ. Чтобы выйти изъ этихъ катакомбъ, надо было съ невѣроятнымъ усиліемъ перебираться черезъ тѣла этихъ несчастныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые еще дышали!

Въ Юпрануи, въ томъ самомъ городкѣ, въ которомъ, опоздавъ на часъ, партизаны Сеславина едва не захватили Императора, солдаты сожгли цѣлый домъ, чтобы согрѣться, хотя бы на нѣсколько минутъ. Свѣтъ этого пожара привлекъ несчастныхъ, которыхъ суровый холодъ и страданіе довели до безумія; они сбѣжались, пылая яростью, и со скрежетомъ зубовъ и адскимъ смѣхомъ бросились въ этотъ костеръ, гдѣ и погибли въ ужасныхъ судорогахъ. Ихъ голодные товарищи смотрѣли на это безъ ужаса; нашлись нѣкоторые, которые подтащили къ себѣ обезображенные, обугленные пламенемъ трупы, и—увы, это слишкомъ вѣрно!—осмѣлились поднести къ своему рту эту отвратительную пищу.

Такова была армія, вышедшая изъ самой цивилизованной націи Европы, эта армія, когда-то такая блестящая, побѣдоносная вплоть до своего послѣдняго момента, имя которой еще царило надъ побѣжденными столицами! Ея самые доблестные бойцы, которые гордо перешли черезъ поля своихъ побѣдъ, утратили свой благородный обликъ; по-

крытые лохмотьями, съ голыми израненными ногами, опираясь на сосновыя палки, тащились они, и всю силу и твердость, которая раньше они тратили для того, чтобы побѣждать, они употребляли теперь на бѣгство.

Армія находилась въ крайнемъ состояніи физической и моральной подавленности, когда первые бѣглецы достигли Вильны. Вильна! ихъ магазины, ихъ склады, первый богатый и населенный городъ, который они встрѣтили со времени своего вступленія въ Россію! Одно его имя и близость поддерживали еще нѣкоторую бодрость.

9-го декабря большее число этихъ несчастныхъ увидѣло наконецъ этотъ городъ. И тотчасъ, одни едва волоча ноги, другіе стремительно бросившись впередъ, наполнили его предмѣстья, упрямо двигаясь все дальше и толпясь съ такимъ упорствомъ, что скоро всѣ они образовали одну сплошную массу людей, лошадей и повозокъ; тогда они остановились, не имѣя возможности двигаться далѣе.

Теченіе всей этой толпы по узкому проходу стало почти невыносимымъ. Тѣ, которые слѣдовали сзади, побуждаемые безсознательнымъ инстинктомъ, вмѣшивались въ эту сумятицу, не догадываясь войти въ городъ черезъ другіе входы,—ибо ихъ было нѣсколько. Все было въ такомъ безпорядкѣ, что въ теченіе всего этого жестокаго дня не явилось ни одного штабъ-офицера, чтобы указать на эти входы.

Въ продолженіе десяти часовъ тысячи солдатъ, которые уже считали себя спасенными, падали на двадцати восьми градусномъ морозѣ замерзшими или задохнувшимися, какъ у воротъ Смоленска и около моста на Березинѣ! 60000 человѣкъ перешло эту рѣку, да еще съ тѣхъ поръ къ нимъ присоединилось 20000 рекрутовъ; изъ этихъ 80000 человѣкъ погибла половина, и большинство изъ нихъ за эти четыре послѣдніе дня между Молодечнымъ и Вильной!

Литовская столица еще не знала о нашихъ бѣдствіяхъ, какъ вдругъ 40000 голодныхъ солдатъ наполнило ее криками и стопами. При этомъ неожиданномъ зрѣлищѣ жители встревожились; они заперли двери своихъ домовъ. Было грустно видѣть тогда, какъ эти несчастные солдаты бредили по улицамъ, одни полные ярости, другіе отчаянія, угрожая, умоляя, стараясь войти въ двери домовъ, или магазиновъ, или медленно направляясь въ больницы; и отовсюду ихъ гнали!

Въ магазинахъ требовались формальности, совершенно несвоевременныя, такъ какъ всѣ корпуса распались, солдаты перемѣшались и всякая правильная раздача была невыносима. Тамъ было запасено на сорокъ дней муки и хлѣба и на тридцать шесть дней мяса для

100000 человекъ. Ни одно изъ начальствовавшихъ лицъ не смѣло отдать приказанія раздавать эти припасы всѣмъ, кто туда являлся. Администраторы, которымъ они были поручены, боялись отвѣтственности; другіе опасались крайностей, которымъ могли бы предаться голодные солдаты, если бы имъ предоставили въ полное распоряженіе эти запасы. Эти администраторы не знали при этомъ, насколько отчаянно было наше положеніе, и тогда, когда едва оставалось время для того, чтобы разгромить всѣ эти магазины, нашихъ несчастныхъ товарищей по оружію заставляли нѣсколько часовъ умирать съ голода передъ этими грудями припасовъ, которыми на слѣдующій день завладѣлъ непріятель!

Въ казармахъ, въ госпиталѣ, они также не были приняты; но ихъ гнали оттуда не живые люди, потому что тамъ царила одна только смерть! Нѣсколько умиравшихъ солдатъ еще дышали тамъ; они начали жаловаться, что уже давно они лежатъ тамъ безъ постелей, даже безъ соломы, почти покинутые. Дворъ, коридоръ и палаты были переполнены грудю тѣлъ. Это былъ только смрадный складъ труповъ.

Наконецъ, благодаря усиліямъ нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ, такъ напримѣръ Евгенія и Даву, сострадательности литовцевъ и жадности евреевъ, открылись двери нѣсколькихъ убѣжищъ. Поразительно было изумленіе этихъ несчастныхъ, увидѣвшихъ себя наконецъ въ жиломъ домѣ. Какой восхитительной пищей казался имъ простой хлѣбъ! Какое невыразимое удовольствіе испытывали они, когда ѣли его, сидя! Въ какое изумленіе приходили они, когда видѣли слабый батальонъ во всеоружіи, въ формѣ и стройномъ порядкѣ. Казалось, что они вернулись съ края свѣта, настолько сила и продолжительность ихъ бѣдствій оторвали и отучили ихъ отъ всѣхъ прежнихъ привычекъ, такъ глубока была бездна, изъ которой они вышли!

Но едва они начали вкушать сладость этого покоя, какъ надъ ними и надъ городомъ зазвучали выстрѣлы русскихъ пушекъ. Этотъ угрожающій грохотъ, крики офицеровъ и трескотня барабановъ, призывавшихъ къ оружію, вопли толпы несчастныхъ, которые все еще прибывали туда, наполнили Вильну новымъ смятеніемъ. Прибылъ авангардъ Кутузова и Чаплица подъ начальствомъ Орурка, Ланского и Сеславина. Они атаквали дивизію Луазона, прикрывавшую одновременно и городъ и движеніе спѣшенной колонны кавалеріи, направлявшейся черезъ Невтроки на Олитѣ.

Сначала попробовали сопротивляться. Де-Вреде со своими баварцами только что соединился съ арміей, прибывъ черезъ Нарочвирански и Няменчинъ. Его преслѣдовалъ Виттгенштейнъ, который отъ Каменки

до Вилейки шелъ съ праваго нашего фланга, въ то время когда Кутузовъ и Чичаговъ преслѣдовали насъ. У де-Вреде не оставалось и 2000 солдатъ. Что же касается Луазона, его дивизіи и гарнизона Вильны, который явился оказать намъ помощь въ самые Сморгоны, то за послѣдніе три дня морозъ изъ 15000 человекъ уничтожилъ 12000.

Де-Вреде защищалъ Вильну со стороны Руконъ; онъ былъ принужденъ отступить послѣ доблестнаго сраженія. Луазонъ со своей дивизіей стоялъ ближе къ Вильнѣ и сдерживалъ непріятеля. Удалось заставить одну неаполитанскую дивизію вѣяться за оружіе и выйти изъ города; но ружья падали изъ рукъ этихъ солдатъ, переселенныхъ съ сожженной солнцемъ почвы въ эту страну льда. Меньше, чѣмъ черезъ часъ, всѣ они вернулись безъ оружія, а большая часть даже съ отмороженными конечностями.

Въ это время совершенно безрезультатно ударили тревогу на всѣхъ улицахъ; даже старая гвардія, сведенная до нѣсколькихъ взводовъ, была разсѣяна. Всѣ больше думали о томъ, какъ бы спасти себя отъ голодной смерти или замерзанія, чѣмъ о непріятелѣ. И вотъ послышались крики: «Казакѣ!» Уже съ давнихъ поръ это было единственнымъ сигналомъ, которому всѣ повиновались; онъ тотчасъ прозвучалъ по всему городу и отступление началось.

Де-Вреде неожиданно появился передъ королемъ и сказалъ: «Непріятель идетъ за мной по пятамъ! Баварцы оттѣснены въ самую Вильну, которую они не могутъ защищать!» И въ то же время шумъ смятенія достигъ до слуха короля. Мюратъ былъ изумленъ; не чувствуя себя повелителемъ арміи, онъ не былъ болѣе властенъ надъ самимъ собою. Онъ вышелъ пѣшкомъ изъ своего дворца и сталъ рубить толпу бѣглецовъ. Казалось, онъ боялся стычки среди такой толпы, напоминавшей прошедшій день. Однако, онъ остановился около послѣдняго дома предмѣстья, откуда и посылалъ распоряженія, и тамъ ждалъ разсвѣта и арміи, оставивъ Нею заботу объ остальномъ.

Можно было бы продержаться на сутки дольше въ Вильнѣ, и тогда большое количество людей было бы спасено. Въ этомъ зловѣщемъ городѣ осталось 20000 человекъ и среди нихъ 300 офицеровъ и 7 генераловъ. Большая часть ихъ была болѣе сражена зимою, чѣмъ непріятелемъ, который торжествовалъ побѣду надъ ними. Нѣкоторые были невредимы, по крайней мѣрѣ судя по ихъ внѣшнему виду, но ихъ моральныя силы были истощены. Найдя въ себѣ твердость побѣдить столько трудностей, они потеряли смѣлость у самой цѣли и испугались четырехъ лишнихъ дней. Они, наконецъ, нашли цивилизован-

ный городъ и, не рѣшаясь вернуться въ пустыню, предпочли отдаться во власть судьбы: она была ужасна!

Дѣйствительно, литовцы, которыхъ мы покидали, поставивъ ихъ въ такое неприятное положеніе, приняли и помогли нѣкоторымъ изъ нихъ; но евреи, которымъ мы покровительствовали, отвернулись отъ остальныхъ. Они сдѣлали даже больше того: видъ такихъ страданій возбудилъ ихъ алчность. Если бы ихъ отвратительная жадность, спекулировавшая на нашихъ несчастяхъ, удовлетворилась бы продажей на вѣсь золота кое-какихъ припасовъ, исторія съ презрѣніемъ умолчала бы объ этихъ безобразныхъ подробностяхъ; но они завлекали нашихъ несчастныхъ раненыхъ въ свои жилища, чтобы грабить ихъ, и потомъ выбрасывали черезъ двери и окна на глазахъ русскихъ этихъ голыхъ и умирающихъ страдальцевъ; они безжалостно оставляли ихъ умирать отъ холода; въ глазахъ русскихъ было заслугой со стороны этихъ гнусныхъ варваровъ, что они подвергали нашихъ солдатъ пыткамъ. О такихъ ужасныхъ преступленіяхъ должны знать и нынѣшній вѣкъ и грядущія столѣтія. Быть можетъ теперь, когда руки наши безсильны, наше негодованіе на этихъ чудовищъ будетъ имъ единственнымъ воздаяніемъ на землѣ; но настанетъ день, когда, наконецъ, убійцы послѣдуютъ за своими жертвами, и тогда безъ сомнѣнія въ небесномъ правосудіи осуществится наше мщеніе!

10-го декабря Ней, который еще разъ добровольно занялъ мѣсто въ аррьергардѣ, выступилъ изъ города, и тотчасъ же казаки Платова заполнили Вильну, убивая на пути тѣхъ несчастныхъ, которыхъ имъ бросали евреи. Во время этой бойни внезапно показался пикетъ изъ 30 французовъ, подходившій отъ моста на Вилии, гдѣ онъ былъ забытъ. При видѣ этой новой добычи казаки бросились къ ней, столпились, окружили ее съ громкими криками и начали нападать со всѣхъ сторонъ.

Но французскій офицеръ успѣлъ построить своихъ солдатъ кругомъ. Не медля ни минуты, онъ скомандовалъ имъ стрѣлять, и потомъ съ сомкнутыми штыками они пошли на врага. Въ одно мгновеніе всѣ бѣжали передъ ними и они остались хозяевами города. Удивившись трусости казаковъ не болѣе, чѣмъ ихъ атакѣ, офицеръ воспользовался моментомъ, быстро повернулъ назадъ и присоединился къ аррьергарду, не потерявъ ни одного человѣка.

Аррьергардъ сражался съ авангардомъ Кутузова, стараясь его остановить, потому что новое несчастье, которое онъ тщетно старался прикрыть, задерживало его около Вильны.

Въ этомъ городѣ, какъ и въ Москвѣ, Наполеонъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій насчетъ отступленія; онъ хотѣлъ, чтобы наше

бѣгство не стало извѣстно раньше времени, чтобы оно явилось неожиданностью и поразило бы нашихъ союзниковъ и ихъ правителей; онъ полагалъ, что, пользуясь моментомъ перваго удивленія, наше войско успѣетъ перейти черезъ ихъ земли прежде, чѣмъ они приготовятся присоединиться къ русскимъ и раздавить насъ.

Вотъ почему литовцы, иностранцы и всѣ, находившіеся въ городѣ, вплоть до самого правителя этого города, были обмануты. Они не повѣрили нашему поражению до тѣхъ поръ, пока не убѣдились въ немъ воочию; и на этотъ разъ почти суевѣрная убѣжденность въ непогрѣшимость генія Наполеона послужила ему на пользу среди его союзниковъ. Но эта же вѣра заставила нашихъ почивать въ полной увѣренности въ своей безопасности: въ Вильнѣ, какъ и въ Москвѣ, никто не былъ готовъ ни къ какому движенію.

Въ этомъ городѣ находилась большая часть обоза арміи, военная казна, запасы продовольствія, невѣроятное количество фургоновъ, нагруженныхъ вещами Императора, артиллерія и большое количество раненыхъ, для которыхъ наше отступленіе было неожиданнымъ ударомъ. Звуки выстрѣловъ заставили однихъ въ страхѣ броситься бѣжать, другихъ сковали ужасомъ; ряды солдатъ, жители, лошади, повозки,— все перепуталось и перемѣшалось!

Среди такого волненія нѣкоторымъ вождямъ удалось вывести изъ города и направить по направленію въ Ковно всѣхъ, кого только они могли принудить двигаться. Но, пройдя одно льѣ по этой дорогѣ, эта тяжелая и перепуганная колонна встрѣтила Понарскія высоты и ущелье.

Если бы наше шествіе было завоевательнымъ, то этотъ лѣсистый косогоръ показался бы нашимъ гусарамъ удобнымъ мѣстомъ, съ котораго они могли видѣть всю равнину вплоть до Вильны и судить о своемъ непріятелѣ. Этотъ короткій и крутой склонъ былъ едва замѣтенъ. При правильномъ отступленіи онъ оказался бы удобной позиціей, чтобы повернуться и остановить врага; но во время безпорядочнаго бѣгства, когда все, что могло бы служить на пользу, только вредить, когда въ стремительномъ и безпорядочномъ бѣгствѣ все обращаютъ противъ себя, этотъ холмъ и это ущелье оказались недолимымъ препятствіемъ, ледяною стѣною, о которую разбивались всѣ наши усилія. Здѣсь остался весь обозъ, вся казна и всѣ раненые. Несчастье было настолько велико, что даже среди этого длиннаго ряда бѣдствій оно составило эпоху.

Дѣйствительно все было потеряно,—деньги, честь, остатокъ дисциплины и силы! Послѣ пятнадцатичасовыхъ бесплодныхъ усилій, когда проводники и солдаты эскорта увидели, что король и вся колонна

бѣглецовъ обходить гору съ обѣихъ сторонъ, когда, повернувшись на грохотъ пушечной и ружейной пальбы, приближавшейся съ каждымъ мгновеньемъ, они увидали, что самъ Ней отступаетъ съ 3000 солдатъ, остатками корпуса де-Вреде и дивизіи Луазона, когда, наконецъ, обративъ взоры на самихъ себя, они увидали, что вся гора покрыта разбитыми и опрокинутыми повозками и пушками, упавшими лошадьми и людьми, умиравшими одни на другихъ, когда они увидали все это, они не думали о томъ, чтобы спасти что-нибудь, а только стремились предупредить алчность своего врага, разграбивъ все своими руками.

Раскрывшійся денежный ящикъ послужилъ сигнальмъ; всѣ бросились къ повозкамъ; ихъ разбили, вытащили оттуда самые дорогие предметы. Солдаты аррьергарда, проходившіе около этой суетоки, бросили свое оружіе, чтобы завладеть добычей; они дрались изъ-за нея съ такимъ ожесточеніемъ, что не слышали свиста пуль и криковъ казаковъ, которые ихъ преслѣдовали.

Говорятъ даже, что эти казаки замѣшались среди нихъ, и они этого не замѣтили. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ французы и татары, друзья и враги слились въ общей жадности! Видѣли русскихъ и французовъ, забывшихъ о войнѣ и грабившихъ вмѣстѣ одинъ и тотъ же ящикъ. Пропало на 10,000,000 золота и серебра!

Но наряду съ этими ужасами были случаи благородной самоотверженности. Нашлись солдаты, которые бросали все, чтобы спасти на своей спинѣ несчастныхъ раненыхъ. Нѣкоторые, не имѣя силы вырвать изъ этой толпы своихъ товарищей по оружію, которые полузамерзли, погибли, защищая ихъ отъ нападеній своихъ соотечественниковъ и непріятельскихъ ударовъ.

На наиболѣе открытой части горы офицеръ Императора, полковникъ графъ Тюреннъ, сдержалъ казаковъ и, несмотря на ихъ крики ярости и ружейный огонь, раздалъ на ихъ глазахъ гвардейцамъ, которыхъ онъ встрѣтилъ на своемъ пути, частныя сокровища Наполеона. Эти храбрые солдаты, отбиваясь одною рукою, а другою принимая имущество своего вождя, сумѣли спасти его. Черезъ много времени послѣ того, когда они избѣгли уже опасности, каждый изъ нихъ вернулъ то, что ему было поручено на храненіе. Ни одной монеты не было потеряно!

Понарская катастрофа была тѣмъ болѣе постыдной, что ее легко можно было предвидѣть и еще легче избѣжать, потому что можно было обойти этотъ холмъ сбоку. Наши загроможденія послужили, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы задержать казаковъ. Пока они подбирали эту добычу, Ней съ нѣсколькими сотнями французовъ и бавар-

цевъ прикрывалъ отступленіе вплоть до Эвэ. Такъ какъ это было его послѣднимъ усиліемъ, то надо сказать о тактикѣ, которой онъ держался при отступленіи, начиная съ Вязьмы, т.-е. съ 3-го ноября, въ продолженіе 37-ми дней и 37-ми ночей.

Каждый день въ пять часовъ вечера онъ занималъ позицію, останавливалъ русскихъ, давалъ своимъ солдатамъ возможность поѣсть и отдохнуть и выступалъ снова въ десять часовъ. Въ продолженіе всей ночи онъ гналъ передъ собою толпу отставшихъ криками, просьбами и ударами. На разсвѣтѣ, часовъ въ семь, онъ останавливался, снова занималъ позицію и отдыхалъ, держась на-готовѣ съ оружіемъ въ рукахъ, до десяти часовъ утра. Тогда снова появлялся непріятель и приходилось сражаться до вечера, отбивая возможно большее пространство позади грміи: сначала это дѣлалось по приказанію генерала, завѣдывавшаго отступленіемъ, потомъ сообразно съ обстоятельствами. Уже давно этотъ арьергардъ состоялъ только изъ 2000 человекъ, потомъ изъ 1000, потомъ въ немъ осталось около 500 и, наконецъ, только 60 человекъ. А между тѣмъ Бертъе, можетъ быть изъ расчета, можетъ быть изъ рутины, ничего не измѣнилъ въ своемъ отношеніи къ нему. Все время онъ обращался къ корпусу въ 35000 человекъ; онъ неизмѣнно точно указывалъ въ своихъ инструкціяхъ тѣ различныя позиціи, которыя онъ долженъ былъ занять и удержать до слѣдующаго дня, перечислялъ дивизіи и полки, которые уже не существовали. И каждую ночь, когда Ней настойчиво требовалъ отъ него, чтобы онъ разбудилъ короля и заставилъ его возобновить свое движеніе, онъ выказывалъ такое же изумленіе!

Такимъ образомъ Ней прикрывалъ отступленіе, начиная съ Вязьмы и кончая нѣсколькими верстами за Эвэ. Тамъ по обыкновенію этотъ маршалъ остановилъ русскихъ и далъ возможность отдохнуть въ теченіе первыхъ часовъ ночи. Но около десяти часовъ вечера онъ и де-Вреде замѣтили, что они остались одни. Ихъ солдаты ихъ покинули, бросивъ свое оружіе; оно сверкало, составленное въ козлы, около покинутыхъ костровъ.

По счастью суровый морозъ, который лишилъ нашихъ солдатъ послѣдней смѣлости, лишилъ непріятели возможности дѣйствовать. Ней съ трудомъ догналъ свою колонну. Онъ увидалъ только бѣглецовъ; нѣсколько казаковъ гнало ихъ передъ собою, не стараясь ни захватить ихъ, ни перебить. Можетъ быть они почувствовали жалость, потому что все въ концѣ-концовъ утомляетъ людей; можетъ быть невѣроятность нашихъ бѣдствій поразила самихъ русскихъ и они сочли себя достаточно отмщенными, ибо многіе изъ нихъ выказали свое

благородство; можетъ быть, наконецъ, что ихъ удовлетворила и отяготила добыча. Быть можетъ, даже въ этой тѣмѣ, они замѣтили, что имѣютъ дѣло только съ безоружными.

Отъ 50,000-ной арміи Виттгенштейна оставалось едва 15,000 солдатъ! Вильсонъ увѣряетъ, что изъ подкрѣпленія въ 10,000 человекъ, отправившагося изъ центра Россіи со всѣми предосторожностями, которыя они умѣютъ принимать противъ зимняго холода, прибыло въ Вильну только—1700 солдатъ! Но и одной колонны было достаточно противъ нашихъ безоружныхъ солдатъ. Напрасно Ней старался собрать нѣсколькихъ изъ нихъ; онъ, который до тѣхъ поръ одинъ распоряжался всѣмъ отступавшимъ войскомъ, самъ долженъ былъ теперь стать въ его ряды.

Вмѣстѣ со всѣми Ней прибылъ въ Ковно. Это былъ послѣдній городъ въ русской имперіи. Наконецъ 13-го декабря, пройдя въ теченіе 46-ти часовъ подъ ужаснымъ ярмомъ, наши увидели дружественную землю. И тотчасъ, не останавливаясь, не обращая взора назадъ, большинство углубилось и разсѣялось въ лѣсахъ польской Пруссіи. Но нашлись и такіе, которые, придя къ союзнымъ берегамъ, обернулись назадъ. Тамъ, бросивъ послѣдній взглядъ на эту страну страданія, изъ которой они вырвались, увидѣвъ то самое мѣсто, откуда пять мѣсяцевъ тому назадъ ихъ безчисленные орлы побѣдоносно устремились впередъ, они стояли со слезами на глазахъ и испускали скорбные крики.

«Такъ вотъ тотъ берегъ, который былъ покрытъ, словно щетиной, ихъ штыками! Такъ вотъ та союзная земля, которая—не прошло еще пяти мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ!—уходила подъ ногами ихъ громадной союзной арміи, и представлялась имъ тогда превратившейся, какъ по мановенію волшебнаго жезла, въ движущіяся долины и холмы, покрытые людьми и лошадьми! Вотъ тѣ самыя лощины, изъ которыхъ выступали при свѣтѣ жгучаго солнца три длинныя колонны драгунъ и кирасировъ, подобно тремъ рѣкамъ, сверкавшимъ сталью и мѣдью! А теперь все исчезло,—люди, оружіе, орлы, лошади, само солнце и даже сама пограничная рѣка, которую они перешли, полные смѣлости и надежды! Нѣманъ превратился теперь только въ сплошную массу ледяныхъ глыбъ, схваченныхъ и скованныхъ одна на другой удвоившей свою ярость зимою! На мѣстѣ трехъ французскихъ мостовъ, которые были привезены за 500 лѣ и переброшены съ такою смѣлою быстротою, единственно цѣлымъ оставался русскій мостъ. И наконецъ вмѣсто тѣхъ безчисленныхъ бойцовъ и ихъ 400,000 товарищей, столько разъ торжествовавшихъ побѣду вмѣстѣ съ ними, устремившихся съ такою радостью и гордостью на русскія земли, выходили изъ этой

сумрачной и ледяной пустыни только тысяча вооруженныхъ пѣхотинцевъ и кавалеристовъ, девять пушекъ и 20,000 жалкихъ созданий, покрытыхъ тряпками, съ опущенной головой, потухшимъ взоромъ, багрово-грязнымъ лицомъ и длинною взъерошенной бородою! Одни изъ нихъ боролись въ молчаніи за узкій проходъ на мостъ, который, несмотря на ихъ небольшое число, оказался недостаточнымъ для ихъ поспѣшнаго бѣгства; другіе бѣжали тамъ и сямъ по льдинамъ, громоздившимся на рѣкѣ, съ трудомъ перебираясь съ одной на другую. И это была вся Великая Армія! И многіе изъ этихъ бѣглецовъ были еще новыми рекрутами, которые присоединились къ ней вполсѣдствіи!»!

Два короля, одинъ принцъ, восемь маршаловъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, генералы, шедшіе пѣшкомъ тамъ и сямъ безо-всякаго порядка; и наконецъ нѣсколько сотенъ солдатъ старой гвардіи, сохранявшихъ еще свое вооруженіе,—это было все, что оставалось! Они представляли собою Великую Армію!

Или скорѣе она все еще держалась въ маршалѣ Неѣ. Товарищи! Союзники! Враги! я призываю васъ подтвердить это: отнесемъ къ памяти несчастнаго героя съ тѣмъ почетомъ, котораго онъ заслуживаетъ. Всѣ бѣжали, и даже самъ Мюратъ, проходя черезъ Ковно, какъ черезъ Вильну, сначала отдавалъ и потомъ бралъ назадъ приказъ собраться въ Тильзитѣ, и назначилъ наконецъ для этого Гумбинненъ. А Нея въ то время вошелъ въ Ковно одинъ со своими адъютантами, потому что всѣ его подчиненные отступили или пали. Послѣ Вязьмы это былъ четвертый арьергардъ, которымъ онъ командовалъ и который таялъ въ его рукахъ. Но зима и голодъ уничтожили его еще больше, чѣмъ русскіе. Въ четвертый разъ онъ остался одинъ передъ непріателемъ и, все еще непоколебимый, искалъ себѣ пятый арьергардъ.

Онъ нашелъ въ Ковно отрядъ артиллеріи, триста нѣмцевъ, составлявшихъ гарнизонъ этого города, и генерала Маршана съ 4000 солдатъ; онъ принялъ начальство надъ ними. Сначала онъ прошелъ по всему городу, чтобы ознакомиться со своей позиціей и собрать еще нѣсколько солдатъ; но онъ нашелъ только раненыхъ, которые съ плачемъ старались слѣдовать за нашей отступавшей арміей. Въ восьмой разъ, послѣ выхода изъ Москвы, пришлось покинуть ихъ всѣхъ въ госпиталяхъ, какъ ихъ покидали послѣдовательно на всемъ пути, на всѣхъ поляхъ битвы и на всѣхъ бивуакахъ.

Нѣсколько тысячъ солдатъ было на площади и на прилежавшихъ улицахъ, но они лежали замерзшими передъ винными магазинами, которые они разгромили; они нашли смерть тамъ, гдѣ они искали жиз-

ни! Это было единственное подкрѣпленіе, которое было ему оставлено Мюратомъ; Ней видѣлъ себя оставленнымъ въ Россіи съ 700-ми иностранныхъ рекрутовъ. Въ Ковно, какъ и въ Вязьмѣ, Смоленскѣ, на Березинѣ и въ Вильнѣ, ему еще разъ поручили честь нашего оружія и опасность въ тылу нашего отступленія. Онъ принялъ ихъ на себя!

14-го, рано утромъ, началась атака русскихъ. Въ то время, какъ одна колонна появилась внезапно на дорогѣ изъ Вильны, другая русская колонна перешла ниже города по льду рѣки, вступила на прусскія земли и, гордясь тѣмъ, что она первая перешла черезъ свою границу, направилась къ ковенскому мосту, чтобы запереть этотъ выходъ и отрѣзать Нею всякое отступленіе.

Послышались первые выстрѣлы у виленскихъ воротъ; Ней бросился туда; онъ хотѣлъ удалить пушки Платова выстрѣлами изъ своихъ орудій, но нашелъ свои пушки забытыми. Артиллеристы бѣжали. Въ ярости онъ бросился, замахнувшись шпагой, на офицера, который ими командовалъ, и убилъ бы его, если бы адъютантъ Нея не отвратилъ удара и не далъ бы возможности этому несчастному спастись бѣгствомъ.

Тогда Ней сталъ звать свою пѣхоту; но изъ двухъ слабыхъ батальоновъ, которые составляли ее, только одинъ взялся за оружіе. Это были 300 нѣмецкихъ солдатъ гарнизона. Онъ размѣстилъ ихъ, ободрилъ и, когда непріятель приблизился, хотѣлъ уже имъ командовать стрѣлять, какъ вдругъ русское ядро, срѣзавъ верхушку забора, раздробило бедро ихъ начальнику. Этотъ офицеръ упалъ и, не колеблясь, хладнокровно вытащилъ свой пистолетъ и раздробилъ себѣ черепъ на глазахъ своихъ солдатъ. При видѣ такого отчаянія, его солдаты пришли въ ужасъ и смятеніе, побросали разомъ свое оружіе и обратились въ безпорядочное бѣгство.

Ней, котораго всѣ покидали, не лишился самообладанія и не покинулъ своего поста. Послѣ безплодныхъ попытокъ остановить этихъ бѣглецовъ, онъ подобралъ ихъ заряженныя ружья, обратился въ солдата и самъ - пять сталъ лицомъ къ лицу съ тысячами русскихъ. Его отвага ихъ остановила; она заставила покраснѣть нѣсколькихъ артиллеристовъ, которые послѣдовали примѣру своего маршала; она дала время адъютанту Геймесу и Жерару собрать тридцать солдатъ и привезти два - три легкихъ орудія, а генераламъ Ледрю и Маршану собрать единственный батальонъ, который у нихъ оставался.

Но въ этотъ моментъ началась за Нѣманомъ, около ковенскаго моста, вторая атака русскихъ. Было половина третьяго. Ней послалъ

Ледрю и Маршана съ ихъ 400-ми человекъ отбить и сохранить этотъ выходъ. Что же касается его самого, то, не отступая ни на пядь, не думая о томъ, что происходитъ за его спиною, во главѣ тридцати солдатъ онъ держался до наступленія ночи у воротъ, ведущихъ въ Вильну. Потомъ онъ перешелъ черезъ Ковно и Нѣманъ, все время сражаясь, отступая, но не обращаясь въ бѣгство, и шелъ вмѣстѣ съ остальными, поддерживая до послѣдняго момента честь нашего оружія и въ сотый разъ за эти сорокъ дней и сорокъ ночей рискуя своей жизнью и свободой, чтобы только спасти еще нѣсколькихъ французовъ. Онъ вышелъ послѣднимъ изъ Великой Арміи изъ этой роковой Россіи, показавъ міру безпомощность слѣпого счастья передъ великой смѣлостью, доказавъ, что для героевъ все ведетъ къ славѣ, даже самыя великія пораженія!

Было восемь часовъ вечера, когда онъ перешелъ на союзный берегъ. Тогда, видя, что паденіе завершилось, что Маршанъ оттѣсненъ къ самому мосту, а вильковишская дорога, по которой шелъ Мюратъ, вся покрыта врагами, онъ бросился направо, углубился въ лѣса и исчезъ.

Когда Мюратъ прибылъ въ Гумбинненъ, онъ былъ чрезвычайно удивленъ, найдя тамъ Нея и узнавъ, что, начиная съ Ковно, армія шла безъ аррьергарда. По счастью преслѣдованіе русскихъ замедлилось, послѣ того, какъ они вернули отнятую у нихъ территорію. Они колебались у прусской границы, не зная, входятъ ли они въ земли союзниковъ или враговъ? Мюратъ воспользовался этимъ колебаніемъ, чтобы остановиться на нѣсколько дней въ Гумбинненѣ и направить остатки корпусовъ въ различные города по теченію Вислы.

Въ то время, пока совершалась эта дислокація арміи, онъ собралъ ея вождей. Я не знаю, какой злой геній помогаль ему на этомъ совѣтѣ! Хотѣлось бы вѣрить, что его несдержанность была вызвана тяжелою обязанностью оправдывать передъ этими воинами свое стремительное бѣгство досадой на Императора, который возложилъ на него такую отвѣтственность, или можетъ быть стыдомъ появиться побѣжденными среди тѣхъ народовъ, надъ которыми мы одержали столько побѣдъ! Но такъ какъ его рѣчи было значительно болѣе прискорбнаго характера и такъ какъ его поступки вполне соответствовали имъ, потому что въ концѣ концовъ они были первыми признаками его отложенія, то исторія не можетъ умолчать объ этомъ.

Этотъ воинъ, взошедшій на тронъ только по праву побѣды, возвращался побѣжденнымъ. Съ первыхъ же шаговъ по покореннымъ землямъ онъ почувствовалъ, казалось, что все шатается вокругъ него и его корона колеблется на его головѣ. Тысячи разъ во время этой

кампаніи онъ подвергался самой большой опасности; но онъ, не боявшійся умереть, какъ простой солдатъ въ авангардѣ, не могъ перенести мысли жить безъ короны! И вотъ онъ явился среди этихъ вождей, которыхъ ему поручилъ его братъ, и принялся обвинять его въ тѣхъ честолюбивыхъ замыслахъ, которые онъ самъ раздѣлялъ съ нимъ, чтобы оправдаться.

Онъ воскликнулъ: «что невозможно болѣе служить безумцу, что нельзя спастись, поддерживая его; что всѣ властители Европы не вѣрятъ больше ни его словамъ, ни его договорамъ! Онъ приходитъ въ отчаяніе, что отклонилъ предложенія англичанъ: если бы онъ этого не сдѣлалъ, прибавилъ онъ, то еще былъ бы великимъ королемъ, наряду съ королями австрійскимъ и прусскимъ!»

Возгласъ Даву прервалъ его. «Король прусскій и императоръ австрійскій, грубо возразилъ онъ, короли милостью Божію, ихъ создало время и привычки народовъ! А вы король только по милости Наполеона и созданы пролитой французской кровью! Вы можете оставаться королемъ только благодаря Наполеону и оставаясь вѣрнымъ Франціи! Васъ ослѣпляетъ черная неблагодарность!» И тотчасъ онъ объявилъ, что онъ донесетъ о немъ Императору. Другіе военачальники молчали. Они извиняли королю его увлеченіе и его скорбь и приписывали необдуманному гнѣву тѣ выраженія, которыя ненависть и подозрительность Даву слишкомъ хорошо поняли.

Мюратъ былъ смущенъ. Онъ чувствовалъ себя виновнымъ. Такъ была потушена эта первая искра измѣны, которая позднѣе должна была погубить Францію.

Вскорѣ пришлось перенести новое униженіе въ Кенигсбергѣ. Великая Армія, которая въ теченіе двадцати лѣтъ проходила съ триумфомъ черезъ всѣ столицы Европы, появилась теперь впервые обезображенной, безоружной, бѣжавшей, въ одной изъ тѣхъ столицъ, которая больше другихъ была унижена нашей славой. Ея жители сбѣгались на нашемъ пути считать наши раны и оцѣнить по величинѣ нашего несчастья все то, на что они могли бы возложить свои надежды. Мы были принуждены насытить нашими бѣдствіями ихъ жадные взгляды, перенести ярмо ихъ надеждъ и, влача наше бѣдствіе на глазахъ ихъ радостной ненависти, проходить, согнувшись подъ невыносимымъ бременемъ ненавистнаго позора!

Слабыя остатки Великой Арміи не пали подъ этой ношей. Ея тѣнь, почти уже развѣнчанная, все еще имѣла въ себѣ нѣчто величественное; она сохраняла свой повелительный видъ; побѣжденная природой, она была еще въ глазахъ людей побѣдоносной и властной!

Нѣмцы съ своей стороны приняли насъ мягко, быть можетъ по своей тупости, быть можетъ изъ страха; ихъ ненависть скрывалась подъ видомъ холодной сдержанности. И такъ какъ дѣло ихъ вовсе не касалось, пока они еще ожидали сигнала, они были принуждены помогать намъ въ несчастіи. Скоро Кенигсбергъ не могъ вмѣстить всѣхъ нашихъ бѣдствій. Зима, которая послѣдовала за нами туда, вдругъ внезапно насъ покинула. Въ одну ночь термометръ спустился на 20 градусовъ.

Эта быстрая переменна температуры оказалась для насъ роковой. Множество солдатъ и офицеровъ, которыхъ холодъ поддерживалъ до того въ постоянномъ напряженіи, ослабли и заболѣли. Ла-Рибуазьеръ, генераль-аншефъ отъ артиллеріи, скончался. Эблэ, честь всей арміи, послѣдовалъ за нимъ. Каждый день, каждый часъ мы со скорбью узнавали о новыхъ потеряхъ.

Наше лѣвое крыло, находившееся подъ команду Макдональда, быстро направлялось изъ Тильзита въ Митаву. Сраженіе съ этой стороны состояло только въ деплоядѣ отъ устья Аа до Динабурга и долгой оборонѣ подъ Ригой. Эта армія почти вся состояла изъ пруссаковъ. Она не измѣняла намъ, но предала насъ, даже не присоединившись къ русскимъ. Макдональдъ смогъ бы соединить остатки своего войска съ войсками Мортъе и прикрыть Кенигсбергъ.

На нашемъ правомъ крылѣ со стороны австрійцевъ, которыхъ удерживалъ прочный союзъ, отпалъ отъ насъ Шварценбергъ, но отпалъ нечувствительно съ сохраненіемъ всѣхъ формъ, которыхъ требовало политическое положеніе.

3-го декабря еще разъ были отбиты пруссаками подъ Ригой атаки русскихъ. Юркъ сознательно или изъ благоразумія довольствовался этимъ. Макдональдъ приблизился къ нему. 19-го декабря, черезъ двѣнадцать дней послѣ отъѣзда Наполеона и черезъ восемь дней послѣ взятія Вильны Кутузовымъ, когда наконецъ Макдональдъ началъ свое отступление, прусская армія еще оставалась вѣрной.

Только 22-го и въ теченіе слѣдующихъ дней русскіе прибыли къ берегамъ Вислы. Во время этого медленнаго шествія, съ 3-го по 11-е января, Мюратъ оставался въ Эльбингѣ. При этихъ печальныхъ обстоятельствахъ онъ переходилъ отъ одного чувства къ другому, въ зависимости отъ того, что происходило вокругъ него; то онъ заносился своими надеждами къ самому небу, то падалъ въ бездну унынія.

Онъ покинулъ Кенигсбергъ въ состояніи полного отчаянія, когда задержка въ движеніи русскихъ и соединеніе Макдональда съ Геделетомъ и Кавеньякомъ, что удваивало силы арміи, исполнили его вне-

запно пустой надежды. Онъ, который еще наканунѣ думалъ, что все потеряно, рѣшилъ перейти въ наступленіе и тотчасъ же приступилъ къ этому; онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые каждый моментъ мѣняютъ свои намѣренія. Въ этотъ день онъ рѣшилъ двинуться впередъ, а на слѣдующій день рѣшилъ бѣжать въ Позень.

Въ концѣ концовъ это послѣднее рѣшеніе было принято не безъ основаній. Соединеніе арміи на Вислѣ было призрачнымъ: старая гвардія состояла не болѣе чѣмъ изъ 500 человѣкъ; въ молодой гвардіи не оставалось почти никого; въ первомъ корпусѣ 1800; во второмъ 1000; въ третьемъ 600 солдатъ; въ четвертомъ 700. Притомъ большинство этихъ солдатъ, остатки 600,000 арміи, едва могли владѣть своимъ оружіемъ.

Въ этомъ безпомощномъ положеніи оба крыла арміи отпали, Австрія и Пруссія измѣнили намъ одновременно, Польша становилась западной, въ которую мы могли попасть. Съ другой стороны Наполеонъ, который никогда не соглашался ни на какія уступки, хотѣлъ, чтобы защищали Данцигъ. Въ такомъ случаѣ необходимо было стянуть туда всѣхъ, кто могъ еще продолжать сражаться.

Кромѣ того,—если уже говорить о всемъ,—когда Мюратъ возмечталъ въ Эльбингѣ возстановить армію и надѣялся даже на побѣду, онъ увидѣлъ, что большинство самихъ начальниковъ арміи было утомлено и потеряло всякую надежду. Въ ихъ сердца проникло то чувство, вызванное несчастьемъ, которое всего заставляетъ бояться и вѣрить во все, чего опасаются. Уже нѣкоторые безпокоились за свои чины, за свое положеніе; за земли, обладателями которыхъ они стали въ покоренныхъ странахъ, и большинство мечтало только о томъ, чтобы перейти Рейнъ.

Что же касается рекрутовъ, которые прибывали, то это было сборище людей различныхъ національностей Германіи. Чтобы присоединиться къ намъ, они перешли черезъ прусскія владѣнія, гдѣ царила такая ненависть къ намъ. Приближаясь, они замѣчали наше отчаяніе, видѣли наше пораженіе; когда они вступили въ наши ряды, ихъ не окружали и не поддерживали старые солдаты; они оставались одни среди всѣхъ этихъ бѣдствій и должны были поддерживать дѣло, брошенное тѣми, которые наиболѣе были заинтересованы въ томъ, чтобы довести его до триумфа. Поэтому большинство изъ этихъ нѣмцевъ разбѣжалось съ перваго же бивуака.

При видѣ бѣдствій арміи, возвращавшейся изъ Москвы, испытанная войска Макдональда сами поколебались. Однако этотъ корпусъ арміи и совершенно свѣжая дивизія Геделета сохраняли свое единство. Слѣ-

вѣка во время его побѣдоноснаго шествія, считаетъ себя несокрушимымъ, непобѣдимымъ!

Товарищи! не вѣрьте этому! Эта почва, эти равнины, этотъ климатъ, эта суровая и величественная природа могли одержать надъ вами побѣду, какъ вы одерживали побѣды надъ ихъ солдатами!

Но за нѣкоторыя ошибки мы заплатились великими бѣдствіями! Я сказалъ уже и о тѣхъ и о другихъ. Надъ этимъ океаномъ страданій я поднялъ печальный, кровавый свѣточъ; и если моя слабая рука не сумѣла совершить этотъ тяжелый трудъ, я по крайней мѣрѣ заставилъ всплыть обломки нашего корабля, чтобы тѣ, которые придутъ послѣ насъ, видѣли опасность и сумѣли ея избѣжать!

Товарищи! мой трудъ оконченъ. Теперь вы должны засвидѣтельствовать, вѣрна ли эта картина? Ея краски покажутся блѣдными, конечно, для вашихъ глазъ и для вашего сердца, еще преисполненнаго этихъ великихъ воспоминаній! Но кто изъ васъ не знаетъ, что дѣйствіе всегда краснорѣчивѣе разказа о немъ, и что великихъ историковъ рождаютъ великіе люди, и поэтому они рѣже встрѣчаются, чѣмъ герои!

	стр.
Предисловіе	5
Вступленіе Виконта де-Вогюэ	7
Война съ Россіей	17
La Moskowa. Бородино	19
Москва	47
Малоярославецъ	86
Вязьма	107
Красное. Маршалъ Ней считается погибшимъ	133
Березина	172
Армія безъ Наполеона	201

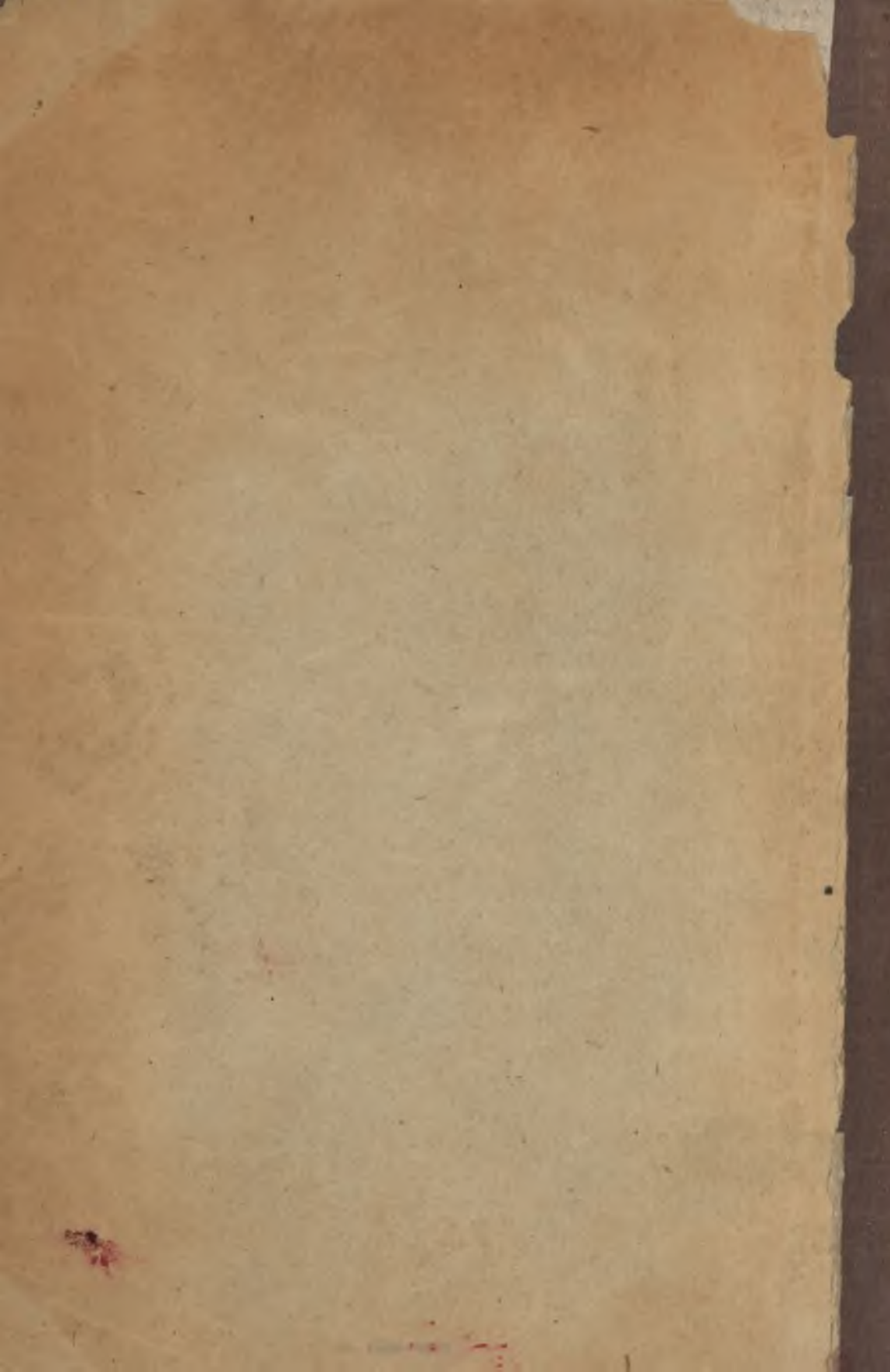
ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 927052

арміи и заранѣе предусмотрѣть всѣ особенности данной мѣстности, такъ, чтобы по возможности избѣжать непредвидѣнныхъ случаевъ.

Прежде, чѣмъ начать ужасную борьбу, два противника-колосса внимательно наблюдали другъ друга, какъ будто взглядомъ хотѣли измѣрить свои силы и въ тишинѣ готовились къ страшному столкновению.

Императоръ, не сомнѣваясь болѣе въ томъ, что предстоитъ битва, вернулся въ свою палатку для отдачи приказаній. Тутъ ему представилась вся серьезность его положенія. Онъ видалъ передъ тѣмъ два равныхъ войска, приблизительно по ста двадцати тысячъ человѣкъ и шестисотъ орудій съ каждой стороны; русскіе пользовались преимуществомъ мѣстоположенія, ихъ объединяли единство языка націи, единство военного мундира, они сражались во имя одной идеи, но у нихъ въ арміи было много вновь набранныхъ рекрутовъ и ополченцевъ, не обученныхъ военному строю; у французовъ было то же число людей, но больше опытныхъ солдатъ; Императору только что дали отчетъ о состояніи его войска и такъ какъ въ данномъ случаѣ вопросъ касался не параднаго смотра и раздачи наградъ, а предстоящей битвы, но на этотъ разъ количество силъ не было преувеличено и ясно предстало передъ его глазами. Правда, его армія уменьшилась въ числѣ, но солдаты были бодры и закалены, подобно тому, какъ человѣческое тѣло, утративъ нѣжную округлость юности, пріобрѣтаетъ въ позднѣйшее время формы, болѣе опредѣленные и мужественныя.

Тѣмъ не менѣе въ теченіе многихъ дней Наполеонъ замѣчалъ, что солдаты хранятъ молчаніе, то молчаніе, которое предшествуетъ великому ожиданію или великой неожиданности; молчаніе, которое наблюдается въ природѣ передъ большой бурей и которое охватываетъ толпу передъ большой опасностью.

Онъ чувствовалъ, что войску необходимъ отдыхъ, какой бы то ни было, и оно можетъ найти его или въ смерти, или въ побѣдѣ, ибо Наполеонъ самъ довель его до неотступной потребности побѣдить и необходимо было добиться триумфа той или иной цѣною. Императору было извѣстно то отчаянное положеніе, въ которое онъ поставилъ свою армію, но онъ зналъ, что подобныя ошибки французы прощаютъ всего охотнѣе, что они не сомнѣваются ни въ себѣ, ни въ немъ и въ конечномъ результатѣ, каковы бы ни были отдѣльныя несчастія.

Въ серединѣ этого дня Наполеонъ замѣтилъ во враждебномъ лагерѣ необычайное движеніе; дѣйствительно, вся русская армія стояла

но на сей разъ это было тяжелое спокойствіе. Это была лѣнивая мягкость, лишенная всякой энергіи. Нѣкоторые видѣли въ этомъ упадокъ, обычно наступающій послѣ сильныхъ переживаній, другіе же воображали, что ему все наскучило, даже тревоги битвы. Многіе замѣтили, что это спокойное постоянство, это хладнокровіе великихъ людей, проявляемое ими въ минуты великихъ событій, обращаются съ годами въ флегматичность и въ тяжесть, когда возрастъ истощаетъ ихъ силы. Самые преданные приписывали его неподвижность необходимости не передвигаться въ то время, когда приходится отдавать распоряженія на большомъ пространствѣ, для того чтобы давать возможность всѣмъ извѣстіямъ стекаться къ одному мѣсту. Наконецъ, были и такіе, которые отнесли къ этому болѣе благоразумно и указывали на его ослабѣвшее здоровье, скрытую болѣзнь и возникающее развитіе серьезнаго недуга.

Артиллерійскіе генералы, которые тоже удивлялись своему бездѣйствію, стремительно воспользовались даннымъ имъ разрѣшеніемъ вступить въ бой. Восемьдесятъ орудій одновременно появились и загромѣли на холмахъ. Русская кавалерія первая разбилась объ эту линію пушекъ; за ней послѣдовала пѣхота. Она подвигалась сплоченными рядами, врываясь въ которыя наши ядра производили страшныя опустошенія, и, тѣмъ не менѣе, эти ряды все приближались и приближались, до тѣхъ поръ пока французскія батареи не разбили ихъ усиленными залпами картечи. Цѣлые взводы падали заразъ; было видно, какъ солдаты пробовали сплотиться подъ этимъ ужаснымъ огнемъ. Каждую минуту смерть раздвигала ряды, но они снова сдвигались по трупамъ, какъ бы попирая и самую смерть своими ногами.

Наконецъ, они остановились, неимѣя мужества подвигаться дальше; случилось ли это потому, что они какъ бы окаменѣли, охваченные ужасомъ среди этого великаго разрушенія, или оттого, что ихъ генералы, не обладшіе искусствомъ Наполеона, разомъ и въ полномъ порядкѣ передвигать огромные отряды, упустили моментъ замѣстить раненаго Багратіона. Итакъ, эти безпомощныя массы допускали избивать себя въ теченіе двухъ часовъ, выражая свое сопротивленіе одной лишь смертью. Нашимъ глазамъ представилась страшная картина избіенія, и вся мыслящая часть нашихъ артиллеристовъ съ восхищеніемъ взирала на непоколебимую слѣпую и покорную отвагу своего непріятеля.

Побѣдители первые почувствовали утомленіе. Продолжительность этой артиллерійской схватки вывела ихъ изъ терпѣнія. Ихъ боевые припасы приходили къ концу.

Тогда же Мюратъ прогналъ русскій арьергардъ до Можайска. Послѣ отступленія русскихъ дорога опустѣла; не осталось не только ни одного человѣка, но ни одной повозки, даже ни одного клочка одежды.

Всѣ ихъ убитые были преданы землѣ, такъ какъ этотъ народъ питаетъ религіозное уваженіе къ покойникамъ.

Мюратъ, подступивъ къ Можайску, вообразилъ, что этотъ городъ въ его власти, и послалъ пригласить Императора расположиться въ немъ на ночлегъ, но оказалось, что русскій арьергардъ укрѣпился у стѣнъ этого города, за которыми на возвышеніи размѣстилось все остальное войско. Такимъ образомъ они закрывали дороги въ Москву и Калугу.

Русскіе имѣли видъ твердый и внушительный, какъ и передъ битвой; Мюратъ же со свойственнымъ ему безстрашіемъ захотѣлъ броситься на нихъ.

Эта битва зашла такъ далеко, что потери, понесенныя нами наканунѣ, еще увеличились: Бельяръ былъ раненъ. Этотъ генераль, потеря котораго была очень чувствительна для Мюрата, передъ тѣмъ изслѣдовалъ лѣвую позицію непріятеля и убѣдился, что съ этой стороны его легче всего атаковать, но Мюратъ, не считаясь съ этимъ, стремился дѣлать натискъ на первые попавшіеся отряды.

Императоръ прибылъ на мѣсто сраженія лишь къ ночи съ недостаточнымъ количествомъ подкрѣпленія. Онъ направлялся къ Можайску, подвигаясь еще медленнѣе, чѣмъ наканунѣ, и былъ такъ поглощенъ самимъ собой, что, казалось, не слыхалъ ни шума битвы, ни свиста ядеръ, почти долетавшихъ до него.

Кто-то остановилъ его, указавъ на арьергардъ непріятеля, находившійся между нимъ и городомъ, за которымъ мелькали огни пятидесятитысячной русской арміи. Это зрѣлище говорило о недостаточности побѣды Императора и о томъ, что непріятель не упалъ духомъ, но и къ этому онъ, видимо, отнесся равнодушно: онъ съ усталымъ видомъ выслушалъ рапортъ, предоставилъ распоряжаться другимъ и затѣмъ отправился ночевать въ ближайшую деревню, расположенную отъ непріятеля менѣе чѣмъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла.

Его сразила русская осень! Не будь этого, можетъ быть, вся Россія покорилась бы нашему оружію на поляхъ Москвы-рѣки. Преждевременная суровость этого времени года какъ будто нарочно пришла на помощь странѣ. Это случилось 6-го сентября, какъ разъ наканунѣ великаго сраженія: ураганъ возвѣстилъ роковое приближеніе осени и ледянымъ холодомъ охватилъ Наполеона.

9-го сентября мы увидѣли Можайскъ, покинутый непріателемъ, потому что арьергардъ изъ города передвинулся на тѣ высоты, гдѣ на-

канунѣ была расположена русская армія. Наши проникли въ городъ: одни проходили черезъ него, слѣдуя за непріателемъ, другіе искали тамъ пріюта и добычи, но эти послѣдніе не находили ни жителей ни припасовъ; имъ попадались лишь покойники, которыхъ приходилось выбрасывать, чтобы очистить для себя жилища, да умирающіе, которыхъ сносили въ одно мѣсто. Ихъ находили повсюду и въ такомъ большомъ количествѣ, что вѣроятно поэтому русскіе, отступая, не рѣшились поджечь домовъ. Но ихъ состраданіе, которое не всегда проявлялось въ подобныхъ случаяхъ, и теперь не было доведено до конца: они при первомъ появленіи французовъ стали стрѣлять гранатами, отъ разрыва которыхъ воспламѣнили деревянные постройки города, а вмѣстѣ съ ними сгорѣла и часть несчастныхъ раненыхъ, которыхъ они здѣсь покинули.

Пока наши пробовали ихъ спасать, пятьдесятъ человекъ 33-го летучаго отряда стали взбираться на холмы, высоты которыхъ занимали артиллерія и кавалерія непріателя.

Французская армія, еще продолжавшая стоять подъ стѣнами Можайска, съ удивленіемъ смотрѣла на эту разсыпанную горсточку людей, которая съ открытаго откоса тревожила своими выстрѣлами тысячи русскихъ кавалеристовъ. И вдругъ случилось то, что мы предвидѣли. Нѣсколько непріятельскихъ эскадроновъ отдѣлились, и не прошло и минуты, какъ они окружили этихъ смѣльчаковъ, которые стремительно сгучились и стали отстрѣливаться со всѣхъ сторонъ; но ихъ была такая ничтожная горсточка посреди обширной долины и большого количества всадниковъ, что они быстро исчезли изъ нашихъ глазъ.

Единодушный крикъ сожалѣнія пронесся по всѣмъ рядамъ нашей арміи. Каждый изъ нашихъ солдатъ, вытянувъ шею и устремивъ глаза, слѣдилъ за движеніями непріателя и старался угадать судьбу своихъ товарищей по оружію. Нѣкоторыхъ повергала въ досаду отдаленность разстоянія и они просили позволенія двинуться, другіе инстинктивно заряжали ружья или угрожающе хватились за штыки, какъ будто они были въ состояніи этимъ притти на помощь. Ихъ взгляды то оживлялись, какъ во время битвы, то меркли, точно послѣ пораженія. Иные давали совѣты и ободряли, забывая, что тѣ не могутъ ихъ услышать.

Клубы дыма, поднимавшіеся среди этой чернѣющей массы лошадей, продолжили неизвѣстность. Раздался крикъ, что наши еще стрѣляютъ, еще продолжаютъ защищаться и что еще не все потеряно.

Въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ русскихъ военачальниковъ былъ убитъ офицеромъ, командовавшимъ нашими стрѣлками: на предложе-

справедливо называемая русскими поэтами златоглавою Москвой (Moscou aux coupoles dorées), представляла собой обширную и живописную груды, состоящую из двухсот девяносто пяти церквей и полутараста дворцовъ, окруженных садами и службами. Эти кирпичные дворцы съ ихъ парками, чередующіеся съ хорошенькими деревянными домиками и даже лачугами, были разсыпаны по холмистой мѣстности на площади въ нѣсколько квадратныхъ лье. Эти постройки группировались около высокой трехугольной крѣпости, окруженной двойной стѣной; одна изъ стѣнъ окаймляла нѣсколько дворцовъ и церквей и каменистыя пустыри, другая—обширную базарную площадь, торговую часть города, гдѣ блистали богатства всѣхъ четырехъ частей свѣта.

Всѣ эти постройки, дворцы, вплоть до маленькихъ лавчонокъ, были крыты гладкимъ крашенымъ желѣзомъ. Церкви, изъ которыхъ каждая заканчивалась площадкой и нѣсколькими колокольнями увѣнчанными золотыми куполами съ возвышавшимся надъ ними полумѣсяцемъ и, наконецъ, крестомъ—напоминали исторію этого народа: то была Азія съ ея религіей, сначала торжествующей, затѣмъ свергнутой, когда надъ полумѣсяцемъ Магомета восторжествовалъ крестъ Христа.

Отъ одного солнечнаго луча этотъ великолѣпный городъ сверкалъ тысячью переливающихся цвѣтовъ. При видѣ его, путешественникъ, точно зачарованный, останавливался въ ослѣпленіи. Москва напоминала ему тѣ сказки восточныхъ поэтовъ, которыми онъ развлекался [въ дѣтствѣ].

Проникая внутрь и наблюдая вблизи этотъ городъ, путешественникъ испытывалъ еще большее изумленіе. Онъ встрѣчалъ у аристократіи нравы, обычаи, различные языки современной Европы, [видѣлъ утонченную роскошь ихъ одеждъ, пораженный смотрѣлъ на азіатскій покррой пышныхъ одѣяній купцовъ, на греческіе костюмы простонародья, на ихъ длинные бороды. Внутренность жилищъ поражала тѣмъ же разнообразіемъ и все это, вмѣстѣ взятое, носило характерный и порою грубоватый отпечатокъ Московіи.

Тамъ жили семьи знатнѣйшей аристократіи въ кругу своихъ близкихъ и какъ бы независимо отъ двора. То были скорѣе граждане, нежели царедворцы. Поэтому ихъ цари съ неудовольствіемъ посѣщали это хранилище славы и средоточіе торговли, неохотно появлялись въ городѣ дворянъ, которые въ силу своего происхожденія, своей знатности, мало зависѣли отъ правительства, принужденнаго все же съ нимъ считаться.

далъ пламени прекраснѣйшей и богатѣйшей изъ своихъ дворцовъ и сохранилъ гордость, спокойствіе и сознаніе исполненнаго долга ¹⁾ посреди недовольства вызваннаго этимъ разрушеніемъ.

Во время этого страшнаго кризиса Ростопчинъ опасался двухъ исходовъ: во-первыхъ, позорнаго мира, насильно продиктованнаго въ Москвѣ его Императору, во-вторыхъ, политическаго переворота, могущаго произойти подъ вліяніемъ непріятели и казавшагося ему страшнѣе самой войны; онъ боялся революціи, больше чѣмъ завоеванія.

Ростопчинъ не хотѣлъ перемирія, ибо предвидѣлъ, что въ этой многолюдной столицѣ, къ голосу которой прислушивалась вся Россія, Наполеонъ не преминетъ прибѣгнуть къ революціонной пропагандѣ, какъ съ единственному средству, при помощи котораго онъ сможетъ довести дѣло до конца. И для этого губернаторъ рѣшилъ, воздвигнувъ огненную преграду между великимъ полководцемъ и Россіей, не допустить тѣмъ самымъ никакихъ послабленій откуда бы они ни исходили: будь то со стороны ли трона, или русскаго дворянства и сановниковъ; главнымъ же образомъ онъ опасался сближенія между поработеннымъ народомъ и солдатами, принадлежавшими къ свободной націи; а также вліянія этихъ послѣднихъ на многочисленныя массы ремесленниковъ и купцовъ, которые составляли въ Москвѣ нѣчто подобное тому третьему сословію, произведшему во Франціи революцію.

Молчаніе Александра оставляетъ насъ въ неизвѣстности по поводу того, отрицательно или положительно отнесся онъ къ великому рѣшенію Ростопчина. Для русскихъ до сихъ поръ остается въ тайнѣ вопросъ о его участіи въ этой катастрофѣ—подчиненные деспотическому давленію они ничего не знаютъ или хранятъ молчаніе.

За двѣ недѣли до нашего вторженія были вывезены всѣ казенныя деньги, имущества и архивы, выѣхало дворянство и крупное купечество, захвативъ съ собою самыя цѣнныя вещи, и этимъ былъ какъ бы данъ примѣръ и остальнымъ жителямъ. Губернаторъ изо дня въ день съ возрастающимъ нетерпѣніемъ ждалъ опустѣнія столицы и наблюдалъ за выселеніемъ жителей.

3-го сентября одна французенка, рискуя быть избитой ожесточенными мужиками, рѣшилась выйти изъ своего убѣжища. Она долго блуждала по опустѣлымъ, кварталамъ удивляясь окружающему без-

1) Здѣсь Сегюръ имѣетъ въ виду Ростопчина. Послѣдній фактъ сожженія имъ Москвы отрицалъ. Вообще здѣсь французы желаютъ всю вину сложить на русскихъ, русскіе же едва ли могутъ приписать себѣ эту „честь“.

«Чтобы я благословилъ измѣнника!» воскликнулъ въ гнѣвѣ русскій и, повернувшись къ сыну, ужаснымъ голосомъ и угрожающимъ движеніемъ онъ проклялъ его ¹⁾.

Это было сигналомъ къ казни преступника. Однимъ неловкимъ ударомъ сабли онъ былъ свергнутъ на землю. Но упалъ раненый и, быть можетъ, прибытіе французовъ спасло бы его, если бы народъ не замѣтилъ, что онъ еще живъ. Дикая ярость охватила этихъ изуверовъ и, бросившись на несчастнаго, они разорвали его на клочки.

Французъ въ это время стоялъ, окованный отъ ужаса. Ростопчинъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Ты, какъ французъ, долженъ желать прибытія французовъ! Я освобождаю тебя, но скажи своимъ, что въ Россіи былъ только одинъ измѣнникъ и онъ наказанъ!» Затѣмъ, обратившись къ окружавшимъ его негодьямъ, онъ назвалъ ихъ сынами Россіи и предложилъ имъ служеніемъ родинѣ искупить свою вину. Наконецъ, послѣднимъ онъ покинулъ этотъ несчастный городъ и присоединился къ русской арміи.

Съ этой минуты великая Москва не принадлежала ни русскимъ, ни французамъ, но лишь этой грязной шайкѣ, яростью которой управляло нѣсколько полицейскихъ офицеровъ и солдатъ. Эти бездѣльники были организованы, каждому было опредѣлено его мѣсто и они разсѣялись по всему городу, чтобы грабить; опустошеніе и пожаръ вспыхнули одновременно повсюду.

14 сентября въ нѣсколькихъ лье отъ Москвы Наполеонъ сѣлъ на лошадь. Онъ подвигался медленно, осторожно, заставляя осматривать впереди себя всѣ лѣса и овраги, взбираться на вершины холмовъ, чтобы открыть непріятельскую армію. Ожидали битвы, потому что мѣстность была для этого подходяща и даже были замѣтны слѣды начатыхъ окоповъ, но все было брошено и не встрѣчалось никакихъ препятствій. Наконецъ, оставалось миновать послѣднюю возвышенность, которая прикасается къ самой Москвѣ, возвышаясь надъ нею— это Поклонная гора. Она называется такъ потому, что, достигнувъ ея вершины, жители при видѣ святого города крестятся и падаютъ ницъ. Вскорѣ наши развѣдчики заняли ее. Было два часа, и освѣщенный солнцемъ городъ переливалъ тысячью оттѣнковъ. При видѣ этого зрѣлища изумленные французы остановились, восклицая: «Москва! Москва!» Тутъ всѣ сбѣжали въ торопливомъ безпорядкѣ и цѣлая армія, хлопая въ ладоши, повторяла съ восторгомъ: «Москва! Мо-

¹⁾ Возмутительное дѣло Верещагина.

погубятъ Наполеона въ этой катастрофѣ, что гибель этого человѣка равноцѣнна гибели ихъ столицы и что для этого стоитъ пожертвовать всей Москвой, быть можетъ они предполагали, что небо, даруя имъ такую великую побѣду, потребуетъ столь же великой жертвы и что, наконецъ, для такого громаднаго колосса нуженъ такой же громадный костеръ?

Неизвѣстно, таковы ли были намѣренія русскихъ, но счастливая звѣзда Императора помѣшала ихъ исполненію. Въ самомъ дѣлѣ, въ Кремлѣ былъ цѣлый складъ пороха, о которомъ мы не подозрѣвали, и кромѣ того въ ту же ночь сонная и беспорядочно разставленная стража пропустила въ эту крѣпость цѣлый артиллерійскій паркъ, который расположился подъ окнами Наполеона.

Лучшая часть арміи и самъ Императоръ погибли, если бы хотя одна изъ головешекъ, летавшихъ надъ нашими головами, упала на какой-нибудь изъ пороховыхъ ящиковъ. Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ судьба всей арміи зависѣла отъ ничтожныхъ искръ, носившихся въ пространствѣ. Наконецъ наступилъ день и его хмурое ненастье, слившись съ этимъ ужасомъ, заставило его померкнуть. Большинству казалось, что причиной пожара были пьянство и разнузданность нашихъ солдатъ, а что сильный вѣтеръ лишь раздулъ пламя. Мы сами смотрѣли другъ на друга съ какимъ-то отвращеніемъ. Намъ пугаль тотъ крикъ ужаса, который долженъ раздасться по всей Европѣ. Мы приближались другъ къ другу, боясь поднять глаза, подавленные этой страшной катастрофой: она порочила нашу славу, грозила нашему существованію въ настоящемъ и въ будущемъ; отнынѣ мы становились арміей преступниковъ, которыхъ осудитъ небо и весь цивилизованный міръ. Мы разставались съ этими мрачными мыслями и забывали о нашей ярости къ поджигателямъ лишь въ тѣ минуты, когда жадно разспрашивали о тѣхъ извѣстіяхъ, судя по которымъ русскіе являлись единственными виновниками бѣдствія.

Въ самомъ дѣлѣ, свѣдѣнія, приносимыя съѣзжавшимися со всѣхъ сторонъ офицерами, совпадали между собой. Въ первую же ночь, съ 14-го на 15-е огненный шаръ спустился надъ дворцомъ князя Трубецкаго и поджегъ это строеніе — что послужило сигналомъ. Тотчасъ же была подожжена и Биржа, при чемъ было замѣчено, какъ солдаты русской полиціи помогали пожару при помощи смоляныхъ копьевъ. Затѣмъ взорвались предательски заложенные въ печи многихъ домовъ гранаты, ранившія солдатъ, которые толпились вокругъ этихъ строеній. Тогда наши удалились въ уцѣлѣвшіе кварталы за поисками новыхъ жилищъ, но, прежде чѣмъ войти въ эти запертые и покинутые дома,

ній и для того, чтобы не терять сообщенія съ Тормасовымъ и Чичаговымъ онъ принужденъ былъ покинуть Москву, покинутую жителями, ибо посюду лишь народъ составляютъ душу государства, а гдѣ русскій народъ — тамъ Москва, тамъ вся Россія!

Тѣмъ не менѣе, удрученный горемъ, онъ призналъ, что эта рана глубока и неизгладима, но потомъ опять воспрянулъ духомъ и сказалъ, что потеря Москвы есть потеря лишь одного города имперіи, частичная жертва для спасенія всей страны. Кутузовъ добавилъ, что, расположившись по всей линіи противъ непріятеля, онъ своими отрядами загораживаетъ ему путь и такимъ образомъ, имѣя возможность слѣдить за всѣми движеніями французовъ и препятствуя имъ получать провіантъ, онъ въ то же самое время пополняетъ свою армію, и прибавилъ, что «16 сентября Наполеонъ будетъ принужденъ покинуть на свое горе завоеванную Москву!»

Говорятъ, что Александръ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ.

Наполеонъ надѣялся на податливость своего противника, и сами русскіе боялись того же. Но царь обманулъ надежды однихъ и разсѣялъ опасенія другихъ. Въ своихъ рѣчахъ онъ выказалъ величіе, равное своему горю, достойное своего несчастья. Обращаясь къ своему народу, онъ восклицалъ: «Не нужно ребяческаго унынія! Поклянемся удвоить мужество и настойчивость! Непріятель въ опустѣлой Москвѣ, какъ въ могилѣ, и не только не имѣетъ силы властвовать, но лишень средствъ къ существованію! Вступивъ въ Россію съ тремястами тысячъ людей всѣхъ народностей, не соединенныхъ ни національнымъ, ни религіознымъ единствомъ, онъ потерялъ больше половины изъ нихъ, благодаря битвамъ, голоду и дезертирству; въ Москвѣ онъ нашелъ лишь однѣ развалины; онъ проникъ въ центръ Россіи, но ни одинъ изъ русскихъ не покорился ему! А между тѣмъ наши силы возрастаютъ и окружаютъ непріятеля, который очутился среди могущественнаго народа, оцѣпляемый и подстерегаемый войсками. Скоро придется ему, спасаясь отъ голода, бѣжать черезъ сомкнутые ряды нашихъ безстрашныхъ солдатъ.

Неужели же мы отступимъ, когда ободряющіе взоры всей Европы устремлены на насъ? Покажемъ ей примѣръ и склонимся передъ де-сницей, избравшей насъ изъ всѣхъ народовъ на защиту добродѣтели и свободы!» Онъ закончилъ воззваніемъ къ Всемогущему.

Русскіе различно толкуютъ о своемъ полководцѣ и своемъ Императорѣ. Мы же, какъ враги, можемъ судить о нашихъ врагахъ лишь по ихъ дѣйствіямъ. Каковы бы ни были ихъ слова, но они согласовались съ поступками. Товарищи, воздадимъ имъ должное! Они все при-

терзалъ его, такъ какъ тутъ дѣло шло уже не о побѣдѣ, а о само-сохраненіи, и онъ торопилъ Даву, слѣдовавшаго за нимъ, но этотъ маршалъ прибылъ на поле битвы лишь съ наступленіемъ ночи, когда пальба ослабѣвала, когда все уже было рѣшено.

Императоръ видѣлъ конецъ сраженія, но не имѣлъ возможности помочь вице-королю. Шайка тверскихъ казаковъ чуть было не захватила вблизи Наполеона одного изъ его офицеровъ.

Ночью пріѣхалъ генераль, присланный принцемъ Евгеніемъ и все объяснилъ: «Вчера Дельзонъ не встрѣтилъ непріятеля въ Малоярославцѣ, но онъ не счелъ возможнымъ расположить всю свою дивизію въ этомъ городѣ, стоящемъ на возвышенности, за рѣкой, за оврагомъ, въ который легко можно было при неожиданномъ ночномъ нападении опрокинуть все войско. Поэтому онъ остался на низкомъ берегу Лужи и поручилъ всего лишь двумъ батальонамъ занять городъ и слѣдить за высокимъ берегомъ. Ночь приближалась къ концу; было четыре часа; за исключеніемъ нѣсколькихъ часовыхъ все спало въ бивуакахъ Дельзона, какъ вдругъ русскіе подъ предводительствомъ Дохтурова съ ужасными криками выскочили изъ лѣсу. Смятеніе охватило часовыхъ и распространилось на всю дивизію. Это уже была не рукопашная, а артиллерійская пальба. Съ самаго начала атаки грохотъ орудій раздавался на три лье, оповѣстивъ вице-короля о серьезномъ сраженіи».

Въ заключеніе въ этомъ рапортѣ было прибавлено, что тутъ подоспѣлъ принцъ Евгенийъ съ нѣсколькими офицерами, его дивизія и гвардія слѣдовали за нимъ. По мѣрѣ его приближенія передъ нимъ открывалось обширное поле сраженія, расположенное на возвышенности; у ея подножья протекала Лужа, берега которой отбивали отряды русскихъ стрѣлковъ.

Позади ихъ съ высотъ города русской авангардъ обстрѣливалъ Дельзона, а дальше по высокому берегу стремительно приближалась вся армія Кутузова двумя длинными чернѣющими колоннами. Ихъ ряды, то развертываясь, то смыкаясь, подымались къ городу по обнаженному спуску, достигнувъ котораго они заняли прочную позицію, давшую этому многочисленному войску всѣ преимущества. И уже русскіе начали загоразивать старую калужскую дорогу, которая еще вчера была свободна и которую мы могли бы занять; но отнынѣ Кутузовъ будетъ отстаивать ее шагъ за шагомъ.

Въ то же самое время непріятельская артиллерія воспользовалась высотами, примыкавшими къ рѣкѣ, и ея выстрѣлы попадали на дно того оврага, гдѣ скрывались отряды Дельзона. Положеніе было невы-

Послѣ битвы, данной 18-го августа маршаломъ Сень-Сиромъ, этотъ полководецъ остался на русскомъ берегу Двины, захвативъ Полоцкъ и имѣя въ свое распоряженіе укрѣпленіе, расположенное за стѣнами города. 19 октября раненому Сень-Сиру пришлось отступить къ Смоленску послѣ трехдневнаго отважнаго сраженія, во время котораго четырнадцать тысячъ французовъ, защищаясь отъ пятидесяти тысячъ русскихъ подъ предводительствомъ Виттгенштейна и Штейнгеля, убили и ранили десять тысячъ русскихъ и шесть генераловъ.

Съ одной стороны Полоцкъ, Двина, Витебскъ были у насъ отняты; кромѣ того, Виттгенштейнъ находился въ разстояніи четырехдневнаго перехода отъ Борисова. А съ другой стороны поражение Барагэ д'Иллье и взятіе въ плѣнъ бригады Ожеро очистили Кутузову дорогу на Ельню, по которой этотъ генераль могъ раньше насъ прибыть въ Красное, точно такъ же какъ прежде—въ Вязьму. Позади, силы принца Евгенія были истощены переправой черезъ Воль. Въ то же время Шварценбергъ, находившійся на разстояніи ста льё передъ нами, извѣстилъ Императора, что онъ удаляется къ Варшавѣ, что значило, что онъ недалеко отъ Минска, Борисова, гдѣ находились продовольственные склады. Австрійскій Императоръ, казалось, предоставилъ своего зятя русскимъ.

далъ Наполеону Борисовъ и занялъ съ остатками своего корпуса свой постъ въ Студянкѣ. Двигались въ глубокой темнотѣ, безшумно, сохраняя самое глубокое молчаніе.

Въ восемь часовъ вечера Удино и Домбровскій укрѣпились на высотахъ, господствовавшихъ надъ бродомъ въ то самое время, когда Эблэ спускался къ нему. Этотъ генералъ расположился на берегу рѣки со своими понтонерами и полнымъ ящикомъ брошенныхъ колесныхъ ободовъ, которые онъ, кое-какъ, перековалъ въ скрѣпы. Онъ все принесъ въ жертву, чтобы сохранить эту слабую помощь; она спасла армію.

На исходѣ этой ночи, съ 25-го на 26-ое, онъ вбилъ первую сваю въ топкое дно рѣки. Но для полноты несчастья паводокъ уничтожилъ бродъ. Потребовались неслыханныя усилія для того, чтобы наши несчастные понтонеры, въ водѣ по самый ротъ, могли бороться со льдинами, которыя наносило теченіе. Нѣкоторые изъ этихъ понтонеровъ погибли отъ холода или затопленные льдинами, которыя гналъ сильный вѣтеръ.

Имъ надо было побѣдить все, не считая непріятеля. Холодъ былъ ровно настолько силенъ, чтобы сдѣлать наиболѣе трудной переправу черезъ рѣку, но не настолько, чтобы сковать ее теченіе и утвердить такимъ образомъ движущуюся поверхность, по которой мы должны были перебраться. При такихъ условіяхъ зима оказалась для насъ большимъ врагомъ, чѣмъ сами русскіе. Эти послѣдніе не сумѣли воспользоваться временемъ года, которое имъ благопріятствовало.

Французы работали цѣлую ночь при свѣтѣ непріятельскихъ огней, которые мерцали на высотахъ противоположнаго берега, на разстояніи пушечнаго или ружейнаго выстрѣла отъ дивизіи Чаплица. Этотъ послѣдній, не имѣя возможности сомнѣваться долѣе въ нашихъ намѣреніяхъ, послалъ предупредить о нихъ своего главнаго генерала.

Появленіе цѣлой непріятельской дивизіи отнимало всякую надежду обмануть русскаго адмирала. Каждую минуту ждали, что раздастся грохотъ всей артиллеріи, направленной на нашихъ рабочихъ; и когда уже дневной свѣтъ выдалъ наши работы, трудъ не былъ достаточно близокъ къ концу, и надъ противоположнымъ берегомъ, низкимъ и болотистымъ, слишкомъ явно господствовалъ расположившійся тамъ Чаплицъ. Переправа черезъ рѣку силой была, такимъ образомъ, невозможна.

Поэтому Наполеонъ, выйдя изъ Борисова въ 10 часовъ вечера, долженъ былъ думать, что онъ отправляется въ безнадежное предпріятіе. Онъ расположился со своими 6400 солдатами гвардіи, которые у него

оставались, въ Старомъ Борисовѣ, въ замкѣ, принадлежавшемъ князю Радзивиллу, стоявшемъ направо на пути изъ Борисова въ Студянку, на равномъ разстояніи отъ обоихъ этихъ пунктовъ.

Едва разсѣялась тьма, какъ онъ отправился къ Удино. Увѣренность въ опасности успокоила его, какъ это всегда съ нимъ бывало; но при видѣ русскихъ огней и ихъ расположенія, самые рѣшительные изъ его генераловъ, Раппъ, Мортъе и Ней воскликнули: «Если Императоръ выйдетъ изъ этого опаснаго положенія, то необходимо будетъ повѣрить въ его звѣзду!» Самъ Мюратъ думалъ, что теперь было время заботиться только о томъ, чтобы спасти Наполеона. Поляки предложили ему это.

Императоръ ждалъ дня въ одномъ изъ домовъ, стоявшихъ на берегу рѣки, на одномъ откосѣ, который покрывала артиллерія Удино. Мюратъ проникъ туда и объявилъ своему шурину, «что онъ считаетъ переправу неосуществимой; онъ уговорилъ его спасти себя, пока еще есть время. Онъ ему заявилъ, что онъ можетъ безопасно переправиться черезъ Березину въ нѣсколькихъ льѣ ниже Студянки; что черезъ пять дней онъ будетъ въ Вильнѣ; что поляки, храбрые и преданные, знавшіе всѣ дороги, предлагаютъ себя, чтобы довести его, и отвѣчаютъ за его безопасность».

Но Наполеонъ отклонилъ это предложеніе, какъ позорное средство, какъ трусливое бѣгство, негодуя, что посмѣли думать, что онъ покинетъ свою армію въ опасности. Однако онъ ничуть не разсердился на Мюрата, быть можетъ потому, что этотъ принцъ далъ ему возможность выказать свою рѣшимость или скорѣе потому, что онъ видѣлъ въ его предложеніи только доказательство преданности.

Въ этотъ моментъ при загоравшемся дневномъ свѣтѣ блѣднѣли и исчезали огни русскихъ. Наши солдаты брали свое оружіе, артиллеристы располагались около своихъ орудій, генералы наблюдали, всѣ однимъ словомъ обращали свой взоръ на противоположный берегъ и хранили молчаніе; тишина передъ великими ожиданіями—предвѣстница великой опасности.

Съ вечера каждый ударъ нашихъ понтонеровъ, отдававшійся на этихъ лѣсистыхъ высотахъ, долженъ былъ привлечь все вниманія непріятеля. Первые лучи дня, 26-го, казалось, должны были освѣтить его батальоны и его артиллерію, выстроенные передъ хрупкимъ сооруженіемъ, на которое Эблэ долженъ былъ потратить еще восемь часовъ, чтобы довести постройку до конца. Безъ сомнѣнія, они ждали дневного свѣта, чтобы лучше направлять свои выстрѣлы. День наступилъ. Мы увидали два брошенныхъ костра, пустынный берегъ и, на высотахъ, тридцать удалявшихся пушекъ. Одною ихъ ядра было бы доста-

шили соединить всѣ эти остатки въ Данцигѣ; тамъ были размѣщены 35,000 солдатъ семнадцати различныхъ національностей. Остальное небольшое количество солдатъ должно было начать присоединяться только съ Позена и на Одерѣ.

До сихъ поръ король Неополитанскій не могъ лучше управлять нашимъ отступленіемъ; но въ тотъ моментъ, когда онъ проходилъ черезъ Маріенвердеръ, чтобы направиться въ Позень, одно письмо изъ Неаполя еще разъ перевернуло всѣ его намѣренія. Впечатлѣніе отъ этого письма было у него ужасно; по мѣрѣ того, какъ онъ его читалъ, желчь съ такою быстротою смѣшивалась у него съ кровью, что нѣсколько минутъ спустя его нашли совершенно пожелтѣвшимъ.

Кажется, что какое-то распоряженіе въ управленіи государствомъ, которое позволила себѣ королева, поразило его въ самое больное мѣсто. Совершенно не ревнуя своей жены, несмотря на ея красоту, онъ относился съ дикой ревностью къ ея авторитету и не довѣрялъ ей, какъ королевѣ, какъ сестрѣ Императора.

Эта измѣна разразилась 16-го января, за 23 дня до того, какъ Шварценбергъ отпалъ отъ французской арміи, начальство надъ которой принялъ на себя принцъ Евгенийъ.

Александръ остановилъ движеніе своихъ войскъ у Калиша. Та яростная и неустанная война, которая слѣдовала за нами отъ самой Москвы, затихла. До самой весны происходили только порывистыя, слабыя и отдѣльныя стычки. Казалось, что силы несчастья истощились; но нѣтъ! это только истощились силы сражавшихся! Для насъ готовилась еще большая борьба; и эта остановка военныхъ дѣйствій не была тѣмъ временемъ, которое дается на заключеніе мира; она послужила скорѣе вступленіемъ къ рѣзнѣ!

Послѣ 1500 лѣтъ побѣдъ, революція 4-го вѣка, революція королей и знати противъ народовъ была побѣждена революціей 19-го вѣка, революціей народовъ противъ королей и знати! Наполеонъ родился среди этого смятенія; онъ такъ мощно завладѣлъ имъ, что казалось, что эти великія судороги человечества были только родами, послѣ которыхъ появился на свѣтъ Наполеонъ! Онъ управлялъ революціей, какъ-будто онъ былъ гениемъ этого ужаснаго элемента! Она покорила его голосу.

И однако этотъ великій человѣкъ въ такомъ великомъ дѣлѣ не смогъ покорить природы. Въ мощномъ усиліи взойти на этотъ крутой склонъ силы ему измѣнили. Взобравшись до ледяныхъ областей Европы, онъ былъ сброшенъ съ самой вершины! И этотъ сѣверъ, побѣждавшій югъ въ своихъ наступательныхъ войнахъ, какъ это было въ средніе